

Валентина Нагинская
Пути моей судьбы

Валентина Нагинская

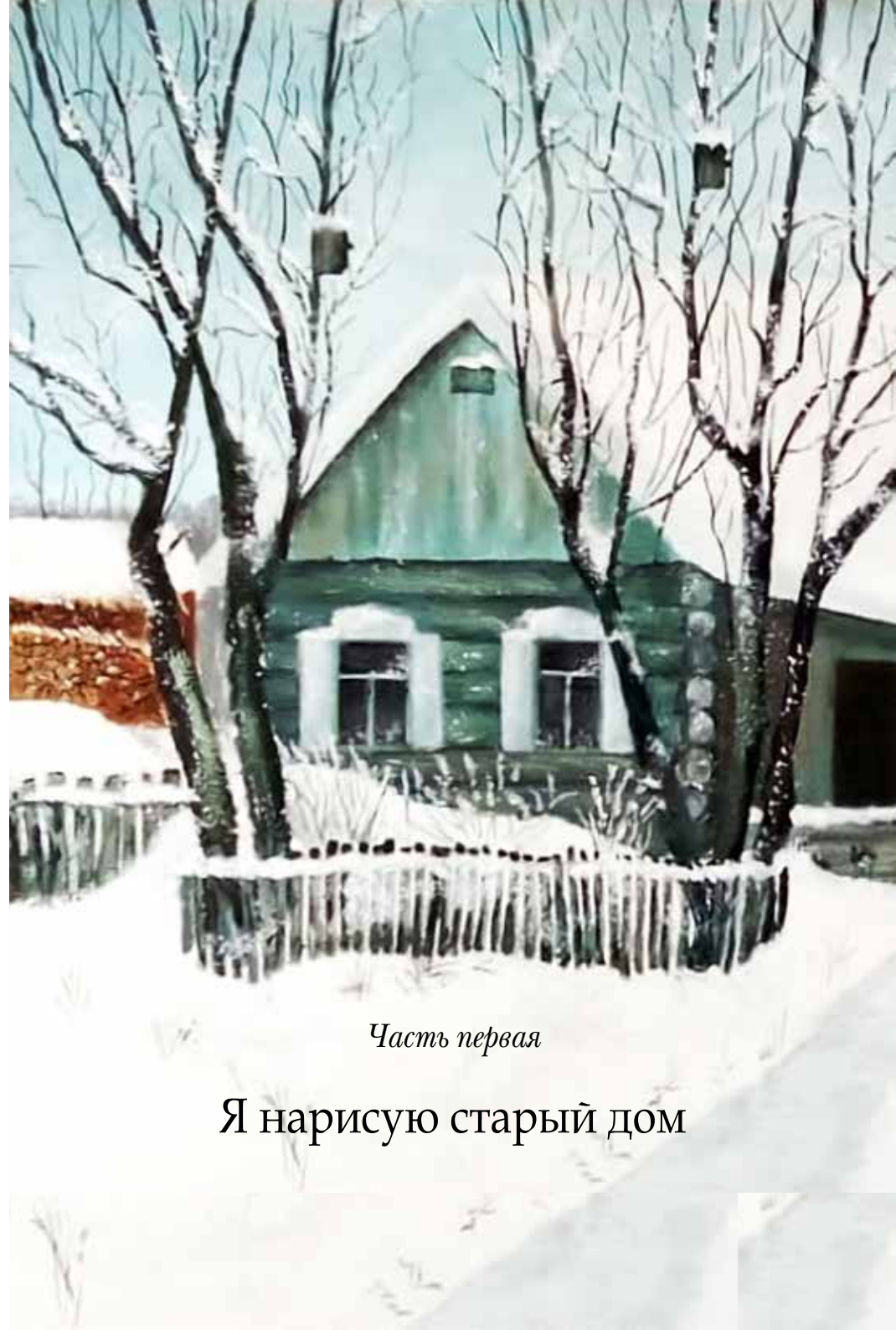
Пути моей судьбы

Иерусалим
Волшебный фонарь
2023

Посвящается моему сыну Михаилу

Благодарю моего любимого мужа Виталия за неизменную поддержку всех моих начинаний. Большое спасибо моим дорогим сёстрам Зое, Галине и Светлане, помогавшим мне собрать материалы о семье и оживившими мой текст своими воспоминаниями.

Очень признательна моим замечательным издателям Владимиру Ерохину и Раисе Гершзон.

Часть первая

Я нарисую старый дом

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — Господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»
И забуду я всё — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слёз не успею ответить,
К милосердным коленям припав.

И. Бунин

Глава первая

Семьи и люди

Родословная

Семья отца, Колесниковы, так же, как и семья матери, Степановы, до 1929 года жили в селе Суслово Мариинского уезда Кемеровской губернии. Семья деда переселилась в Сибирь из Вятской губернии в рамках программы правительства о земледельческой миграции, действовавшей с середины XIX века до 1916 года. По сохранившейся записи:

«Два брата Колесниковы, Степан и Илья, переселились в 1863 году в Сибирь из деревни Починок Вятской губернии. У Степана было два сына: Григорий 19 лет (мой прадедушка) и Кузьма 10 лет. Григорий женился на Чудиновской Анне Сидоровне 17 лет. В 1879 году у них родился сын Никифор», — мой дедушка.

Про детство и юные годы дедушки ничего не известно. Я помню его суровым стариком, замкнутым, немногословным, с увесистой палкой из-за хромоты — следствие болезни тифом и основание инвалидности. Бабушку Анну Васильевну я не помню, она умерла, когда мне было 3 года. В их семье было восемь детей: пять сыновей (Савелий, Василий, Семён, Владимир, Никита) и три дочери (Дарья, Елена,

Дедушка Никифор, Пелагея, Никита, бабушка Анна. 1939 год

Полина). Глава семейства был полновластным хозяином и держал всю семью в большой строгости. Работали, не зная будней и праздников, дней и ночей. По воскресеньям и церковным праздникам вся молодёжь собиралась на сельские гулянки, а грустные парни Колесниковы ехали мимо них на лошади то в поле, то на покос, то в лес на заготовку дров. Сыновья всегда беспрекословно подчинялись отцу, даже будучи взрослыми. Однажды отец вместе с дедушкой и двумя братьями поехали на сенокос. После перерыва на обед дедушке показалось, что они слишком долго отдыхают. Он велел начинать работать, но они продолжали смеяться и дурачиться. Дедушка пытался их унять, но они не слушались. Тогда он снял ремень и замахнулся им на папу, офицера, прошедшего Вторую мировую войну. Тот робко отводил руки отца и только повторял:

— Тятя, тятя, ты чего, мы сейчас.

Судьба людей этого поколения была непростой, многие погибли, были разорены, рассеяны по стране. Не избежала этого и зажиточная по тем меркам семья деда, подвергшаяся раскулачиванию. Отняли дом, хозяйство и всё

Елена, Дарья

имущество, а члены семьи лишились ряда прав, в том числе на образование. Но, как известно, и в трагических событиях могут быть положительные последствия.

Полина, одна из дочерей деда, говорила, что благодарна советской власти за раскулачивание. Не случись этого, тяжело бы работала и сторбилась, таская мешки. А вместо этого жила в центре Киева, заведовала большим гастрономом, была красивая, статная и благополучная. Другим детям повезло

меньше. Моего отца Савелия исключили из Политехнического техникума, как только узнали, что он из семьи кулаков. Он получил профессию бухгалтера и во время Второй мировой войны был отправлен на Восточный фронт, откуда возвратился только в 1946 году. Прошёл всю войну и его брат Василий, только на Западном фронте. Никиту не взяли в армию из-за инвалидности. В возрасте 14 лет он нашёл гранату, она взорвалась и оторвала ему часть кисти правой руки. Но он хорошо писал и чертил левой рукой и смог получить среднее образование. Владимир и Семён во время войны находились в тюремном заключении, оба отбывали десятилетние сроки в сталинских лагерях. Владимир работал на железной дороге, там произошла крупная авария, и он, по существующей тогда практике, попал под массовый арест.

Семён был осуждён за то, что отказался покупать облигации на всю месячную заработную плату. С ним в лагере произошла жуткая история. Семён тяжело заболел, и его, посчитав мёртвым, вынесли в морг. Там он пришёл в себя, с трудом выбрался из-под трупов и начал стучать

Братья Никита, Владимир, Савелий, Семён. 1953 год

в дверь, чем смертельно напугал сторожа. Выжить в лагере Семёну помогла Анна, которая работала на кухне и была вольнонаёмной, после освобождения они поженились. Дедушка Анну недолюбливал, называл «толстозадой купчихой». Не помню этой особенности её фигуры, но один её глаз косил, во рту блестел золотой зуб, и выглядела она лихой бабёнкой. Но нам, детям, она нравилась: была весёлой, смешливой, доброй и делала нам подарки.

Освобождение Семёна из заключения невероятным образом совпало с возвращением моего отца с фронта. Семён разными путями ехал в родные края и добрался на ближайшую к нашему посёлку железнодорожную станцию именно в тот момент, когда туда прибыл и отец. Денег у Семёна не было, и он пошёл в столовую в надежде, что кто-нибудь из шоферов подвезёт его до Маслянино, а возможно, и покормит. Войдя в столовую, он услышал знакомый голос, увидел брата и не поверил своим глазам. Но не подошёл, по его виду было понятно, что он из заключения, и он побоялся скомпрометировать папу, сидящего в компании офицера. И даже после того, как папин попутчик указал на человека, не сводящего с них глаз, отец не сразу его узнал, что неудивительно после долгих лет за-

ключения. Семён был очень остроумным, говорил коротко, ёмко, без расчёта на реакцию окружающих. Впоследствии дом его был необычайно хлебосольным, стол всегда ломился от яств и напитков. Наверное, многолетний голод в лагерях стимулировал делать избыточные запасы.

Без сомнения, в прошлом дедушка был прекрасным хозяином. После раскулачивания он поселился в Маслянине с семьёй сына и руководил всеми домашними работами. Всё в его усадьбе было в образцовом порядке: огород, сад, пасека, баня с копильней, хоздворы. Дедушка был мастером на все руки: для всей большой семьи подшивал валенки, ремонтировал обувь, делал санки и упряжь для лошадей, следил за пасекой, коптил окорока, ездил в поле за сеном и в лес «по дрова». Держать лошадей в личном хозяйстве тогда запрещалось, но у дяди Никиты была возможность попросить лошадь на время для каких-либо крупных перевозок. Лошадь давали обычно в плохую погоду, в сильный мороз с северным низовым ветром и позёмкой. Дедушка возвращался с сеном или дровами весь засыпанный снегом, сбрасывал тулуп, разматывал пояс и шарф, снимал шапку, полушубок, собачьи рукавицы, а потом обдирал сосульки с усов и бороды.

Дедушка любил подшучивать и подсмеиваться, и тогда его лицо сияло от удовольствия и озорства. Вслух он не смеялся, отворачивался, и только плечи тряслись. Шутки были не только словесные. Старшая сестра Зоя вспоминает, как они ехали в мороз с дедушкой и дядей Никитой на лошади. Её столкнули с саней и, завернувшись в тулупы, хохотали, глядя, как она бежит за ними. Деревенские шутки. А однажды, когда сестре Зое не было ещё и трёх лет, дедушка с Семёном ехали куда-то зимой на лошади, разговаривали и забыли про неё, сидящую на сене. Отъехав на значительное расстояние, вспомнили: «А где Зойка?!». Семёну пришлось бежать обратно по снежной дороге и искать пропажу.

Когда дедушка запрягал лошадь, мы долго его просили прокатить нас; наконец, он соглашался. Домработница

Маруся приносила небольшую скамейку и клала её за санками ножками вверх. Дедушка заботливо подкладывал на неё сена для мягкости, старательно «привязывал» её к саням верёвкой и прикрывал сеном. Мы, предвкушая удовольствие, удобно усаживались, Маруся открывала ворота, дедушка кричал коням:

— Но! — сани трогались, верёвка выскальзывала на землю, а скамейка оставалась на месте.

Мы огорчённо вопили, Маруся нас утешала, а через некоторое время всё в точности повторялось... Мы опять верили, что верёвка отвязалась случайно.

Дедушка любил пить чай с кагором, но если его подавали недостаточно горячим, сердился и называл «телячьим поилом». Иногда дедушка болел и лежал. Но как только просил домработницу:

— Маруся, свари-ка ушницу, — все понимали, что дело идёт на поправку.

Рыбу находили, было ли это зимой или летом, и вскоре дедушка вставал. Своё недовольство дедушка выражал, делая коротко и энергично ложный плевок в сторону: «Тьфу!». Чаще всего это о современных порядках, а о модницах говорил: «Фу ты, ну ты, ноги гнуты». Со смаком произносил: «Ядрёная баба». Младшая сестра Галя вспоминает, что даже пыталась узнать, кто эта женщина: по тону деда она понимала, что речь идёт о ком-то, достойном внимания и восхищения.

У дедушки было 18 внуков. 7 внуков жили в селе, трое вместе с ним, а остальные, в том числе и я, в другом доме.

Не помню, чтобы он со мной чем-то занимался или даже серьёзно разговаривал. Он считал меня «виньгушей» (плаксой) и совершенно справедливо, глаза у меня часто были «на мокром месте» и, как правило, по пустякам. Но в более серьёзных ситуациях я не могла плакать тогда и не могу теперь. Его невнимание меня совсем не обижало, я была даже рада этому, потому что побаивалась его. К брату Володе он относился более благосклонно: во-пер-

вых, мальчик, а главное, похож на него и внешностью, и характером, и всеми повадками. Помню их вместе в одинаковых праздничных рубашках тёмно-синего японского шёлка, подпоясанных кушаками.

С внуками, живущими с ним в одном доме, были более близкие отношения. Двоюродная сестра Света вспоминает: зимой в сумерках топится печка, дедушка сидит, прислонившись к ней спиной, дети играют на полу в полутьме, в слабом свете лампы, горящей в другой комнате. Кто-нибудь из них троих подбирается к деду потихонечку, гладит бороду, и вдруг громкое: «Ам!»; смельчак отскакивает, а дедушка улыбается. Шалости при дедушке устраивать боялись, можно было и выволочку получить. Например, за такое чудесное развлечение, как залезть на стоящий в огороде стог и скатиться в снег, растаскивая вокруг себя ключья сена. Не любил он капризы и слёзы. Когда кто-нибудь плакал, дед ворчал:

— Разинул хайло шире банного угла!

Но я не помню, чтобы дедушка кого-либо бил или даже шлёпал, мне точно не попадало.

А вот угощения иногда бывали. Во время откочки мёда дедушка с сеткой на голове колдовал над ульями в саду, а мы, дети, с опаской наблюдали издали с террасы. Потом нас усаживали за стол и выдавали по блюдечку свежего, с сотами, мёда; иногда мы получали и конфеты. Время от времени дедушка ездил к дочери Дарье в Алма-Ату и привозил оттуда яблоки: свежие апорт и сухие для компота. Везти тяжести ему было трудно из-за хромоты, поэтому яблок было немного, и нам выдавали по одному. Они быстро исчезали, а мы начинали мечтать о сказочных краях, где все деревья усыпаны яблоками. Вот мечта и сбылась — яблок сколько хочешь, но, как оказалось, не только в них счастье.

Личных воспоминаний о дедушке со стороны матери Петре Ивановиче у меня нет, он умер до моего рождения, нет ни одной его фотографии, и я не знаю, как он выглядел.

Семейные легенды о нём и его отце — почти вестерн: золото, убийство, грабёж. Известно, что его предок был сослан в Сибирь из южных или западных областей России за то, что ответил ударом на удар помещика. Сколько поколений назад это было, неясно, реальный отсчёт начинается со второй половины XIX века, с прадедушки Ивана. Работал Иван на золотых приисках сезонно. После удачных находок приезжал домой с «большими» деньгами, кутил, поил всю деревню, дарил подарки, покупал всякие ненужные вещи вроде бархатных портянок. Когда всё заработанное тяжким трудом растрачивалось до последней копейки, заканчивался и праздник жизни. Мужики сбрасывались, собирали ему деньги на дорогу, и он отправлялся назад на прииск.

Вероятно во время своих загулов он стал невольным свидетелем убийства. Из рассказов в памяти осталась деталь: раннее туманное летнее утро, Иван стоит на холме и видит происходящее. Во время следствия он поклялся на Библии и дал ложные показания, защищая некоего богатого человека. В чём состояла ложность показаний, точно неизвестно. Согласно первой версии, он утверждал что не видел убийцу, а по второй — видел, но только не подозреваемого, а другого человека. Подозреваемый же был нашим родственником и жил в Анжеро-Судженске. Вероятно, это был брат бабушки Анны, матери моей мамы, он, по имеющимся документам, носил ту же фамилию, что и она в девичестве, и владел лавками. Мама рассказывала, что её часто приглашала к ним в гости, но она не любила к ним ездить, потому что там было много незнакомых и непривычных вещей. Так, однажды она откусила кусочек туалетного мыла, очень уж оно вкусно пахло.

Сын Ивана Пётр тоже работал на золотых приисках. Но, в отличие от отца, был деловым, основательным, имел хорошее хозяйство. Рассказов и подробностей о нём сохранилось немного. Один сохранившийся в памяти эпизод рассказан бабушкой Анной, участницей этого со-

бытия. Они с мужем и четырьмя своими детьми возвращались с приисков на пароходе. Очевидно, что вместе с ними были и другие добытчики, и все везли с собой золото. Во время плавания на пароход напали грабители и под угрозой убить пассажиров и их детей всех ограбили. Даже бывалые люди были напуганы, а тем более дети. Одна из сестёр мамы стала после этого плохо слышать и говорить, другая всю жизнь страдала сильнейшими мигренями, а совсем маленькая мама тяжело заболела. Бабушка боялась, что она умрёт в пути и её выбросят за борт (наверное, была жара и плыли долго).

Тем не менее, какое-то количество золота, спрятанное в одежде бабушки и детей, сохранилось, и в дальнейшем семья не бедствовала. Об этом можно судить хотя бы по тому, что у них была собственная крупорушка и маслобойня. Мама считала, что всё это было куплено на привезённое золото, к тому же она предполагала, что и лжесвидетельство её деда тоже было не бескорыстным. Может быть, для искупления греха своего отца дедушка Пётр много жертвовал на благотворительность. Сохранился именно серебряный знак, которым его наградила за это великая княгиня Елизавета Фёдоровна.

Обе семьи моих родителей подверглась раскулачиванию.

Формально причиной раскулачивания семьи мамы было наличие в доме наёмного работника — молодого парня,

*Наградной знак дедушки Петра.
1902 год*

который был дальним родственником. Дедушка Пётр Иванович к тому времени умер, и бабушка осталась одна с малолетними детьми. В колхоз она не вступила и продолжала выживать, как могла.

Её дочь Елена вспоминала, что однажды они с сестрой возвращались с полевых работ на телеге, запряжённой быками. Быки чего-то испугались и понесли, телега перевернулась, и все оказались в логу. Девочки со слезами бесились пытались вытащить телегу и поднять быков, а мимо проезжали с песнями колхозники, но никто не помог. Наверняка среди них были и те, кто пил на деньги отца этих детей. Дедушка был очень строгим, и бабушка не перечила ему ни единым словом. Так, перед Пасхой приезжали в гости родственники из деревень, чтобы и церковь посетить, и у родных погулять. Они останавливались в семье Петра и проходили в чисто прибранный дом с добела отмытыми и отскобленными полами прямо в грязных сапогах. И бабушка не могла им делать замечаний.

Бабушка запомнилась мне тихой, с красивым правильным лицом и совершенно белыми седыми волосами, заплетёнными в косы. Её смерть была первой, которую я помню. Мы уже жили в городе, а она оставалась в селе, и я редко там бывала. Поэтому большой утраты не чувствовала и воспринимала произошедшее только как страшное явление.

Я избегала смотреть и на лицо умершей, и на гроб, но всё равно видела его боковым зрением — он отражался на блестящей поверхности самовара, когда мы сидели за столом. Слезы полились рекой только на кладбище, когда запели: «Со святыми упокой, Христе, души раб Твоих, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная». С тех пор не могу без слёз и волнения слушать прекрасные, одновременно трагичные и полные надежды слова этого канона.

В период раскулачивания оставшееся золото было передано на хранение дальнему родственнику К. Он его

не возвратил, сославшись на утрату при каких-то чрезвычайных обстоятельствах. Сын этого родственника спустя много лет приезжал к моим родителям с подарками, объяснял обстоятельства пропажи. Но они им не показались убедительными, а только усилили подозрение что золото было просто украдено. Хранить золото и обменивать его на деньги в то время было запрещено. Сохранившееся в семье нескольких золотых рублей лежали в коробочке, недоступной для любопытных детей.

Но глухонемая тётя Пана, жившая тогда с нами, о них знала. Общалась она с нами с помощью невнятных звуков, но мы её хорошо понимали. Кстати, к старости её речь стала почти нормальной.

Пана выполняла разные домашние работы, и только на некоторое время её устроили в артель инвалидов. Ей там нравилось, и сама она кому-то понравилась и получила предложение выйти замуж. Но мать и сёстры посчитали, что ей лучше остаться в семье и не разрешили ей больше работать.

Пана возражала и плакала, и это был, пожалуй, единственный из того времени конфликт, который я помню. Так она и прожила свою жизнь, стараясь максимально участвовать в нашей жизни и быть полезной всем. Если кто-то что-нибудь искал в доме, она немедленно подключалась, всегда знала, где и что лежит, но не всегда знала, что именно ищут.

И однажды, когда она была в доме одна, пришла женщина, собирающая на что-то деньги. В наличии их не было, Пана достала коробочку и отдала золотые монеты, не понимая их ценности. Оставался только один золотой рубль, который в память о муже бабушка носила во внутреннем кармане своей длинной юбки. Иногда она его нам показывала и говорила, что отдаст его брату Володе, когда тот подрастёт. Но и это не получилось, рубль тоже затерялся.

*Папа—
Савелий Никифорович.
1925 год*

1959 год

1968 год

Глава семьи

Мой папа был старшим и всеми любимым сыном в семье. Звали его не иначе как Саввочка. Имя ему выбрал священник при крещении. Родители были против, потому что так звали деревенского дурачка. Объясняли это плохими отношениями деда с батюшкой: семья редко посещала церковь и работала по церковным праздникам. Я удивлялась такой мстительности духовного лица в отношении невинного младенца и только через много лет увидела в церковном календаре, что в день рождения папы чествуют святого Савву. Так что священник, по меньшей мере формально, был прав.

Примерно в годовалом возрасте папа упал с печки в стоящее на плите ведро с кипящей водой. Ожог был тяжёлым, и ребёнок выжил только благодаря его деду Григорию, который целыми днями и ночами ходил с внуком на руках и относился к нему с особой любовью и всегда держал при себе. Посылал его в лавку за табаком и ещё какими-то покупками.

У отца оставалась мелочь и даже образовался личный капитал в размере нескольких копеек. Однажды в Пасху, когда люди после всенощной разговорелись и легли отдыхать, папа отправился в лавку, которая, конечно, была закрыта. Он долго стучал, разбудил заспанного хозяи-

на и попросил взвесить чернослива на 1 или 2 копейки. Хозяин хоть и был сердит, но не отказал. Деда Григория в селе очень уважали, да и нельзя было обидеть постоянного покупателя.

Папа учился в церковно-приходской школе, затем окончил двухгодичное коммерческое училище и курсы бухгалтеров в Томске. Там он был рекомендован для дальнейшего обучения в политехнический техникум, но был исключён за принадлежность к кулацкой семье. Работал бухгалтером, а после окончания педагогических курсов в Ленинграде — преподавателем. Он был участником Второй мировой войны с самого начала и возвратился домой только год спустя после её окончания. С его приездом в доме появилось много новых вещей. Даже нижнее бельё у папы было шёлковое (офицерам выдавали, чтобы не заводились насекомые). В большом чугуне варился неведомый ранее рис. Я получила в подарок красивые костяные японские ручки и два чудесных шёлковых платья. Но платья пришлось продать, как и почти всё привезённое продали, нужны были деньги на домик для бабушки с тётями. Да и платья всё равно были мне велики. Позже я видела одно из них, с красивыми лаковыми пуговицами, на пионервожатой.

После демобилизации папа работал некоторое время в промкомбинате бухгалтером, а потом уехал в Новосибирск. Семья переехала не сразу, мама упорно не хотела покидать Маслянино.

В Новосибирске папа преподавал в учебном комбинате для бухгалтеров, счетоводов и других работников экономического профиля. Там он был занят по 12 часов в день. Уходил рано утром, приходил днём пообедать, минут 15 поспать и снова возвращался на занятия. Оплата была почасовой, заработок зависел от учебной нагрузки, и она у него была двойная.

В девятом классе я тоже посещала этот комбинат — училась печатать на машинке. В семье даже обсуждался вопрос,

не пойти ли мне по папиным стопам и стать преподавателем счётных дисциплин. Привлекательным моментом для меня было обучение в Москве. К счастью, перед соблазном я устояла, а потом и в Москве прожила 34 года, и преподавателем стала.

В нашей многочисленной семье папа один зарабатывал деньги, отдавал их маме, а она уже распределяла, как считала нужным. Сам он только иногда ходил на базар купить хорошего мяса или ещё чего-нибудь вкусного. Но замученным страдальцем он никогда не выглядел, наоборот, был видным мужчиной — полным, румяным, степенным. Любил приодеться, всегда в свежих рубашках, наглаженных брюках (мамина заслуга), начищенных ботинках, гладко выбрит и спрыснут одеколоном «Шипр». В доме мама была полной хозяйкой. Папа так привык, что она всё ему подаёт, что не мог выпить без неё чая. То и дело говорил:

— Петровна, налей-ка мне стаканчик!

Папина доброта и терпимость не поддаётся описанию. В доме всегда жили родственники и просто чужие люди, которых мама приводила, если им негде было ночевать, и никогда папа не высказывал по этому поводу никакого недовольствия. Ел он всё, что даст мама, всё хвалил и ничего не критиковал. Терпел и мамыны религиозные порядки, которые ограничивали многие стороны жизни и постоянно ужесточались. А папа любил ходить в гости, вести застольные беседы, рассказывать разные истории и анекдоты, смеяться. Но это не часто ему удавалось. Мама сборищ не любила, выпивки не поощряла, но дни рождения папы и приезды родственников всё же отмечались. В конце жизни мама и сама жалела о том, что подвергала отца таким испытаниям.

Характер у папы был спокойным, но иногда бывали и приступы гнева, если что-то не получалось. При этом он краснел, мог в раздражении что-нибудь бросить, выйти из дома. Ни на кого не кричал, он вообще никогда не кричал,

а кипел как бы внутри себя. Да и эти вспышки были очень короткими, а потом всё продолжалось, как обычно. Выражал он своё недовольствие и другим способом.

Однажды папа поехал в Маслянино, чтобы помочь маминей сестре Елене с сенокосом. Они отправились косить сено вдвоём, поскольку муж тётки Иван в это время болел. Вечером перед ужином после целого дня работы обсуждали, сколько скосили, и дядя Ваня заметил, скорее всего, в шутку: «Могли бы сделать и больше». Папа молча встал из-за стола и тотчас же, не поужинав и не сказав хозяевам ни слова, возвратился в город, хотя дорога до Новосибирска не близкая — около 200 км на попутных грузовиках и поезде.

Воспитательных бесед папа с нами не вёл, но иногда что-то мягко разъяснял и рассказывал для примера подходящие случаи. Он делал всё возможное, пытаясь создать благополучие в семье и доставить нам радость. Одна сцена, иллюстрирующая это, запечатлелась очень ярко и выглядела в точности, как в кино, в какой-нибудь индийской мелодраме.

Я болела scarlatinой и лежала в больнице. Можно было бы перенести её и дома, но соседка-врач посчитала, что лучше меня изолировать от других детей. В инфекционное отделение посетителей не пускали. Дело было зимой. Папа подобрался через сугробы к окну, и я, лёжа на кровати, вдруг увидела через оттаявший кружок льда на стекле папино лицо! Он пытался меня подбодрить, улыбался, а потом достал из кармана своего пальто большое яблоко «апорт» и показал мне. Лучших яблок, чем этот сорт из Алма-Аты, я в жизни не ела. В нашей глубинке они всегда были дорогими, а зимой тем более. Тогда же он передал мне смородиновое варенье, с тех пор самое любимое.

В этой больнице со мной произошёл ужасный случай. Проснувшись ночью в палате, я почувствовала сильный страх. Закрылась с головой одеялом и с ужасом ждала, что будет. И вдруг на меня что-то упало или прыгнуло. Я замерла,

боясь шевельнуться, в ожидании, что сейчас буду укушена, а может быть, и съедена. Долго потом не могла понять, что это было. Теперь я думаю, что скорее всего это была кошка, в худшем случае — крыса. Я не запомнила присутствия кошки в больнице, но этот вариант наиболее правдоподобный.

Остался в памяти и эпизод с поездкой в трамвае, которую папа устроил нам с Володиёвым по приезду в город. День был морозный, и хотя время не позднее, на улице по-зимнему темно. Вагон со слабо светящимися замёрзшими окнами был совершенно пустой и настолько промёрзший, что даже воздух внутри казался застывшим. На окнах не было даже обычных «глазков» — круглых дырочек в слое льда и инея, оттаянных руками юных пассажиров. Мы прокатились от базара до вокзала и обратно. Холодные сидения и слабый мертвенный свет лампочек совсем не мешали нам с братом чувствовать себя счастливыми.

Для моего сына Миши папа тоже однажды устроил экскурсию, и весьма запоминающуюся. Направлялись они в зоопарк, и папа на нужной остановке вышел из троллейбуса, совершенно забыв, что с ним был внук. Ехали они на разных местах, у Миши была привычка в транспорте непременно забраться в какое-то необычное место, например, между сидениями.

Не знаю, когда Миша обнаружил, что деда нет, но проехал до конечной остановки, а это очень далеко от зоопарка. Вышел из троллейбуса, нашёл милиционера, и сказал:

— Пожалуйста, немедленно свяжитесь с моим папой по телефону, он живёт в Москве.

Просьбу его не выполнили, но выяснили, что бабушка и бабушка живут у Ботанического сада, хоть и на другом конце города, но всё же поближе, чем Москва. Его посадили в нужный автобус и он самостоятельно и благополучно возвратился домой, ему было тогда 5 лет. Всё это продолжалось несколько часов, и родные были в страшной тревоге, заявили в милицию, искали в транспорте, на улицах.

Сестре от волнений стало плохо, и только я была в полном неведении, будучи уверенной, что он у неё дома. Несколько раз я порывалась туда пойти, но тётя была уже в курсе происшедшего и не пускала меня, отвлекая разговорами.

После ухода на пенсию папа постоянно находил себе занятия. Одно из них — мебель для дома, в юности он некоторое время работал плотником. Мебель получалась крепкая, но весьма примитивная, можно сказать, «топорная», поэтому успеха у нас не имела. Хотя в полном комплекте и определённой обстановке могла бы сойти за стильную дизайнерскую. Кстати, один его стеллаж стоит в кабинете мужа моей племянницы. Строил он по заказу в лесу избушки-ветродуйки для отдыха в летнее время. Всё делал добротное, «на века». Любил сажать деревья и кусты, засыпал землёй, удобрениями, утрамбовывал, поливал. Работа эта выполнялась за какую-то минимальную плату, и большинство нанимавшихся делало её как попало, лишь бы воткнуть в землю и получить деньги. В результате только у него саженцы и принимались. Это был тяжёлый труд, но он любил это делать, и теперь деревья растут на радость людям. Много лет папу постоянно приглашали на временную работу в тюрьму за пределами Новосибирска для составления бухгалтерских отчётов. Заключение ждали его появления, рассказывали ему свои истории, просили о помощи. Он сочинял им прошения об облегчении участи и другие бумаги.

На пенсии папа много читал, в основном, литературу на военную тему, собирал вырезки из газет и другие документы, поддерживал связь со своими фронтовыми друзьями из разных уголков страны. Они издавали свою газету, где папа был редактором. Намечали встречи, но мама всегда его отговаривала на них ехать.

Однажды папа дал сестре прочитать свою переписку. В письмах часто упоминалась какая-то девушка, и папа сказал, он с ней долгое время переписывался, а сейчас она не отвечает. Мама, услышала это из кухни и, вытирая фартуком руки, вошла и спокойно сказала:

— Да умерла уж, наверное, твоя Лена, — и тихо добавила сестре, — Господи, всё за жизнь цепляется, а уж здоровья-то нет...

Главными друзьями папы были его братья. Отношения между ними всегда были прекрасными и не омрачались никаким ссорами. Они любили собираться вместе по случаю праздников или днём рождения. После празднования в нашем доме братья оставались ночевать. Вспоминали молодость, говорили о жизни, политике, рассказывали анекдоты, подшучивали друг над другом и хохотали. Ночь была практически бессонной для всей семьи.

Младшая сестра Галя вспоминает, что тогда ей это было очень досадно, они мешали ей спать. Но благодаря этим бессонным ночам и её хорошей памяти удалось сохранить многие эпизоды жизни наших отцов и дедов. Папу за его солидный вид братья звали «бабай».

Когда они собирались у Семёна или у Володи, то, прежде чем сесть за стол, делали какую-нибудь работу, например, окучивали картошку. Ставили бутылку водки в последнем ряду и соревновались, кто первый дойдёт.

Иногда ходили на крутой косогор и тоже ставили наверху бутылку и карабкались туда наперегонки, скатываясь и вновь забираясь наверх со смехом, шутками, а дяди Володя и Семён и с весёлыми матюгами. По рассказам, мат у них, побывавших в сталинских лагерях, лился, как песня, и таковым не воспринимался. В нашей семье никогда не говорили бранных слов, да и на улицах мы его не слышали.

В последние годы жизни папа стал чаще болеть, много спать, но всё ещё ходил на лекции в дом культуры, а иногда в лес работать, хотя ему это было уже трудно. Часто ездил к брату Семёну в деревню, как смеялись дома: наберёт бидон колодезной воды, выпьет и уезжает обратно.

Огорчался, что ему уже не дождаться правнуков.

Хранительница очага

Детство и юность мамы прошли в зажиточной крестьянской семье вполне счастливо и безмятежно вплоть до Гражданской войны, начавшейся после революции. Тогда в село заходили разные войска и группы, и родители не разрешали детям без надобности находиться на улице и, тем более, общаться с пришедшим народом. Когда же появилась комсомольская организация, мама в неё вступила и радостная, в красной косынке прибежала домой. Её тут же отправили обратно, велели вернуть косынку и запретили ходить на собрания. Во время тифа, который свирепствовал по всей России и уносил в отдельных местах до 40% населения, мама оставалась здоровой одна в семье. Ей было 15 лет, она ухаживала за больной матерью и сёстрами, ела оставшиеся от их обеда пельмени и, наверное, таким образом приобрела иммунитет.

После того, как родители поженились, они переехали в город. Мама не работала и занималась домашним хозяйством. В начале Второй мировой войны отца мобилизовали в первые же дни, и мама осталась опорой семьи, её единственной полноценной работницей. На её обеспечении была мать, две сестры-инвалиды и трое детей. Пришлось для выживания переехать в село, где жили

Мама —
Степанида Петровна
1939 год.

1948

1984

родственники, содержать огород и домашнюю скотину. Кроме домашних дел, она часто работала у людей за деньги или за муку, сено, дрова. Все вносили посильный вклад в ведение хозяйства и плохо или хорошо, но выжили. После возвращения с фронта папы функции главы семьи к нему возвратились, но по-прежнему всем в семье заведовала мама.

В молодости мама была привлекательной кареглазой шатенкой с отличной фигурой и хорошо одевалась. Когда ещё она жила в селе, все вещи ей привозили из города. Помню два её белых полотняных платья с мережкой, голубой и розовой вышивкой, потом они оба исчезли, наверное, были проданы. Мама была весёлой, смешливой и жизнерадостной. В тяжёлые военные и послевоенные годы трудно было сохранить эти качества, но ей это удавалось. В доме всегда смеялись и шутили. По рассказам, однажды на вечеринку к соседям по случаю Нового года она пришла в валенках, а когда началось веселье, сбросила их, надела калоши хозяйки для туфель на высоком каблуке (были такие в прошлом) и ловко в них танцевала, не обращая внимания на то, что чулки были с драными пятками.

Мама — самый добрый человек, которого я знала в своей жизни, неутомимая в трудах и всегда готовая помочь людям. В её присутствии всю мою жизнь было чувство защищённости, уверенности, что тебя любят, для тебя сделают всё, что только возможно. Но проявлять нежности у нас в семье не было принято, не помню, чтобы кто-то нас целовал. Я до сих пор удивляюсь и даже иногда завидую тому, что люди после каждого телефонного разговора добавляют: «Я тебя люблю». Возможно, это укрепляет отношения, если от частого употребления не исчезает смысл.

Маму любили все окружающие: и соседи, и родственники, и мои подруги, словом, все, кто её знал. Двоюродная сестра Светлана даже считала, что она значила для неё больше матери. Её вначале недолюбливал только дедушка Никифор и не хотел, чтобы папа на ней женился.

Возможно, здесь играла роль репутация её дедушки Ивана, который работал на золотых приисках и между сезонами вёл разгульную жизнь. Раньше очень внимательно к этому относились и, надо признать, не без оснований. Предполагаю, что дедушка считал маму легкомысленной из-за её весёлого нрава, недостаточно высокой и дородной, как все в их семействе. Бабушка, наоборот, очень хотела этого брака, убедила в этом и дедушку, и с годами его отношение к маме кардинально изменилось к лучшему.

Радостью для нас были летние походы с мамой за реку доить корову. Надо было переходить реку вброд в мелком месте, но для нас с братом Вовкой и это было глубоко, и мы держались за мамину юбку. На обратном пути она несла ведро с молоком, завязанным белым платком, а поверх платка мы с Вовкой клали найденные и отмытые ракушки. Вечером был традиционный поход на молоканку. Каждая семья, имеющая корову, облагалась налогом и должна была сдать государству определённое количество молока. Думаю, что поборы были немалые, потому что мама всегда носила по полному ведру. На молоканке была длинная очередь, молоко проверяли на жирность, отмечали в книжках количество литров. Там стоял специфический запах, который мне очень не нравился, но ходить туда было развлечением: мы крутились вокруг взрослых, играли с другими детьми.

Мама была очень религиозным человеком. В детстве она окончила 4 класса церковно-приходской школы, пела в церковном хоре, а потом наступили времена запрета на религию. Но с тех пор, как я её помню, её вера только росла и крепла. Этому способствовала и тётя Евгения (мы её звали тётя Евденья), маленькая, с носом-кнопочкой и почти лысой головой, всегда прикрытой платком. В военное время она, бабушка и глухонемая тётя Пана жили вместе с нами. Помню, что у тётки Евгении сильно болела голова, но с умом было всё в порядке. Всегда что-то нам с братом рассказывала, делала кукол и незатейливые игрушки.

У неё был коралловый крестик с образом Спасителя в глазочке, мы часто его рассматривали.

Тётя Евгения по праздничным дням совершала религиозные службы на дому, вернее, в бане. Собирались окрестные старушки, приходили мама с Паной и мы с Володей, принаряженные по такому случаю. В Рождество мы с братом бегали к этим старушкам петь праздничный тропарь «Рождество твое, Христе Боже наш...». Помню, как бежим очень ранним утром, ещё темно, пусто и туманно от сильного мороза, тишина, только синий снег хрустит под ногами. Прибегаем к старушке в её маленькую избушку, стоим у порога, пытаемся петь, но едва открываем онемевшие от мороза губы. К тому же смущаемся, и каждый надеется, что другой пропоёт за двоих. Наверное, получали от бабушек какие-то подарки, по крайней мере, один я помню. Это были коричневые хлопчатобумажные носочки — большая ценность в те времена. Большинство запомнившихся мне из детства случаев происходило в очень морозные дни. Зимы в 50-е годы прошлого столетия были очень суровыми, а одежда и обувь недостаточно тёплыми, поэтому и впечатления остались такими сильными.

После того, как бабушка с тётями стали жить в своём домике, службы стали более многолюдными, а тётю Евгению приглашали для совершения разных треб. Она стала чем-то вроде сельского священника. Службы эти чуть было не закончились трагически. Одна из соседок написала, куда полагается, на маму донос о религиозном дурмане, которым она портит своих детей и окружающее население. К счастью, времена уже были не такими суровыми, на письмо, наверное, не обратили особого внимания, и маму не арестовали.

Мы все, конечно, были крещены в раннем детстве, а дети дяди Никиты оставались некрещёными. Однажды зимним вечером мама пришла к ним с тазиком и сказала, что пора крестить детей. Она не могла из-за отсутствия сана провести настоящее крещение, а только «погруже-

ние», что она и сделала. Светлане она наказала запомнить эти слова и передать священнику, если будет возможность креститься как полагается. После переезда в Новосибирск мама постоянно посещала церковь, была там своим человеком. Ей даже поручали во время её поездок в Москву перевозить церковные деньги для Троице-Сергиевой лавры. Она усердно молилась и дома, призывая нас к тому же. Мы не следовали маминым увещаниям, но её усилия не остались совсем тщетными.

Когда я через 30 лет возвратилась к религии, то те молитвы, которые читала мама, остались памятью о ней. Когда она умерла, я сама читала по ней Псалтирь, правда, как теперь понимаю, очень неумело. Жалко, что она не узнала, что мне довелось писать иконы и побывать во многих святых местах Израиля. Это бы её очень порадовало.

Посты мама соблюдала невероятно строго, ограничивала себя даже в том немногом, что тогда было, а на Страстной неделе не ела с четверга до самого разговления после ночной пасхальной службы. Однажды, делая пельмени перед Пасхой, она опоздала на службу и с тех пор дала себе обет не есть мяса. В то время ей было около 50-ти лет. Нам же она всегда готовила и оставляла еду, уходя в церковь. Однажды случился позорный для нас случай. Вернее, для меня, потому что, будучи старшей, несла за него полную ответственность. Мама встала очень рано, испекла пироги и пошла на службу. Мы, проснувшись и обнаружив на столе вкуснейшую выпечку, съели всё до её возвращения и не оставили ей даже попробовать. Мама была очень огорчена, и не столько отсутствием пирогов, сколько нашей чёрствостью.

Будучи человеком мягким и покладистым, мама никогда не отступала от своих убеждений и, если требовалось, отстаивала их, не взирая на лица. В нашей семье никто не произносил бранных слов, во всяком случае, мы, дети, никогда их от родных не слышали. Но у дедушки иногда они вырывались.

Однажды он растапливал баню; дрова, видимо, плохо горели, он сердился и ругался. Рядом была малолетняя Света, поэтому мама его пристыдила:

— Побойтесь Бога, папаша!

Для этого нужно было немало мужества, поскольку дедушке никто не делал замечаний.

— Шибко Стеша смелая! — говорила её младшая сестра Елена, которая сама была женщиной не робкого десятка.

Елена жила в Новосибирске и иногда к нам навещалась. С ней произошла трагическая история, характерная для военного времени. Муж её Иван считался пропавшим без вести, и по окончании войны о нём долгое время ничего не было известно. Как потом выяснилось, он был в плену, а в дальнейшем, как и многие, в лагерях. Об этом периоде жизни он никогда ничего не рассказывал. Когда дядя Ваня возвратился, тётя Лена была уже вновь замужем. Новый брак, который к тому времени складывался очень удачно, пришлось расторгнуть. Елена прожила до 92 лет и была всегда, как говорится, «в трезвом уме и ясной памяти». Тётя Лена была блондинкой с голубыми глазами, приятным лицом, весёлая и острая на язык. Она до самой старости нравилась мужчинам и, смеясь, говорила:

— Так я им нравлюсь потому, что и они мне нравятся!

Про старость тётя Лена говорила:

— Стремление к движению есть, а самого движения нет.

Интересными личностями были и две мамины подруги — монахини Мария и Анфиса. Обе с волевым характером, весёлые, остроумные и совсем не занудные, как некоторые благообразные бабки.

Горбатенькая Мария от государства никаких денег не получала, постоянного пристанища не имела, ночевала у добрых людей, кормилась тем, что люди дадут, но никогда не унывала, смеялась над своими промахами и болезнями и, несмотря на то, что плохо видела, ежегодно на пожертвования знакомых ездила в Почаевский монастырь. Анфиса была, как теперь это называется, экстрасенсом,

видела насквозь каждого своими пронзительными прозрачными глазами. Когда мой будущий муж пришёл знакомиться с семьёй, она при этом присутствовала и потом дала краткую характеристику: «Он хороший».

Мама была настоящей христианкой, она не только усердно молилась, но и делала много добрых дел. Бесплатно выполняла у беспомощных людей разные работы (побелка, уборка), ухаживала за больными, читала по покойникам Псалтирь, постоянно приводила в дом незнакомых людей, которым негде было ночевать. Не могла мама отказать, если просили в долг деньги. Сестра Галя рассказывала случай, что она однажды попыталась удержать последнюю десятку в доме, когда соседка пришла просить займа. Но Галочке это не удалось, мама вырвала сжатую у неё в руке бумажку и отдала. Думать больше о других, чем о себе, — в этом вся наша мама.

Она рано начала одеваться в длинные тёмные платья, с платочком на голове, ничуть не заботясь о том, что это её старит. Говорила: «С дороги не столкнут». Любила простые белые платочки в точечку с орнаментом по краям, я всегда их ей покупала, а она раздавала старушкам. Мы с сёстрами пытались надеть на неё что-либо из наших одежд, но успеха не имели. Только однажды маме подошло моё пальто на меху, но и оно было украдено в церкви.

Всегда буду благодарна маме за то, что она помогла вырастить мне сына в домашних условиях до трёх лет. Она подолгу жила у нас в Москве, на время увозила его с собой в Новосибирск. Перечитывая старые мамины письма, невозможно сдерживать слёзы: столько в них любви к нам и беспокойства о детях, внуках, всех родных и знакомых! И так всю жизнь, и ни слова жалобы о себе, всегда говорила, что хорошо себя чувствует, что всё у неё есть и ничего больше не нужно. Политикой она не интересовалась, но во время перестройки в конце 80-х годов начала читать газеты. Надежда на изменение жизни к лучшему появилась и у неё. Хорошо, что она не увидела, чем это закончилось в наше время.

Сёстры вспоминают совершенно библейскую картину, когда в год тысячелетия христианства с совсем белой головой с двумя косичками, в белой длинной рубахе она входила в речку на даче. До конца жизни, почти в 85 лет, по-прежнему делала всю домашнюю работу, постоянно ходила в церковь, иногда по два раза в день. Я не помню, чтобы мама когда-нибудь болела и обращалась к врачам. У неё даже не было медицинской карты в амбулатории и все зубы были целыми, без единой пломбы. Уже в конце жизни у неё отломился кусочек переднего зуба, и после этого она стеснялась смеяться и прикрывалась кончиком платка. Сестра писала: «Летает, как пушинка» — маленькая, лёгкая, быстрая. Сила воли у мамы была необыкновенная. Перед смертью, когда у неё начались проблемы с желудком, она вообще перестала есть, чтобы не доставлять лишних забот своим дочерям.

Наши родители всю жизнь прожили вместе, не считая военных лет. Они почти одновременно родились в одном селе и учились в одной церковно-приходской школе. Жизнь родителей пришлась на тяжёлое время — революция, раскулачивание, Великая Отечественная война и тяжёлые послевоенные годы. И всё это время на их обеспечении были дети и беспомощные родственники, за которых они считали себя ответственными. В постоянной заботе: накормить, одеть, вырастить и выучить — они ещё старались доставить нам радость при тех скромных возможностях, которые у них были. Однако сами они не думали, что их жизнь чрезмерно трудна, и умели быть довольными тем, что есть.

Если мы с братом были недовольны едой, мама говорила: — Хлеб белый, мягкий, есть сахар, что же ещё нужно!

Впоследствии дома эти слова стали вроде поговорки. В мае 1976 года родители отметили «золотую свадьбу». Идее собрать в этот день всех родственников мама решительно воспротивилась, едва её уговорили отпраздновать юбилей в узком семейном кругу. Она буднично говорила:

— Ну что особенного-то случилось?! Прожили и хорошо.

Пример их жизни — подтверждение мудрых слов: «Великая любовь — это когда люди могут прожить в согласии всю жизнь».

Брат Владимир. 1990 год

Любимые братья

Мой брат Володя был в детстве типичным деревенским белоголовым мальчишкой, худым, крепким, хорошо сложенным, с совершенно белой, выгоревшей на солнце головой. Он был на полтора года моложе меня, и в детстве мы были неразлучны. Хотя меня больше интересовали куклы, а его подвижные игры, было у нас много и общих занятий. Большую часть времени мы проводили на улице, но иногда в сильные морозы не выходили из дома. Тогда разглядывали бесконечно

разнообразные ледяные узоры на стёклах, придумывали игры, сооружали из подушек крепости, из-за чего-то дрались. Поскольку я была старше и хитрее, ему попадало больше, а я чуть что хныкала и грозилась, что расскажу маме. Однажды выполнила своё обещание и за такую хитрость получила от мамы несколько мягких шлепков полотенцем. Это было моим единственным физическим наказанием в жизни. Больно не было, но реакция мамы была для меня неожиданной, я рассчитывала на противоположный эффект.

Окна, и без того маленькие, зимой полностью замерзали. Чтобы видеть, что происходит на улице, мы оттаивали на стекле круглые дырочки. Как-то ночью мы проснулись

от суматохи в доме, все собирались на пожар. Горело какое-то здание вблизи, и наши окна светились зловещим багровым светом. Мы с братом прилипли к этим дырочкам и долго не могли оторваться от зрелища огня. Вовка был, конечно, непоседливый, озорной, горазд на всякие выдумки, при этом добрый и бесхитростный. Безусловно, он устраивал какие-то мелкие шалости, но никаких злобных выходок в общем-то не было. В школе во все годы обучения у него был устойчивый имидж нарушителя дисциплины.

Как-то меня, ученицу второго класса, как старшую сестру учительница привела в его класс и показала совершённое им «преступление» — разлитую чернильницу. Я молча смотрела на парту с лужицей чернил и чувствовала себя соучастницей злодеяния. Мне было ужасно стыдно и в то же время очень жалко его, такого маленького и несчастного. После этого я боялась, что его выгонят из школы, если он ещё что-нибудь подобное сделает, а меня опять поставят перед всем классом и будут говорить, какой у меня плохой брат.

Может быть, из-за такой репутации, а частично из-за своей неорганизованности, да и просто невезучести ему так и не удалось реализовать свои незаурядные способности: прекрасную память, аналитический ум, артистичность, сообразительность. А вот тяга к приключениям, даже, можно сказать, авантюризм, осуществилась вполне. Где он только не побывал и что не делал! Работал в шахте, в геологических экспедициях на Севере, жил на Колыме, в Москве, в Тынде, работал в Йемене, участвовал в строительстве Байкало-Амурской магистрали (БАМ).

Наверное, столь бурная жизнь и специфические условия походной и строительной жизни, связанные со снятием напряжения с помощью алкоголя, полностью истощили его природные ресурсы, и в 57 лет он ушёл из жизни. По специальности Володя был геологом. Будучи в экспедиции вблизи Магадана, он познакомился со своей будущей женой Ниной, тоже геологом из Москвы. У них

родилась дочка Мария, и, к горю всей семьи, она оказалась больна и умерла в младенчестве. После этой трагедии Володя уехал работать на два года в Йемен. Жил он вблизи морского порта Хадейда в посёлке для специалистов.

Климатические условия там очень тяжёлые — летние температуры доходят до 51 градуса, но бытовые условия были организованы нормально. В свободное время знакомился со страной, занимался английским и арабским языками и подводной охотой. Ездил по узким, закрытым горным дорогам, вырубленным в скалах над бездонными пропастями.

Люди его там очень любили, впрочем, его всегда все любили. Он был щедрым, открытым, весёлым и озорным. Иногда во время поездки в автобусе он страшил меня тем, что сейчас обратится к пассажирам и напомним им, что надо в каждом мгновении жизни находить радость, и предложит вместе спеть. Я понимала, что он может это сделать, ужасно трусила и грозила выйти на следующей остановке. Детей у них больше не было, и после возвращения из Йемена семья распалась. Жена Нина осталась в их квартире, взяла из детского дома девочку, и Володя её удочерил, чтобы поддерживать материально до совершеннолетия. В Москве он не остался и поехал на строительство

*Владимир на стройке в Йемене.
1969 год*

*Дочь Володи — Анна.
1990 год*

столицы БАМа Тынды. Там он вторично женился, и у них родилась дочь Аня.

В Тынде Володя был секретарём комсомольской организации строительного управления и пользовался большой популярностью.

Когда ноябрьская демонстрация проходила мимо его дома, все дружно кричали:

— Колесников, поздравляем! — у него 7 ноября день рождения.

Из собраний он устраивал такие шоу, что на них собирался народ, как на концерты. В игру

он превращал и все комсомольские дела и поручения. Например, в его обязанности входил контроль за массовой подпиской на газету «Правда». Дело, кто помнит, трудное, никто не хотел подписываться, и никто из распространителей подписки не набирал нужные проценты разнарядки. А у него было более 100%! Секрет прост: во время вечеринок с распитием спиртного он подначивал коллег:

— А слабо каждому подписаться на 10 экземпляров газеты!

Ребята были при деньгах, и им было «не слабо». Столь неординарные приёмы принесли ему славу успешного организатора, и он был рекомендован на учёбу в Москву, чтобы стать профессиональным партработником. Он отказался, поскольку не только не разделял этой идеологии, но и был её противником. А его участие в комсомоле было необходимостью, которую он превращал в игру.

Зарабатывая большие по тем временам деньги в экспедициях и за рубежом, сорил ими направо и налево. В точности, как его прадедуська Иван! Он мог выстроить в ряд официанток в ресторане и щедро всех одарить. Женщины его любили, выглядел он отлично: высокий, стройный

блондин, остроумный, артистичный, всегда хорошо одет (по тем возможностям, конечно).

Он тоже увлекался женщинами, но в двух своих браках не был счастлив. Однако и жёнам, и родным с ним тоже было нелегко. Он надолго пропадал, не писал, не звонил. Все волновались, особенно переживала, конечно, мама. Когда же приезжал домой, сердиться на него было невозможно. Всех обнимал, целовал, смешил. Была у него какая-то изначальная сибирская широта души, усиленная пребыванием в суровых условиях жизни. Со мной он держался всегда как младший брат, был мягок и уступчив. При этом даже я видела иногда в нём дедушку — властного, уверенного в себе, не нуждающегося в советах.

Однажды, улетая из Москвы, он позвонил мне из аэропорта. Я поторопилась сказать, что он оставил у нас шарф. Не дав мне закончить, он сказал:

— О чём ты говоришь! Какой шарф! У нас две минуты на прощание!

И это были вещие слова, я никогда уже не видела его прежним, возвратился он смертельно больным. И я повела себя самым трусливым образом. Делала вид, что болезнь излечима, ни разу не поговорила с ним серьёзно и честно, хотя знала, что ему осталось жить два-три месяца. Только один раз мы прямо и долго посмотрели друг другу в глаза и всё поняли без слов. Мне кажется, что сейчас, отойдя от суеты деловой жизни и кое-что осмыслив, я могла бы с ним обо всём поговорить, но тогда у меня просто не хватало на это духовных сил.

Единственное, что я сделала, с его согласия пригласила священника. Пришёл довольно молодой монах и говорил с ним несколько часов. Из того разговора до меня дошла только одна, но самая существенная деталь — Володя смерти не боялся. Умер он красивым, не успев похудеть. Хорошим он был человеком, если, перенеся такие страдания, так мужественно ушёл из жизни и при этом удостоился предсмертного соборования.

*Брат Юрий
1963 год*

Двоюродный брат Юра, сын маминой сестры Елены, был совсем как родной, поскольку подолгу жил в нашей семье. Родились мы почти одновременно, он на 18 дней после меня. Мама кормила его грудью, так что он ещё и мой молочный брат. Во время войны они жили с матерью в Новосибирске, но поскольку выжить там было ещё труднее, чем в деревне, тётя Елена привезла его к нам. Из той поры сохранилось семейное воспоминание. После

приезда сели ужинать, и на стол, как обычно, поставили большой эмалированный тазик с варёной картошкой. Юра в волнении закричал:

— Мама, быстрее хватай вот эту рассыпчатую!

Запомнился ещё его белый свитер. Мне он так понравился, что я решила в будущем выйти замуж за мальчика в таком свитере. Но сам Юра как кандидатура не рассматривался, и потому, что брат, да и вообще тогда никаких кандидатур ещё не было. А моё детское пожелание по поводу белого свитера сбылось.

Три сестры

Старшая сестра Зоя была настоящей красавицей: зелёные глаза, ослепительной белизны и ровности зубы, пышные светлые волосы. В школе она пользовалась успехом, и не только из-за красоты, но и из-за общительности, весёлого и доброго нрава. Ей как девушке, умеющей хорошо излагать свои мысли и обладающей хорошим голосом, было поручено передавать сводки Совинформбюро с военных фронтов по местному радио. Каждый день ранним утром она приходила в радиоузел, читала сводки на телетайпе

и передавала в эфир. Радиоузел располагался в бывшем здании церкви, и сейчас, глядя на фото восстановленного храма, Зоя вспомнила, как она, забыв однажды ключ, пролезала внутрь через одно из окон. Даже дедушка выделял Зою из своих внуков, говоря:

— Она Колесниковой породы!

На переменах Зоя сбегала вниз по лестнице (начальные классы располагались на первом этаже, а старшие — на втором), и я очень гордилась, что у меня такая взрослая и красивая сестра. Когда мы с братом ещё не учились в школе, Зоя приносила нам маленькие конфетки-подушечки бежевого цвета, которые иногда выдавали ученикам. А она сберегала их для нас, младших. Какие же надо было для этого иметь любовь и мужество девочке, которая тоже хотела сладкого!

И ещё на эту тему. Когда в доме появлялось мясо, делали пельмени. Из-за ограниченного количества распределялись они по счёту, но нам с Вовкой доставалось, конечно, изначально больше. Но всё равно мы быстро их съедали, и тогда Зоя подкидывала нам из своей тарелки. Привычку считать пельмени я сохранила до сих пор, хотя в этом теперь нет никакой необходимости.

Зоя училась в Ленинградском финансово-экономическом институте. Выбор этот был случайным. Вместе с подружками они приехали в Новосибирск для поступления в институты, но прямо на вокзале их встретил представитель из Ленинграда и предложил учиться там. Видимо, в тяжёлые послевоенные и послеблокадные годы желающих ехать в этот город было немного, и «гора сама пошла к Магомету».

*Сестра Зоя.
1953 год*

Студентам, живущим далеко от дома, приходилось особенно трудно: стипендии маленькие, а помощи ждать неоткуда. Зоя рассказывала, как в комнате общежития девушки попеременно ходили вместо лекций в очередь за хлебом. В этот день добытчику доставалась горбушка. Из-за этой горбушки она часто ходила в очередь за других. На свою более чем скудную стипендию она ещё умудрялась привозить нам подарки. Дни её приезда на каникулы были необыкновенно радостными. После опустошения коробок с конфетами мы ещё долго их нюхали, вкусно пахло шоколадом. Привозила она и разные новшества, например, из обычного творога делала необыкновенное лакомство — сырковую массу. Однажды она привела к нам переночевать какого-то солдата, с которым она ехала на грузовике из Черепанова. Ему нужно было ехать дальше, а знакомых в нашем селе не было. Утром он нас щедро вознаграждал за гостеприимство, разрезав один из двух арбузов, которые вёз в подарок домой. Так мы впервые попробовали это чудо.

Большой радостью было уговорить Зою пойти купаться на реку. Мы рассказывали ей о своих делах и демонстрировали умение плавать. Запомнился приход к нам Зоиною жениха Валентина — красивого, высокого, в форме лётчика, ну просто как из кино «Воздушный тихоход», где пелась бывшая тогда популярной песенка:

Потому, потому что мы пилоты,
небо наш, небо наш родимый дом...

Мама в качестве угощения нажарила сковородку картошки, Валентину понравилось, что она нарезана брусочками (как картофель фри), и он очень её хвалил.

В следующий раз он приехал уже будучи мужем Зои. По случаю их бракосочетания у нас «гуляли». Мы с Вовой, Светой и соседом Лёней расположились ночевать на сеновале, что-то подстелили на сено, но не спали. Было очень весело, окна светились, мы наблюдали за гостями, в сенях стояло ведро с вкусной брагой, мы туда загляды-

вали, черпали кружкой из ведра и пили, ничем не закусывая. Только Лёня пил сырые яйца, которые мы находили в темноте курятника. Наверняка все захмелели, но неприятных последствий я не помню.

С приездом молодожёнов в доме создалась настоящая атмосфера праздника. Зоя весело распевала «Жил кузнец весёлый за рекою, никого собой не беспокоя...» и «Раскудрявый клён зелёный, лист резной...», пришивала плечики к платью, готовясь вечером идти в кино. Валентин посмеивался, беседовал с нами, устроившись на брёвнах перед домом. Мне он подарил томик Пушкина, расспрашивал, что я читаю и какие писатели мне нравятся. Кажется, я его удивила моими некоторыми познаниями в литературе. Затем они отправились праздновать к родственникам Валентина в Новосибирск и взяли меня с собой. На многолюдной вечеринке по случаю свадьбы я безутешно плакала, не знаю, о чём, возможно, просто почувствовала себя оторванной от привычной среды. Полагаю, что изрядно подпортила им праздник.

Муж Зои Валентин был военным лётчиком, и им пришлось жить и работать в разных местах страны, в том числе и в Москве во время его обучения в Военно-воздушной академии. Специальность Зои оказалась подходящей для жены военного, и она постоянно имела работу. Вокруг неё всегда кипела жизнь, она придумывала разные мероприятия вроде домашних праздников, походов в кино, ресторан, театр. Театр она так любила, что перенесла свой день рождения с 27 на 28 марта — день театра.

Однажды ей пришлось иметь дело с органами безопасности. Она заметила, что за ней постоянно ездит чёрный автомобиль. Живущая в обстановке строгой секретности военных городков, она была напугана.

Наконец двое сотрудников предложили ей войти в машину и произвести там допрос. Оказалось, что какой-то опасный шпион происходил из того села, где родилась сестра. К счастью, ситуация разъяснилась, и её отпустили.

Татьяна. 2006 год

Сын Аркадий. 2020 год

Дочь Зои Татьяна училась в Новосибирском университете и жила в общежитии Академгородка, где и познакомилась со своим будущим мужем Яковом Гринбергом, тоже студентом университета. Ещё будучи студенткой, она родила сына Аркадия.

В свой очередной приезд в Новосибирск я поехала посмотреть малыша. Запелёнутый мальчик тихо лежал на столе рядом с конспектами. Всё было, как обычно, забегали студенты, Таня спокойно с ними обсуждала свои учебные дела, и никаких признаков наличия в помещении грудного ребёнка не было. Я невольно сравнивала эту ситуацию со своей, когда весь уклад нашей жизни был ориентирован на «пеленашку». Мне было так жалко малыша, что возвратилась я в слезах, однако печаль моя была напрасна: Аркаша вырос красивым и умным, набирался ума с пелёнок в буквальном смысле слова. Татьяна, выйдя на пен-

сию, страстно увлеклась рисованием. На её счету несколько персональных, ряд международных и многих городских выставок, шесть изданных альбомов её картин.

По положению в возрасте между сёстрами я средняя. Появилась на свет в самом центре Новосибирска, в роддоме № 1 по ул. Урицкого, и мало что помню из раннего

детства. Сохранилась память о каком-то неизвестном, но прекрасном запахе, он возникает в течение всей моей жизни мимолётно, на какие-то мгновения, порой в совершенно неподходящих местах. Всегда пытаюсь понять, откуда он, и что может так чудесно пахнуть, но мне никогда это не удаётся. Зато хорошо знаю, какого происхождения один из самых неприятных для меня запахов — рыбий жир. Вероятно, меня поили им насильно, потому что я помню своё отчаянное сопротивление и, в непонятной связи, железную кровать с голой пружинной сеткой. Пожалуй, это самое раннее визуальное воспоминание. Другая картинка из детства тоже не очень чёткая. В ней папа, только что пришёл, ещё одет в пальто, вынимает из открытого портфеля печенье для нас с братом.

Следующее запомнившееся событие уже чётко датировано, лето 1941-го, мне 4 года. Старшая сестра срочно забирала нас из летнего лагеря из-за начавшейся войны. Она вела нас братом Володей по лесу, вернее, его несла на руках, а я плелась сзади. В суматохе каким-то образом она нас потеряла, с трудом нашла и привезла домой. Дальнейшие события я знаю уже со слов сестры Зои, которой было тогда 14 лет. Отца мобилизовали в первые дни войны, мама с бра-

Валентина. 1978 год

Сын Михаил. 1986 год

том на руках и сестра за руку со мной провожали отца на фронт. Уезжающие с трудом вырывались из объятий своих родных и на ходу прыгали в товарные вагоны.

О переезде мамы с детьми в Маслянино не сохранилось никаких сведений. Старшая сестра вспоминала только картину ночного новосибирского вокзала, два этажа которого были заполнены лежащими на полу людьми. Она пробиравлась между ними на первый этаж за кипятком и увидела, как мужик тащит кошелек из кармана спящего. Вор тоже заметил её и пригрозил оставить без глаз, если будет смотреть, куда не надо.

Подробное описание фактов моей жизни следует дальше.

Младшая сестра Галина родилась в Маслянине и была настоящим подарком всей семье. Она не только продлила молодость нашим родителям (ведь маме в то время было почти 45 лет), но и единственная из всех детей прожила с ними до последних минут их жизни. Мы же получили любимую младшенькую сестрёнку. Галочка была спокойным ребёнком, не доставляющим никому хлопот. Родилась она 31 августа, так что первого сентября мама была ещё в больнице. Уходя в школу из дома, где не было мамы, я чувствовала себя почти сиротой и едва скрывала слёзы. Встретившая меня по дороге соседка-врач сказала о появлении сестры. Мы по очереди дежурили около кровати Галочки, когда её оставляли под наш надзор. К лету она подросла, очень быстро начала ходить, и мы повсюду таскали её за собой.

Помню, как, залезая на сеновал, передавали её по лестнице из рук в руки. Как только не уронили! Но думаю, что Галочке это нравилось, во всяком случае, она никогда не плакала. Однажды ей попала в глаз соринка, и она никак не хотела открывать глаза. Я испугалась и тут же дала себе клятву, что если она ослепнет, я всю жизнь буду с ней. Галочка сидела у меня на руках спокойная, хорошенькая, одетая в сшитое мной синее в горошек платье, но глаза не открывала. Как я её уговорила это сделать, не помню, но всё обошлось, и наша сестрёнка осталась с красивыми карими

глазами. Я уже тогда шила ей платья одновременно с платьями для кукол. С моими изделиями случались иногда казусы. Так, во время крещения Гали у платья, сшитого к данному торжеству, оторвался рукав.

Взбунтовалась Галочка, только когда мы переехали в Новосибирск, где у нас не было коровы. Она долго отказывалась пить городское молоко, плакала и требовала наливать ей молоко «из кринки», т.е. непосредственно от коровы. Пришлось найти корову в городе. Иногда она требовала молоко ночью, и тогда папа вставал и шёл к молочнице. Мы же с Володиёв без сожаления расстались с деревенским молоком и вместо него с удовольствием пили чай с французскими булками, макая их в блюдечко с сахаром. Но ребёнок, ещё знающий истинную природу вещей, понимал, что его отлучили от настоящего, натурального продукта. Здесь же, в доме дяди Никиты, Галочка совершила свой вариант полёта — с кровати через открытый люк в глубокое подполье (мой будет описан далее). Счастливым образом она упала на кучу картошки, и падение не причинило ей никакого вреда. В отличие от меня, в детстве она была совершенно бесстрашной. Как сейчас, перед глазами картина: с крутого склона, где и взрослые парни-то боялись спускаться,

Галина. 1968 год

Её сын Степан. 2000 год

на маленьких лыжиках несётся крошечная фигурка в развевающемся синем сшитом мной пальтишке. Я вместе с другими с замиранием сердца смотрела издали, но почему-то не запрещала ей это делать.

Когда перед окончанием Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта встал вопрос о её распределении на работу, я попыталась поспособствовать тому, чтобы её оставили в городе с родителями. Прилетела в Новосибирск, надела красивый костюм и отправилась к ректору. Секретарю подала очень редкую для того времени визитную карточку, отпечатанную в Финляндии во время моей стажировки, где значилось, что я доцент столичного престижного вуза. Это всегда производило впечатление, и ректор меня принял. Не знаю, помог ли этот визит или что другое, но Галя осталась в городе, трудилась в этом же институте в отделе научно-исследовательских работ, а затем преподавателем. Сына она назвала Степаном, в честь нашей матери Степаниды.

Он был необычным ребёнком, очень умненьким, но несколько агрессивным. В его играх самолёты терпели крушение, машины падали в пропасти, всё, естественно, начисто разбивалось. Чтобы завоевать его расположение, я, вспоминая детство, придумывала ещё более ужасные аварии и создавала абсурдные ситуации. Сначала смотрел на меня с удивлением, а потом признал во мне достойного партнёра для игр. Его правдивостью, передававшейся по наследству от мамы, развлекали гостей. На вопрос:

— Стёпа, ты меня любишь? — он твёрдо и уверенно отвечал:

— Нет.

Следующим вопросом был:

— У кого самое красивое платье?

Он тут же совершенно безошибочно указывал, даже если только что сказал, что эту тётю не любит. Степан стал специалистом высокой квалификации в области IT технологий.

Разница в возрасте между старшей и младшей сестрой в 21 год создавала забавную путаницу в родственных отношениях между членами семьи. Галина в неполные два года была уже тётей, а в 23 года стала бабушкой, хотя и двоюродной, а её сын Степан — дедушкой в 18 лет, поскольку его двоюродная сестра Таня только на 2 года моложе его матери. Во всём этом без генеалогического дерева просто невозможно разобраться. Его я, кстати, составила для обеих семей моих родителей. Однажды маленький сын Тани Аркаша, пытаясь в компании сконцентрировать моё внимание на себе, постоянно обращался ко мне: «Валя, Валя...». Мой сын к этому отнёсся ревниво и строго ему сказал:

— Какая она тебе Валя, она твоя бабушка!

Все просто онемели, такого разговора в данный момент на эту тему никто не вёл. Видимо, он слышал это раньше, запомнил и весьма уместно использовал.

Кстати, Стёпа родился в тот день, когда мою докторскую диссертацию утверждали в ВАКе (Высшая аттестационная комиссия). В те времена это была страшная процедура, связанная с многими месяцами ожидания и нервотрёпки, анонимными письмами и другими «прелестями». Эксперты ВАКа были недоступны для общения и являлись чуть ли не священными особами для соискателей степеней (впоследствии и я сама отработала в этом качестве лет 7–8). Но «утечки» информации всё-таки были, и я знала, что сегодня рассматривают мою работу. Знала я, и что сестра Галина вот-вот станет матерью, и с нетерпением ждала звонков. Двойного напряжения не вынесла и уснула на диване рядом с телефоном. Звонок показался громом, и строгий незнакомый голос спросил:

— Здесь проживает доктор технических наук?

Оказалось, что это даже не мой знакомый, а Сам Эксперт, который вёл моё дело! Вот бы удивился, узнав, что я спала! И сразу после этого второй звонок — родные поздравляли меня с племянником. Вот такие счастливые бывали дни.

Глава вторая

Мир детства

Село и усадьба

Маслянино, куда наша семья приехала в начале войны, было большим селом уже к концу XIX века. Оно находится в 176 км от Новосибирска и в 68 км от железнодорожной станции Черепаново. Есть сведения, что первые его поселенцы были кержаками (староверами), они пришли в это место с Ермаком, который начал заселение Сибири в 1581 году. Официально Маслянино было основано в 1644 году и получило своё название от масла шелковичного льна, который здесь издавна выращивался на отвоёванных у леса территориях и обрабатывался жителями сначала самостоятельно, а потом на местном льнозаводе.

Население пополнялось переселенцами из Вятской, Смоленской и других губерний. Первые дома располагались вблизи построенной староверами церкви, на низком месте, покрытом крапивой, у небольшого ручья. По всей вероятности, это место находилось как раз в районе нашего дома — клуб (бывшая церковь) был рядом, а чуть ниже, на границе нашего огорода, протекал ручей. Во время прибытия нашей семьи в Маслянино ручья уже не было,

от него осталось сухое русло, заполняемое только весенней водой.

В 1896 году (возможно, на месте старого храма) была сооружена церковь в честь святителя Николая Мирликийского. По преданию, храм получил имя от иконы, подаренной Николаем II во время посещения села по пути в Японию. В конце 20-х годов следующего столетия церковь закрыли. Её частично разрушили, купол снесли, иконы сожгли и устроили в здании сначала зернохранилище, потом клуб. Нам, детям, и в голову не приходило, что клуб, куда мы ходили в кино и на разные развлекательные мероприятия, был церковью, а сад — её территорией. Сейчас она восстановлена, и в ней есть написанная мной икона святителя Николая.

Место, где располагался наш посёлок, весьма живописно. Полноводная река плавно огибает его и разделяет застройку на две части, соединённые мостом. Центром в то время считался клуб в окружении так называемого сада — квадратной поляны, обрамлённой со всех сторон кленовыми аллеями.

Климат Западной Сибири континентальный, и было мнение, что именно в нашем посёлке он является экстремальным: с одной стороны, полюсом холода, а с другой — местом самой высокой летней температуры. Сведения не проверены, но, возможно, так оно и есть, рельеф этому способствует. В холодные зимние дни всё тонуло в морозном тумане, воздух становился стылым, плотным и физически ощутимым, из труб вертикально поднимался белый дым, морозные узоры на стёклах волшебным образом переливались разными цветами. Дорога блестела следами от санных полозьев, чистый снег скрипел под валенками, и к каждому дому вела прокопанная в снегу тропинка с сугробами по краям. В конце зимы, когда солнце начинало пригревать, на снегу образовывался наст — твёрдый покров, сверкающий в лучах солнца всеми цветами радуги. Мы с братом Володи в шерстяных носках без валенок выскакивали

из дома и с восторгом бегали по насту, иногда проваливались, но не останавливались пока не набирали полные носки снега.

Весна приносила необыкновенные запахи талого снега и ещё чего-то такого, про что говорится: «Пахнет весной». Сначала на солнечной стороне появлялись сосульки, мы их сосали, потом первые прогалины на поляне и первые ручейки. И, наконец, наступал ледоход. Ночью слышались выстрелы от ломающегося на реке льда, начиналась ежегодная суматоха по спасению моста. Иногда это удавалось, а иногда ледоход его серьёзно повреждал, опоры моста были хоть и основательными, но деревянными. Утром мы бежали смотреть, как громоздятся серо-синие льдины, и взбирались на те из них, что выталкивало на берег.

В летние жаркие дни выскочишь утром на террасу, трава во дворе покрыта росой, на паутинах она сверкает, как редкие бриллианты, всё залито солнечным светом и предвещает жаркий день. К полудню воздух прогревается, дрожит и струится, если смотреть в конец улицы. В такие дни мы целыми днями пропадали на реке, забывая о еде. За пределами села начинались поля льна с ярко-синими васильками в них и луга со множеством полевых цветов. Некоторые из них я видела только в Сибири, например, цветы, очень точно называемые в народе «огоньками». Это были маленькие ярко-оранжевые розочки, которые просто светились в свежей зелени. А в лесу встречались очень крупные пёстрые дикие лилии. Радовали и посаженные цветы, и большой участок цветущих алых маков под окнами. Остались любимыми на всю жизнь запахи из того времени: цветущей черёмухи, сирени, маленьких огурчиков, помидорных веток, кустов смородины, нагретого солнцем соснового леса, речной воды, выпекаемого хлеба.

Любимый запах осени от сжигаемой картофельной ботвы. Огороды уже пусты, только дымятся потихоньку костры, аллеи сада полыхают яркими жёлтыми и красными кленовыми листьями. А по утрам, когда мы с охотой

после летнего перерыва бежим в школу, поляна покрыта белым инеем. Воздух осенью становился особенно прозрачным, хотя он всегда был необыкновенно чистым и благодаря окружающим его сосновым лесам и реке, а также из-за полного отсутствия вредной промышленности и минимального количества транспорта. Выросшая в такой стерильной атмосфере, я совершенно не переносила запаха бензина, и дальние поездки в автомашине были для меня тяжёлым испытанием. Когда мы переехали в Новосибирск, я не могла поверить, что воздухом с запахом каменного угля можно дышать постоянно, и всё ждала, когда же он исчезнет. Не дождалась, привыкла и перестала замечать.

В детстве никто не обращал моего внимания на красоту окружающего мира, но, сколько я себя помню, я видела её во всём: в ёлочных игрушках, в узорах на лоскуточках тканей, в осколках цветного стекла, в книжных картинках и, конечно, в природе. Казалось, что нет более прекрасной природы, чем та, что нас окружала. Позже я имела возможность убедиться, что на свете много мест более красивых, но страна моего детства до сих пор остаётся самой чудесной и неповторимой. К сожалению, я поддалась своему желанию снова всё увидеть и посетила это место через много лет. А ведь уже знала замечательное стихотворение Геннадия Шпаликова:

По несчастью или к счастью, истина проста:
Никогда не возвращайся в прежние места.
Даже если пепелище выглядит вполне,
Не найти того, что ищем, ни тебе, ни мне.
Путешествие в обратном я бы запретил,
Я прошу тебя, как брата, душу не мутить.
А не то рвану по следу — кто меня вернёт? —
И на валенках уеду в сорок пятый год.
В сорок пятом угадаю, там, где — Боже мой! —
Будет мама молодая и отец живой.

Фасад нашего дома. 1945 год

По приезду в Маслянино наша семья в составе 6 человек (мама с тремя детьми и двумя сёстрами-инвалидами) поселилась в бревенчатом домике с двумя окнами на фасаде (на фото одно окно заложено) и двумя на огороде. Дом состоял из одной комнаты с закутком для кухни, сеней и небольшой терраски. Зимой окна замерзали, покрывались морозными узорами, а с подоконников оттаявшая вода стекала по тряпочкам в подвешенные бутылки. Значительное место занимала большая русская печь, которая служила одновременно и лежанкой. На печке мы часто играли в морозные дни. Там сушились валенки, были и специальные углубления для подъёма наверх и сушки рукавиц. А за печкой стояли ухваты, веник и жил сверчок. Печка иногда дымила, и тогда приходилось открывать двери даже в мороз, а нас, детей, заворачивать в тулуп и сажать на пол. Всегда была опасность угореть, что случалось, когда, желая сохранить побольше тепла, задвижку закрывали раньше положенного времени. Угар приводил иногда даже к смертельным случаям, к счастью, не в на-

шей семье. Но головные боли и рвота — обычные признаки отравления углекислым газом — бывали и у нас.

Сени с маленьким окошечком были почти тёмными, через них я всегда пробегала со страхом. Из сеней шла лестница на чердак, по нашим детским представлениям, месту таинственному и немного страшному. Хотя мы прекрасно знали, что на самом деле там висят берёзовые веники, привязанные к стропилам, и свален всякий хлам. Через чердачное окошечко на эту гору ненужных вещей падал сноп света, который наполнялся пылью, когда мы начинали копаться в старье. Среди хлама, кстати, были и тома Ленина, а может быть, и полное собрание сочинений, в красных переплётках и на хорошей бумаге. Из этих книг мы вырывали листы, на которых можно было рисовать. Хорошо, что это никому не стало известно, иначе быть бы родным в лагерях, а нам в детском приюте.

В сенях были полки, на которых зимой лежали замороженные круги молока и другие продукты. Иногда мама делала для нас маленькие тёмные сушечки, и они тоже висели там в связке на верёвочке, наверное, для того, чтобы мы не сразу их съели. Но мы выскакивали раздетыми в ледяные сени, снимали эти сушки и грызли их, не дав оттаять.

Площадь избы была столь мала, что трудно понять, как мы там все размещались. При этом мы ещё умудрялись пускать на ночёвку разных людей, в их распоряжении оставался только пол, но всё равно — это лучше, чем на улице. Одна из таких странниц обворовала нас, среди пропавших вещей было платье сестры для выпускного вечера, из креп-жоржета, зелёное в чёрную точку, я его помню.

Стол, табуретки, этажерка и сундук составляли всю остальную мебель. На этажерке стояли книги, учебники старшей сестры, и меня очень привлекало непонятное название одной из них: «Хрестоматия». Украшением дома был большой фикус, а на стене висела чёрная тарелка радио. По радио передавали сводки Совинформбюро, песни

План нашего дома

План усадьбы. 1945 год

военных лет. Насколько я помню, детских пере-
дач не было, но были
музыкальные. Самым лю-
бимым был вальс «Амур-
ские волны».

Сундук был старин-
ным, массивным, из ко-
ричневого, наверное, ду-
бового дерева и служил
не только шкафом для
всей имеющейся одеж-
ды и белья, спальным
местом, но и предметом
нашего развлечения. На
внутренней стороне
крышки были наклеены
многочисленные кар-
тинки из дореволюцион-
ных журналов, которые
мы не уставали разгляды-
вать. Этот сундук до сих
пор является складом
разных вещей у сестры
на даче.

Электричества в до-
мах, конечно, не было,
освещались керосиновы-
ми лампами. В зависимо-

сти от ширины фитиля они были 7-, 10- или 25-линейными. У нас была 10-линейная. Купить стекло для лампы было очень трудно, поэтому всегда заботились, чтобы его не разбить. Из экономии керосина лампу зажигали, когда было действительно темно, — поздно вечером и рано утром. Сумерки я любила, особенно когда топились печь и освещала часть дома красноватым отблеском, что-то вроде деревенского камина.

Усадьба включала огород в 15 соток, баню, хозяйствен-
ные постройки и двор. Как-то во дворе я наступила на
гвоздь, и он полностью вошёл в пятку. Не растерявшись,
я спокойно его вытащила за шляпку, а когда показала
дома, все пришли в ужас: такой он был большой и ржавый.
К счастью, всё обошлось без последствий. Вторая часть
двора была отгорожена забором из жердей с воротами.
Там были стайки для коровы и кур, баня, погреб и убор-
ная. Крыша бани покрыта дёрном, и на нём росла полынь,
а над стайками и погребом размещался сеновал, с кото-
рым связано следующее опасное, но счастливо закончив-
шееся происшествие.

Ярким весенним днём, когда солнце уже хорошо при-
гревало, снег начал таять, и во дворе появились первые
ручейки, мы с братом и ближайшей подругой в восторге
от тепла, яркого света и весенних запахов бегали напере-
гонки по крыше сеновала. Там ещё оставался тонкий слой
сена, который и прикрыл просвет между жердями насти-
ла. Он оказался для меня настоящей ловушкой. Всё прои-
зошло мгновенно, я опомнилась только в глубоком погре-
бе, вход в который был точно под этой дырой, а крышка
открыта для проветривания. Самое удивительное, что
я, пролетев около пяти метров, приземлилась в един-
ственное свободное крохотное пространство между лест-
ницами, бочками и большими камнями. Это меня и спасло,
если не от смерти, то от сотрясения или тяжёлых пере-
ломов. На крики моих друзей, у которых я исчезла прямо
на глазах, прибежала мама и вытащила меня, совершенно
невредимую, из погреба по длинной, почти вертикальной
лестнице. И только когда она повела меня домой прямо
по лужам в валенках, я испугалась и посчитала, что здесь
самое время заплакать, но это мне не удалось.

Одно из воспоминаний детства — стадо коров, воз-
вращающихся летним вечером с пастбища. Хозяйки,
заслышав мычание, открывали ворота и стояли рядом
в ожидании своих кормилиц. Впереди стада шёл пастух,

молодцевато щёлкал длинной плетью и перебрасывался шутками с женщинами. Коровы в понукании не нуждались, они, толкаясь, бодаясь и поднимая лёгкую дорожную пыль, спешили в свои дворы. Там им давали пойло, доили, и тугие струйки молока звонко ударялись о дно ведра. Разносился запах парного молока, который я не любила, как и само это молоко. Пила только холодное из погреба или горячее, томлёное в русской печи до бежевого цвета с красивой пенкой.

Коров было у нас две — рыжая Майка и чёрно-белая Красавка. Они содержались в сарае, называемом стайкой. Зимой там было теплее, чем на улице, но всё же настолько холодно, что коровы покрывалась инеем. Когда же приходило время телиться, взрослые постоянно, днём и ночью, ходили смотреть, как они себя чувствуют, носили тёплое пойло. Родившегося телёночка приносили в дом, чтобы не замёрз. Стоять он ещё не мог, ножки разъезжались по полу. Мы с братом были в полном восторге. Телёнка поили первым молоком, которое люди не пили, но запекали в печи, и получалось что-то вроде омлета. Это называлось молозивом и было, как говорили, вкусно, но я его никогда не соглашалась даже попробовать. Потом из-за трудности заготовки сена пришлось продать Майку. Её увели со двора со слезами в глазах, и все так горевали, как будто потеряли члена семьи.

Из других домашних животных в хозяйстве постоянно были куры. С ними у нас была связана такая игра. Перед Пасхой распределяли дни по числу членов семьи и считали, сколько яиц снесут курицы для каждого. Призов не было, но азарт был. Наверное, у нас иногда были и овцы — бабушка постоянно сучила пряжу и вязала из неё свитера, шарфы, носки и рукавицы. Жил в доме и постоянный участник наших игр кот Васька, чёрный с белой манишкой и белыми лапками. Он был озорным и дерзким, любил подбираться к чашке со сметаной, опрокидывал банки с молоком и проделывал это не только у нас, но и у сосе-

дей. Закончились его шалости плохо, однажды он пропал, а потом мы нашли его мёртвым, скорее всего, отравленным, и нашему горю не было конца.

Некоторое время, не помню, в связи с какими обстоятельствами, у нас находилась лошадь. Мы с братом её любили, кормили и водили на реку поить и купать. Удивляюсь, что нам её доверяли. Лошадь была, конечно, смиренная, но сейчас представляется множество ужасов, которые могли с нами случиться. Договорились, что поочерёдно один из нас будет ехать верхом, а другой бежать рядом. Однако для меня верховая езда оказалась непростым делом: сидишь выше, чем представляется с земли, всё под тобой движется, хребет лошади твёрдый, несмотря на подстеленную фуфайку. Спускаться с горки ужасно страшно: кажется, перелетишь через голову коня прямо под его ноги, и я намертво вцепляюсь в гриву. К тому же, чувствуя мою трусость, лошадь меня не слушалась. После первой попытки я передала свои права на поездки бесстрашному Вовке, у которого с лошадью было полное понимание. Решила больше никогда не пробовать, но не могла пропустить случая поехать верхом на осле в кибуце на севере Израиля. Осёл меня тоже не слушался, постоянно останавливался, ел колючки или просто стоял, в то время как мой муж передвигался на своём ослике без всяких проблем.

К дому примыкал огород и продолжался за хоздвором. В конце огорода росла густая травы, после таяния снега близко подходила вода и долго там оставалась. На огороде с самой ранней весны было чем поживиться. Сначала жевали какую-то траву, потом перья чеснока и лука, а уж потом огурцы, морковь, репку, брюкву. Рос у нас и паслён, наши друзья ели его с удовольствием, а я не любила из-за запаха.

Огород разделяла на две части тропинка, ведущая к колодцу. Наверное, с этой тропинки, обросшей по сторонам травкой, я полюбила всякие тропы. Никогда не упускаю случая по ним пройти, всегда ищу их глазами и прослеживаю

путь, когда смотрю из окна машины, поезда, автобуса. Всегда они дают простор воображению и воскрешают воспоминания. Вокруг стаяк, обложенные навозом с соломой, были устроены огуречные грядки, которые одновременно утепляли постройки для скота. На эти грядки мы таскали воду ведрами для полива. Однажды мы уронили в колодец ведро и долго пытались его вытащить, проявляя чудеса изобретательности. Ведро было большой ценностью, впрочем, как и всякая вещь.

Появление первых огурчиков всегда было неожиданностью, мама прикрывала их листочками, чтобы мы не съели их в зародышевом состоянии. Но и сами мы совсем маленькие огурчики не рвали, но любили смотреть на них, в мелких пупырышках и как бы покрытых лёгким туманом. Вдоль забора, разделяющего огороды наш с соседним, рос неистребимый хрен. С ним иногда пробовали бороться, но безуспешно. Потом, на подмосковной даче, мы тщетно пытались его выращивать — не принимался! Сейчас, глядя на него на рынке, вспоминаю тот далёкий огород.

На фасадной стороне огорода росла чёрная смородина, под кусты которой было хорошо спрятаться, вдыхая приятный густой запах. Под окном всегда рос мак, поспевания которого мы с нетерпением ждали. Срезали спелые коробочки, бегали, громыхали ими, потом вытряхивали зёрна прямо в рот и жевали до белизны. Цветы мака и оранжевые ноготки (календулу), которые росли вместе с ним, мы почти полностью оборвали, когда воины стали возвращаться с фронта. Завидев грузовики с солдатами, мы спешно срывали всё, что попадёт под руку, и бежали за машинами до чайной, бросая наши букетики в кузов машин. Грузовики останавливались, народ сразу направлялся в чайную отметить возвращение и закусить. Нас иногда угощали конфетами-подушечками, но бегали мы туда не из-за них. Главным стимулом была атмосфера праздника.

Одна из прекрасных песен иеромонаха Романа «Я нарисую старый дом» очень эмоционально и похоже описы-

вает мой дом детства. Чтобы добиться полного сходства я заменила некоторые слова на свои (в тексте курсивом). Приношу извинения автору и надеюсь на его снисходительность.

Я нарисую старый дом,
*Терраску и забор наш ветхий,
За ним сарай (его уж нет),
И мать, глядящую мне вслед
Через окно в морозной сетке.*

Я нарисую старый дом,
Певцов пернатых на скворечне,
*Колодец в глубине двора,
Тропинку узкую к нему,
Траву зелёную, конечно.*

Я нарисую старый дом,
Поля с картофельной ботвой,
*А вдалеке — сосновый бор,
Деревья в зелени листвы,
Всё позабытое, родное.*

Я нарисую старый дом,
*Поляну, Бердъ, простор обжитый,
Белоголовое дитя сидит
На лавочке, свистя
Своей свистулькой из ракиты.*

Но время не вернуть назад.
Не побежать босым по лужам.
*Отца, покинувший сей свет,
Давно уж в церкви был отпет.
И мать, и брат в ином уж мире служат.*

Споткнулся, замер карандаш,
Не по своей, наверно, воле.

Гляжу в окно на белый свет —
И дома нет, *и близких нет.*
Бумага, чистая до боли.

Соседи и окружение

В месте расположения нашего дома улица была с односторонней застройкой. Ближе всего к нам был дом моей подруги Нины, дружба с которой продолжалась долгие годы, до её ухода из жизни. Мать её была врачом, и материальное положение выше среднего уровня. Однако жизнь всё равно шла по сельскому укладу: домашняя скотина, огород. Мама часто помогала им по хозяйству: копать землю, убирать картошку и прочее. В профессии врача была и опасная сторона. Она состояла в комиссии по мобилизации, и иногда мужчины, недовольные тем, что не получили медицинской справки для освобождения от армии, угрожали расправой. Однажды поздним вечером один такой гнался за ней и грозился убить. Она забежала к нам на терраску, мама услышала, выскочила из дома, и им вместе как-то удалось прогнать преследователя.

Далее на неогороженном и совершенно пустом участке стоял домик, похожий на избушку на курьих ножках. Он имел совершенно нежилой вид, часть окон была заколочена досками. Там жила рябая женщина с четырьмя детьми — сыном Владимиром и тремя дочерьми: Марией, Кларой и Ирой. Семья была не просто бедной, а нищей, они варили лебеду, собирали из-под снега гнилую картошку и колошки, хотя была опасность ими отравиться. Старшая из дочерей Мария была красивой и в конце концов примкнула к пришлому люду, живущему в землянках. Младшая, Ирка, довольно часто к нам заходила, и мама её кормила. Все дочери были умственно отсталыми, а сын Володя вполне нормальным, он учился в школе вместе с моей старшей сестрой и сумел получить высшее образование.

За ними жили Масаловы с приёмным сыном Лёней Романенковым. Отец его работал в типографии главным

редактором, а мать — учительницей. Лёня был нашим другом, а впоследствии стал мужем моей двоюродной сестры Светланы, и мы до сих пор с ними на связи.

Недалеко от нас жила девочка, с которой я всегда с большим удовольствием играла в куклы. Мы обе любили рисовать. Имя её я забыла, но хорошо помню их маленький домик. У её соседей был патефон, который иногда хозяйка выставляла на крыльце, и однажды пригласила нас потанцевать во дворе под музыку. Это ужасно нам понравилось, и мы всегда ждали нового приглашения, но, кажется, больше оно не повторилось. По дороге к дому бабушки жила девочка Фая, у которой был теннисный мячик. Иногда она давала мне его подержать, и я ощущала твёрдость и одновременно покрывающий его нежный пушок. У меня мячика не было вообще, мы играли мягким от старости мячиком моей подруги. После него теннисный мячик показался мне верхом совершенства. В Маслянине, конечно, не было кортов, возможно, что они были в довоенном Новосибирске, или мячик прибыл из более отдалённых мест.

Я, конечно, хотела бы такой мячик, но это было настолько нереально, что я о нём даже и не мечтала и хозяйке совершенно не завидовала. И всю жизнь у меня было такое отношение к вещам или обстоятельствам, абсолютно недостижимым. А может быть, и зря, надо было смелее мечтать. Ведь некоторые вещи оказались только относительно недостижимыми. Тех же мячиков у нас теперь полно, и даже совсем новых.

Отношения между соседями были спокойными, не помню ни одной ссоры. У взрослых постоянно посещать друг друга принято не было, изредка заходили только по надобности (позаимствовать закваски для стряпни, углей для разжигания огня и т.п.) и на лавочках по вечерам не сидели, да и лавочек не было. У всех дел и забот было полно, а свободного времени мало. Думаю, что это ещё и особый тип отношений в сибирских деревнях того времени,

когда каждая семья жила достаточно изолированно, только дети соединяли все дворы.

Дом, где мы жили, был в детстве центром восприятия мира, вокруг которого разворачивается всё остальное. Через дорогу от дома начинался сад с клубом, о которых я уже упоминала. В клубе показывали кино, проходили выборы и разные общественные мероприятия, а сад обычно пустовал. Однажды он заполнился неизвестными людьми. Помню их, сидящих на своих вещах под открытым небом. Мы, дети, ходили, как бы невзначай, мимо и украдкой, но с интересом на них смотрели. Меня больше всего поразило прислонённое к каким-то тюкам большое зеркало в деревянной оправе, в котором отражались облака. Как я много позже поняла, это были люди из прибалтийских народов, которых переселяли в Сибирь в печально известные времена.

Перед домом расстилалась большая поляна. Это была именно поляна, а не площадь, там росла низкая плотная трава, почти как на газоне. Хотя временами эта поляна использовалась и как площадь. В дальнем от нас участке, ближе к школе, маршировали и пели песню «Вставай, страна огромная...» сформированные в районе отряды для отправки на фронт. Мы, конечно, бегали туда на них смотреть, а играли обычно поблизости от дома. Здесь никто не ходил и не ездил, и место принадлежало исключительно нам. Летом были игры на траве, зимой катались на санках по небольшому склону, весной прыгали через возникший от таяния снегов ручей, пускали кораблики и толпились на подсохших прогалинах.

Эта обжитая нами поляна была местом действия моего детского сна, который запомнился мне на всю жизнь. Не знаю, видела ли я его во время болезни или в обычную ночь, не помню также, сколько мне было тогда лет, но видение было неправдоподобно ярким. Я находилась на поляне в небольшом светлом пятне среди абсолютной темноты, а из сверкающего круга на небе на меня смотрел

Некто в блистающих синих одеждах. Лица его я не помню, сейчас он у меня сливается с иконописными образами, но это уже современное восприятие. Тогда дома решили, что мне приснился Целитель Пантелеимон, которого я считала с тех пор своим покровителем.

От поляны нас отделяла грунтовая дорога, по которой мало кто ездил, в основном, гоняли скот на пастбища, подвозили дрова и сено. Вид замыкала Школьная улица и сама школа. И хотя школа была видна из окна нашего дома, расстояние до неё было довольно большим. Прямо за садом находились чайная и магазины. Это было место очередей за хлебом, мы там часто крутились около взрослых. В магазине стоял большой ларь с крупной солью, из которого мы брали кусочки и пытались сосать вместо конфет. После войны, когда жизнь несколько оживилась, там продавалась газированная вода и мороженое в виде брикетиков с двумя круглыми вафлями снизу и сверху.

В южном направлении от дома на краю села находилась Синяя больница, называемая так по цвету стен. В этой больнице родилась сестра Галя и я однажды лежала со scarлатиной. Мы с подругой иногда ходили к её матери, работающей там. В такие походы мы старались нарядиться, и однажды нам это особенно удалось: повязали головы шёлковыми платками, Нина — малиновым, а я бледно-розовым, папиным подарком. Платки были действительно красивыми, мы чувствовали себя просто принцессами и гордо шествовали босиком по пыльной пустынной улице.

По дороге заходили на ветеринарный участок, там работала врачом жена моего дяди Никиты и жили родители будущего мужа старшей сестры, тоже работавшие ветврачами, — Харчиковы Павел Федотович и Клавдия Андриановна. Она была очень доброй и всегда нас чем-нибудь угощала. Место было для нас притягательным своей необычностью: запах карболки, станки для животных и конные грабли, на сидении которого так было удобно расположиться. Дом стоял на большом дворе со старыми берёзами

и яблоньками-дичками, которые в своё время посадил мой дед Никифор. Росшие маленькие яблочки-ранетки казались необыкновенно вкусными, их можно было рвать сколько хочешь. Был там и колодец с воротом, в глубину которого мы любили смотреть.

В северной стороне от дома на другом конце села на пригорке располагалось кладбище, мы иногда заходили туда посетить могилу бабушки, возвращаясь с расположенного неподалёку нашего участка проса. На могиле стоял серый от дождей и времени деревянный крест с двухскатной кровлей, характерной для старообрядцев. Такие кресты имеют почему-то особенно печальный вид. Пахло травой и полынью.

К востоку от дома располагался базар, действующий по воскресеньям. Там продавали семечки и серку — тогдашнюю жвачку из кедровой смолы. Продавцы держали её в стеклянных банках с водой, а семечки насыпали в бумажные кулёчки из газеты. Рядом с базаром была пекарня, от неё исходил чудесный запах печёного хлеба, один из самых моих любимых до сих пор. Теперь мы регулярно наслаждаемся подобным ароматом, исходящим из домашней хлебопечки. И мука у нас несравненно качественнее, и закладываются ингредиенты, о которых в военном хлебе и речи не было, и запах прекрасный, но всё же кажется, что тот, прежний, был лучше.

Быт

В военные и послевоенные годы все усилия окружающих людей были направлены на выживание. Наша семья, можно сказать, была недееспособной — мама единственная работница, остальные — дети и инвалиды. Но каждый делал, что мог, ведь работы было немало: уход за скотиной, огород, сенокос, заготовка дров, пряжа шерсти и вязание, пошив и ремонт одежды. Повседневная домашняя работа тоже требовала больших усилий: печь топить, воду носить из колодца для еды, стирки, бани и многое

другое. Поддерживало то, что жили дружно, не ссорились ни друг с другом, ни с соседями. Картина выглядит идеалистической и почти нереальной, но я действительно не помню ни одного случая, чтобы в доме ругались и кричали. Возможно, ссоры и были, но не при детях. Хотя вряд ли, обычно общую атмосферу дети прекрасно улавливают и скрыть ничего не удаётся, особенно в таком малом пространстве, в каком мы жили. Поэтому я долгое время была уверена, что взрослые, в отличие от детей, никогда не ссорятся между собой.

А вот смеялись дома много, особенно смешлива была мама. Все дети по этому признаку в неё, впрочем, и папа любил посмеяться. Мы, дети, конечно, не понимали тогдашней трудности жизни, принимали её такой, как она есть, другой мы не знали, и всё казалось нормальным. Война была где-то далеко, о ней мы слышали по радио и из разговоров взрослых, они постоянно ждали писем от папы и от дяди Григория, маминого брата. Он погиб в самом начале войны, что удалось установить совсем недавно из военного архива. Помню, как гадали, жив ли он, выливая содержимое сырого яйца в стакан с водой. Смотрели, что получится, и всегда выходило, что с ним очень плохо.

Домашней работы у нас, детей, было немного: подметать пол, чистить варёную и перебирать сырую картошку в погребе, держать пряжу на руках во время её перемотки и т.п. Нас не очень обременяли и работой на огороде, мы поливали огурцы, это было весело, полоть грядки тоже не так утомительно — сорняков было мало. И только обязательное участие в копке картошки было для меня ненавистным занятием и тогда, и впоследствии, когда мы в институтские годы мобилизовались на сельхозработы. Причина была в том, что руки облеплялись землёй, высыхали и противно шуршали, перчаток, конечно, не было. Только полвека спустя я впервые с великим удовольствием копала картошку на нашей подмосковной даче. Руки на этот раз были в перчатках, а породистая и урожайная

картошка вся плотно сформирована на одном кусте, так что не надо копаться в земле. Но, как всегда, как только какой-нибудь процесс достигает совершенства, он заканчивается.

Мылись мы в собственной бане. Но иногда мама купала нас с братом дома в цинковой ванне, потом заворачивала в полосатые простыни и передавала в руки тётей на тёплую лежанку русской печи. Баня топилась один раз в неделю, и мылись по очереди: в «первый пар» шли бабушка с тётями, а во второй мы с мамой, нам большого жару было не нужно. Я любила смотреть, как плещут воду на раскалённые камни, они шипят, и баня наполняется белым паром. Там всегда хорошо пахло берёзовыми вениками и нагретым деревом. В предбаннике спешно одевались, чтобы не простудиться, и бежали в избу. После бани пили чай.

Одежду взрослые донашивали из старых запасов, из них же перешивались и для нас необходимые вещи. Однако много одежды в то время не было, к тому же всё, что можно было продать, продавалось. Помню, мне сшили из папиной толстовки бордовое, в тонкую полоску фланелевое платье. Особой гордостью были две полоски на рукаве, означающие, что я председатель совета отряда пионеров. Шили юбки из сатина с ляжками и ситцевые кофты в клеточку, как я говорила, «в арифметику». Какую-то одежду получали в обмен на молоко.

С обувью было сложнее. Валенки нужны были обязательно и какая-то обувка на осень и весну. Летом ходили по большей части босиком. Новые валенки покупали в промартели или опять же получали в обмен на молоко, масло или яйца. Старые подшивал дедушка. Не помню, что я носила на ногах весной и осенью. Однажды я нашла на чердаке старые засохшие туфли, которые, как мне показалось, были моего размера, и их можно было ещё носить. Но, видимо, что-то не совпало, так моя мечта пойти в них на первомайскую демонстрацию не осуществилась. Я долго мечтала о резиновых ботиках с застёжкой и зам-

шевыми отворотами, которые надеваются на ботинки или туфли. Наконец мне купили их по случаю, но размер был меньше, чем требовалось. Других не было, взяли эти в надежде, что растянутся. Я носила их даже в холодные дни только на тонкий носок, но даже и без туфель они были тесноваты.

После возвращения папы с фронта всё значительно улучшилось. В промкомбинате, где он работал, катали для нас валенки и шили сапожки, сшили и одинаковые дублёнки. Они, надо сказать, были очень стильные, в талию с разрезом сзади, отороченные японским искусственным мехом. Он был зелёным и сделан из натурального шёлка, кстати, очень качественный. В этих дублёночках мы с братом выглядели, как близнецы, и походили на игрушечных генералов. На нас все смотрели, а я немного стеснялась из-за разреза, в который брат то и дело пытался прикрепить хвостик.

Питание по современным понятиям было скудное, но мы никогда не голодали, хотя есть были готовы всегда. Спасал огород и корова. В военное время в очередях за хлебом приходилось отстаивать многие часы. Хлеб выдавали по карточкам, которые надо было получать раз в месяц. Там указывались числа и вес хлеба по установленным нормам. Если я правильно запомнила, мы получали кирпичик с маленьким довеском на всю нашу семью. После получения дневной порции продавец вырезал ножницами соответствующую клеточку. Иногда хлеба на всю очередь не хватало, тогда надо было ждать дня выдачи задолженности. Чаще всего хлеб был чёрным и тяжёлым, но казался нам очень вкусным, лучше, чем почти белый из-за добавки овса. Большой удачей было, когда хлеб выдавали с довеском, и нам разрешалось съесть его по дороге домой. Если карточки теряли или их крали, люди оставались на целый месяц без хлеба, — трагедия того времени.

Основной едой была картошка, заготавливали и овощи: свёклу, морковь, тыкву, солили на зиму капусту и огурцы.

Картошка и овощи хранились в подполье под домом, а соленья — в погребе, в больших бочках под деревянными крышками и с гнётом из больших камней.

Сестра Света вспоминает: зимой у бабушки в комнате топится печка. В ней он печёт картошку, достаёт, очищает от золы и разбивает кулаком на столе. Картошка крупная, разваристая и очень вкусная. К ней приносится из сеней мёрзлое сало, а домработница Маруся достаёт из подполья соленья. В большой миске сверху лежат крепкие, хрустящие огурцы, а под ними солёная квашеная капуста ломтиками, которыми они перекладывались.

В нашей семье сала не было, варёную картошку в мундирах ставили на стол в эмалированном тазике, а в чашке — огурцы и капусту. В качестве десерта ели так называемые «парёнки» — запечённые на листе в русской печи ломтики моркови и свёклы. Хрумкали брюкву и репу, которая тоже казалась очень вкусной. По вечерам за разговорами щёлкали семечки, которых много сушили к зиме. Так что голодным временем эти годы для нас не были. Бывало, что мы выражали недовольство тем, что еда невкусная. Как-то летом бабушка сам готовил для нас обед: сварил картошку, потолок её в той же воде, отчего пюре получилось жидкое и жёлто-зелёного цвета. За столом я шёпотом сказала, что это молочай с лебедой. Бабушка услышал и велел мне выйти из-за стола со словами:

— Губа толще, брюхо тоньше.

Обычно варили супы из овощей и каши — пшённую или тыквенную. Пшённую, сваренную в чугушке в русской печи, я очень любила, а тыквенную совсем нет, так же как и овсяный кисель из-за его желеобразной массы. Из картошки делали крахмал, выжимая сок из натёртого сырого картофеля. А из отжимков с добавлением небольшого количества муки пекли или жарили драники, что-то вроде оладий. На вид они были чёрными и совсем невкусными, хотя многие мои ровесники ностальгически о них вспоминают и даже готовят. У нас их делали редко. С удо-

вольствием ели жмых, когда был. Яиц регулярно не ели, те, что были, шли на обмен необходимых вещей. Но по праздничным случаям на большой сковороде жарилась селедочка (омлет со шкварками).

Самым большим праздником в семье была Пасха, к которой готовились задолго. Покупалась извёстка и синька, белили стены и потолок. Всё, что было в доме, чистилось, отмывалось, отскабливалось. Даже ручки ухватов скоблили добела. Перед Пасхой в день Благовещения мама пекла постное печенье в виде голубков. Они назывались почему-то жаворонками, получались тёмными из-за ржаной муки и отсутствия сдобы, но очень нас радовали. Сейчас, когда я рисую голубков на иконах «Благовещение», всегда вспоминаю маму и этих птичек. Перед Пасхой дом наполнялся прекрасным запахом сдобного теста — пекли куличи и плюшки. Одну из них Вовка как-то утащил, не утерпев до праздника. Конечно, варили и красили яйца. Изба по возможности украшалась, на стол стелили нарядную чёрную с красными розами кашемировую скатерть. Утром смотрели из окон, не «играет» ли солнце, что было хорошей приметой. А после разговления мы спешили на улицу катать крашеные яйца на оттаявших участках поляны.

В нашей семье любили и сейчас все любят и умеют печь пироги и прочие изделия из теста. Для меня это самая вкусная еда. Пекли пироги с капустой, морковью, черёмухой, калиной, а также шаньги-ватрушки с картошкой и с творогом. У нас черёмуха не росла, а в доме у бабушки её набирали много, заготавливали на зиму: сушили, мололи на мельнице, и нам доставалось. Молока, видимо, хватало, во всяком случае, нам, детям, его давали без ограничения. Все взрослые соблюдали посты, поэтому образовывался и некоторый излишек молока. Зимой его замораживали в виде кругов, и Зоя вспоминает, что сгрызала с них только бугорок из сливок. Можно сказать, что это было натуральное сливочное мороженое, только без сахара. Ели и простоквашу, иногда варенец — топлёное

в печи и впоследствии заквашенное молоко. Оно охлаждалось в погребе и было необычайно вкусным, плотное, бежевого цвета с коричневой пенкой. Ни одно современное молочное изделие не идёт с ним ни в какое сравнение. Масло изготавливали в маслобойке и формовали в виде шаров, называемых колобками. Оно шло тоже, как правило, на продажу или обмен. После войны когда наше питание улучшилось, мама делала даже настоящий сыр. Научили маму делать сыр кто-то из наших соседей эстонцев или немцев, они же давали на время и специальную деревянную форму. Приготовление продолжалось очень долго, кажется, более месяца, но сыр получался очень вкусным, и его даже посылали сестре почтой в Ленинград, где она училась.

Друзья и игры

Большую часть времени, как и все дети моего поколения, мы проводили на улице. Зимой катались на санках, по скату поляны и с ледяной горки, которую сооружала тётя в нашем огороде, поливая её водой из колодца. Катались на коньках, привязанных к валенкам, по накатанной санями дороге. Весной бегали смотреть заторы льда, пускали кораблики в ручейках и лужах. Летом играли на поляне перед домом, прыгали через скакалку и по расчерченным на земле квадратикам «в классики», играли в «бабки», используя для этого позвоночные кости не то овец, не то свиней. Один из наших детских друзей (он им остаётся и сейчас) Лёня Романенков увлекался фотографией. Для проявления фото часто использовалась наша баня, маленькое окошечко которой было удобно занавесить. Красный свет создавался с помощью украденного с автомашины заднего огня. Это «геройство» совершил соседский мальчишка Шурка.

Мы обследовали все окрестности, уходили надолго на реку, в лес, словом, росли, как трава в чистом поле. И ничего плохого ни с нами, ни с нашими друзьями не произошло. Такое тогда было время и такое место, где взрос-

лые могли быть спокойны за детей. На реке Бердь пропадали целыми днями, она для нас была целым миром, связанным с водой, солнцем, тёплым песком, зарослями конопли. У всех были свои избранные места для купания. Я рано научилась плавать, но любимым моим местом было мелководье с чистым песчаным дном. Летом вода здесь прогревалась, и особенно сильно ощущался замечательный речной запах. Я часто одна играла с водой, подбрасывая её сверху, а она разлеталась сверкающими алмазными брызгами. На Берди мы забывали о времени и еде и возвращались домой только к вечеру голодные и с синими от долгого купания губами. Мне очень нравился запах росшей на пригорке конопли. Из её стеблей мы делали тросточки, плели верёвочки, а семена жевали, не подозревая об их свойствах.

Из всех наших развлечений главным было кино. Поход в кино всегда был радостным событием. Каждый день мы бегали к кинотеатру смотреть афишу, не привезли ли новый фильм. Деньги на кино давали, не помню, как часто, но не реже, чем нашим друзьям, хотя лишних денег в доме не было.

Однажды я пришла в кино, и оказалось, что фильм двухсерийный и денег на билет требуется вдвое больше. Какая-то девочка постарше сообразила, как ей попасть в заветный зал. Она взяла у меня, лопоухой, деньги, пообещала, что нас пропустит по одному билету её знакомый контролер, купила себе билет и спокойно прошла, уже не обращая на меня внимания. Я пыталась пристроиться рядом, хотя уже понимала, что всё потеряно, и меня,

Мне два года. 1939 год

конечно, не пустили. Ошеломлённая таким вероломным поступком, я стояла у контроля, пока не началось кино, а потом в слезах пошла домой. Там меня не только не отругали, но, поняв моё «страшное» горе, дали сколько нужно денег, и я побежала назад. Фильм уже давно начался, зал был битком набит, и я за неимением места простояла всё время на ногах на задней скамейке, слушая истошное индийское пение и наблюдая за непонятным мельканием. Потом у нас появился велосипед ВИЧ — голубой, сверкающий хромированными частями, с изогнутым рулём, он стоял в наших сенях, как посланец с другой планеты. На нём катались все по очереди.

С самой близкой моей подругой Ниной мы были вместе с четырёхлетнего возраста. Игры наши начинались с раннего утра. Я, едва протерев глаза после сна, наскоро выпив кружку молока с хлебом или картошкой, бежала к Нине, или она прибегала к нам. Чаще всего играли у неё дома, у них было просторно, две большие комнаты, мать целыми днями на работе, дома только нянька, занятая хозяйством. Много игр было связано с войной, но в основном мы играли в куклы. Настоящих фабричных кукол не было, но у неё были две куклы с пластмассовыми головками, пришитыми к тряпичному туловищу. Позже мы увлеклись бумажными куклами. Одну такую привезла Нине её тётя Вера из Томска. Кукол печатали на плотной бумаге с комплектом платьев. Я немедленно нарисовала себе похожую, производство кукол и одежды для них было поставлено на поток и продолжалось чуть не до 12 лет. Потом я перешла на реальный пошив вещей себе и своей сестре.

Тётя Вера и мать моей подруги выглядели, как дамы благородного происхождения, собственно, они такими и были, что подтверждали их внешность, поведение и гардероб. У одной из них сохранилась с лучших времён горностаевая накидка. Она очень привлекала нас своими красивыми чёрными кисточками, которые мы потихонь-

ку срезали для каких-то наших кукольных дел. Тётя из Томска учила нас держаться прямо, с всегда подтянутым животом, не ходить разболтанной походкой и, наверное, многому другому, что, к сожалению, немедленно забывалось. Кто же слушается старых тёток!

Под кроватью у подруги хранился горький шоколад, который её мать, в отличие от нашей семьи, получала по разнарядке вместе с другими продуктами. Мы понемногу его таскали, но, к сожалению, он был совсем не сладким, без сахара. Однако мы ели всё мало-мало съедобное. Особенно же любили печь пластики картошки на горячей плите. У нас плиты не было, только русская печь, а у Нины, наоборот, не было русской печи. Картошку мы пекли на крайних участках плиты, поэтому она получалась полусырой. Кроме того, она была ещё и в извёстке, плитку постоянно подбеливали, чтобы скрыть следы нашей кулинарной деятельности. Но всё равно картошка была очень вкусной и, наверное, поэтому я сих пор люблю её немного недоваренную и недожаренную.

Иногда Нина брала кусок хлеба и бежала к нам обедать: в большой компании было весело и всё казалось вкусным. Она вспоминает, что есть одна не любила и завидовала детям из детского дома, где, по её представлениям, было очень весело. Как-то она зашла к бедным соседям, о которых я выше упоминала, там жарили из собранной на соседних огородах перезимовавшей, перемерзлой и полугнилой мелкой картошки драники. На сковороде лежало четыре чёрных драника, а едоков было трое — мать и две дочери. Нина очень ожидала, что её пригласят, но приглашения не последовало. Тогда она в слезах побежала домой и поведала няньке причину своего горя. Та тут же очистила картошку, натёрла, вбила туда яйца, муку и испекла драники на чистом сливочном масле. Однако Нину они не утешили:

— У них лучше, чёрные, а ты белые мне сделала.

На Новый год в доме у Нины и у дяди Никиты устраивались чудесные праздники, «ёлки». Сами ёлки были только

что из леса — пушистые, до самого потолка, с дивным запахом хвои. Радостным было ожидание и подготовка к празднику. Мы старательно делали всевозможные игрушки в дополнение к имеющимся, разучивали стихотворения и репетировали инсценировки.

У нас дома ёлку не устанавливали, не было места, а я, конечно, очень хотела. В моей памяти сцена, напоминающая жалостливые рождественские рассказы. Вечером, наскоро накинув пальтишко, выбегаю из дома, кругом темнота, только у соседей слабо светятся окна, выходящие на наш двор. А за ними нарядная ёлка — поблескивают цветные стеклянные шары, тихо качаются серебряные звездочки и снежинки. Я заворожённо гляжу на это чудо, забыв про мороз.

А на другой день прибегала Нина звать нас на ёлку. Меня одевали в выходное фланелевое белое с голубыми колечками платье. Мама Нины Мария Викторовна дополнительно меня украшала, превращая в барышню: завязывала на макушке голубой бант из ленты, красила губы, брови, щёки. Затем мы устраивали импровизированное представление: Нина всегда изображала моего кавалера и делала вокруг меня круги впрысдку. Детей набиралось много, и было очень весело. Все ходили хороводом вокруг ёлки, пели «В лесу родилась ёлочка, в лесу она росла...» В завершение праздника все получали подарки от Деда Мороза: кулёчки с домашним печеньем и конфетами.

Нина была смелой и решительной, чего про меня не скажешь, хотя со страху иногда совершаю весьма безрасчётные поступки. Они с братом храбро забирались на самые верхушки деревьев, в то время как я оставалась где-нибудь на нижних ветках. Если это была яблоня с ранетками, которая росла у Нины в саду, то они бросали мне сверху спелые веточки. Пугали летучими майскими жуками, я их очень боялась, как и всех почти насекомых.

Сейчас жуки меня не пугают, но их место заняли тараканы, которых в детстве я ни разу не видела. Странно, но

в нашем тесном доме не было ни клопов, ни тараканов, только один любимый всеми сверчок. Равенство в наших отношениях с подругой сохранялось за счёт моей изобретательности и умения выдумывать невероятные истории и рисовать.

Случались в нашей детской жизни и ссоры, и слёзы, и огорчения, некоторые, казалось бы, совсем незначительные, запомнились. Детских книг у нас не было, а у Нины было несколько, дававших богатую пищу для воображения и образцы для рисования. В том числе было два букваря. Один из них, более старый, её мать отдала мне, что было большим счастьем. Однако через короткое время Нина по какой-то причине отобрала его. Собственный букварь я уже получила, когда пошла в школу. Однако Нина совсем не была жадной и старалась поделиться тем, что имела. Так, после вступления в пионеры она нашла дома кусок алого сатина, мы вместе вырезали из него нужный треугольник, а потом она обвязала его крючком. У неё самой был настоящий шёлковый.

С пошива одежды для кукол началось моё увлечение шитьём. Мой первый самострочный «прикид»: блузка и юбка. Блузку я соорудила из старой папиной шёлковой полосатой рубашки. Подшивая низ на швейной машинке тёти Лены, подровнять его не догадалась, и край получился волнистым. Благо он заправлялся в юбку, сшитую из папиных брюк. Выглядело, на мой взгляд, просто неотразимо. Гладить в те времена было сложным мероприятием. Надо было разжечь угли в утюге, размахивая им до нагревания, и потом быстро гладить, пока он не остыл.

Швейной машинки у нас не было, и приходилось просить пошить на ней у соседей. Удивляюсь, что мне разрешали, но без беды не обошлось, однажды я сломала иглолку. Слово «беда» по отношению к столь мелкому происшествию отнюдь не преувеличение, швейные иглолки были в то время на вес золота. Ужасно перепугавшись, я от безысходности пустились в совершенно безнадежное предприятие:

С подругой Ниной, я справа. 1949 год

выпрашивать иголку у немногих знакомых владельцев швейных машинок. На это было трудно решиться, я была робкая и застенчивая со взрослыми, но вина была столь велика, что пришлось себя переломить (до сих пор

помню это ощущение). Со мной пошла Нина, но на успех почти не надеялись и в этом не ошиблись — кампания закончилась безрезультатно.

Наша единственная совместная фотография была сделана перед почти одновременным отъездом семей в разные города — они в Томск, мы в Новосибирск. Связь почему-то прервалась, но совершенно случайно мы нашли друг друга и общались до последних лет, пока у неё сохранялась память. Изредка Нина бывала в Новосибирске, в студенческие годы я приезжала к ней на каникулы. Мы ходили на танцы в Политехнический институт и, поскольку была зима, то туфли носили с собой. Платье у меня было красивое — прямое, с вырезом лодочкой, из тяжёлого розового шёлка в белых хризантемах, а туфель к нему подходящих не было, и я взяла их у моей подруги. После танцев забыла их в раздевалке, мы возвратились, но их уже не было.

В этот же приезд мы были на представлении известного фокусника Кио. Он заставил весь большой зал сцепить руки замком, загипнотизировал, и почти никто не мог расцепить рук до его приказа. Я и ещё человек 5–6 смогли. После этого я считала, что не поддаюсь гипнозу, но дело было в том, что я мысленно ему сопротивлялась. При отсутствии сопротивления гипноз действует и на меня, в чём я пару раз в жизни убеждалась.

На летние каникулы мы вместе поехали в Алма-Ату к моей тётке. Эта поездка запомнилась арыками вдоль улиц и множеством фруктов. Тётя жила в небольшом домике с садом, по всей земле валялись опавшие яблоки. Мы ужасались, что такой ценный продукт пропадает, и пытались их собирать.

В наших играх участвовали, конечно, и мои двоюродные братья и сёстры. Всего их у меня было 18: восемь братьев и десять сестёр, но жили в Маслянине только четверо. Других я видела несколько раз в жизни, а с некоторыми и совсем не знакома. С сёстрами, дочерьми дяди Никиты, мы чаще всего играли на их территории, там и дом был просторнее, и большая терраса с качелями, и сад с малиной и черёмухой. Малину есть не разрешалось, ягод было мало, и их берегли для маленького брата Сашки. Зато черёмуха была в полном нашем распоряжении. Когда она поспевала, каждый забирался на своё любимое дерево и место. Спускались с чёрными руками и ртами. Зимой мы располагались с куклами на подоконниках. Иногда, чтобы не прерывать интересную игру, сёстры начинали уговаривать меня остаться ночевать и, получив моё согласие, бежала к родителям просить разрешения. А вечером, когда возвращаться было уже поздно, мне всегда становилось очень грустно, я жалела, что не ушла домой, и чуть не плакала. Но к следующему разу всё забывалось и повторялось сначала.

Я любила сочинять всякие истории. Порой напридумывала такие ужасы, что мои слушатели пугались не на шутку. Однажды в доме бабушки солили на зиму капусту. Это всегда было крупным мероприятием, для заполнения нескольких огромных бочек надо было вымыть, очистить, нашинковать и нарезать пластами целые горы капусты. Все взрослые принимали в этом участие, а мы сидели в доме, время от времени бегая за кочерыжками. Я так застрашала своими фантастическими историями братьев и сестёр, что они с криком бросились из комнаты, а я,

поверив самой себе, в страхе побежала следом, что ещё больше их напугало. Взрослым было некогда разбираться, что или кто был причиной орущих от ужаса детей, иначе бы мне не избежать наказания.

Как только взрослые уходили из дома, мы направлялись в спальню, где было много занимательных вещей. В шкафу нас особенно привлекала рыжая лиса со стеклянными глазами — воротник на пальто или накидка на платье. Брать её не разрешалось, но мы всё равно её доставали. А на тумбочке стоял патефон, который мы открывали, разглядывали, выдвигали коробочку с иглами, но заводить не решались, это было бы слишком большим нарушением запрета. Заводил патефон, крутя ручку, только сам дядя Никита во время домашних праздников. С почтительного расстояния мы с восторгом наблюдали за тем, как взрослые «гуляют», слушают музыку, смеются. Нам хотелось, чтобы такая яркая, замечательная жизнь была и у нас в будущем. Детей за общий стол во время таких праздников не сажали, но нам и в голову не приходило, что это возможно. В нашем детстве взрослые были некоей отдельной общностью и не так много, как сейчас, занимались с детьми, частично из-за занятости, а частично вследствие существующих традиций воспитания. О возрасте взрослых мы не задумывались, он был как бы постоянной величиной, тем более, что дни рождения в военные годы у нас не отмечались. А мы росли, переходили из класса в класс, изменялись и в подтверждение этому постоянно слышали:

— Ой, какая ты стала большая!

Глава третья

Школьные годы

Начальные кассы

Школа, где я начала учиться, располагалась в двухэтажном деревянном здании. Первый этаж отводился для младших, второй для старших классов, кабинетов химии, физики, учительской и спортивного зала. В обширном школьном дворе имелись некоторые элементы спортивной площадки — брусья и бревно и т.п. Там же и уборная, незатейливое сооружение с расположенными в ряд отверстиями в полу. Зимой все они обмерзали, и бугристый цветной лёд украшал все подступы к этому объекту. Бегали туда, конечно, без пальто даже в сильные морозы. Школа была довольно большой, первых классов в год моего поступления было три.

Некоторые школьные принадлежности того времени давно исчезли не только из употребления, но даже и из памяти. Вместо красивых современных рюкзачков дети ходили с самодельными сумками, сшитыми из холста, с наружными карманами для чернильниц-непроливашек, которые, несмотря на название, прекрасно проливались и оставляли пятна на сумках и тетрадах. Чернила изготавливались в домашних условиях из сажи с добавлением

марганцовки. Были особые мастера этого дела, у которых они получались фиолетовыми, яркими, блестящими, для чего требовалось добавить чуть-чуть сахарку. Однако у большинства чернила получались бледными и быстро выгорали, соответственно и письмо было некрасивым. Из холста делали и так называемую «азбуку»: нашитые на кусок материи кармашки для бумажных букв алфавита, из которых складывали слова. Тетрадей, так же как и бумаги, в продаже не было. Их выдавали в школе: в клеточку, в линейку, а для уроков чистописания в косую линейку. Видимо, их не хватало, и часть нужно было приобретать самим. У нас тетради с братом были; наверное, мама «доставала» их, обменивая на натуральный продукт. Другие делали их сами, сшивали из разных листочков и даже из газет. Конечно, была проблема и с перьями для ручек. Только после возвращения папы с войны у нас появились роскошные костяные японские ручки и хорошая бумага, видимо, какая-то специальная — белая до голубизны, с тончайшими блёклыми голубыми и розовыми полосками.

Часто ученики приходили в школу раньше времени, боясь опоздать, но в здание нас не впускали даже в сильные морозы. Таких всегда было много, и мы набивались плотной толпой в промёрзший тамбур. Потом нас впускали в раздевалку, мы сдавали пальто и получали номерки. Однажды я потеряла номерок, пальто мне не отдавали, посылали к директору для объяснения. На это я никак не могла решиться, все ушли, а я долго сидела в пустом холодном коридоре. Когда совсем замёрзла, не придумала ничего лучше, как пойти домой без пальто. Как я бежала в одном свитерке сквозь морозный туман, запомнилось мне на всю жизнь. Домой я пришла почти оледеневшая, но, насколько помню, потом даже не заболела. На следующий день всё же пришлось идти к директору вместе с мамой. Моё жалкое пальтишко было заброшено в её кабинете на шкаф, а мы с мамой вместо извинения за преступную бездушность персонала получили строгое внушение.

В начальных классах школьных развлечений было немного. На переменах нам было велено, взявшись за руки, ходить по коридору и петь песни. Чаще всего пели «Дан приказ: ему на запад, ей — в другую сторону... Уходили комсомолцы на гражданскую войну». Картина выглядит печальной, но внутреннее ощущение было прямо противоположным. Убогость жизни была естественным состоянием и не замечалась, всё происходящее казалось очень значительным, а сами мы радовались по всякому поводу и без него. Помню себя с серой шалью плечах, а поверх неё тоненькие косички, заплетённые тряпочками вместо лент, которых у меня не было. Настоящие атласные ленты были у немногих, купить их было негде, и они, конечно же, были моей мечтой. И вот в один прекрасный день ленты «завезли» в магазин. Назавтра некоторые девочки явились в школу с большими красными и голубыми бантами. Мама тоже стояла в очереди, но ей досталось только полтора метра узкой синей ленты. Её разрезали пополам, и, к моему огорчению, бантики получились совсем маленькими.

Потом наши одежды украсились красными звёздочками из картона, обшитого сатином: весь класс вступил в октябрюта. И началась настоящая общественная жизнь: сборы звена, отряда, какие-то занятия. Я участвовала во всём этом с искренним удовольствием, вплоть до переезда в Новосибирск. А потом всю оставшуюся жизнь любыми способами уклонялась от подобных мероприятий, хотя всё-таки в конце-концов пришлось поучаствовать, и немало.

Из Маслянинского краеведческого музея, с которым я связывалась лет 10 назад в процессе печати моих воспоминаний в местной газете, я получила фото нашего первого класса. Этой фотографии у меня не было, и я с большим интересом её разглядывала, пытаясь вспомнить имена, фамилии и лица моих соучеников. Себя я нашла в нижнем ряду третьей слева; первым сидел мальчик в белой рубашке Володя Петров, единственный владелец коробки

Первый класс, я в нижнем ряду третья слева. 1945 год

цветных карандашей; он никому, кроме меня их не давал. Возможно потому что был другом моего брата, а может быть (более лестный для меня вариант), я ему нравилась.

В центре наша учительница Ада Филипповна, круглолицая, вся в веснушках, добрая, весёлая и с одной рукой. Рядом с ней моя подруга по парте Шура Пилипенко — хмурая, нелюдимая девочка, но мне она нравилась, и мы отлично ладили. Шура жила в детском доме, я очень хотела, чтобы она ходила ко мне после уроков, но, как я понимаю, это не приветствовалось. Только один раз она по моему настоянию отпросилась, но больше не приходила: или ей у нас не понравилось, или больше не разрешали.

Вторая подруга Эрна была из переселённых немцев, фамилию её я забыла, а третья — Тамара Беляева, дочь директора школы. Я часто у неё бывала, но встречи с матерью избегала. В их доме жила домработница — мастер разных рассказов, особенно страшных. Как-то я, наслушавшись таких рассказов и возвращаясь вечером домой, чуть не умерла от ужаса. Было темно, абсолютно безлюдно и так тихо, что пугал скрип снега под собственными

валенками. В небе сияла огромная луна, окна домов чуть светились жёлтым светом ламп. И вдруг раздался, как мне тогда показалось, страшный грохот. По ощущению — это было, как взрыв бомбы, и только потом я сообразила, что просто заработал мотор в маленькой электростанции при типографии.

После четвёртого класса уже активно действовали разные кружки, которые мы выбирали сами. Силами драматического кружка ставились спектакли, например, «Три апельсина», который в школе имел успех не меньший, чем современный «Властелин колец». Моей коронной ролью была роль кочегара в моноспектакле по рассказу Зощенко «Кочерга», публика всегда дружно смеялась. В гимнастическом кружке мы делали «мостики», «шпагаты», создавали так называемые «пирамиды» — композиции из различных акробатических фигур. Главной площадкой выступления, конечно, была школа, а иногда Дворец пионеров и избирательные участки во время выборов. Других представлений тогда не было, поэтому полные залы и успех зрителей был обеспечен.

Мне очень хотелось учиться в музыкальной школе игре на пианино. Источником этого желания была стоящая в комиссионном магазине старая фисгармония. Меня привлекали два медных подсвечника над клавиатурой, и я очень живо представляла, как я играю при свете свечей. По поводу слуха я почему-то не сомневалась, а надо было просто сходить и проверить слух, и проблема бы исчезла сама собой.

Учительница по литературе читала нам стихи и прозу и в занимательной форме рассказывала о писателях и поэтах. Мне это очень нравилось, и однажды на литературном вечере, посвящённом Пушкину, мне поручили делать доклад. Я старательно его готовила, ходила в библиотеку, и это было моё первое публичное выступление. Мы сами сделали декорации по мотивам сказок, разучивали танцы и песни. В подобных мероприятиях я всегда была первой.

Но была я и в числе последних, когда в школе делали уколы, почему-то это случалось достаточно часто. Я панически их боялась, и мне действительно было больно, наверное, срабатывал психологический эффект. В отстающих я была и на уроках физкультуры: по канату лазить не умела, прыгала в высоту чуть ли не хуже всех, по бревну ходить побаивалась. Единственное, что мне нравилось и удавалось, — брусья. В старших классах и в институте я по возможности увиливала от «физры» и сдавала зачёты только благодаря доброте молодых преподавателей.

Из неприятных событий того времени — комиссии по проверке насекомых в волосах. Проверяющие, надо отдать им должное, вели себя деликатно и результатов не оглашали. Однажды после такой проверки поступило распоряжение всем остричься наголо, иначе не пустят в школу. На следующий день весь класс сверкал лысыми головами, и только одна девочка долго не хотела стричься, потому что у неё были две толстые косы ниже пояса. Не помню, чем закончилось её сопротивление.

В новогодние каникулы в школе устраивалась ёлка. К ней долго готовились, разрабатывались сценарии представления, распределялись роли, репетировали, шили костюмы. Я была зайчиком в белой заячьей шубке (её взяли у девочек из детдома) и белых перчатках. Зайчиков было несколько, мы ходили вокруг ёлки и напевали: «Выпал маленький снежок на тропинку, на лужок, на лесной лужайке мы попляшем, зайки».

Мама говорила мне, что пела ту же песенку в своём детстве.

Учителя в наше время были очень уважаемыми людьми, их слушались, боялись и мысли не имели вести себя с ними непочтительно. «Учительница первая моя» упоминалась выше, хорошо помню ещё двух учителей — семейную пару Казанцевых. Василий Георгиевич преподавал у нас географию, а Мария Феофановна — историю и русский язык. Эта пара была просто эталоном сельско-

го учителя позапрошлого века. Оба интеллигентные, спокойные, держались скромно, но достойно. Он был худощавый и высокого роста, она тоже худенькая, но маленькая. Жили они, как все, тяжело, и сестра вспоминает, как Василий Георгиевич в холщовой рубаше, босиком, с закатанными штанами тянет на себе через село волокушу сена, а его дочь Нина подталкивает сзади. Нина была подругой моей старшей сестры, они дружили всю жизнь, и до сих пор моя племянница поддерживает отношения с дочерью Нины художницей Леной. Я тоже с ней знакома и в своё время купила три её картины, как вклад в поддержку молодых талантов.

С благодарностью вспоминаю о деликатности своих учителей, вот два тому примера. Я уже упоминала, что тетради не продавались, а распределялись по школам, классам и ученикам. Во время их раздачи среди обычных с серыми обложками, были и с ярко-розовыми. Мне они не достались, и я так огорчилась, что слёзы потекли сами собой. Чтобы их скрыть, я залезла под парту, как бы что-то там ища, и надолго задержалась. Ада Филипповна, конечно, поняла, в чём дело, но не стала меня позорить и требовать, чтобы я немедленно вылезла. Она дала мне время успокоиться и не потерять лицо перед классом. Позже, наверное, в шестом классе, я написала целое сочинение в стихах, явно подражая Пушкину. Учительница никак не прокомментировала мой эксперимент и поставила, несмотря на отсутствие грамматических ошибок, четвёрку. Но главное было в том, что цифра 4 была очень маленькой, и я сразу поняла, что стихи мне писать не стоит. Я, как бывший преподаватель, восхищаюсь такой оригинальной формой оценки моей попытки, разъяснение бы обидело, но не подействовало.

Одна история, подтверждающая либеральность наших учителей, кажется просто невероятной. Я бы ей не поверила, если бы сама не придумала идею, которую удалось реализовать.

После шестого класса у нас среди прочих экзаменов была география. И вот я предложила группе девочек в 6 или 7 человек заниматься всю ночь перед экзаменом прямо в школе, в классе, где висела большая карта мира. Как нам разрешили учителя и родители, до сих пор не понимаю. Самое сложное было уговорить отца одной девочки, который был слепым и очень строгим, но и это удалось. Мы добросовестно отвечали на вопросы билетов, по очереди стоя у карты, а потом уснули на полу на принесённых с собой одеялах. Без сомнения, в школе был сторож, которому, видимо, поручили за нами присматривать. Но я этого не помню, осталось впечатление, что мы были одни. Рано утром выскочили на спортивную площадку, побегали, подурачились и пошли домой переодеться и позавтракать.

Обучение в школе, как я теперь могу оценить, велось достаточно хорошо. Учителя относились к своей работе добросовестно, уровень был не ниже новосибирского, в чём я впоследствии убедилась. Ученики с радостью записывались в различные кружки и с удовольствием там занимались. Была даже попытка организовать шефскую работу. Нас привели на какой-то скотный двор, предложили vybrать себе животное и ухаживать за ним. Мне понравились ягнята, но этим всё и ограничилось. Идея была изначально нереальна, ходить туда было далеко.

Старшие классы

Переезд в Новосибирск был переломным годом во многих отношениях. Я не столько поняла, сколько почувствовала, что мир не так однороден, как мне раньше представлялось, и далеко не все возможности осуществимы, а я сама не отношусь к лидирующей группе в школьном коллективе. Словом, как писал Ш. Бодлер:

Мы всходим на корабль, и происходит встреча
Безмерности мечты с граничностью морей...

Изменилось и моё отношение к школе. Она уже воспринималась как необходимость, а не как место, где интересно проводить время. Соответственно этому настроению моя позиция почти круглой отличницы тоже понизилась до уровня просто хорошей ученицы. Но причина снижения успеваемости была не в уровне маслянинского обучения, который был, по меньшей мере, не ниже новосибирского. Учитель физики, например, на одном из первых уроков в новой школе проверил мои знания и сказал:

— Вот что значит хорошая подготовка!

А физика совсем не была моим любимым предметом. Дело было в смене обстановки. Я пришла в школу, где были другие порядки и взаимоотношения. Я потеряла былую уверенность в себе; кроме того, для меня было психологически важно и то, что пришлось сидеть на задних партах — передние места были давно закреплены за старожилками. Вначале установить контакт было трудно, хотя девочки ко мне относились нормально, но и особого интереса не проявляли, поскольку я была не из их круга. Они были более раскованными и нарядными, обсуждали артистов театра и мальчиков из соседней школы (наша была женская). А я особенно нарядной не была, театр только здесь начала посещать, знакомых мальчиков, кроме брата и его друзей, не было.

Впрочем, одета я была вполне достойно. Ещё когда училась в Маслянине, папа купил мне в Новосибирске шерстяное коричневое форменное школьное платье. На платье пришивались белые подворотнички из ткани или шитья, и я их постоянно меняла. Такое платье было первым во всей школе, и меня даже приводили в учительскую, чтобы учителя могли его как следует рассмотреть.

В старших классах папа вообще меня баловал и покупал модные и хорошие вещи: серое в бледную клетку пальто с большим, как у взрослых дам, енотовым воротником, туфли на микропоре («манке») у спекулянтов на рынке и т.п. Но иногда была нехватка самых необходимых вещей,

таких, как бельё и чулки. Помню, осенью долго не удавалось купить, точнее, достать, мне чулки, а температура опускалась уже до десяти градусов. На переменах в школе я стояла у стенки с голыми, синими от холода ногами, боясь привлечь к себе внимание.

В восьмом классе мне купили первые ручные часы «Заря». Это было целое событие. Мои братья Володя с Юрой отстояли за ними всю ночь в очереди (светлая им память!), зато мне достался самый желанный вариант в форме кирпичика. Я не сводила с них глаз, любовалась, как часы выглядят на руке и поблёскивают на солнце.

Наш дом стоял рядом с железной дорогой, и при прохождении пассажирских поездов я всегда чувствовала себя, как на сцене, — у меня было ощущение, что люди из него только и делают, что смотрят на меня. Эта глупая мысль и была использована для демонстрации имеющегося у меня богатства. Устроившись во дворе на брёвнах с книгой в руках таким образом, чтобы часы были со стороны поезда, я погружалась в чтение и была абсолютно уверена, что пассажиры не могут наудивляться, какие замечательные часы у этой девочки. Кстати, часы у меня появились у одной из первых в классе.

Надо признаться, годы обучения в старших классах не были для меня радостными, даже трудно что-либо вспомнить позитивного из процесса обучения. Директором была, на мой взгляд, злая мегера, меня к ней посылали, когда я отказывалась от укола. Училась я хорошо, но без увлечения.

На уроках отвлекалась, писала какие-то рассказы, рисовала по заказу девочек портреты мальчиков, стараясь добиться сходства с актёром Вячеславом Тихоновым, который был в то время для всех эталоном красоты.

В школе не было никаких кружков по интересам и никаких занимательных мероприятий, кроме вечеров танцев, на которые приглашались мальчики из соседней школы. Из-за своей зажатости на них я не блистала, хотя

в первый же вечер меня пригласил самый симпатичный из мальчиков, с глазами цвета золотистого бархата и в таком же пиджаке. Я так смутилась, что едва передвигала ноги, и больше он меня не приглашал.

Несмотря на то, что школьная жизнь не была интересной, унылыми те годы нельзя назвать. В школе у меня были подруги. Это Ада Бахман, Ксения Кожевникова и латышка Каля, фамилию которой я забыла. Ада, с которой мы сидели за одной партой все три последних года обучения в школе, была типичной немкой: очень хорошенькая блондинка с пышными волосами и прекрасной фигурой, аккуратная, подтянутая, кокетливая. Всегда у неё все задания были выполнены, ничего дома не забыто, всё на своих местах: тетради, учебники, резинки и прочее. Дома у неё тоже был полный порядок, чисто, красиво, приветливые родители.

Ксения как будто вышла из картины Брюллова «Последний день Помпеи». Но несмотря на свою редкую внешность, она была болезненно стеснительной, возможно, из-за диатеза на руках; ни с кем не дружила, но ко мне привязалась всей душой. Родители, особенно отец, очень переживали за неё и чрезвычайно ласково ко мне относились, боясь, как бы я её не оставила. Отец Ксении работал в Высшей партийной школе на какой-то маленькой должности и иногда брал нас с собой на доклады о международном положении с последующими концертами, из-за которых мы и ходили.

Каля была из семьи перемещённых в Сибирь латвийцев. Жили они вдвоём с матерью в баньке у родственников. Там помещалась только кровать, где они вместе спали, маленький столик и один стул. Посуда стояла на плите, а одежда висела на стене. Но всё было идеально чисто, и сама Каля выглядела очень аккуратной девочкой, всегда с белоснежными воротничками. Не могу себе представить, как это матери удавалось. Какое-то время я дружила с дочерью известного в Сибири художника Титкова. Она была

высокая, стройная красавица с толстыми косами и училась в музыкальной школе. У нас с ней были одинаковые пальто с пышными енотовыми воротниками. Их квартира была богатой по моим тогдашним понятиям, но очень скромной по современным меркам.

Вне школы было множество разнообразных занятий — посещали театр, кино, местный художественный музей, выставки, библиотеку, много читали. Летом ходили на Обь купаться и загорать, зимой на каток в Дом офицеров. Каток был закрытый, только для членов семей военных, но кто-то мне достал пропуск, как сейчас помню, на фамилию Лунина. Володя же перелезл туда через забор. До катка было довольно далеко, более двух трамвайных остановок, но мы добирались туда прямо на коньках. Наверное, мы не могли пользоваться и гардеробом, поэтому ходили только в свитерах по любому морозу. Особенно трудно было возвращаться после катания по неровной дороге, ноги в коньках уже подгибались от усталости, а сами мы, разогретые от катания, быстро остывали и мёрзли.

Хорошо помню день смерти Сталина. В школе и учителя, и ученики рыдали навзрыд. Я же плакать не могла, только положила голову на руки и склонилась над партой, делая вид, что плачу, но глаза были совершенно сухие. Зато вечером уже дома и на меня, наконец, подействовал общий психоз, и я заплакала. Мама с укором мне сказала:

— О чём плачешь?!

Она часто нам так говорила и цитировала Евангелие: «Дщери иерусалимские! Не плачьте обо мне, но плачьте о себе и о детях ваших» (Лк. 40:28).

В эти годы я иногда уступала настояниям мамы сходить в церковь, тем более, что там в хоре пел красивый мальчик. Я то и дело на него смотрела вверх на хоры, где он стоял у самого барьера. Исповедовалась и причащалась только один раз — сразу после приезда из Маслянино. Мама отправила нас с братом в единственную действующую тогда кладбищенскую церковь, которая располагалась доволь-

но далеко от дома, и часть пути мы должны были ехать на трамвае. Деньги на транспорт были получены, но мы пошли пешком, а на сбережённые капиталы на обратном пути купили по мороженому в вафельных стаканчиках. Мороз стоял сильнейший, а мы, совершенно замёрзшие, бежали по пустым и туманным улицам, откусывая понемножку твёрдое, как камень, мороженое. Это было моё последнее причастие перед перерывом более чем в 30 лет, а Володино последнее перед предсмертным соборованием.

В моё школьное время мы жили в доме с двумя комнатами. В одной из них размещались две большие кровати, стол со стульями и упомянутый выше старинный сундук, служивший складом одежды и при надобности ещё одним спальным местом. Вещи, которые были в носке, висели на стене. Во второй комнате, кроме плиты, стояла ещё одна кровать, обеденный стол, уголок для умывания и уголок для кухни. На этом маленьком пространстве постоянно проживала наша семья из четырёх человек, и часто кто-нибудь ещё жил или ночевал.

Перед домом был участок, где высаживали картофель, помидоры и некоторые овощи. Дом был на углу, с одной стороны через путепровод проходил трамвай, а с другой Транссибирская магистраль, по которой почти непрерывно шли поезда. В поездах, следующих на Восток, часто везли заключённых в вагонах с решётками. Иногда они что-то кричали и бросали из окон письма и записки с надеждой, что поднявшие их отправят. Не помню, как мы поступали, увидев подобные послания, но точно никогда не читали. От насыпи нас отделяла узкая дорога, вдоль которой располагались такие же, как у нас, насыпные бараки.

К шуму мы быстро привыкли, а теснота была нам не в диковинку. По зато наша семья никогда не жила в коммунальных квартирах с их специфической атмосферой. Район за железной дорогой пользовался дурной славой. Но у нас было спокойно. Соседи бедные, но ни воров, ни

пьяниц не было. В одном из домов было множество детей и постоянно появлялись новые. За всеми присматривал старший сын, мой ровесник Валентин, тихий и симпатичный парень с мягким взглядом карих глаз. Он был так занят дома, что в наших тусовках не участвовал. Однажды я заглянула к ним и увидела среди ужасного беспорядка грязных малышей и младенцев в каких-то тряпках.

Завершилось обучение в школе совсем не радостным выпускным вечером. К этому случаю я сшила белое платье и заказала пуговицы из той же ткани с красной окантовкой. Получилось очень эффектно, и в предвкушении предстоящего праздника я полетела в школу. Но праздника не получилось. По дороге мальчишки запустили в меня мокрым мячом и всё платье заляпали грязью. Я всё-таки пришла на вечер, решила получить аттестат зрелости и возвратиться домой. Но меня не отпустили, повели в котельную, где была горячая вода и можно было кое-как устранить пятна грязи и быстро обсушиться. На меня все смотрели с состраданием вместо восторженных взглядов, на которые я тайно рассчитывала. Вот такой последний и сильный урок своему тщеславию я получила в школе.

И в начальных, и в старших классах мы полностью были предоставлены самим себе в том смысле, что учиться нам никто не помогал, уроки никто не проверял. Смотрели только табели успеваемости и ходили на родительские собрания. Конечно же, никто не занимался и нашим свободным временем — в музыкальную школу и спортклубы не определяли, учителей иностранных языков не нанимали. Всё это говорится не в упрек родителям, а только как констатация того, что у них совершенно не было возможности нами заниматься. А их усилия дать образование всем своим детям в обстоятельствах жизни того времени можно назвать героическими.

Глава четвёртая

Студенческие годы

Проходной балл

Моё намерение поступать в институт было безусловным, но выбор его не был результатом осознанного стремления к какой-либо определённой профессии. Были некоторые способности к рисованию, но я понимала, что они недостаточны для художника, да я и не стремилась им быть. Но предполагала, что умение рисовать может пригодиться мне на архитектурном факультете Инженерно-строительного института. К тому же я всегда любила дома как некие индивидуальные объекты. В местах, по которым я часто ходила, я знала каждый дом «в лицо», этот интерес сохранился у меня и до сих пор.

Так как-то само собой определился выбор, и вопрос не обсуждался ни на семейном совете, ни среди подруг. Решение это было весьма рискованным, поскольку конкурс на этот факультет был самым высоким в институте. Абитуриенты особенно серьёзно готовились к экзамену по рисованию, занимаясь определённым видом рисунка с преподавателями. Я же, хотя и ходила в художественную студию при Доме пионеров, но занятия там были не чаще

раза в неделю, и античные «головы», которые предстояло рисовать на экзамене, мы вообще не рисовали.

К экзаменам по другим предметам я готовилась, но обстановка дома для этого была не вполне благоприятной. Родители на время экзаменов уехали в Москву. Причина этой поездки — навестить старшую дочь Зою и посмотреть столицу — казалось тогда вполне объяснимой. Однако спустя годы я поняла, что существовала более серьёзная причина для того, чтобы оставить нас одних в столь неподходящее время. При разговоре об этом с мамой обнаружилось, что ей именно в это время поручили отвезти деньги церкви для Московского Патриархата в обход официальных структур. Она считала это дело важнее домашних и, кроме того, верила, что выполняя эту миссию, она способствует и моему успеху. В общем, так и получилось, но не без некоторых затруднений для нас с братом.

Нам было оставлено немного денег, с тем расчётом, что дядя Володя вернёт имеющийся долг, и этого будет вполне достаточно для нашего проживания до их возвращения. Однако деньги закончились, дядя Володя деньги не отдавал, и нам пришлось перейти на подножный корм. В огороде поспевала картошка и помидоры, что и стало нашей пищей. Картошку мы варили, а сначала даже жарили на маргарине, пачку которого нашли в шкафу. Это было ужасно, но «голод — не тётка». На последние средства мы с братом съездили к дяде Володе в Толмачёво (вблизи Новосибирска), робко попросили деньги, но, видимо, у него их не было, к тому же он подумал по нашему тону, что нам они и не очень нужны, и мы возвратились ни с чем. Но как-то мы всё-таки перебивались, Володя съездил за город за ягодой и привёз целое ведро полевой клубники, мы ели её три раза в день и не особенно переживали. Значительно большей заботой для меня было, что надеть на экзамен.

Физику, математику и сочинение я сдала на отлично. На экзамене по физике преподаватель даже удивлялся

и громко меня хвалил за обстоятельное объяснение формулы эквивалентности массы и энергии. Однако с рисованием случился полный провал. Не знаю, как это произошло, но я перепутала время начала экзамена и опоздала на час. Пока в деканате решали, что со мной делать, шансы хотя бы получить минимальную оценку исчезали на глазах. Наконец меня привели в аудиторию, где абитуриенты сидели полукругом за мольбертами, на возвышении стояла голова не то Давида, не то Аполлона, а у всех на листах, как мне показалось, — практически готовые рисунки. Положение было сложное, но я была уверена, что справлюсь, потому что с детства привыкла быть первой в рисовании. Полученная тройка меня очень огорчила, и только позже я поняла, что при сложившихся обстоятельствах это можно было даже считать успехом.

По сумме набранных баллов я проходила по конкурсу, но тройка по профилирующему предмету была не в мою пользу. Позднее я узнала, что приняты были и с тройками по рисованию, и с более низкими баллами, но даже если бы я это знала, мне и в голову не пришло бы обращаться в приёмную комиссию. Списки новых студентов вывесили на стену, и среди них я себя не нашла. Вокруг толпилось много народу, и было стыдно своим видом показать окружающим, что я не принята. Оставалось возвратиться домой ни с чем.

Денег не было, пешком идти около двух часов, и было время пережить неудачу. По пути зашла к дяде Никите и рассказала о своём горе. Он не поверил, что при таких результатах экзаменов можно не поступить и тут же отправился выяснять ситуацию. Оказалось, что меня зачислили, но не на гражданское, а на сельскохозяйственное отделение архитектурного факультета. Списки этого отделения висели рядом, но я не догадалась посмотреть. Возвратилась студенткой, хотя не вполне счастливой.

Лекции, зачёты, практики

Уровень преподавания я тогда не могла оценить, а когда сама начала работать в вузе, поняла, что он был достаточно высоким. Институт имел собственные многолетние традиции; кроме того, сюда на время войны был эвакуирован головной московский вуз (МИСИ), в котором я позже проработала много лет. После войны и возвращения МИСИ в Москву ряд преподавателей остался и продолжил работу в Сибири. Много лет спустя мне довелось проверять свой родной вуз в качестве председателя комиссии по архитектуре Минвуза СССР, которая отметила по-прежнему высокий уровень обучения. Я встретила преподавателей, которых хорошо помнила, а профессор С.Н. Баландин, представляющий в комиссии Сибирский регион, был в мою студенческую пору аспирантом, и мы его звали Баландой.

От преподавателей того времени осталось приятное впечатление, они были доброжелательны и деликатны. Запомнился молодой ассистент кафедры начертательной геометрии, который славился своим либерализмом. Он не запугивал студентов и даже обещал, что двоек ставить не будет, и слово своё сдержал. Я, к сожалению, будучи преподавателем, не сообразила повторить его опыт, оставшись таким образом в благодарной памяти учеников.

За весь период обучения в моём общении с преподавателями было только два неприятных случая. Один на лекции по строительным материалам. Лектор Ирина Н. С., заметив, что я разговариваю, велела мне встать и спросила, интересуется ли меня что-то в жизни и учёбе. Не услышав ответа, она перед всем потоком высказала твёрдую уверенность, что ничего путного из меня не получится. Последнее утверждение было уж слишком неадекватным случившемуся; это поняла не только я, но все студенты, возможно, и она сама тоже. Не помню, чтобы она специально «топила» меня на экзамене, не помню, какую она поставила мне оценку, но не менее, чем «хорошо», иначе бы меня лишили

стипендии, а этого после первого курса не случалось. Хотя этот позор я и запомнила на всю жизнь, но не держу на неё обиды, зная теперь по опыту, какие ошибки случаются в педагогической практике, и сожалею о собственных промахах. О втором случае, произошедшем на практике, я расскажу далее.

Учеба в институте началась не с лекций и семинаров, а с уборки картошки. Нас отправили почти на два месяца на помощь колхозу в уборке урожая. На жительство разместили по пустым избам, где в комнатах от стены до стены построили нары. Мы на них укладывались на ночь рядком, каждая на своём месте. Обед варили девочки из группы, которые вызвались быть поварихами, им привозили мясо, крупу, макароны, хлеб, а по вечерам бидон сливок или флягу молока. Будущий чемпион института по поднятию тяжестей Вася снимал их с телеги, нёс на плече к общему столу, и мы пили, сколько хотели. Питание было здоровым, ели в компании с аппетитом, и многие, в том числе и я, заметно поправились.

До этой поездки я никого из группы не видела, но очень быстро хорошо узнали друг друга, жили буквально «бок о бок», вместе ели и работали. У меня уже появилась подруга Геля, с ней мы познакомились по пути в колхоз. Знакомство началось в поезде с удара по голове будущей подруге. Мой рюкзак с банкой консервов при резком торможении упал на неё с верхней полки. Я испуганно извинялась, а она мужественно улыбалась, утверждая, что всё в порядке, и глядела на меня большими серыми глазами. С тех пор мы дружили всю студенческую пору, а затем поддерживали отношения всю жизнь до её смерти.

Большинство студентов нашего потока отделения были не прошедшие по конкурсу на первое основное отделение факультета, и все показались мне хорошими. Правда, девочки совершили там весьма неблагоприятный поступок. По какой-то причине они возненавидели одного парня. В качестве мести кто-то предложил плюнуть ему в тарелку

супа, что и проделали. Но после того, как он начал есть, всем стало неловко. Мы с Гелей отказались участвовать в этом позорном действе, но я очень сожалею, что не приостановила его из чувства ложной солидарности.

Мальчиков в группе было примерно столько же, сколько и девочек, почти все они были скромными ребятами, внимание нам, конечно, оказывали, но вели себя вполне нормально. Выделялся только один, условно назову его «моряк», хотя помню его фамилию. Он отслужил на флоте, о чём свидетельствовала тельняшка и выколотый на руке якорь. Стараясь произвести хорошее впечатление, «моряк» пел под гитару песни тюремной тематики. Он казался мне противным, несмотря на то, что был хорош собой, типа артиста Заманского, кто помнит. К моему ужасу он уделял мне повышенное внимание и всюду преследовал.

Однажды мы оказались с ним вдвоём около железнодорожного переезда перед мчавшимся мимо бесконечно длинным составом. «Моряк» обхватил меня руками мёртвой хваткой и попытался поцеловать. Я пригрозила броситься под поезд, если он это сделает. Тогда он понял, что имеет дело с «ребёнком из детского сада», отпустил меня и больше не приставал. К тому же после первого семестра его отчислили за неуспеваемость. Во время первого курса обучения девочки нашей группы сфотографировались.

К студенческой жизни я адаптировалась не сразу. Частично это объяснялось тем, что не было понимания полезности обучения, меня не особенно интересовало содержание изучаемых предметов первого года обучения, а совершенная свобода не стимулировала регулярности занятий.

Другой причиной была обособленность от коллектива группы, жившего в общежитии. Студенты быстро приспособились к учебному процессу. Постоянно находясь в тесном общении, они решали трудные вопросы, одновременно выполняли проекты, копировали друг у друга задания, делились перед экзаменами конспектами, не отмечали от-

*Девушки группы, я справа в среднем ряду, рядом подруга Геля.
1955 год*

сутствующих на лекции и т.п. К нам они относились хорошо, но общежитская солидарность на нас не распространялась, к тому же и мы сами к ней не стремились, находя общение друг с другом вполне достаточным. Затягивание сдачи зачётов из-за не вовремя сданных заданий было нашей с Гелей настоящей бедой на первом курсе. То, что для «коллективного разума» в общежитии не было проблемой, для нас с Гелей любое непонимание останавливало работу над заданиями. Я ещё как-то справлялась, а Геля была на грани отчисления.

Были у меня трудности и с посещением лекций. Иногда я опаздывала к первому часу, потому что жила далеко от института, а единственный автобус, до остановки которого надо было идти полчаса, ходил очень редко. Как бы рано ни пришёл, никакой уверенности, что удастся втиснуться в переполненный автобус не было. В неблагоприятные дни приходилось стоять на морозе или под дождём более часа и пропускать два, а то и три рейса. Но были и злостные прогулы, когда мы с Гелей сбегали с лекций,

Зачёт по сопромату, я справа. 1955 год

в основном по марксизму-ленинизму. На первом курсе мы делали все графические работы у Гели дома, где у неё была отдельная комната с кульманом, достаточно бумаги и акварельных красок для «отмывания» фасадов.

По многим предметам мы должны были делать задания на больших листах ватмана, и хотя для переноски они скатывались в рулоны, с ними было сложно садиться в переполненный автобус. Преподаватель по сопромату, принимая зачёт, спросила другую мою подругу, Галю Скобликову, где же второй лист задания. На что Галя ответила, что трудно везти в автобусе сразу два рулона. Она вообще отличалась необычными ответами. Как-то отвечала на экзамене по физике:

— Сначала сверкает молния, а потом гремит гром, ой, нет, наоборот — гремит гром, а потом молния.

Преподаватель уточнил, что же сначала, гром или молния, и получил ответ:

— Всяко бывает.

После первого курса у нас была геодезическая практика с выездом всего потока в палаточный городок в живо-

писную местность на реке Ине под Новосибирском. Это было прекрасное время — утром все шли на реку умываться, потом в столовую — навес над длинными общими столами. На завтрак почти всегда была манная каша с молоком и хлебом, мне она нравилась, а у некоторых вызывала неудовольствие, пели: «Одна лишь каша манная — вот наша пища главная». Потом до обеда ходили с теодолитом, после него обрабатывали результаты и оформляли отчёты. Был июль месяц, прекрасная погода, тепло, купания.

Сокурсник Ваня учил меня плавать брассом, даже выстругал для этого специальную доску. Вечерами костры, разговоры, словом, веселая и радостная студенческая жизнь с возникающими симпатиями, влюблённостью, ревностью. Но ярких любовных историй, а тем более сексуальных отношений не было. Времена были строгие, платонические. Помню, Миша Трахтенберг, который был заметно старше всех, призывал не терять времени, а здесь и сейчас найти себе спутника жизни, потому что такого большого выбора уже не будет никогда. Он был прав, но к его совету никто не прислушался, только к концу обучения в группе неожиданно для всех сложилась одна пара.

Со второго курса всё наладилось, я вошла в ритм учебного процесса. С самого начала мне нравилось проектирование, и все проекты я выполняла с удовольствием. После второго курса мы работали на стройке в сельской местности как чернорабочие. Девочки вязали арматуру, подносили на носилках песок, гравий, цемент, мальчики месили бетон и заливали его в опалубку. Мы строили свинарник арочного типа. Кажется, это была какая-то научная разработка аспиранта, которая не удалась, и перед завершением стройки конструкция рухнула. К счастью, это случилось ночью, и никто не пострадал.

После этой практики я совершила путешествие в Ахтубу к старшей сестре Зое. Денег у меня было немного — летняя стипендия плюс то, что получила за работу на практике. Их хватило на билет в жёстком вагоне без плацкарты

и на мелкие расходы. Ехать надо было четверо суток, но меня это ничуть не смущало. Случайно в том же вагоне оказался мой сокурсник, у него была плацкарта, и мы попеременно спали. В Москве я остановилась на несколько дней у дяди, чтобы совершить экскурсию по столице. Со столицей я знакомилась самостоятельно, посетила, естественно, все знаменитые места, в том числе Третьяковскую галерею и ГУМ. Москва выглядела очень нарядной и оживлённой, везде продавались вещи с символами только что прошедшего Всемирного фестиваля молодёжи и студентов. Я купила яркий атласный платок с символикой фестиваля и тут же повязала его на шею, купила также яркую в цветах ткань на юбку, в каких ходили многие девушки столицы.

От Москвы до Ахтубы ехала на верхней боковой полке плацкартного вагона, без постельного белья, и питалась твердокаменными пряниками, которые купила на свои последние деньги у Павелецкого вокзала. Могла ли я в то время представить, что потом чуть ли не 40 лет буду почти ежедневно ходить через Павелецкий вокзал и покупать сладости для чаепития в институте в той же булочной.

В Ахтубе я прекрасно провела время. Каждый день ходила купаться на Волгу, на совершенно пустынный пляж, как потом оказалось, мужской, ходила на базар в гости к друзьям сестры и её мужа. Там впервые на пивной вечеринке увидела раков, но есть их не захотела. В большой компании ездили на рыбалку на катере на Волгу, поймали много рыбы, в том числе громадную щуку, и варили уху в ведре. На пароходе ездила посмотреть Волгоград, который на меня большого впечатления не произвёл. Пошла в местный музей, где пришлось сдать в гардероб ручную кладь. У меня был красивый синий маленький кожаный чемоданчик, так называемая балетка, бывший тогда в большой моде. Когда гардеробщица его возвращала, он расстегнулся, и она с изумлением увидела лежащие там россыпью деньги. Их мне дала сестра для случайных де-

фицитных покупок, но ничего не попало. Обратный билет в Новосибирск купил мне муж сестры Валентин, щедро снабдил деньгами, и я ехала домой со всеми удобствами и даже обедала в ресторане.

Практика после третьего курса сложилась для меня неудачно. Собственно, всё было нормально, работала, как все, и каждый выходной день ездила домой. Нужно было что-то постирать, поменять одежду, взять необходимые бытовые мелочи. К тому же к моему приезду мама готовила целый таз холодца, который я очень любила. Я чувствовала, что ответственный за практику преподаватель относится ко мне негативно, но не понимала, почему, и не придавала этому особого значения. Когда же на заключительном собрании были объявлены оценки за практику, выяснилось, что только двое — я и моя подруга — получили тройки. Это означало снятие со стипендии и меньшая, чем остальным, сумма денег, заработанных на практике. Кажется, он ставил нам в вину отсутствие рвения в работе и ещё мои отлучки, хотя ездила домой не я одна и всегда в нерабочие дни. Весь поток дружно встал на нашу защиту, и под давлением коллектива оценки были исправлены.

На практику после четвёртого курса нас отправляли по два человека на разные стройки в качестве помощников прорабов. Мы с подругой Галей выбрали Убинск, там жила её тётя и был обеспечен стол и дом. Прораб быстро ввёл нас в курс дела и после этого практически пропал со стройки. Бригады сами знали, что делать, нашей обязанностью было фиксировать выполненный объём работ, что мы и добросовестно выполняли. Наряды, конечно, закрывал он сам, не знаю, использовал ли он наши данные. Однажды мне пришлось пойти на железнодорожную станцию принимать платформу с лесом. При разгрузке неудачно сняли крепления, и брёвна полетели на землю. Я едва смогла отскочить, не успев испугаться, но сильно напугала присутствующих. Но одну травму я всё-таки получила, но не здесь, а на строительстве трамвайных путей

в центральной части города. Нас послали разгружать гравий с грузовиков и разравнивать его. Работа была авральной, и прораб-женщина пообещала нам «на туфли», если мы будем очень стараться. Поскольку вдали мерещились туфли, мы работали с большим энтузиазмом. Я, видимо, перестаралась и в одно не прекрасное утро не могла повернуть головы и пошевелить плечом из-за острой боли. Однако кое-как дошла до места стройки, чтобы сказать о своей болезни, — боялась, что если не приду, то получу взыскание от института, а денег, наоборот, не получу. Но их мы всё равно не получили, обещание было только способом заставить нас работать на пределе сил.

Внеучебная жизнь

Бывали и студенческие праздники — институтские вечера, вечеринки в общежитии по разному поводу. Они проходили в какой-нибудь из комнат девочек нашей группы на основе складчины. Покупали колбасу, пряники, конфеты, лёгкое вино (водки не было никогда). Кроме того, Геля, которая жила сравнительно близко от института, готовила целое ведро винегрета и ещё что-нибудь прихватывала съедобного, вроде сала и варенья, из родительского дома. После застолья спускались в вестибюль, где были танцы под магнитофон.

Танцы в общежитии были каждую субботу, но я на них никогда не бывала. По вечерам автобус ходил нерегулярно, а пешком слишком далеко и опасно. Впрочем, и особенного желания не было, в общежитии меня никто не интересовал. А для всех, кто там жил, танцы были важным событием, и девочки тщательно к нему готовились. Одна девушка из нашей группы была по-деревенски очень осторожна во всех делах. Она перед танцами сшивала всю одежду на себе (комбинацию к блузке, блузку к юбке и т.д.), чтобы было невозможно её быстро снять. Это всех смешило, потому что о случаях насилия в то время не было слышно, тем более в общежитии. Шутили и по поводу её

бережливости. Она оставляла все с вечера недоеденные кусочки, говоря при этом: «Завтра съедим вместо мёда». Я до сих пор использую это выражение в подобных случаях. Иногда мы с Гелей ходили на институтские танцы с оркестром, тогда принаряжались и душились «Красной Москвой» её матери. На вечера приходили люди со всех факультетов, но мы обычно держались около своих. Были на факультете примечательные личности. Один суровый на вид парень ходил в институт босым даже глубокой осенью и в телогрейке даже в тёплое время года. Не знаю настоящей причины, но по всему его виду было понятно, что из-за бедности. Это его не портило, он был высоким и красивым, и у него была очень красивая девушка.

С Гелей я дружила буквально с первого дня обучения, часто бывала у неё дома, иногда оставалась ночевать. Её отец рад был нашей дружбе, считая, что я благотворно влияю на Гелю, помогаю в учебе, стимулирую к чтению серьёзной литературы. Как Геля потом рассказывала, во время моего прихода отец всегда распоряжался приготовить лучшую еду и выставлять на стол варенье и конфеты, чем её мать была недовольна, но подчинялась. Отец был крут в семье, но не в моём присутствии, я этого не замечала. Он был, безусловно, умным, тактично расспрашивал нас об институтских делах, а сам рассказывал интересные случаи из политической жизни, в частности, о случившемся тогда Карибском кризисе. Обсуждая отношения в своей семье, Геля всегда была на стороне, как ей казалось, угнетённой матери, но когда стала взрослой, кардинально поменяла своё мнение.

Историю наших отношений омрачает только один некрасивый случай, а честно говоря, просто воровство. Меня смущало моё зимнее пальто с пышным меховым воротником, оно выделяло меня в среде студентов. Я хотела пальто английского покроя с поясом, но ткань купить было невозможно. Её «доставали» через знакомства, которых у нашей семьи не было, но они в изобилии были у отца

Гели. Он работал каким-то начальником по снабжению, и дом ломился от всяких запасов. На чердаке лежало не-считанное число отрезков разных материалов. Один из них, асфальтового цвета, Геля выбрала для меня, а я отдала ей деньги, полученные у родителей. Не помню, соответствовала ли сумма реальной стоимости, и как Геля ею распорядилась, скорее всего, мы их вместе дружно расходовали. Обычно мы вместо еды в институте покупали на мои деньги бублики, конфеты, соевые батончики и пряники. Деньги мне давали дома, кроме того, я получала стипендию. Геля стипендию не получала, и карманных денег ей не давали, несмотря на то, что семья была зажиточной. Думаю, что родители Гели догадались о пропаже, но промолчали, хотя её мама подозрительно поглядывала на мою обновку. Но главным в семье был отец, а он, по словам Гели, меня любил и даже если догадался о происхождении ткани, то мудро не позволил возникнуть скандалу. Тогда мы обе об этом позорном поступке молчали, а сейчас я с большим стыдом это вспоминаю.

На третьем курсе я подружилась с Галей Скобликовой, которая училась в соседней группе, но была в одном потоке со мной. Галя серьёзно занималась фигурным катанием, была призёром города среди девушек-одиночек. Я очень любила ходить с ней на каток, гордилась её мастерством, а в паре с ней и у меня получалось неплохо. Первоначально нас сблизил общий интерес к моде, мы обе следили за самыми модными тенденциями и шили наряды из подручных материалов: вчера увидели, сегодня уже надели. Гале шила мама, а я имела репутацию умеющей «из тряпки дивный сшить себе наряд...». Одними из первых мы облачились в узкие брючки из отцовских штанов и подходящие кофточки, но в институт в таком наряде появляться было нельзя, и мы гуляли по центральному Красному проспекту, вызывая всеобщее внимание и различные замечания. Мы постоянно посещали магазины в отдалённых рабочих районах, где можно было случайно купить редкую вещь. Там

я сделала несколько удачных покупок: пушистое демисезонное пальто серебристо-голубого цвета, бутылочного цвета свитер, стильного покроя шерстяное платье со шнурками вместо застёжки.

Когда я явилась в нём в институт, то увидела точно такое же на одной из наших студенческих «звёзд» — дочери известного в Сибири врача. Она посмотрела на меня с большим недоумением: «Она-то где могла такое достать?!».

Не последнее место в числе друзей того времени занимали мои братья и сёстры. По дороге домой я часто заходила поболтать к двоюродной сестре Свете, а дома меня ждала младшая сестра Галочка. Она вспоминает:

— Побелка перед праздником. Я сижу на самом верху сложенных на одной кровати постелей, что само по себе отлично. Приходит Валя. Со своей стипендии она купила мне книжку и пластмассовую голубую посудку. Невероятное счастье. И ещё два маленьких красивых махровых полотенца.

Это я помню — стояла в очереди за этими китайскими полотенцами в универмаге.

С братьями Володи и Юрой мы были по-прежнему близки, но вместе время проводили редко, все приходили домой только есть и ночевать. Каждый из нас был занят своей учёбой и своей студенческой компанией, которые

*С сёстрами Светланой слева и Ольгой справа.
1956 год*

не пересекалась. Учился Володя в геолого-разведочном техникуме и на свои вечера меня не звал. Однажды его друг Вадим пригласил меня не то в кино, не то в театр, но поход не состоялся: видимо, Володя ему запретил со мной встречаться.

Так, вучении, трудах и скромных развлечениях прошли четыре с половиной года, и началось дипломное проектирование. Нам была выделена большая аудитория, где мы, в основном, и работали, только отмывки фасадов и генеральных планов делали у Гали С. дома, под руководством её отца. Он был главным архитектором Новосибирска и руководил моим дипломным проектированием. Как-то он рассказывал нам, что перечертил весь лист из-за ошибки в один миллиметр в каком-то размере. Простая история, а запомнилась на всю жизнь тем, как следует относиться к своему делу.

Я часто бывала у них в доме, и поэтому отношение к нему было не вполне формальное, но, конечно, уважительное. Он же постоянно над нами подшучивал, меня называл Ваки, а дочь Гаки, или вместе Ваки-Гаки. Я тогда на это прозвище немного обижалась, а теперь нахожу его забавным и взяла в качестве своего ника на одном из сайтов. С умелым и внимательным наставником дело продвигалось очень успешно, и как только стало тепло, мы много времени проводили с Галей на пляже. К завершению диплома я стала коричневой, как после поездки на юг, да ещё пришла на защиту в платье, подчёркивающем загар.

Поскольку диплом был отличным, а по моему виду нельзя было сказать, что, зарабатывая его, я сильно утомилась, комиссия, видимо, заподозрила наличие посторонней помощи и снизила оценку до четвёрки. Это было несправедливо и огорчило и меня, и особенно моего руководителя. К Гале же, загоравшей слабо, комиссия подобных подозрений не имела, и свою пятёрку она получила заслуженно. Завершение студенческой поры, как и школьной, не поучилось торжественным, на этот раз по

собственной вине. Мы с Галей на церемонию вручения дипломов решили не ходить, обе не любили официальных мероприятий. Некоторое время спустя мы отправились их получать в канцелярию ректора. По дороге туда произошёл случай, который мы со смехом вспоминаем с ней до сих пор. В автобусе рядом с местом, где сидела Галя, стоял мужик и держался рукой с авоськой за верхний поручень. В авоське была живая бьющаяся рыба, и одна из них выскользнула прямо в вырез платья на спине Гали. Возникла комичная ситуация — мужик запустил руку в платье, рыба трепыхалась, и он никак не мог её вытащить. Пассажиры наблюдали с большим удовольствием и давали советы. В канцелярию мы заявили в полной красе — в модных платьях и с лёгким макияжем, что привело сидящих там тёток в полную ярость. Они кричали нам в два голоса, что мы не достойны полученной профессии, не ценим дипломы, государство зря тратит деньги на таких и т.д. и т.п. Наверное, они не знали о высоком положении Галиного отца, а может быть, и знали, но это доставляло им дополнительное удовольствие. Так с дипломами в руках и с «добрыми» напутствиями мы вышли в самостоятельную жизнь.

Глава пятая

Начало трудовой жизни

Освоение профессии

В те времена над поиском работы можно было не задумываться — государство само распределяло выпускников по нужным местам. Распределение нашего вуза охватывало всю территорию Сибири, и нас могли направить на стройку или в проектный институт в любую его точку. Подруга Геля, например, поехала на о. Ольхон на озере Байкал. Но мы с Галей хотели работать только в проектном институте как архитекторы, уехать куда-нибудь в центральную часть России и жить самостоятельно. Мы обе почему-то не получили официального направления на работу, возможно, их выдавали на выпускном вечере, а потом о нас забыли.

А между тем нас уже ждала работа в Курске. Это стало возможным благодаря тому, что главным архитектором города был друг Галиного отца, он подобрал нам подходящие места в проектном институте и поселил в своей обширной квартире, где жил вдвоём с женой. Нам был отдан его кабинет, и мы спали на большом кожаном диване. Жили мы у них, как дома, практически ни о чём не

заботясь, не стирали, не убрали, не готовили, однако понимали, что нельзя там «навечно поселиться». Пытаясь подыскать себе квартиру или комнату, ходили по жалким хибарам без всяких удобств, с маленькими окнами и косыми полами. Остаться ни в одной из них не хотелось, и уже через месяц стало понятно, что дома лучше. Сравнительно небольшой Курск много проигрывал Новосибирску с его знакомым окружением, театрами, концертами, друзьями и родными. Нашему возвращению родители ничуть не удивились, они заранее предугадывали исход этого мероприятия, но всё-таки мудро дали нам шанс попробовать.

Дома мы начали устраиваться на работу, обходя проектные организации. В модно одетых, молодо и легкомысленно выглядевших девицах никто не хотел признать архитекторов, и мы согласились на должность техников с окладом в 70 рублей. Когда сказали отцу Гали, что подали заявления на работу, он с недоумением спросил:

— Но почему на должность техников?! А если бы вам сказали работать бесплатно, вы бы тоже согласились?!

Туда мы больше не возвратились, и, наконец, нас приняли на работу в Институт по проектированию промышленных зданий. Однако в отделе кадров предупредили, что у них и у нас могут быть неприятности из-за распределения, и желательно как можно скорее выйти замуж. Гая действительно вскоре это сделала, конечно, не из-за этой рекомендации. Я тоже чуть было не согласилась на такое предложение, но вовремя опомнилась. В отделе кадров к этому вопросу больше не возвращались.

Мы освоились быстро, правда, я сначала стеснялась обращаться за помощью и иногда застревала. Помню, как на моём кульмане долго светились круги (цементные силосы в разрезе), потому что я не знала, как решить какой-то узел. Никто меня не упрекал за промедление и не подгонял, но главный инженер отдела, видимо, заметила, что на моём листе долго ничего не меняется, подошла и разъяснила, как и что делать.

Руководителем моей группы была женщина тридцати лет, полная и немного с косинкой в глазах. Она ужасно смешила нас с Галей рассказами о своей взаимной симпатии с технологом из соседнего отдела. Мы делали заинтересованный вид, но не верили, что она может при такой внешности и в такие годы кому-то нравиться. Руководитель Галиной группы, совсем уж на наш взгляд немолодая, как раз отмечали её сорокалетие, учила нас разным житейским мудростям: Гале давала советы по части семейной жизни, а мне — быстрее выходить замуж и поступать в аспирантуру. Аспирантура была для меня чем-то из области фантазий, научный мир — совершенно далёким и недоступным делом беспросветных отличников.

А с проектированием я справлялась неплохо — чертила почти так же хорошо, как лучший архитектор отдела, и втайне гордилась этим, быстро запомнила наизусть множество стандартов и требований, установила хорошие отношения с другими отделами (смежниками). Через довольно короткое время меня повысили и в должности, и в зарплате, и руководство решило командировать меня в столицу на курсы по использованию пластика в строительстве. Идея мне понравилась, в том числе предстоящей продолжительной поездкой в Москву, но она почему-то не осуществилась.

Я любила разрабатывать проектные задания, где был большой простор для творчества. Однажды выполненное мной проектное задание было передано для разработки в другую группу, и по завершении они получили на редкость большую премию. Меня в число премированных почему-то не включили, что было для меня неожиданным ударом, но я виду не подавала. Последней каплей, переполнившей чашу моей обиды, было предложение внести определённую сумму денег, чтобы участвовать в вечеринке по поводу премии. Я отказалась, а возвратившись домой, не могла сдержать слёз. Обеспокоенные родители едва добились от меня, в чём причина моего горя. Узнав,

оба успокаивали меня речами типа «никогда не стоит плакать из-за денег, не в них счастье». На следующий день Владик Василенко, который сидел рядом со мной, сфотографировал меня, и никаких следов огорчения уже не было заметно. Кстати, этот портрет получил вторую премию на институтском конкурсе.

Вскоре я поехала в свою первую командировку, но в противоположную от Москвы сторону, в Красноярск и Новокузнецк, — надо было срочно внести изменения в генеральный план какого-то предприятия. Так спешили, что забыли связаться с этими местами, чтобы меня встретили и поселили, а я по неопытности не проследила. Ещё в поезде девушка, с которой я в дороге познакомилась, предупредила меня, что в гостинице остановиться будет невозможно. В это время готовили к сдаче какую-то часть первого энергоблока Красноярской ГЭС, и в город наехало много народа. Девушка была санитаркой и сопровождала психическую больную до места жительства. Она настояла, чтобы я на всякий случай записала её адрес.

В Красноярск я прибыла вечером, обошла несколько центральных гостиниц — мест, как и ожидалось, нигде не было. Спросила у нескольких редких прохожих, где ещё можно переночевать, но никто не знал. Стояла поздняя осень, на улице было холодно, дул сильный ветер с сухим снежком, а я была в лёгком демисезонном пальто. Надо было надеть зимнее пальто, но это было модным и подходило к красивой дорожной сумке, которую я позаимствовала у брата. Оставался один выход — ехать к попутчице домой. К счастью, я не выбросила бумажку с адресом, но оказалось, что дом находится в очень отдалённом районе на другой стороне Енисея. С транспортом тоже было неясно, и я пошла пешком через пустынный мост длиной около 2,5 км под пронизывающим ветром.

Мне на всём пути не встретился ни один автобус, не говоря уже о пешеходах. Безусловно, этот поход был чистым безумием и совсем не безопасным предприятием. Конечно,

надо было остаться на ночь в вестибюле гостиницы или, на худой конец, пойти на вокзал и переждать до утра. Но всё в конце концов обошлось благополучно, как говорится, «дураков Бог бережёт». Каким-то чудом в темноте я нашла дом и квартиру, где хозяева уже ложились спать. Мебели в квартире не было, на полу были набросаны какие-то тряпки, на них все и легли, включая меня и сопровождаемую больную.

На предприятии меня приняли очень радушно, обрадованные, что избежали крупной ошибки. Предлагали мне остаться хотя бы ещё на день, чтобы съездить на Красноярскую ГЭС, но я отказалась и в тот же вечер уехала в Новокузнецк. Там проблем с жильём не было, я остановилась у двоюродного брата Валерия в его новой квартире, и они с женой были мне очень рады. Но город произвёл на меня ужасное впечатление — задымлённость, пыль и запах угля, всё вокруг чёрное.

Моей общественной работой была обязанность дружинника. Это же надо такое придумать — посылать девушек бродить по ночным улицам и отлавливать хулиганов! Конечно, мы были совершенно бесполезны для такого дела, ходили мы по светлым центральным улицам по несколько человек в сопровождении мужчин из отдела. Из официально значимых событий того времени — полёт Гагарина. Помню, главный архитектор Засядь-Волк зашёл в отдел и громко провозгласил: «Человек в космосе!». По этому поводу было много шума, а раньше, в 1960 году, мы с большим интересом отслеживали яркую точку спутника с собаками Белкой и Стрелкой на тёмном небе.

Опыт преподавания

Один семестр я преподавала черчение в учебном комбинате, где работал папа. Это был мой первый преподавательский опыт, который прошёл вполне нормально, не считая небольшого конфликта с одним слушателем. Он не выполнял заданий и, видимо, рассчитывая на свою не-

Приём зачётов по черчению. 1960 год

отразимость, надеялся получить зачёт без них. Когда это ему не удалось, он заявил, что обойдётся и без ненужного зачёта. Однако при окончании курса у него обнаружили задолженность, не выдали диплом, и пришлось ему задержаться и сделать злополучное задание. Папа со смехом и даже с некоторой гордостью (в семье появился ещё один преподаватель!) рассказывал об этом нам и своим братьям.

Однако в преподавателях не удалось задержаться надолго. Работала я по вечерам, и после занятий до автобуса меня начал провожать преподаватель с очень импозантной внешностью. Я ничего про него не знала и не пыталась узнать. Он мне был интересен своей начитанностью и галантным несовременным поведением, хотя, думаю, был старше меня всего лет на 5–6. Кроме того, он снабжал меня запрещёнными в то время книгами, и я очень благодарна ему за то, что он познакомил меня с литературой великих русских писателей. Помню, как я читала ночью роман «Антихрист» Д. Мережковского и плакала над судьбой царевича Алексея и сценами самосожжения староверов.

Папу, видимо, известили о внимании ко мне этого товарища, и он деликатно сказал мне, что не стоит с ним

сближаться, он в разводе и сильно пьёт. Меня эти стороны его жизни совершенно не касались, никаких предложений от него я не получала, и даже разговоров на эту тему не было, хотя я понимала, что мы нравились друг другу. Но после того, как его бывшая жена нанесла визиты сначала к нам домой, а потом ко мне на работу, оставаться в учкомбинате становилось невозможно, и пришлось его покинуть. Его жена мне сказала, что её счастье в моих руках, поскольку Борис, так его звали, не хочет к ней возвращаться из-за меня. Я пыталась успокоить её на этот счёт и пообещала с ним не встречаться, хотя, признаться, мне этого очень не хотелось. Оставлять преподавание тоже было жаль, и потому, что мне это нравилось, и потому, что давало дополнительные деньги, совсем не лишние в нашей семье. Вечерняя работа даже помогла мне избежать поездки в колхоз на картошку, хотя, узнав, что я преподаю, в отделе кадров строго спросили: «Кто разрешил?»

Я покаянно пробормотала что-то вроде: «Не виноватая я, не знала», — и самовольство осталось без наказания. Наше интеллектуальное общение с Борисом закончилось громадным букетом белых флоксов, который он прислал мне с одним из слушателей.

Вокруг работы

Вечеринки и чаепития в институте были в традиции. Отмечали праздники, крупные премии, дни рождения. На этих вечеринках в отделе я часто была, как незамужняя девушка, предметом особого внимания. Меня «доставали» пожелания всех окружающих побыстрее выходить замуж и не ждать «яхту с алыми парусами». Предлагались разные кандидатуры для знакомства, что меня очень раздражало, к тому же нужды в этом не было.

В отделе у меня тоже был поклонник, красивый и скромный парень Рафаил, с волнистыми волосами и яркими голубыми глазами. Он вырос в детдоме и в институте имел репутацию ценного работника и завидного жениха. Многие,

в том числе начальник отдела и директор института, советовали мне выходить за него замуж, всячески его расхваливали. Я и сама знала, что он хороший, но и только.

В эти годы я с подругой Галей часто ходила в театр, кино и на симфонические концерты, и на оперы в знаменитый новосибирский Оперный театр. Там царил особая праздничная атмосфера: ярусы, ложи, бархатные кресла, нарядная публика. Ходили мы и на симфонические концерты по постоянным абонементам. Билетов иногда в продаже не было, и люди просили владельцев абонементов провести их. Однажды к нам обратились с такой просьбой два довольно симпатичных паренька, как оказалось потом, молодые учёные из Академгородка. Мы с Галей им отказали, но они прошли с другими, более добрыми любителями музыки. После концерта один из них проводил меня, но к дому я ему подойти не разрешила и от свиданий отказалась. Тогда он начал мне писать письма, причём в адресе указывалась только улица и имя, номера дома он не знал. Девушка почтальон очень удивлялась и говорила:

— Вот бы мне такой встретился!

С Галей мы впервые поехали за границу по туристической путевке в Чехословакию. Конечно, впечатлений было множество. Тогда к русским относились очень хорошо, нам оказывали много внимания, особенно молодым девушкам,

С подругой Галей, я справа. 1962 год

С Аркадием В. и Тамарой, я в центре. 1962 год

с одним молодым чехом, а подаренная кукла из той поездки до сих пор у меня.

На следующий год мы, тоже вдвоём, отправились в отпуск. Галя купила путёвку в Прибалтику, в дом отдыха в Кемери. Путёвка в институте была только одна, вторую мы надеялись купить на месте. Однако купить её не удалось, что и следовало ожидать; путёвки были большим дефицитом, и нам предложили продать имеющуюся с вычетом какой-то суммы. Мы согласились без особого огорчения, погода была дождливая и посёлок выглядел тоскливо. А у нас была возможность жить в Риге в квартире родственников Гали, которая в это время пустовала. Квартира была в самом центре города, в старом доме, со старинной мебелью, темноватая и казалась нам экзотичной. Рига нам очень нравилась, целыми днями мы бродили по городу, смотрели на дома, людей, магазины, посещали музеи, по утрам ходили в чудесные рижские кафе с вкусными булочками и ватрушками. Эти дни были од-

жениться на которых считалось престижным.

Кроме Праги, мы побывали и в Брно, и в Братиславе, и в Карловых Варах. Везде нас радушно принимали, устраивали в нашу честь приёмы, дарили мелкие подарки, просили адреса для переписки. Я даже обменялась несколькими письмами

ними из самых ярких впечатлений о Риге, которую я потом не раз посещала. С Галей общались в течение всей жизни и продолжаем общаться до сих пор.

В проектном институте я подружилась с Тамарой Гизбрехт, которая сразу привлекла моё внимание своим остроумием. Отец Тамары был главным инженером Западно-Сибирской железной дороги, очень приятным интеллигентным человеком, и легко вписывался в молодёжную среду. Жили они в самом центре города в большой квартире, где часто собиралась молодёжь, отмечались праздники, дни рождения хозяйки или просто вечеринки с пельменями или блинами. Между делом можно было помыть голову в их ванной. Дома эта процедура была весьма сложным мероприятием, а в городскую баню мы ходили раз в неделю. Сейчас пишу и понимаю, что почти все мои подруги были из сравнительно зажиточных семей, но тогда на это обращалось мало внимания. Материальное положение в моём окружении вообще не являлось критерием не только при выборе подруг, но и при выборе спутника жизни. Да и в дружбе всегда две стороны — не только мы выбираем, но и нас выбирают.

Зимой каждое воскресенье вся компания с лыжами в руках во главе с отцом Тамары отправлялась к ним на

С Виталием. 1962 год

дачу. Проходили довольно большой маршрут по живописной местности, по дороге дурачились, валялись в снегу и в стогах сена, фотографировались. Возвращаясь в дом, топили печь и устраивали пиры из привезённых продуктов. С ней и друзьями мы тоже однажды ездили в Крым. К сожалению, Тамара ушла из жизни, не дожив и до 30 лет.

Политикой мы не интересовались, но протестный дух висел в воздухе. У упомянутого выше коллеги Владика был друг Вадим С., работавший на телевидении. В одном из вузов он в качестве режиссёра ставил спектакли с политическим подтекстом, имевшие большой успех в молодёжной среде. Он часто приглашал меня на них и на свои домашние вечеринки, где гостей ожидали разные сюрпризы, пугающие до ужаса или смешные до слёз. Однажды там я познакомилась с его матерью, и потом она сказала Вадиму:

— Эта девушка с глазами цвета пива заслуживает серьёзного внимания.

Но это был не тот случай.

Яхту с алыми парусами я всё-таки дождалась и в символическом, и даже в реальном воплощении. Правда, не сразу и маленькую, с обычными парусами.

Соблазнившись возможностью провести день рождения у моря, я поехала в мае на Кавказ. По дороге получила магический знак — попутчица нагадала мне на картах встречу и любовь на всю жизнь. Конечно, это обычное пожелание девушкам я не приняла всерьёз, хотя верить хотелось бы, но очень уж ненадёжный был источник. Потом последовал ещё один знак: на Красной Поляне парень из туристической группы принёс мне эдельвейс с дальних высоких гор. По легенде у получившего этот редкий цветок исполняется заветное желание. И оно исполнилось! В Хосте я познакомилась со своим будущим мужем Виталием, через год мы поженились, и я переехала к нему в Москву.

Часть вторая

Наш блочный замок

Глава первая

На пути к науке

Начало семейной жизни

Наша семейная жизнь началась в городе, где мы оба в то время не жили. Виталий, хотя и был прописан в Москве, но постоянно работал в Ленинграде. У матери Виталия, Фрины Юльевны, была тринадцатиметровая комната в коммунальной квартире в Москве на Профсоюзной улице рядом с метро одноимённого названия. Эта комната, через порог которой Виталий перенёс меня на руках, и была нашим первым пристанищем. Фрина Ю. в то время находилась у сестры в Харькове, но рано или поздно она должна была возвратиться. Сейчас пишу и ужасаюсь той ситуации, но тогда ничего страшного я в этом не видела — почти всю предшествующую жизнь провела в тесноте, правда, никогда не жила в коммунальных квартирах. К тому же мы были уверены, что находиться в таких условиях нам придётся недолго. Виталий, благодаря своим постоянным командировкам на Дальний Восток, сумел накопить денег на кооперативную квартиру, и мы планировали как можно быстрее её купить. Был у нас и более авантюрный вариант — поселиться на юге около моря.

Валентина, 1962 год

Виталий, 1966 год

Но прежде всего нам надо было оформить свой брак. Стараясь сделать это побыстрее, мы обратились в районный ЗАГС, но нам отказали, поскольку первые браки регистрировались тогда только во Дворце бракосочетания по ул. Грибоедова. Там обнаружилась очередь длиною почти в месяц, а время было летнее, и мы решили в ожидании этой даты совершить преждевременное свадебное путешествие в Крым.

Побросав в сумку купальники, шорты, моё платье и туфли, мы направились в Севастополь. Потом мы вспоминали эту почти пустую сумку, с которой мы отправились в нашу первую совместную поездку, когда в последующих наших путешествиях вся машина была забита предметами для удобного отдыха. Город был выбран не случайно, а как один из возможных вариантов будущего места жительства.

На вокзале приезжих встречали квартирные хозяйки, и мы поехали к первой к нам подошедшей. Оказалось, что её домик довольно далеко от пляжа Учкыевка — около получаса надо было идти пешком до пристани, а потом переправляться до него на катере. Однако нас это не смущало, большую часть дня мы проводили на пляже и быстро покрылись ровным золотым крымским загаром. В обед мы

шли в столовую, но ели там, в основном, свой собственный тут же приготовленный салат из копчёной рыбы, яиц и зелени. С тех пор мы его зовём «Севастопольский». С запоздалым сожалением вспоминаю, как на пляже мы ужасно потешались над толстой, как нам тогда казалось, тёткой, которая рассказывала соседкам, как ей удалось сохранить фигуру. Наверное, в наказание за злословие я потеряла в море обручальное кольцо, которое Виталий мне купил, и я тут же его надела и постоянно им любовалась. Его стянуло с пальца сильной волной. Это меня очень расстроило, поскольку считалось плохой приметой. Пришлось в Москве покупать новое.

Не забывали мы и о второй нашей цели путешествия. Сначала решили узнать, будет ли там для меня работа. С Виталием дело обстояло легче: в портовом городе человеку, окончившему Кораблестроительный институт, всегда устроиться можно. Я надела специально взятое для этого случая платье и туфли и отправилась в проектный институт. Выглядела я тогда молодо: тонкая, загорелая, и меня приняли сначала за студентку, потом за техника и с трудом поверили, что я уже имею 4 года стажа работы архитектором. Специалисты были им очень нужны, и меня готовы были оформить тут же, не спрашивая рекомендаций. После этого мы провели разведку по поводу жилья. Оказалось, что жилищные кооперативы там ещё не создавались, и можно было рассчитывать только на покупку частного дома. Пару из продающихся мы посетили, поняли, что жить в таких мы не хотели бы, и решили остаться в Москве.

В Москве у Виталия родственников, кроме матери, не было. Она была родом с Украины, из Кременчуга, а отец с низовий Волги. В момент рождения Виталия семья уже жила в Москве. Отец Михаил Иванович Коломийцев работал заместителем директора ВАСХНИЛ, в 1934 году назначен на пост директора Института механизации, но через четыре дня арестован и в 1938 расстрелян («Расстрельные

Фрина Юльевна, Виталий, Михаил Иванович. 1934 год

списки. Москва, 1937–1941, „Коммунарка“ — Бутово». Москва, общество «Мемориал», изд-во «Звенья», 2000. С. 206.) Мать, Фрина Юльевна, тоже арестована как член семьи репрессированного и отправлена в ссылку на 10 лет. Возможно, ей удалось бы этого избежать, но их трёхкомнатная кооперативная квартира в доме на Арбате (теперь одно из зданий МИДа, раньше в этом здании находился Гастроном-2) привлекла внимание сотрудников соответствующих органов. Сначала Фрину Ю. с маленьким сыном переселили в однокомнатную квартиру в том же доме, а после ареста и её забрали. По возвращении из ссылки в 1956 году взамен своего жилья она получила только упомянутую выше комнату.

Виталия, которому не было и шести, забрали в приёмник для детей врагов народа, размещавшийся в строениях Данилова монастыря. Приёмник был на положении тюрьмы и охранялся солдатами в остроконечных будёновках, с примкнутыми штыками, которых Виталий хорошо запомнил. Дальше его должны были направить в детский дом и, как тогда было принято, изменить фамилию, но помог счастливый случай. Один из сотрудников, прихо-

дивший арестовывать мать, сообщил о местонахождении ребёнка (Царствие Небесное неизвестному спасителю!) её сестре Софье Ю. в Харьков. Она немедленно приехала, забрала Виталия, и он прожил в её семье несколько лет. Виталий с благодарностью вспоминает и её, и её мужа, который позволил взять мальчика в небольшую комнату коммунальной квартиры. Там он учился до 5 класса.

Во время Второй мировой войны семья эвакуировалась из Харькова. Софья Ю. отвезла Виталия к матери в посёлок Качиры под Семипалатинском. Поезд шёл по загруженным железным дорогам целый месяц и часто останавливался из-за бомбёжек. Люди по дороге умирали, болели, голодали, но Виталий и его тётя выжили. Жизнь в ссылке была нелёгкой. Фрина Ю. работала в какой-то конторе по финансовой части, а на Виталии были все домашние обязанности: огород, дрова, вода, нехитрая еда. К счастью, его соседом был парень постарше, который всё умел делать по хозяйству, и Виталий у него многому научился и всю свою жизнь самостоятельно делает все работы — от строительных, электротехнических, ремонта машин и всех приборов до компьютера. Школу Виталий окончил с золотой медалью, которая давала ему возможность поступить без конкурса почти в любые вузы, но происхождение из семьи осуждённых этот выбор ограничивало. Он окончил Ленинградский кораблестроительный институт и работал по его окончании в организациях соответствующего профиля. За аналитический ум и обширные познания во многих областях он имеет репутацию «эксперта по всем вопросам».

Возвратились мы из путешествия по Крыму прямо к регистрации. Время на подготовку к свадьбе нам не требовалось — мы оба не любители пышных торжеств. У меня было простое белое платье, свидетели нашлись сами собой — Виталий встретил знакомого, а ко мне зашла бывшая сотрудница из Новосибирска. Не обошлось и без происшествий. По дороге во Дворец бракосочетания такси,

на котором мы ехали, было вынуждено резко затормозить, и я, сидевшая рядом с водителем, врезалась головой в ветровое стекло. Удар был довольно ощутимым, но заметного следа не оставил, что было в тот момент главным. Кстати, эта была уже вторая плохая примета по поводу нашего брака. Возможно, они взаимно уничтожились, поскольку на продолжительность брака не повлияли. Праздничный обед тоже сами соорудили, помню, что среди прочего была жареная утка с яблоками и блинчики тоже с яблоками.

А между тем я постепенно привыкала к жизни в коммунальной квартире. Оказалось страшным проступком не выключить свет в местах общего пользования, положить в ванной мыло не на «свое» место и т.п. Надо сказать, что квартира была просторная, незахламлённая, с широким коридором и большой кухней и содержалась в полной чистоте. Впоследствии вся эта квартира принадлежала нашему сыну Мише. Нашими соседями была пенсионного возраста пара, занимавшая из двух комнат квартиры большую. Муж был тихим и незаметным, а жена Матрёна — особа довольно ядовитая. И хотя с Матрёной мы не ругались, но и нормальных человеческих отношений тоже не получалось. Я ей не понравилась сразу как «понаехавшая». В то время такого термина не существовало, но смысл был тот же, что и сейчас. Это настроение тогда разделяла и Фрина Ю., которая в мыслях, видимо, видела не такую жену для сына. Однажды мы случайно услышали, как Матрёна её утешала, найдя у меня одно положительное качество: «Ну она хотя бы близко работает». Мы эту фразу до сих пор употребляем в подходящих случаях.

Ссор, однако, не было, Фрина Ю. даже готовила нам еду, аккуратно распределяла деньги на неделю и по воскресеньям покупала торт. В таких условиях мы прожили почти год, но в продолжении этого времени Фрина Ю., облегчая жизнь, пару раз уезжала на долгое время к сёстрам в Харьков. Сразу скажу, что впоследствии отношение ко мне Фрины Ю. сильно изменилось к лучшему. Она горди-

лась моими научными успехами, а также умением сохранять мир в семье, шить и готовить. По мере сил она всегда старалась помогать нам в наших делах, например, выверяла опечатки в текстах обоих моих диссертаций. Я тоже оценила её стойкий характер, умение себя вести, интеллигентность и начитанность, необычайную аккуратность. Она обладала феноменальной памятью, хорошо знала немецкий и занималась им бесплатно с молодёжью из знакомых ей семей.

Когда Фрина Юльевна возвратилась из Харькова, мы старались как можно чаще бывать вне дома. По вечерам ходили на каток во дворе, в кино и в театр. По воскресеньям на целый день отправлялись кататься на лыжах в Битцевский лес, около которого мы потом жили. Возвращались, едва волоча ноги от усталости, до того голодные, что жевали в лесу сосновые побеги.

Готовить я не умела, не то, чтобы плохо готовила, а просто не пробовала. Мама ограждала меня от домашних работ, только иногда я мыла полы и ходила в магазин. Но в Москве быстро всему научилась. Виталий имел большой опыт, поскольку и в Семипалатинске, и в студенческом общежитии приходилось готовить самому. Меня он встретил яичницей и какао, а в первые же месяцы подарил «Книгу о вкусной и здоровой пище», которая как раз тогда вышла, и я руководствовалась ею долгое время. Потом появилась книга о французской кухне, образовалось моё собственное собрание рецептов на разных бумажках от хозяек из разных городов, республик и стран.

Выбор работы

Среди задач обустройства нашей жизни работа была одним из основных. Найти работу в Москве тогда ни для кого не было проблемой, и для нас тоже, задача состояла только в её выборе. Сначала я обратилась в головную организацию проектного института, в котором работала в Новосибирске. Там в процессе беседы мне предложили

назвать изображённую на листе деталь, а я указала на сделанную в ней ошибку, и меня тут же были готовы принять. Но я взяла время подумать, а потом устроилась на работу в Институт по проектированию предприятий текстильной промышленности, главным образом, потому, что он находился в пешеходной доступности от дома, что большая редкость для Москвы. Работа была привычная, ничего нового не надо было осваивать, только ознакомиться с действующими предприятиями. Я съездила пару раз на подмосковные заводы по производству синтетики, пропахшие сероводородным запахом.

Отдел был примерно такой же по величине, как и в Новосибирске, и располагался в таком же большом зале, но общая атмосфера была какая-то скучная. В отношениях между людьми я не успела как следует разобраться, но мне они показались значительно менее тёплыми и дружественными, чем в прошлом моём коллективе. Меня такая ситуация не расстраивала, почему-то появилось ощущение, что нахожусь здесь временно, и я начала опять посматривать на объявления о работе, сама не зная, что ищу. Однажды мне попало на глаза приглашение архитекторов в научно-исследовательский институт, и я тут же туда направилась, тем более, что это было в двух автобусных остановках от дома.

Оказалось, что отдел только создаётся и состоит из двух человек — начальника и руководителя группы Эльгена Г. Они развернули передо мной широкие перспективы, но меня не нужно было уговаривать, я и сама хотела попробовать заняться чем-то новым. Кроме того, институт тоже находился в районе моего настоящего и будущего проживания. Так начался мой научный путь. Новая служебная деятельность казалась мне абсолютно непродуктивной. Задача, казалась бы, чёткая: упростить элементы архитектурных чертежей без потери их информативности и приблизить к международным стандартам. Но таких стандартов в наличии не было, ориентиром слу-

жили немногочисленные примеры из публикаций. К тому же после проектной выучки рука не поднималась внести в изображения кардинальные изменения. Я быстро откорректировала альбомы деталей и узлов и заполняла рабочее время чтением архитектурных журналов и переводами статей с немецкого. Тогда, в 1963 году, мне впервые попались незнакомые слова, требующие объяснения: «компьютер» и «алгоритм». Сейчас, когда их знают и младенцы, в это невозможно поверить.

Руководитель отдела был немного странным, и я общалась, в основном, с Эльгеном или Эликом, как его все звали. Он стажировался довольно долго в Америке, где поднабрался новых идей и веяний. С суперкороткой стрижкой и моложавый, как мальчишка, хотя был даже немного старше меня, он и выглядел «по-американски». Однажды он мне пожаловался, что ему негде стричься, и я простодушно вызвалась ему помочь, поскольку сама стригла Виталия. Жил он вблизи института по дороге ко мне домой, так что однажды я к нему зашла и постригла. Меня не беспокоило, будет ли кто дома (была сестра), и что он не женат, потому что я не рассматривала его (впрочем, как и всех других, кроме Виталия) как мужчину, а только как сотрудника. Элик был очень доволен, сказал, что я поработала, как скульптор, но Виталий весьма удивился и пожелал в дальнейшем оставаться единственным моим клиентом.

Постепенно группа разрослась. Мы располагались в большом зале вместе с двумя другими отделами — конструкторским и организации производства. На весь этот зал был единственный телефон, который я после вступления в кооператив долгое время занимала больше всех остальных. Дома у нас телефона не было, и я плотно и на длительное время оккупировала аппарат отдела. Удивительно, что никто мне не сделал ни одного замечания, ведь я не только мешала другим, но и говорила прямо над ухом начальницы конструкторского отдела. Ею была Светлова Е.Ф., очень властная женщина современного вида. Она

курила, играла в бильярд, ездила на автомашине «Волга», что было тогда большой редкостью, и подбирала себе коллектив почти исключительно из молодых мужчин, в основном, евреев. Как я позже поняла, она была связана с правозащитным движением и не случайно впоследствии стала тещей А.И. Солженицина.

Институт был настоящим прибежищем свободомыслящих людей. У нас работала целая группа диссидентов, самой известной из которых была Наталья Горбаневская. Ко времени моего поступлению в институт она уже довольно долго вела активную правозащитную деятельность и была хорошо известна КГБ, тем не менее, трудилась в издательском отделе. Я ничего не знала об этой стороне её жизни и даже после событий 1968 года, когда она с грудным младенцем в коляске вышла на Красную площадь в числе нескольких человек в знак протеста против ввода наших войск в Чехословакию. Только много лет спустя я узнала о судебном «деле четверых», которое было возбуждено против этой группы, а в 1973 году, будучи в Финляндии, увидела её книги в магазине.

С Натальей Горбаневской я довольно плотно общалась в процессе подготовки изданий двух книг по результатам нашей работы, где я была одним из авторов, а она техническим редактором. В общении она была очень приятной, деликатной и дружелюбной, угощала меня шоколадом. Наталья Г. первая предложила мне поступать в аспирантуру, поскольку необходимые печатные издания у меня уже были, но этот совет я не приняла всерьёз, хотя всё-таки последовала ему, но не сразу.

Ещё до моего ухода в декретный отпуск наш разросшийся отдел разместили в изолированном помещении и к нам направили из Госстроя нового начальника — Валерия Ивановича Ретинского. Он был очень воспитанным, интеллигентным и, как потом оказалось, добрым человеком импозантной внешности — высокий, с седеющей волнистой шевелюрой, всегда прекрасно одетый, в строгих

костюмах с белоснежными рубашками и манжетами на запонках. Вскоре стало известно, что он не женат, что вызвало большое волнение во всех отделах. Но Валерий И. держался отстранённо и никому не оказывал особого внимания. К своим сотрудникам относился снисходительно, никогда не делал никаких замечаний, даже если мы много болтали. В отделе к тому времени было человек десять, все молодые, и среди них пять женщин, которым всегда было что обсудить.

Никакого напряжения в работе не было, как не было и конкретных планов с конечными результатами. Нужно было только оформить представительный отчёт о работе, содержание и объём которого мы же и определяли. Отчёты были наполнены схемами, графиками и даже формулами. Нашим чертёжникам и оформителям было над чем поработать и показать в Госстрое «товар лицом». Валерий И., насколько я помню, не особенно вникал и в содержание нашей работы, во всяком случае, не делал никаких предложений, а только читал и слегка редактировал тексты. Мне он говорил, что я пишу, как Хемингуэй, видимо, подразумевая краткость содержания. Но я не была краткой, когда писала на работе личные письма, в то время как прикреплённый ко мне техник переписывала для меня рецепты французской кухни.

Глобальным генератором идей был Элик, а я развивала их на конкретном уровне, поскольку была единственным разработчиком, знающим досконально процесс проектирования. В соседних отделах уже проводились работы по использованию компьютеров в строительных расчётах, и наш архитектурный отдел пошёл в том же направлении. Не буду вдаваться в технические подробности, но к моменту моего перехода в аспирантуру накопилось довольно много материала, и наша группа опубликовала результаты своих работ в весьма объёмном двухтомном труде.

Постепенно отдел пополнился архитекторами из архитектурного института: Игорем М. и семейной парой —

Игорем Мн. и Женей К. Кроме того, появились конструкторы, экономист, психолог, чертёжницы и другие люди самых, казалось бы, неподходящих профессий. Отношения в отделе после его расширения оставались, в общем, хорошими, хотя уже нельзя было бы назвать нас дружной семьёй. Я ощущала в некоторых людях неприязнь, связанную с тем, что «понаехавшие» захватывают ведущие позиции. Эта неприязнь выражалась в мелких подколах такого типа: как-то одна сотрудница громогласно на весь отдел спросила, почему я не делаю причёску в парикмахерской. Я и, действительно, не любила туда ходить, разве что по особо торжественным случаям. Пока я думала, как ответить, один недавно пришедший и грубоватый на вид сотрудник изрёк:

— Да если бы Валя ещё и причёску делала, тут бы никого, кроме неё, и видно не было бы.

Человек поспешил меня выручить, а я, неблагодарная, даже забыла, как его звали.

Жилищный кооператив

После устройства на работу мы сразу занялись жилищным кооперативом. Обычно они создавались по месту работы, но в наших организациях их не было. Приходилось искать в других местах, причём мы хотели остаться в районе своего проживания, что сужало область поиска. Однако вскоре подвернулся счастливый случай — кооператив научных работников МГУ. Я немедленно туда направилась, представилась архитектором, меня приняли и даже ввели в состав правления.

Строительство нашего будущего дома велось довольно быстро, я добросовестно посещала стройку, встречалась с прорабом, выявляла и заставляла исправлять недоделки. Как член правления я имела право на выбор квартиры, поэтому заранее знала, где мы будем жить. Менее чем через год после приезда в Москву мы уже имели «свой крупнопанельный замок» (как его называл Виталий) с двумя

В новой квартире. 1965 год

изолированными комнатами, маленькой кухней, прихожей и отдельным санузлом. Виталий занялся обустройством кухни, а я шила шторы, занавески и прочее. Купить всё это в магазине было сложно, а тканей в продаже было достаточно, причём очень хорошего качества. Как же мы радовались, когда нам поставили телефон. И вообще радовались каждой новой покупке, будь то магнитофон, кинокамера или швейная машина.

После переезда на новую квартиру стали традиционными воскресные обеды у Фрины Ю. Меню было праздничным, тщательно продуманным и всегда включало куриный бульон с крошечными пирожками и домашний торт. На моих званных обедах эти две составляющие тоже присутствуют почти непременно, а торт по её рецепту с некоторыми изменениями стал моим фирменным.

На майские праздники контора, где работал Виталий, организовала для желающих автобусную поездку в Ригу. Осталось в памяти, как в Вильнюсе ночью на площади рядом с башней Гедимина, пока народ разминал затекшие ноги, мы с Виталием бегом поднялись на самый верх и любовались

городом в огнях. В Риге, кроме осмотра достопримечательностей, было зарезервировано время для покупок, которое мы использовали очень эффективно. На обратном пути под сиденьями стояла набитая вещами сумка, над нашими головами качался пакет посуды со столовым гарнитуром, а в конце автобуса стоял свёрнутый в рулон ковёр. Этот прекрасный шерстяной ковёр лежал на полу спальни почти полвека, и мы заменили его на другой только в Израиле.

В Москве некоторое время мы ходили по магазинам, пытались подобрать разные предме-

ты мебели для нашей квартиры. Долго ничего не попадалось, но в результате неожиданной удачи Виталий купил добротный финский гарнитур для всей квартиры, который служил нам все годы вплоть до отъезда.

Семейные события

В 1965 году мой брат Володя возвратился из экспедиции в Магаданском крае и поселился в Москве. Они со своей будущей женой Ниной работали на Севере по распределению после получения образования. Свой брак они регистрировали в том же Дворце бракосочетания, что и мы, но, в отличие от нас, у них была пышная свадьба в ресторане «Прага» со многими гостями. Я была единственной родственницей со стороны жениха (Виталий находился в командировке) и почему-то оказалась в одиночестве в самом дальнем конце стола. Это обстоятельство, кажущееся теперь столь незначительным, меня тогда обидело, хотя вида я и не показала.

Жили мы в разных концах города и встречались нечасто, в основном, по праздникам. Одна вечеринка по поводу дня рождения Володи запомнилась не только мне, но всем присутствующим. Собственно никаких происшествий на ней не было, кроме особенно тёплой атмосферы и необычайно большого количества выпитого спиртного. Алкоголь был качественный, приобретённый в магазине, торгующем на валютные чеки «Берёзка», и мы незаметно выпили по бутылке на человека. В Москве в 2012 году мы вспоминали с одной из участниц этого праздника, как она с мужем ездили домой для восполнения запасов алкоголя на машине в ночи по ужасной ноябрьской погоде и уже в хорошем подпитии.

Всем работающим за рубежом вместо валюты, которую они получали в качестве зарплаты, выдавали чеки специальных магазинов «Берёзка», где можно было купить вещи, которых не было в свободной продаже, в том числе автомашины. По просьбе Володи Виталий покупал для него там «Волгу». Небольшую часть оставшихся от покупки машины чеков мы возместили Володе деньгами, и я купила в «Берёзке» японский зонтик и мохеровую пряжу трёх цветов, которая была тогда в большой моде и в большом дефиците, и три моих мохеровых кофты (бежевая, белая и розовая), связанные собственноручно, составляли предмет зависти всех женщин института.

Семья брата перенесла большую трагедию — у них родилась дочь с болезнью Дауна. Володя в отчаянии спрашивал меня:

— Валя, что делать?

Но ни я и никто другой не мог им помочь в их горе. Через два года она умерла, и они уехали работать в Йемен. После возвращения оттуда их семья распалась, собственных детей у них больше не было. Нина взяла из детского дома девочку Настю, и Володя согласился её усыновить, чтобы поддерживать материально до совершеннолетия. Кроме того, он давал деньги Нине на крупные покупки,

такие, как, например, пианино. В Москве он не остался и поехал на строительство Байкало-Амурской магистрали, точнее, в её столицу Тынду.

Поездки по стране

Летом мы совершили большое путешествие, которое началось с плавания на корабле из Феодосии до Батуми. Как раз в день прибытия в пункт назначения там закончились затяжные дожди, и весь город был в туманной дымке. Мы направились в знаменитый Ботанический сад, где долго бродили в полном одиночестве среди экзотических растений и влажных испарений. Атмосфера не располагала к морским купаниям, и мы в тот же день отправились местным поездом в Тбилиси.

Поезд не был прямым, надо было сделать пересадку в Потти, где нам пришлось переждать ночь на вокзале. Вокзал был полон местного народа, лежащего на скамейках и на полу с мешками, узлами и корзинами. Вели они себя непосредственно, как истинные дети гор, а мы были среди них единственными чужаками. Я старалась на них не смотреть, но видела, что они сверкали на меня своими жгучими глазами, и даже немного побаивалась, но всё закончилось благополучно.

В Тбилиси мы остановились в гостинице, осмотрели город и посетили семью друга Виталия Тимура. В своём старинном доме недалеко от центра города они устроили в нашу честь вечеринку с набором грузинских блюд, шашлыками, зажаренными вместе с помидорами и баклажанами, и ведром крюшона из белого вина с персиками. После этого приёма мы часто говорили подражая грузинам: «памидори, бадриджани». Для меня визит омрачался тем, что новые белые туфли сильно жали и гулять в них было одно мучение, но красотой я не могла поступиться.

Покинув столицу Грузии, мы возвратились на побережье Чёрного моря и проехали через Сухуми и Хосту до

Лазаревского. В Сухуми пили сваренный в песке густой кофе, как мне кажется, самый лучший в моей жизни. Может быть, он и не был таким уж хорошим, но был первым настоящим кофе, который я пила. На сельских базарах покупали необыкновенно вкусную домашнюю еду: сыр сулгуни, лаваш, жареных перепёлок. По дороге останавливались на ночь обычно на туристических базах. В Хосте не оказалось ни отдельной комнаты, ни места в женской половине, пришлось и мне ночевать в мужской комнате. К счастью, кроме нас двоих, там никого не было.

В марте 1968 года мы купили машину «Запорожец»-букашка, скопированный с итальянской модели «Фиат-600». Во дворе были большие сугробы после снежной зимы, и Виталий, лавируя между ними, приобретал навыки вождения и заодно обкатывал машину. А на Первомайские праздники мы поехали на ней через Новгород и Псков в Прибалтику. Виталий к тому времени практически не имел опыта вождения, но это нас не остановило. Первого мая, в день нашего выезда, была ужасная погода — холод и мокрый снег. Печка и «дворники» отказали ещё до выезда из Москвы, «дворники» Виталий как-то подправил, хотя они и постоянно останавливались, а с печкой не получилось. Ехать пришлось в холодной машине. Я с ногами закуталась в стёганое одеяло, а Виталий мёрз всю дорогу в своей модной синтетической куртке и ботинках.

Недалеко от Новгорода, мы почему-то ехали просёлочной дорогой, машина провалилась по самое днище в рытвину, полную талой воды. Выбраться самостоятельно было невозможно, но Бог приходит на помощь дуракам и неумелым. Откуда-то (в праздник!) появился трактор и мужики в высоких резиновых сапогах. Они дружно нас вытянули, и даже не пришлось выходить из машины.

Граница с Прибалтикой была очень чёткой — ровно с неё, как отрезанная ножом, начиналась хорошая дорога. К тому времени улучшилась погода, и все сельские жители вышли на поля, несмотря на выходные дни. Они с интересом

и уважением поглядывали на нашу машинку-букашку, которых было ещё совсем немного, как, впрочем, и других машин. На дороге мы были практически одни. Автотуризм был развит очень слабо, и можно было без труда останавливаться в любых гостиницах. В Таллине мы ночевали в гостинице на центральной площади, на ней же стоял и наш «Запорожец».

Наш сын Миша

Появления у нас ребёнка вся семья ждала с нетерпением, и родные очень обрадовались, когда я им сообщила, что скоро это случится. Когда подавала заявление на декретный отпуск, начальник отдела был изумлён — он ничего на замечал. Я чувствовала себя отлично, не считая обычного токсикоза, был только один неприятный случай. К нам позвонила соседка, я быстро встала, открыла ей дверь и упала в обморок. Соседка почему-то убежала, а Виталий нашёл меня без сознания на полу с залитым кровью лицом. От удара сдвинулись два передних зуба, они потом возвратились на место, но спустя 40 лет, уже в Израиле, заметно пожелтели.

Накануне этого события мы с Виталием ходили в кино. А потом сразу после сеанса поехали в роддом на Шаболовке, который в то время считался хорошим. В больнице пришлось задержаться из-за послеродовой желтухи сына. Виталий не смог дожидаться нашей выписки, его отправили в командировку на космодром в Тюратам на 3 месяца. Нас встретил и привёз домой мой брат Володя.

Первые дни дома были одними из самых радостных дней моей жизни — я не могла наглядеться на сына. Но одновременно эти дни были и довольно трудными. Я была одна, а домашней работы было немало. По своей неопытности и чрезмерной добросовестности я неукоснительно следовала всем советам врачей и разных пособий: кипятила каждую пелёнку, если на ней была хоть капля влаги, гла-

дила с двух сторон и т.п. Но главной трудностью было то, что Миша плохо спал. В больнице меня научили пеленать ребёнка, оставляя свободными ручки. Как потом оказалось это-то ему и не нравилось.

Свекровь Фрина Ю. приезжала днём, помогала, чем могла, но она сама была нездорова и настолько не умела обращаться с младенцами, что даже не могла его пеленать. У меня из-за постоянного недосыпания образовался сильнейший конъюнктивит. После 10 дней такого режима я послала телеграмму маме с просьбой приехать, и через короткое время она была уже у нас, и жизнь мгновенно наладилась. Мишу она стала пеленать вместе с ручками и он начал спокойно спать, я тоже выспалась, стала хорошо питаться и набралась сил.

Виталий очень о нас беспокоился, но издали ничем помочь не мог. Первые дни у меня даже не было времени и сил ему писать, известия он получал от своих сослуживцев, которые меня иногда посещали. После отъезда мамы я самостоятельно справлялась со всей домашней работой, но когда Виталий был в командировках, возникала проблема получения питания для Миши из детской кухни, которая работала до 8 утра. Миша в это время спал, и будить его, одевать, вытаскивать коляску было трудно, особенно зимой. Поэтому я старалась сходить на кухню как можно раньше, оставляла его одного и из-за этого всегда очень беспокоилась. Однажды проснулась, быстренько оделась и побежала, но кухня была закрыта. Оглянулась — кругом

С сыном Мишей. 1966 год

ни души, только синие сугробы и светит луна. Возвратившись домой, посмотрела на часы — шёл третий час ночи.

Почти с первых дней рождения Миши я начала вести дневник его развития. Записывала все изменения, параметры роста и веса, строила графики. Тогда малейшее отклонение от нормы казалось трагедией, а признаки ускоренного взросления или больший по сравнению с нормой вес, наоборот — большой радостью. Как-то я показала дневник врачу, она попросила оставить на несколько дней, ко мне он больше не возвратился. Похоже, что использован в какой-нибудь диссертации.

После окончания декретного отпуска в марте я должна была возвратиться на работу, а Мишу нужно было определить в ясли. Как мы были наслышаны, уход за детьми в яслях был плохим, они порой целыми днями лежали мокрыми в кроватках и часто болели. Мама решительно настаивала не отдавать ребёнка в чужие руки, чтобы он с ранних лет не потерял здоровья. Она приехала, пожила у нас некоторое время, а потом забрала его с собой в Новосибирск. Целая эпопея была с их отправкой на поезде. В багаж погрузили кроватку, коляску и даже холодильник, т.к. купить его там было невозможно. Да и в Москве не просто, но как-то достали. Когда уже прибыли на вокзал, оказалось, что забыли горшок. Виталий помчался за ним на машине и всё-таки успел доставить к отправлению. В Новосибирске Миша благополучно рос и развивался. О всех подробностях его жизни мне регулярно и часто писали мама и сестра Галя. В июне я прилетела в Новосибирск и нашла Мишу весёлым и здоровым, похожим на гриб-боровичок. Я пошла с ним гулять в лес в то время, когда он спал в коляске. В лесу он проснулся и, не увидев знакомых лиц, заплакал. Я тоже заплакала оттого, что он меня не узнал, а потом говорю ему:

— Ну что это мы плачем, давай смеяться!

Не помню, как уж я его рассмешила, но мы смеялись всю дорогу домой.

Миша с моей сестрой Галей и папой. 1967год

После того, как мама увезла Мишу в Новосибирск, у меня ещё оставалось две недели декретного отпуска, и мы отправились кататься на лыжах в Карпаты, в очень живописное место Яремче. В дороге мы останавливались ночевать в городе Коломые в чудесной старой гостинице с лоскутными одеялами и изразцовой печкой. В Яремче мы сняли маленький домик, где едва размещалась кровать, крошечная печка и такой же стол. Домик был летний, температура в нём мало отличалась от уличной, но мы возвращались в него только вечером, а целыми днями катались на горе, ходили на лыжах по окрестностям, делая только перерыв на обед.

Обедали мы в ресторане, где тоже было холодно, но отлично и недорого кормили, готовили местные блюда вроде фаршированной телятины с грибами и другие деликатесы. Вечером по дороге домой мы заходили в магазин, покупали вино, колбасу, сыр, хлеб и сладости. Хорошо протапливали печку, слегка подворовывая у хозяев дрова сверх положенной нормы, варили глинтвейн, чай, ужинали, ложились в кровать с продавленной, как гамак, сеткой и просыпались утром уже в холодной избе.

Умывались снегом, а Виталий даже обтирался им по пояс, и снова шли на гору.

Изучив окрестности Яремче, мы перебрались в Рахов, где разместились в избе вместе с хозяевами. Они были очень гостеприимны, устроили вечеринку в нашу честь с домашними продуктами, самогоном и копчёностями. Там мы тоже неплохо провели время, но в кафе, где мы питались, было уже не так шикарно. Возвратились загорелыми, особенно Виталий. Он там в красивом белом свитере пользовался большим успехом, женщины просились с ними фотографироваться, чтобы дома похвастаться поклонником.

После того, как мама увезла Мишу, мы очень скучали, и я постоянно искала возможности завязать сотрудничество с организациями Новосибирска, занимающимися похожими проблемами, чтобы иметь возможность часто летать туда в командировки. Довольно быстро нашёлся институт, и среди сотрудников, занимающихся разработкой близких для меня задач, совершенно случайно оказался муж моей подруги школьных лет. Не могу сказать, что это как-то повлияло на продвижение нашей работы, но мы с ним стали регулярно посещать — я Новосибирск, а он Москву. И всё-таки мне хотелось забрать Мишу домой. Но мама постоянно откладывала время приезда, считая, что ребёнку летом лучше жить в Новосибирске рядом с лесом. Наконец в конце июля они прибыли.

Мы сделали попытку отдать Мишу в детский сад. Он не хотел туда ходить, плакал и отбивался каждое утро. Плакал он и там, и, как оказалось, воспитатели запирали его в тёмную кладовку, поскольку не могли с ним справиться. Мама тоже плакала и настаивала, чтобы мы его оттуда забрали, обещала ещё у нас пожить. Это было прекрасное время, я спокойно ходила на работу, мама многие часы гуляла с Мишей, оба возвращались с улицы свежие и румяные. Виталий относился к маме с большим уважением и говорил, что это единственный человек (кроме меня,

я полагаю), с которым он мог бы жить всю жизнь. Мама по субботам и воскресным дням ездила в храмы, так прожила у нас полгода. Всё это время она просила ещё раз отпустить Мишу к ним, чтобы хоть до трёх лет продержат ребёнка в домашних условиях. Постоянно она не могла жить у нас, дома также в ней нуждались.

В феврале мама с Мишей улетели в Новосибирск. Оттуда писали письма, полные всяких смешных историй. Как-то его спросили на улице: «Какой тебе годик?», а он ответил: «Шестой миновал». Никто его не наказывает, но однажды Володя, приехавший в гости, поставил его в угол за какую-то проказу. Он там стоял и тряс открытой ладонью со словами: «Ну зачем так делать?!» — и, конечно, разжалобил домашних. Бабушка прибегает к его помощи, когда нужно включить или выключить приёмник. Научился кататься на велосипеде и всем важно сообщает, что взял велосипед напрокат. Не буду говорить о своих слезах и переживаниях, но и сейчас, и тогда я искренне считала, что они ничего не стоят по сравнению со здоровьем ребёнка, которое, несомненно, подвергается риску в яслях. В то время мне и в голову не могла прийти мысль, что эта ситуация может быть истолкована иначе.

В июле я прилетела в Новосибирск и увезла Мишу домой. Билетов на самолёт не удалось достать, и мы ехали двое суток поездом. Мише это нравилось, он очень активно себя вёл, весь вагон в него влюбился, все звали к себе в гости. В вагоне ехала девочка его возраста, с которой он играл. По прибытии домой он стал чесаться, и я не сразу поняла, что он подхватил вшей. Но с этим мы быстро справились.

После отъезда Миши домой мама, папа, Галя и все сибирские родственники очень о нём скучали. Мама писала:

«Добрый день, дорогие мои дети: доченька Валентина, Виталий и внучек Мишенька, мой милый и любимый! Как я скучаю о нём, не могу никак себя успокоить, думаю, как он без меня. Никогда вас не забываю,

только тёмной ночью, когда уснёшь крепким сном. Мой миленький Мишенька всегда со мной. Если я приеду, то не могу себе представить, как буду уезжать от него. Мне так жалко было оставлять его, так я была расстроена. Однажды вечером мне показалось, что идёт Валя с Мишей. Я только хотела вскричать: «Мой Мишенька приехал!», — но увидела, что это не они, а только похождение, и пошла с печалью. Наверное, Миша читает, он ведь буквы знал, когда я была у вас. Все говорят, что снится, о чём думаешь, а я вот не вижу Мишу во сне. Дедушка его видит часто и Галя видит. А мне нет этого счастья. Я даже завидую».

В детский сад Миша ходил не очень охотно, почти всегда не хотел расставаться, но после моего ухода с удовольствием играл с ребятами. Я как-то спросила его, есть ли у него в саду друзья, на что он ответил:

— Да, есть одна женщина в жёлтом пальто.

Детсадовский период прошёл довольно благополучно, хотя и были неприятные случаи. Как-то глубокой осенью я пришла за Мишей, и воспитательница долго жаловалась мне на его поведение, а он стоял рядом в резиновых сапожках, как обнаружилось дома, надетых на босую ногу. А однажды она так схватила его за руку, что вывихнула. Потом они пошли в травмпункт, отстояли там большую очередь (никто не пропустил ребёнка!) и вправили сустав.

Дома тоже случилась неприятность. Мише во время простуды прописали тетрациклин со вкусом шоколада. Бутылочка с ним стояла, по моему мнению, в безопасном месте, но он как-то до неё добрался и выпил всё содержимое. Мы испугались и повезли его в Морозовскую больницу, где ему сделали промывание. Миша так сопротивлялся, что пришлось его связывать.

В детском саду он почти ничего не ел. Воспитательницы жаловались, что заставить его невозможно, и я попросила их этого не делать. Иногда и дома он не ел целый день, и я не настаивала.. После еды дети в саду сами относили

тарелки на кухню, и всегда на вопрос, ел ли что-нибудь, ответ был один:

— Отнёс.

Когда я забирала его из сада, мы заходили в булочную за сладкими с изюмом булочками-калорийками, и он с удовольствием съедал одну по дороге. Я понимала, что это непедагогично, но не всегда же следовать строгим правилам. Мы вообще многое Мише позволяли

с целью закаливания организма и развития самостоятельности. Никогда его не кутали сверх необходимого, позволяли гулять одному во дворе, тогда это было безопасно. Однажды я разрешила ему, совсем маленькому, идти босиком по тротуару, и прохожие громко выражали своё возмущение.

В детском саду Миша болел только один раз, когда заразился ветрянкой, охватившей всю группу. От лет его пребывания в садике осталось много смешных высказываний. Меня он называл самой прекрасной лошадкой на свете, потому что я возила его в детский сад на санках, и уверял всех, что я волшебница. Завёл копилку для мелочи и говорил, что мог бы и по субботам ходить в детсад чтобы получать там вафли, которые стоят 12 коп. Ведь «очень трудно копить деньги, когда их не зарабатываешь».

Он уже умел читать, знал почти всю таблицу умножения, хотел научиться писать «всмятку», не печатным, а рукописным шрифтом. Увлёкся шахматами, уговаривал

С Мишей. 1971 год

и меня бросить читать, т.к. я это уже умею, и заняться шахматами, а то так никогда и не научусь. Так и вышло. Бабушку учил в принудительном порядке и проверял её знания по телефону и при встрече. В саду в него влюбилась девочка и захотела его поцеловать, но он не позволил, говорил:

— Мне нет дела, я же в неё не влюблялся.

Посмотрев на суданский флаг, сказал:

— Какое трудное письмо у Судана, маленьким суданцам нелегко приходится.

Летом по воскресным дням мы обычно выезжали на реку Пахру, рядом с деревней Красная Пахра. Сейчас это Москва, застроенная особняками и замками с башенками и арочками, а тогда было прекрасным местом отдыха.

На большой поляне у реки народу было совсем мало, река довольно глубокая и чистая, рядом берёзовая роща. Мы выезжали туда на целый день — жарили шашлыки, загорали, Миша учился плавать. Виталий просто бросал его в воду, и тот без страха выкарабкивался. По дороге на Пахру Миша впервые увидел одноэтажные дома и предположил, что это «собачьи домики».

В 1970 году летом мы поехали на Азовское море на новой автомашине «Жигули». При выезде из гаража Миша осторожно сказал:

— Чтобы ехать на юг, надо знать дорогу.

Видимо, он не очень надеялся на наши знания. Доехали мы благополучно, но вскоре нас ожидала беда. Ночью заболел Виталий, поднялась высокая температура и началась рвота. Утром заболел и Миша, мы кое-как свернули свою палатку и, несмотря на плохое самочувствие Виталия и Миши, решили поехать домой.

К нашему удивлению, все вокруг тоже собирались уезжать. Оказалось, началась эпидемия холеры. Все дороги в сторону от моря были забиты автомобилями, и движения почти не было из-за пробок.

До Москвы мы обычно ехали два дня, но при таких темпах путь мог продлиться надолго. Тогда мы повернули

на Днепропетровск, где жила сестра Фрины Ю., чтобы быстрее обратиться в больницу.

Продвигались медленно и из-за загруженной дороги, и из-за необходимости постоянно останавливаться, потому что у Миши был сильный понос. Но держался он стойко, тихо лежал на заднем сидении, и иногда мне даже удавалось его рассмешить.

В Днепропетровске после обращения в больницу всю нашу семью обязали оставаться в многодневном карантине. Но, к счастью, попалась добрая врачиха, которая оказала необходимую помощь, дала рекомендации и отпустила домой.

В Москве анализ подтвердил наличие болезни у Миши, с нами было всё в порядке. Мишу направили в больницу, и опять нам повезло — его уже забрали в палату, куда он пошёл без плача, сжимая в кулаке маленького Деда Мороза (эта фигурка и сейчас у нас каждый Новый год под ёлкой).

Мы с Виталием оба стояли в печали, не в силах уйти, и вдруг врач возвратилась, ведя за руку Мишу. Она сказала, что жалко такого идеального ребёнка класть в инфекционную палату, объяснила, как за ним ухаживать, и отдала нам.

Второй раз на этом пути попался хороший человек, вспоминаю их обоих добрым словом.

Глава вторая

Аспирантура

Поступление и научная работа

Намерения поступать в аспирантуру у меня не было. Но однажды разговор на эту тему зашёл с питерским другом Виталия Ю. Герштейном, который сам прошёл этот путь и считал, что у меня для кандидатской диссертации есть уже всё необходимое. Тогда на семейном совете мы решили, что стоит попробовать. Ещё одним человеком, уговаривающим меня поступить в аспирантуру был мой коллега Игорь М. Сам он уже был аспирантом кафедры архитектуры МИСИ и мог дать мне хорошую рекомендацию при поступлении. Естественно, что туда я и нацелилась. Между прочим, сам он так и не закончил тогда аспирантуру, отправившись на работу в Организацию Объединённых Наций. Конечно, такой шанс пропустить было невозможно, и на его дальнейшую успешную карьеру отсутствие диссертации не повлияло.

Я не хотела тратить время и силы на вступительные экзамены и решила сдать все кандидатские минимумы. Немецкий язык прошёл на «хорошо» без подготовки, а вот «диалектический материализм» (так, кажется, назывался экзамен), несмотря на подготовку, вытянул только

на тройку. Попался «Анти-Дюринг» Энгельса, о котором я имела весьма смутное представление. С такими оценками поступить не было шанса, и я отложила это мероприятие до следующего, 1969 года.

После того, как я начала делать попытки поступить в аспирантуру, отношение ко мне со стороны некоторых коллег стало не очень доброжелательным. Дело в том, что ни в нашем, ни в соседних отделах никто, в том числе и имеющие конкретные результаты ведущие разработчики, ещё не защищали диссертаций, а из числа нескольких поступающих в аспирантуру был принят только один упомянутый выше Игорь М. Этому были причины, совсем не связанные со способностями: во-первых, почти все потенциальные соискатели были евреями, которых в аспирантуру брали, мягко говоря, неохотно. Во-вторых, не каждый мог себе позволить перейти на почти вдвое меньшую зарплату, да ещё с негарантированным результатом.

На следующий год к «политическому» экзамену я уже готовилась основательно, не оставляя слабых мест, и сдала злополучный предмет на отлично. По протекции Игоря М. я встретила с заведующим кафедрой архитектуры и одновременно проректором по учебной работе МИСИ Всеволодом Михайловичем Предтеченским. После нашей беседы он согласился быть моим научным руководителем, по его указанию мне разрешили сдать экзамен по специальности, который полагалось сдавать не ранее, чем после года обучения. Получив очередную отличную оценку, я завершила весь комплект кандидатских минимумов и была свободна от вступительных экзаменов. Буквально под Новый год меня зачислили в очную аспирантуру, и мы отметили это событие одновременно со встречей Нового года. С нами была сестра Зоя, которая выложила на печёночном паштете лимонной корочкой цифры 1969, что и осталось в памяти.

В аспирантуру я поступала с полной уверенностью в том, что у меня не будет никаких проблем с диссертацией.

Главный вопрос, волнующий всех при поступлении, был выбор темы и руководителя. Для меня эти вопросы были решены, больше того, основная часть работы была уже сделана: сданы кандидатские минимумы, публикаций достаточно для защиты. Оставалось чётко структурировать результаты исследований, дать более строгие определения используемым понятиям, внести в исследование некоторые новые задуманные элементы, написать текст диссертации по установленному порядку и оформить результаты внедрения. Самым трудным считалось представить доказательства проверки теоретических положений на практике, т.е. акты внедрения разработок в производство, в моём случае, в проектные организации.

Это тоже удалось сделать благодаря тому, что я была руководителем по хоздоговорной теме с крупной организацией и получила и от неё, и от ряда других институтов подтверждение об использовании моих работ с внушительными цифрами экономии.

Ещё в 1968 году на конференции в Новосибирске я познакомилась с Русланом И. О., директором крупного института оборонного характера в Москве. Руслан И. заинтересовался моими работами и передал нашему отделу деньги по хоздоговору на выполнение научных исследований, в которых, кстати, он и сам участвовал. Потом этот договор перешёл со мной вместе в МИСИ. С Русланом мы работали несколько лет, подружились семьями, ходили друг к другу в гости, ездили на дачу к его тестю и в 1973 году вместе ездили на юг с детьми двумя машинами.

В процессе работы я по всем правилам социологических исследований провела довольно интересный экспертный опрос среди специалистов высокого профессионального уровня. Мне нужно было предложить механизм для оценки таких факторов, которые не могут быть выражены в цифрах, например, красота или удобство. Опрос также выявлял некоторые черты и самих опрашиваемых, например, завышенная самооценка или конформизм

(приспособляемость к мнению большинства). Я опрашиваемых лично не знала, но мой руководитель В.М. Предтеченский был поражён сходством полученных мной результатов с реальными характеристиками участников опроса, до которых эти сведения, естественно, не доводились. Впоследствии, в моей докторской диссертации, этот метод был значительно усовершенствован.

Поначалу у меня, как и у всех вновь поступивших аспирантов, не было никаких обязательств, кроме посещения заседаний кафедры и составления планов работ по годам. Поэтому у меня с поступлением в аспирантуру появилось ощущение небывалой свободы. По утрам я брала лыжи, переходила через дорогу в наш Битцевский лес и уходила по лыжне довольно далеко. Потом возвращалась, готовила обед, прибирала квартиру, забирала пораньше Мишу из сада, шила себе наряды — в общем, блаженствовала.

Но так продолжалось недолго — всех аспирантов привлекли к руководству проектированием в студенческих группах. Промышленное проектирование не представляло для меня труда, но проекты как раз были гражданскими, а ими я раньше не занималась. Правда, освоилась я быстро, но эта работа отнимала какое-то время на подготовку, и лыжи пришлось оставить.

Аспиранты кафедры

В 1969 году вместе со мной в аспирантуру поступили четверо: Жанна К., Пётр Буга, Энвер Чиковани и немец их ГДР Харальд (забыла его фамилию). Жанна была москвичкой, дочерью зав. кафедрой начертательной геометрии в Архитектурном институте, Пётр прибыл из Белоруссии, Энвер — из Сухуми, а Харальд — из Лейпцига. У нас была довольно дружная компания, кроме того мы включились в круг аспирантов всех годов обучения и молодых преподавателей. На кафедре часто организовывались вечеринки, время от времени кто-нибудь защищал диссертацию, и тогда все шли на банкет в ресторан.

Собирались и дома у Жанны на праздники и дни её рождения, где присутствовали и учёные мужи — друзья её отца. Это очень, как тогда говорили, «спаивало» весь коллектив. Впоследствии Жанна и Петя поженились. Пётр стал заведовать издательским отделом в Минвузе СССР, через него проходили все учебники и учебные пособия, в том числе и мои книжки. К сожалению, он рано ушёл из жизни.

Харальд, возможно из-за ограниченности знания языка, был довольно прямолинейным. На одном из первых наших собраний он спросил, сколько мне лет и, узнав, с сожалением и на полном серьёзе сказал, что я его старше и поэтому не подхожу ему в жёны. При этом не удосужился спросить, подходит ли он мне, не говоря уже о том, что я была замужем. Харальд всю зиму ходил в лёгкой кожаной курточке, и в сильные морозы на него было страшно смотреть. При этом он иногда ещё ел мороженое, заглушая голод, — в столовой он есть не мог. Наверное, у него была цель жениться на русской, что он в конце концов и осуществил, выбрав энергичную аспирантку с другой кафедры. Точнее, выбрала его она и развила бурную активность и в Лейпциге, «выбив» из института, где они работали, квартиру. Я посетила их в этой квартире, будучи в командировке, и увидела, что немцы могли бы поучиться у неё скупости. Во время моего к ним визита она сказала что-то вроде того, что хорошо, если бы я не хотела есть, а то готовить неохота. Конечно, я не хотела. Харальд слабо протестовал, но ясно было, что в доме он не хозяин.

Используя возможность научных командировок во время аспирантуры, я полетела в Проектный институт гражданского строительства в Тбилиси. Я знала, что там проводятся исследования, близкие к моим разработкам, и действительно нашла небольшую группу энтузиастов, состоящую из пяти мужчин примерно моего возраста и одной девушки Заиры. Приняли меня чрезвычайно радушно, предложили взять из своих работ всё, что мне нужно для диссертации, и поселили у Заиры, которая жила одна.

Вечером она приготовила отличное национальное угощение, пришёл её приятель Зураб с домашним вином, и мы праздновали почти до утра. На следующий день у меня болела голова, но зато я приобрела друзей. Потом Заира неоднократно останавливалась у меня в Москве, а я у неё в Тбилиси. С Зурабом мы тоже не раз встречались на конференциях, взаимно способствовали публикациям друг друга, писали отзывы на диссертации и статьи. После одной из конференций в большом доме Зураба был банкет, где я присутствовала и слушала прекрасные грузинские песни, исполнением которых славилась его семья.

В течение срока обучения я написала ещё несколько статей в дополнение к имеющимся. Печатала всё сама на пишущей машинке «Идеал», которую мне купил Виталий. Купить машинку было проблемой даже в комиссионном магазине. Власти боялись распространения самиздата, и для покупки требовалось журналистское удостоверение. Помог наш друг, тоже Виталий, который работал тогда журналистом. Диссертацию я писала на нашем маленьком кухонном столе, там же чертила листы для экспозиции. На исходе второго года обучения, за год до окончания срока аспирантуры, моя диссертация прошла предварительную защиту на кафедре, и в декабре была назначена защита в Совете.

Защита

Для этого торжественного события я сшила себе костюм из прекрасной светло-лимонной итальянской шерсти. Примерно за неделю до назначенного срока меня вызвал к себе в ректорат Всеволод М. В его кабинете, к своему большому удивлению, я увидела своего коллегу по ГИПРОТИСу Игоря Мн. Как оказалось, он пришёл предупредить моего руководителя о кардинальных просчётах в моей работе и рассказать что-то весьма нелестное и обо мне самой. О последнем мне Всеволод М. ничего не сказал, но по ряду замечаний об этом можно было догадаться. Игорь не ожидал такого хода и страшно смутился, а Всеволод М., не вдаваясь

Учёный совет во главе с В.М. Предтеченским. 1972 год

в детали, уверенно заявил, что я успею исправить все недочёты до защиты. Естественно, я ничего не исправляла — диссертация и автореферат были уже напечатаны. Но этот случай усилил и без того моё волнение, которое было столь большим, что я даже не разрешила Виталию присутствовать на защите, чтобы меня дополнительно не смущать. Он, бедняжка, простоял всю защиту под дверью аудитории. Однако после первых же фраз я обрела уверенность, чем вызвала одобрение членов совета, которым понравился и мой внешний вид, как потом сказал мне Всеволод М. Он был председателем Совета, и голосование, как и ожидалось, было единогласным.

Банкет Виталий заказал в самом дорогом ресторане «Националь» на ул. Горького человек на 40–45. Я, естественно, сидела во главе стола рядом со своим руководителем. Вино, речи и остроумные комментарии к ним лились рекой. Виталий расположился в самом конце стола, но был вторым центром внимания, вставляя реплики, оживляющие беседу, и следил за порядком подачи блюд и вин. Наша начальница лаборатории, незамужняя красавица, рассказывала мне позже, что она сразу его заприметила, устроилась рядом и придвигалась к нему всё ближе и ближе с целью познакомиться. На её вопрос, кто он и как сюда попал, Виталий ответил:

— Я тот, кто за всё это платит.

Глава третья

Кафедра архитектуры

Состав

Сразу после защиты диссертации меня зачислили в постоянный штат кафедры архитектуры на должность ассистента. Со второго семестра 1972 года я получила постоянную нагрузку в виде руководства курсовым проектированием. В феврале утвердили в ВАКе мою диссертацию, и со следующего учебного года, когда я уже была старшим преподавателем, к этому прибавились и лекции.

Кафедра архитектуры была одной из самых больших в институте с числом постоянных сотрудников примерно 60 человек. В то время на кафедре работали известные профессора старой школы и авторы учебников Л.Б. Великовский, В.М. Ильинский, Л.Ф. Шубин, Л.Г. Осипов, Н.Ф. Гуляницкий, С.Д. Ковригин, И.Н. Себекин, Т.Г. Маклакова. Немало значительных фигур было и среди доцентов, например, В.А. Вольнов — один из авторов типовых проектов панельного строительства.

Заведующим кафедрой, как я уже упоминала, был проф. Всеволод Михайлович Предтеченский. Поскольку он был моим научным руководителем, я вскоре стала его

*Всеволод Михайлович
Предтеченский
1975 год*

помощницей во многих делах — была ответственной за НИР на кафедре, вела его аспирантов, писала за него отзывы на диссертации, была учёным секретарём комиссии Минвуза СССР по совершенствованию высшего образования. Эта комиссия была создана только для выработки рекомендаций, действовала около полугода и состояла исключительно из известных учёных разных специальностей. Среди них был известный психолог А.Н. Леонтьев. За время работы в комиссии я по-

лучила некоторое представление о научном мире и массу комплиментов, что делало работу особенно интересной.

Познакомил меня Всеволод Михайлович и со своей семьёй. Его жена Людмила Александровна тепло нас принимала, считала Виталия красавцем, не уступающим знаменитым американским актёрам, нашим сыном они восхищались оба. Мы бывали у них дома, они приглашали нас иногда в Суханово (подмосковный Дом отдыха архитекторов) на целый день.

*Любим Фёдорович
Шубин.
1975 год*

Любим Фёдорович Шубин был освобождённым секретарём партийной организации института и профессором нашей кафедры. Он выделялся своей интеллигентностью и манерами поведения, очень солидно и вальяжно держался, прекрасно выглядел благодаря белоснежной шевелюре, ярким карим глазам и чёрным бровям. Любим Фёдорович хорошо ко мне относился, мы много работали вместе с зарубежными вузами, он способствовал защите моей докторской диссертации, продвинул

меня в депутаты Москворецкого районного Совета. Не раз Любим Фёдорович приглашал нас с Виталием к себе домой на празднование Нового года и по другим случаям.

Мать Любима Фёдоровича была потомственная дворянка, и в семье у них сохранились остатки старого уклада жизни — очень красиво сервированный стол со старинной посудой, ритуал рассаживания гостей, застольной беседы и т.п. При этом никакого панибратства и поблажек в работе не было. Однажды на майские праздники мы с Виталием должны были присоединиться к группе яхтсменов для похода на Волгу. Для этого мне требовалось получить разрешение у Любима Фёдоровича не присутствовать на демонстрации, и он мне его не дал.

Вся старшая кафедральная публика выглядела очень достойно — всегда в официальных костюмах и при галстуках, с прямой осанкой и седыми головами. Мой коллега Игорь М. называл их «белыми песцами». На заседаниях кафедры они располагались за длинным центральным столом, по бокам за столами сидели доценты и старшие преподаватели, а ассистенты и аспиранты устраивались плотной толпой на стульях в конце помещения. Заседания кафедры всегда вёл сам Всеволод Михайлович, но всю организационную работу вёл его заместитель Лев Георгиевич Осипов.

Лев Георгиевич был сгорбленным старичком, с хитрым прищуром глаз, и весьма занятой личностью. Он любил шутить и рассказывать анекдоты, часто не вполне приличные, а также говорить женщинам вещи, вводящие в смущение, что его очень забавляло. Однажды я, проходя мимо него, поздоровалась, но он, как обычно, смотрел вниз и не поднял головы. Я подумала, что он меня не заметил и, увидев снова через некоторое время, опять поздоровалась. На этот раз он удивлённо вскинул глаза и сказал:

— Мы же уже встречались!

На моё:

— Я думала, вы не видели меня, вы не посмотрели...

Он ответил:

— А зачем мне на вас смотреть? Я же видел ваши ноги.

Но, несмотря на шутки и балагурства Льва Георгиевича, порядок на кафедре был строгий, все боялись и его, и его острого языка. В то же время проявлял и небывалую доброту. Когда одна из преподавательниц, жившая в Москве на птичьих правах, оказалась без крыши над головой, он приютил её на время у себя в квартире в доме на Котельнической набережной, где жил вдвоём с женой. Я как-то была у них в гостях, квартира хоть и трёхкомнатная, но заставленная старинной мебелью, выглядела даже тесной.

Профессора старой школы — Ильинский В.М., Великовский Л.Б. не состояли в партии, держались независимо, и по любым вопросам их слово было решающим. Они были мне очень симпатичны.

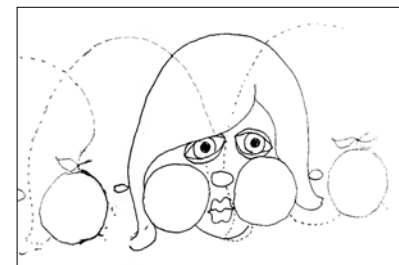
Своей обстоятельностью и чёткими формулировками в выступлениях, которые всегда совпадали и с моим мнением, нравился мне и проф. Шевцов К.К. Он пришёл к нам из военного института и был в чине полковника. Впоследствии я включила его в комиссию по архитектуре Минвуза СССР, которую возглавляла несколько лет в последние годы работы в институте.

В молодёжную группу преподавателей кафедры входили упомянутый выше Юрий Т., Валерий Х., Анатолий Г., Анатолий К., Аркадий З., Алексей С., Юрий А., Лия П. и другие.

Юра Т. — человек очень талантливый и разносторонний. Кроме отличной профессиональной подготовки, он рисовал, писал стихи, тексты для передачи «Радио-няня» и многое другое. Сейчас он профессор, но по-прежнему пишет и публикует отличные стихи на разные темы, в том числе и о знаменитых людях, о политических деятелях. В своё время он на какой-то праздник написал стихи и обо мне:

И на конгрессы звали Валю,
И на симпозиум вели,
Но там, где Валю узнавали,
Забыть о Вале не могли.

Архитектор Валентин Н. добавил к этому дружеский шарж. Валерий Х. был парнем прямолинейным, жёстким, нацеленным во всех своих действиях на успех и продвижение в карьере, что в конце концов себя оправдало: он стал директором крупной организации.

*Дружеский шарж.
1972 год*

Поскольку я пишу о событиях сорокалетней давности, то использую прошедшее время, хотя многие упомянутые люди живут и сейчас. Анатолий Г. был добродушным, мягким и весёлым человеком, всегда готовым, если требуется, помочь. Алексей С. выделялся своей воспитанностью, он в совершенстве знал английский и немецкий, что было тогда большой редкостью. Он потом возглавил кафедру архитектуры, но тогда до этого момента был ещё длинный путь.

Юрий А. — сын крупной чиновницы, связанной с распределением жилья в Москве, держался вальяжно, что соответствовало и его барской внешности. В годы перестройки он одним из первых создал собственную успешную архитектурную фирму.

Неординарным человеком во многих отношениях был Аркадий З. Иногда высказывал какие-то суждения, не совпадающие с линией партии, и требовал немедленной и личной на них реакции. Аркадий женился на какой-то девочке-сироте из провинции. Большим горем для них было длительное отсутствие детей, а когда родились двое, один за другим, он оставил жену вместе с младенцами, поддавшись чарам симпатичной и энергичной преподавательницы, пришедшей на нашу кафедру. В конце концов он на ней женился, и они жили, как говорится, душа в душу, всегда вместе ходили и даже вели занятия. Что стало с его первой женой и детьми, не знаю.

С Лией Павловой мы были подругами. У нас было много общего — мы обе приехали из крупных, но провинциальных городов, обе считались хорошими преподавателями, успешно развивали свои научные направления, следили за модой, шили, хорошо готовили, и каждая считала другую более энергичной. Я высоко ценила Лиины таланты, в том числе и организационные. Она «прово- рачивала» такие сложные бытовые дела, которые были не под силу и опытным московским дельцам. А я давала основание считать себя более активной в научной сфере: последней по времени присоединившаяся к группе молодёжного состава кафедры, я первая из всех опубликовала книгу и защитила докторскую диссертацию. Муж Лии был известным архитектором, мы иногда вместе отмечали праздники: дни рождения, Новый год — то у нас, то у них, а иногда в доме у Любима Фёдоровича.

Всей жизнью на кафедре заправляли две старшие лаборантки, они негласно, но отчётливо конкурировали между собой. Одна была, по слухам, фавориткой Льва Г., а вторая — приближённой Всеволода М. Пожалуй, их боялись больше, чем руководителей. Ко мне они сначала отнеслись настороженно, а потом я установила хорошие отношения с обеими. Обе они были умными женщинами, с высшим образованием, но излишне суровыми и придиричливыми. Вероятно, чувствовали некую несправедливость в том, что молодые девицы защищают диссертации и становятся преподавателями, а они остаются обслуживающим персоналом. Одна из них мне рассказала, что её шеф предложил написать за неё работу и подготовить к защите, а затем «три часа позора, и будет тебе хорошая жизнь».

Преподавание

Материал лекционного курса «Промышленные здания», который мне предстояло вести, был частично знаком по опыту проектирования, но не охватывал весь круг необходимых вопросов. К лекциям пришлось довольно

основательно готовиться летом, в дополнение к учебникам изучать современный опыт, разрабатывать иллюстративный материал.

Но несмотря на тщательную подготовку, мой первый лекционный опыт был ужасен, хотя ранее я выступала на конференциях перед гораздо более серьёзной и многочисленной аудиторией. Однако здесь к понятному волнению перед лекцией добавилось и присутствие зам. зав. кафедрой Льва Г. Осипова, который пришёл на мою первую в жизни лекцию с инспекцией. А его прихода боялись и опытные доценты и профессора. Не исключаю, что он просто хотел позабавиться, но у меня от страха и волнения голос звучал неубедительно, а рука не рисовала на доске, как полагается. Мне Лев Г. не сказал ничего, но отзыв, что лекция прошла плохо, до меня дошёл. Однако на заседании кафедры об этом не было речи, и я была очень рада. Не могу не похвастаться, что впоследствии я справлялась с этой задачей неплохо и в рейтинге лучших лекторов двух факультетов, на которых я работала, неизменно занимала первое место.

Я читала большие по объёму курсы лекций на двух потоках факультета промышленного и гражданского строительства. Потоки были по 120 человек, а аудитории практически не оснащены ничем, кроме доски с мелом. Приходилось постоянно форсировать голос, нужно было быстро и чётко рисовать на доске без вспомогательных линий довольно сложные схемы и детали. В некоторых аудиториях были экраны, позволяющие проецировать на них изображения с помощью проекторов. Такие аудитории в начале работы заполучить было непросто, но с повышением статуса у меня с этим не было проблем.

Держать большой поток в постоянном внимании — задача непростая, но дисциплина на лекциях у меня была, можно сказать, идеальной. Как-то мне удалось «то кнутом, то пряником» с самого начала создать имидж строгой, но справедливой преподавательницы, с которой лучше не связываться. Однажды Лев Г., который был свидетелем

моей первой неудачной лекции, пришёл ко мне на экзамен послушать ответы студентов и был весьма впечатлён высоким уровнем их знаний.

Конечно, работала я немало, к лекциям добросовестно готовилась, разработала подробные конспекты и собственные, легко запоминающиеся иллюстрации, в частности, в виде иерархических структур, которыми я занималась по научному направлению. Рассказывала и о новинках по публикуемым источникам, и о личных впечатлениях по следам своих зарубежных поездок.

Проектирование не требовало подготовки, но на проверку листов у каждого студента уходило уйма времени. В период сдачи проектов я часами сидела в окружении студентов, не поднимаясь с места, и каждый подходил ко мне по нескольку раз. Много собственной нервной энергии требовалось мне и для экзаменов. Одни студенты просили поставить хотя бы тройку, чтобы не выгнали, другие: «спросите ещё что-нибудь», чтобы была четвёрка и стипендия, третьи хотели только отлично. Хотя я считалась строгой, однако в душе сочувствовала всем двоечникам, особенно тогда, когда учился в институте мой сын. Правда, с переходом на кафедру САПР проблем с отстающими совсем не было — на эту специальность из-за высокого конкурса поступали почти сплошные отличники.

В моём преподавательском опыте было много забавных случаев. Из-за моей бывшей молодости меня часто не хотели обслуживать в преподавательском гардеробе, а студенты присылали мне анонимные записки и стихи лирического содержания. Однажды я пожалела одного беззлобного балагура и решила поставить ему «хор» вместо «уд», чтобы он не потерял стипендию. Но ошиблась и поставила «отл». Я иногда исправляла оценки в зачётках, но всегда в сторону повышения, а в данном случае исправление выглядело бы странным. Студент был счастлив, а я переживала из-за несправедливости к другим, более достойным студентам, получившим только заслуженное «хор».

Международное сотрудничество

Выезды за границу считались в эти годы довольно большой редкостью и рассматривались как своего рода премией для немногих. Я попала в число таких счастливых благодаря Л.Ф. Шубину.

Он был инициатором организации сотрудничества с вузами стран коммунистического блока, в том числе с ГДР, Чехословакией и Венгрией. Я была активно задействована во всех этих проектах: писала и редактировала статьи для сборников, неоднократно ездила на согласование их содержания в названные страны, а также на стажировки и конференции. Эта привилегия требовала массу времени и энергии. Для выезда необходимо было оформлять множество документов и проходить так называемые выездные комиссии. Их было две: в институте и в райкоме партии. Это были по существу экзамены с неопределённым кругом вопросов. Обязательными среди них были только вопросы внешней и внутренней политики, например, назвать поимённо членов Политбюро КПСС, даты и содержание партсъездов и т.п. Это запомнить было ещё можно, а гадать, что придёт в голову членам комиссии, просто невыносимо.

Так, при первом прохождении такого экзамена была отклонена моя поездка в Англию из-за того, что я не знала, сколько станций в метрополитене и как зовут лошадь-призёра на каких-то соревнованиях. Впоследствии, с повышением статуса, я не только освободилась от подобных комиссий в своём институте, но не ходила и в райком.

Ещё одной обременительной стороной зарубежного сотрудничества была необходимость организовывать ответные визиты, принимать гостей дома. Кроме времени и денег, это требовало изобретательности в условиях дефицита продуктов, билетов в театры и т.п. В качестве принимающей стороны мы с Виталием были показательной и удобной парой: хорошая квартира и обстановка, машина, необходимое для общения знание языков, моё кулинарное

умение и Виталины организаторские способности. Поэтому в мероприятиях по приёму иностранцев мы были задействованы по максимуму. Их перебывало у нас немало: известные архитекторы, директора, проректоры, профессора и даже мэр города Веймара (по Ильфу и Петрову: «...и даже одна женщина — зубной техник»). Всех гостей, независимо от ранга, мы угощали на кухне, благо площадь позволяла свободно рассадить до 10 человек.

Привлекательной стороной поездок для меня была, естественно, возможность посмотреть другие страны, познакомиться с жизнью и людьми и, не в последнюю очередь, купить необходимые вещи, достать которые в стране было трудно. Языком общения был, в основном, русский. Тогда его изучали в школах стран социализма, и среди коллег всегда находились люди, его знающие. Однако для общения необходимо было знать и немецкий, которым я владела хорошо в профессиональной области и не очень хорошо, но достаточно, чтобы говорить на любую тему. И в ГДР, и в Венгрии у Любима Фёдоровича были личные друзья, которые вскоре стали и нашими с Виталием друзьями. Во время их довольно частых визитов в Москву я всегда была ответственной за приём, организовывала рабочие и культурно-просветительные мероприятия. За время работы на кафедре я много раз бывала в командировках как в названных выше странах, так и в Финляндии и Западном Берлине.

Поездка в Финляндию

Вскоре после возвращения из отпуска в 1973 году я поехала в свою первую зарубежную служебную поездку на семинар архитекторов в Финляндию. Перед поездкой членов делегации вызвали в КГБ для получения инструкций по поведению, хотя ничего особенного сказано не было, вероятно, на нас хотели только посмотреть. И смотрели только на мои коричневые после Крыма ноги, а я жалела, что не надела плотные колготки.

Семинар проходил в Хельсинки, затем мы примерно полтора месяца путешествовали по городам, посетив Ювяскюля, Турку, Хамеэнлинну, Лахти, Тампере, Оулу. Наша делегация состояла из четырёх человек, и принимали нас на высоком уровне — в каждом городе был приём у мэра, осмотр достопримечательностей, поездки на заводы и предприятия, встречи с архитекторами, формальные и неформальные, в том числе у них дома и в саунах.

Впечатление от архитектуры, дизайна, одежды, саун, гостиниц и ресторанов и даже от студенческого общежития, словом, от всего увиденного было таким ошеломляющим, как перемещение в другой мир. Чтобы окончательно поразить наше воображение, руководитель группы даже сводил нас на эротический фильм. Невероятным казался комфорт жилищ, теплота саун (погода стояла холодная), спокойная размеренность жизни и работы. Даже женская тюрьма, куда нас возили на экскурсию, не уступала по удобствам отечественным санаториям. Я была так потрясена всем увиденным, что фотографировала исключительно архитектурные объекты, и собственных фото из этой командировки почти нет.

Не последней задачей было купить что-то на полученные в поездке деньги. Соблазнов было множество, глазам не верилось, что всё продаётся свободно. Чтобы побольше приобрести вещей, я устроила себе жёсткий режим экономии — ела только то, что привезла с собой в чемодане, ходила всюду пешком, хотя общежитие отстояло от центра города не менее, чем на 5 км.

Чемодан заслуживает особого внимания. Большой, жёлтый, кожаный, его было буквально не оторвать от земли, нагруженный продуктами на полтора месяца пребывания за рубежом. В вагон мне его занёс Виталий, от туда я как-то сумела его выволочь на перрон, а встречающий нас здоровый молодой финский мужик сначала легко подхватил его, а потом крякнул и присел. Говорит, такой тяжести чемодан он нёс только раз в жизни, когда встречал

российского пианиста. Тот объяснил ему, что тяжесть от нот, но я предполагаю, что, как и в моём случае, от продуктов. Такова была реальность, даже известные люди питались привезённым с собой.

Утром я пила кофе, вечером чай с чем-нибудь, а целыми днями ходила, не испытывая голода. Зато результат экономии был неплох: приделась сама, купила несколько вещей своим мужчинам, необходимые подарки нужным людям и возвратилась стройной, как в 20 лет. Ценным результатом поездки было формирование вкуса у Миши, постоянно изучающего привезённые мной финские журналы по дизайну, популяризирующие идеи изысканной простоты.

Семейные события

Миша завершил детсадовский период и пошёл в первый класс, у Виталия была командировка в Польшу, я получила звание доцента и была избрана депутатом Московского районного Совета.

В 1971 году рядом начал строиться новый дом, тоже принадлежащий нашему кооперативу, и мы решили купить там квартиру побольше. Нас приняли с условием передачи двухкомнатной квартиры в тот же кооператив. Я уже не входила в состав правления, и на этот раз по окончании строительства мы участвовали в общей жеребьевке. Нам достался второй этаж, и мы были очень довольны: близко от земли, вокруг деревья, оставшиеся от бывшей на этом месте деревни Зюзино.

Через дорогу от дома начинался Битцевский лесопарк, прекрасное место для прогулок в любое время года. Ко времени нашего заселения это был просто лес без всякого благоустройства. Зимой мы переходили через дорогу и сразу становились на лыжи, а осенью набирали, не заходя далеко, по ведру грибов. Позже лес благоустроили: вдоль центральной аллеи поставили скамейки и деревянные скульптуры, а к Олимпиаде 1980 года построили кон-

но-спортивный комплекс. В 90-х годах здесь по воскресеньям стихийно образовалась выставка-продажа картин. Мой коллега Дима С., владелец личной ценной коллекции, советовал нам покупать по одной картине каждое воскресенье, и так соберётся хорошая подборка работ современного искусства. Картины на этой выставке были недорогие и вполне нам доступные. Но у нас были другие приоритеты, и мы к этому совету не прислушались, возможно, напрасно.

Нам удалось войти в состав гаражного кооператива рядом с домом. Гараж был капитальный, с электричеством, водой, охраной. На первом этаже была стоянка для автомашины и мастерская, где работал Виталий, а внизу, в погребе хранились овощи и другие продукты. Эти запасы очень нам помогали в повседневной жизни, мы ходили туда, как в магазин, с той разницей, что там всегда было то, что нам надо, и без всякой очереди.

Виталий занялся обустройством новой квартиры — купил ещё один финский гарнитур для Мишиной комнаты, сделал встроенный шкаф в прихожей, установил там большое старинное зеркало, заново обставил и оборудовал кухню, в дверях установил витражи, заказанные в мастерской. Причём витраж в кухонной двери был старинным, так же как и керамические вставки от камина, которые он добыл в пустых домах, предназначенных к сносу. Словом, квартира была удобная, просторная с большой кухней и балконом.

В 1973 году перед Мишиным поступлением в школу и моей командировкой в Финляндию мы поехали в отпуск в Чабан-Кале вблизи Феодосии, где потом бывали ежегодно ещё четыре раза. Чабан-Кале в переводе с татарского означает Пастушья Башня по имени сохранившейся здесь башни XV века. Стоянка хорошая, пляж отличный, галечный, широкий, и народу мало. Миша немедленно решил забраться на эту башню, но подъём оказался более трудным, чем виделся снизу. Помощи от нас он не хотел, но

на каком-то этапе остановился, вцепился в землю и начал от бессилия её жевать. К конце концов вершина была им покорена.

У нас с собой была палатка, раскладушки, стол и стулья, газовый баллон для приготовления пищи и складная металлическая лодка. Почти у самой кромки моря сделали тент и зажили со всеми удобствами. Все необходимые продукты мы привезли с собой, ходили в соседний посёлок Морское только за фруктами, творогом и всем, что попадалось подходящего. До сих пор вспоминаем оладьи, которые я пекла почти каждый день из блинной муки, и как после обеда пили кофе с конфетами «Золотой ключик» и «Раковая шейка».

На лодке мы заплывали подальше, ныряли, иногда переворачивались, но легко восстанавливали прежнее положение. Однажды её даже использовал матрос для спасения утопающего пловца. Но вскоре ночью к нам пришли пограничники. Говорят, минут 15 свистели, кричали, светили фонарями, стучали по лодке. Наконец Виталий проснулся от слов:

— Как же их разбудить?

Они запретили нам пользоваться лодкой во избежание побега за границу, хотя на ней далеко не уплывёшь.

Но и без лодки было чем заняться. Вблизи были раскопки, где хорошо сохранилась обжиговая печь 1000-летней давности, поднимались в горы, ходили на катере в Новый Свет. Пробирались по каменистой тропе, смотрели Голицинские подвалы шампанских вин, заходили на «Царский пляж». Как-то соседи нам сказали, что на этом месте водятся фаланги и скорпионы, и после этого известия стало страшно ложиться спать. Каждый раз мы перетряхивали всё в палатке, и, действительно, один раз Виталий поймал фалангу.

Однажды прошёл сильнейший ливень, который несколько раз начинался, и после каждого раза светило солнце. Во время ливня Виталий выскочил из палатки, и над ним разрядилась со страшным треском шаровая мол-

В Чабан-Кале. 1973 год

ния. Одновременно в море ударил гигантский разряд. Мы после этого все долго не могли прийти в себя. Закончилось это явление сильным шквалом с градом, и весь пляж засыпало льдом. После этого на море начался шторм, мы все трое купались в больших волнах, а когда выходили, Миша продолжал бегать в прибое, пока не замерзал до синевы, а потом ложился прямо лицом в песок.

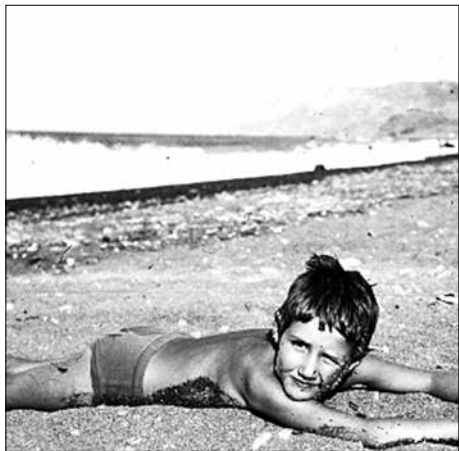
У Виталия отпуск кончился, он возвратился в Москву, а мы с Мишей переехали Морское. Там хорошо устроились, сняли маленький домик во дворе хозяйского дома. Кроме нас, у хозяйки жили ещё две отдыхающие пары, и мы часто беседовали с ними на разные темы, Миша, конечно, при этом присутствовал. Однажды, когда мы говорили о политике, он спросил:

— А что такое коммунизм?

На моё объяснение, что каждый делает, что может, а получает, что хочет, Миша без промедления заметил:

— Ну, это у них не получится!

По вечерам мы ходили в летний кинотеатр, иногда я отправляла его туда одного, а сама на время сеанса шла

В Чабан-Кале. 1973 год

на море, а потом поджидала у выхода. Однажды хозяйка организовала вечеринку для живущих у них отдыхающих, и они вместе с матерью пели на два голоса старинные песни — очень трогательно и необычно.

У них были кролики, и Миша с большим удовольствием с ними подолгу занимался, пока один кролик не сдох по непонятным причинам. Хозяйка решила, что Миша накормил его чем-то не тем, что вполне возможно, и запретила ему к ним подходить. Чтобы занять его и себя, я научила Мишу играть в преферанс, он быстро всё понял, но с большей охотой играл в дурака, и им всегда оказывалась я.

В эти последние дни нашего пребывания на море произошло событие, из-за которого я страшно переволновалась. После обеда Миша договорился с мальчиком Серёжей, с которым играл на пляже, тайком уйти гулять в горы. Я не сразу заметила его отсутствие, начала искать сначала у Серёжи, потом на море. Нигде нет, тогда на поиск пошли все обитатели дома в разные концы, а я собралась бежать в воинскую часть и просить, чтобы подключились солдаты. Беглецов нашли уже к вечеру далеко от дома. Оказывается, они пошли в горы, заблудились, сделали большой крюк и вышли к морю в соседней бухте, откуда возвратиться можно было только по воде. К счастью, там было неглубоко, и они перешли вброд. Кроме того, они избежали и много других опасностей: в послеобеденную жару оба были без панамок, в шортах и сандалиях. В таком виде в горы, где полно колючек, острых камней, водятся змеи и ядовитые насекомые, никто не ходит.

В следующий наш приезд в Чабан-Кале на этом месте уже был платный и более благоустроенный кемпинг, и народу прибавилось. Регулярно привозили пресную воду и торговую палатку с ограниченным набором продуктов. Появился туалет, увидев который, Миша заявил:

— Я хочу стать посетителем галлеона.

После стоянки в Чабан-Кале мы обычно отправлялись и в другие места, ездили по всему побережью вплоть до Севастополя. Были в Бахчисарае с его известным и на удивление скромным дворцом и пещерными городами. Одним из самых интересных пещерных городов Крыма является средневековая крепость Чуфут-Кале, которую мы тоже посетили. В переводе с татарского это означает еврейская крепость, в память об одном из иудейских племён караимах, владевших ею в последнее время. Там находится гробница дочери Тутанхамона, сохранились остатки кварталов домов, руины мечети и синагоги, глубокие колеи от

В поездках по Крыму. 1974 год

телег в каменной дороге, ведущей к крепости. Всё это производит сильное впечатление, Миша даже писал в школе сочинение на эту тему.

В 1973 году во время моего пребывания в Финляндии Миша пошёл в первый класс школы с усиленным изучением английского языка. Школа располагалась довольно далеко, на расстоянии нескольких троллейбусных остановок от нашего дома. Виталий отвозил его туда, после уроков он оставался на продлёнке, а потом Фрина Ю. забирала его к себе или отвозила к нам домой. В письме ко мне в Хельсинки он пишет:

«В школу я хожу, чтобы у меня каждый день прибавлялось немножко ума, а ума у меня не прибавляется, я получаю только опыт писать. Решил, что уже сейчас надо как можно больше выучить из таких предметов, как алгебра и химия, чтобы потом не зубрить».

После моего возвращения из командировки мы скооперировались с соседкой, дочка которой Даша училась в одном классе с Мишей, и забирали их по очереди. Дети хорошо ладили между собой, вместе обедали и играли. Приходили и другие ребята. Один из мальчиков тайно унёс пистолет, как две капли воды похожий на настоящий, который я привезла Мише из командировки. Устоять было трудно. Миша нам не пожаловался и только много позже рассказал, что и у того мальчика пистолет украли.

Новый 1974 год Миша впервые встречал вместе с нами и нашими гостями. Около часа ночи Миша заснул, а мы поехали в ЦДРИ (Центральный дом работников искусств) праздновать дальше. Оставили его одного до 6 утра. На мне был красивый чёрный брючный костюм из Финляндии с большой искусно сделанной чайной розой на лацкане, из того же источника. Там уже все были в весёлом настроении, танцевали, проводили шуточные конкурсы.

Несмотря на это и большое число узнаваемых лиц, мне весело и интересно не было. Я беспокоилась за оставленного дома Мишу, ему было уже 7 с половиной лет, но дома

он один не ночевал, и пришлось возвратиться. Утром он проснулся раньше нас, включил свет, всё обыскал — подарка нет! Разбудил меня и спрашивает, может ли быть так, чтобы Дед Мороз про него забыл. Пока я уверяла его, что такого быть не может, Виталий выложил подарки под ёлку и предложил Мише ещё поискать.

В школе Миша учился неровно. Все учителя признавали его способности, как и почти полное отсутствие организованности. Пятёрки за уроки перемежались с двойками, например, по русскому языку, хотя в письмах его уже в 10 лет не было ни единой ошибки. Имея средние оценки, он тем не менее представлял школу на городских Олимпиадах и по химии, и по математике.

Поскольку мы оба с Виталием работали, Мише приходилось учиться самостоятельности с раннего детства. Уже со второго класса он, как правило, самостоятельно ездил в школу на троллейбусе и возвращался домой. В 1981 году он попал в дорожную аварию — перевернулся троллейбус. Не знаю, почему это случилось, даже трудно представить себе эту ситуацию. Миша выбрался сам до приезда спасателей и не сразу сказал нам о случившемся, чтобы мы не волновались. Когда я бывала в командировках, он помогал в подготовке ужина — чистил картошку, а Виталий тушил мясо. Мне он тоже охотно помогал — мог сбежать в магазины столько раз, сколько попросишь, постоять там в очереди, взять бельё из прачечной и т.п.

Начиная с третьего класса, но не всегда регулярно, Миша вёл дневник, где подробно всё описывал. Вот некоторые выдержки:

9 лет. «30 июля. 6.55. Встал примерно как и вчера и подумал, что родители ещё спят, но оказалось, что они были на пробежке. Как только я написал это слово, открылась дверь, и в прихожую вошли папа с мамой. Я на цыпочках подошёл к двери гостиной, но мама меня заметила и спросила, почему я так рано проснулся. Я больше спать не захотел и пошёл в душ,

потом убрал постель и пошёл завтракать вместе со всеми. После завтрака папа пошёл на работу, мама села шить, а я читать».

10 лет. «22 марта. Сегодня окончил четверть без троек. Был у Вовки, наметили поехать в филателию на Волгина, 23. Неделю назад занялся афоризмами».

14 лет. «Встал, как обычно, позавтракал наспех, не до конца доделал русский язык и пошёл в школу. Перед алгеброй подрался с Вонючкой. Медсестра-старуха вместо того, чтобы что-нибудь сделать с моей шишкой, начала разбирательство. В свидетели был призван щенок Варташка. Медсестра меня защищала и предложила даже выгнать Ванятку из школы за хулиганство. А Лия (завуч), наоборот, на меня нападала. На скуле и под глазом синяк незаметный, а на губе аж чёрный. Сто раз проклял Ваньку».

15 лет. «На экзамен по двигателю пришёл почему-то не волнуясь, но всё время читал. Хорошо, что успел прочитать про реле-регулятор: мой второй вопрос. Вытянул билет 17, спрашивал меня начальник сектора, я явно отвечал на 4, но он поставил 5, из-за этого какое-то чувство виноватости».

Миша, как и любой мальчик, многим увлекался. Очень рано он захотел кататься на горных лыжах. Прямо нас он об этом не просил, а распространил по всему дому листики с текстом: «Хочу горные лыжи!» Однако купить мы их ему не могли — оборудование не продавалось в магазинах, в комиссионных можно было найти, но не такого маленького размера.

Первые ботинки мы купили ему в Чехословакии, когда ему было 8 лет. Катался он в нашем лесу на Лысой горе, а потом Виталий его пристроил на подъёмник, обслуживающий спуск в овраг, тоже в нашем районе.

Одно время ему захотелось делать модели яхт. Но работа эта была очень кропотливая и длительная, а он хотел быстрого результата. С тех пор всякое дело, которое хо-

чется, но невозможно быстро выполнить, мы называем «яхточка к вечеру».

После второго класса Миша поехал в пионерский лагерь нашего института «Бронница».

В первый наш приезд туда мы чуть было не забрали его домой, он был понурым

и печальным, а лицо украшено синяками. В Москве он к тому времени начал заниматься карате в почти тайном кружке (карате было официально запрещено) с одним из моих молодых коллег по зарубежной работе. Ехать домой из лагеря он уже не хотел.

В ноябре-декабре 1976 года, когда ему было 12 лет, мы отправили его в санаторий в Евпатории. У него был диатез на кистях рук, и в детской поликлинике мне предложили отправить его в санаторий на море вместе с другими московскими детьми. Как все утверждали, это был прекрасный и редкий шанс, и мы решились. Пребывание там лучше всего представить по сохранившимся оттуда Мишиным письмам. Он писал их очень регулярно, нумеровал, ставил даты и даже часы. В первых письмах были подробные описания санатория и распорядка дня и прочее. Далее привожу несколько цитат из последующих писем без изменения.

«...Я по вам, по правде говоря, скучаю. По английскому я себя не щажу, выучиваю наизусть, хотя можно пересказывать. Теперь понял, как здорово знать язык,

В летнем лагере «Бронницы». 1975 год

но больше заданного мне учить не разрешают. Из 200 чел. языком занимаются только 11. Я сплю на дощатом настиле для исправления осанки, твердовато, но утешает, что станешь прямее. Ем всё, что дают, кормят нас вкусно. В день мы поглощаем в среднем 3000 кал., белков — 250, желтков — 300.

Я люблю, чтобы в палате было много человек, можно „загинать“ анекдоты и в тихий час поболтать. Вообще мне тут неплохо утром и вечером беситься в кроватях и бегать по коридору, хотя это и запрещено. А когда нас издали засекают, мы бежим в палату, как молния, и молчим, как рыбы, или все вместе говорим «я», хотя ясно что бегал один или двое. У меня много друзей, и один из них Миша, с которым никто не дружит, потому что он писается, но тут от этого тоже лечат. Хочу вас и немного порадовать, потому что я вас очень люблю Я председатель отряда. Как приехал сюда и сказал, как посоветовал папа, „лечите меня от всего“. И тут же начали выжигать гланды, теперь они у меня совсем маленькие. В бассейне я плаваю лучше всех. Приятно вылезти из морской воды, ощущение холода немного напоминает лето. Диатез на руках стал немного похуже, но дальше руки уже хуже стать не могут — не дают процедуры.

Каждый день нас водят в лечебный корпус (*подробное описание стоматологического кабинета*). Мне сверлили зуб, совсем не больно, завтра будут пломбировать с другой стороны. Сегодня удалили нерв из зуба, которым я свистел. Мне его, наверное, вырвут, так что со свистом будет практически невозможно. Мы занимаемся упражнениями для исправления осанки, я всё запоминаю, сам буду делать и вас научу.

У нас есть труд, мы выжигаем на фанере, я выжигаю пса, может быть, мне отдадут домой. Приеду домой и буду выжигать скобкой. А когда заведутся лишние деньги, может быть, куплю аппарат. Или Дед

Мороз подарит. В кинотеатр мы ходим по подземному ходу, у нас почти по всему санаторию можно пройти под землёй, как в Париже.

Если бы вы знали, как я без вас скучаю. Напишите мне что-нибудь успокаивающее. Целый день я был вместе с мамой в поезде. (*Я ездила в командировку в Киев и писала Мише в поезде письмо*). Я представлял себе, как мама мне пишет, иногда задумается, посмотрит в окно. Не забудь, напиши мне пару строчек из какого-нибудь черновика твоего учебника. Время идёт очень быстро. Не успел одеться на завтрак, смотришь, уже дня три прошло. Сейчас я помогаю библиотекарю нашего санатория (*подробное описание процесса*), и это очень приятно. Ещё одна счастливая случайность — нашёл книгу „Война миров“ Г. Уэллса, ты знаешь, я её ищу уже года два.

Сегодня ходили к морю, там был небольшой шторм, такого я ещё ни разу не видел (*подробное описание волн и их чередований с рисунками*).

Мы ездили к морякам на автобусе. Корабли были украшены сигнальными флагами (*подробное описание корабля, приборов, обеда, подарков в виде веточек кораллов и акульей пасти*). Потом они приезжали к нам и на торжественной линейке приняли нас в юные моряки, вручали берет или пилотку, погоны и настоящий морской воротник. Мы показали морякам, как мы живём, мы вместе пообедали, а потом они показали нам концерт.

Зуб запломбировали, но пломба моментально вывалилась, как до этого много раз. Тогда я сделал из нитки петлю, дерганул как следует, и зуб отлетел шага на три. В общем, всё о`кей!»

Встретили мы его на вокзале больного, с высокой температурой и настолько измученного (лежал всю дорогу привязанный ко второй полке) что он не мог даже нам улыбнуться.

Партия и депутатство

С 7 класса школы я всеми возможными способами избегала любой общественной работы и уж тем более никогда не думала о вступлении в КПСС. Этот мир для меня — скрытой диссидентки, внучке раскулаченного и родственнице врагов народа — был чуждым. Я и в комсомол-то вступила перед самым окончанием школы, чтобы избежать трудностей при поступлении в институт. Большинство же молодёжного состава кафедры состояло в рядах КПСС, другие туда стремились.

Однако и вступить было непросто. Партийная организация института была большой, более тысячи человек, и основную его часть составляли преподаватели. Для соблюдения некоего равновесия с рабочим классом последние принимались охотно, а первые ждали особого приглашения. И вдруг такое приглашение обрушилось на меня!

Конечно, оно исходило от Любима Фёдоровича Шубина, который задумал продвинуть меня в депутаты Московского Совета народных депутатов. Видя моё полное смятение, В.М. Предтеченский повёл себя благородно и даже смело, сказав, что я могу отказаться и, пока он здесь, со мной ничего не случится.

Другой мудрый человек, с которым я советовалась, напротив, предупредил, что отказ от такого предложения может сильно испортить моё положение в институте, и не стоит терять интересную работу из-за формального присутствием в партии. Он и сам в ней состоял и уверял, что в наше время требуются только ходить на собрания и платить взносы.

Как я потом узнала, такой подход, например в Венгрии, был доведён до совершенства — все преподаватели поголовно вступали в партию и таким образом оказывались равными в ситуации карьерного роста.

В результате мучительных раздумий я всё-таки, «поступившись принципами», приняла предложение Шубина Л.Ф. Заявление о вступлении в КПСС я составила в таких

расплывчатых выражениях, что при его зачитании на собрании кто-то в аудитории выкрикнул:

— Да ей в профсоюз надо!

И, действительно, ничего в моей жизни не изменилось, кроме ежемесячных собраний и немалых партвзносов. Зарплата у меня была высокая, и к моменту выхода из этих славных рядов записи в партбилете подтверждали, что сумма, выплаченная мною, равнялась по меньшей мере стоимости двух машин «Жигули». В самом начале перестройки я пошла в партком и первая из профессорского состава (так мне там сказали с угрожающими нотками в голосе) сдала свой партбилет. Наверняка потом были и другие, но они это не афишировали, многие же на всякий случай партбилеты сохранили. Когда в 1991 году произошёл путч, первое, что я подумала: «Больше мне в институте не работать».

К счастью, обошлось.

После «избрания» депутатом меня сразу же назначили председателем территориальной группы, а после одного из докладов на сессии предложили перейти на постоянную работу в райком. Я уже была в то время доцентом, и, естественно, такая перспектива меня не привлекала. Депутатская работа заключалась в участии в ежемесячных сессиях, регулярных приёмах населения и массе других мероприятий. Кроме времени она требовала и много душевных сил, поскольку по радостным событиям к депутату на приём не ходят.

Впрочем, иной раз и они случались — я поздравляла молодожёнов при регистрации в ЗАГСах. Приходилось встречаться с зарубежными делегациями, выступать на отчётных и перевыборных собраниях, ходить на демонстрации, сидеть в разных комиссиях и т.п. Я очень уставала от этой работы, но и отказаться от выдвижения на последующие сроки не могла. Пренебрежение таким почётом и доверием было бы истолковано однозначно. Приятной стороной этой деятельности была продажа дефицитного

товара на сессиях. В основном я покупала французские духи и косметику для себя и для подарков.

На этом поприще я отслужила 10 лет и, в отличие от большинства, ничего полезного для себя не извлекла, не попросила даже дачный участок, который тогда могла получить легко, а потом это стало большой проблемой.

Командировки и конференции

С Высшей школой архитектуры и строительства ГДР у нашего института был тесный контакт благодаря дружбе двух секретарей партийных организаций вузов — Л.Ф. Шубина и Бернда Грёнвальда. В первую же поездку туда я тоже подружилась с Берндом Г. и его прекрасной женой Марлис. Бернд был очень интеллигентным, приятным, открытым человеком, и в то же время искренним апологетом социализма и коммунизма. Он всегда устраивал для меня прекрасные приёмы, поездки по городам страны и разные увеселительные мероприятия. Однажды он встретил меня с орхидеей, и она простояла в моей комнате весь срок моего пребывания в ГДР, месяц или полтора.

Бернд и Любим Фёдорович организовали частные поездки для сотрудников института с семьями, что было в то время редкостью. Мы с Виталием тоже ездили по этой программе, правда, отдельно от всего коллектива. Семья Бернда с тремя сыновьями, приезжая в Москву, всегда бывала у нас в гостях, очень хвалили мою еду и любили чёрный бородинский хлеб. Жили они в самом прекрасном месте Веймара, в парке вдоль реки Ильм, в доме, построенном знаменитым архитектором Мухой, одним из основателей стиля «баухаус». Бернд самостоятельно восстановил его в первозданном виде и в центральном двухсветном помещении организовал музей с оригинальными артефактами того времени. Он периодически проводил конференции по баухаусу, приглашал всех известных участников этого движения. Я тоже приглашалась как

С семьёй Грёнвальд, я слева. 1974 год

представительница современной новации в проектировании — использовании компьютеров. Так мне довелось увидеть некоторых уже очень старых участников баухауса.

Я присутствовала на защите докторской диссертации Бернда в Штази, вход куда был по заранее заказанным приглашениям. По пути произошло небольшое происшествие: на дороге неожиданно выехала женщина с коляской, водитель резко повернул и врезался в столб. Я сидела на переднем сидении и ударила голову в ветровое стекло, но без последствий — спасла меховая шапка. После защиты мы пошли в ресторан, как раз кончалось время для кофе (около 5 часов) и с немецкой пунктуальностью, не нарушая очерёдности трапез, выпили сначала кофе и тут же приступили к ужину.

Впоследствии Бернд стал директором Института градостроительства в Берлине, где я тоже у него бывала. А после падения Берлинской стены он, как функционер и убеждённый коммунист, был отстранён от всех должностей. К материальным благам Бернд относился спокойно, жили они скромно, много помогали людям, но крушение своих идеалов он перенёс тяжело и трагически ушёл из жизни. Светлый и честный был человек. Его жену Марлис уволили с работы, выселили из дома, и ей пришлось снимать

комнату. В последний наш приезд в Веймар в 2000 году мы нашли её телефон, но лично с ней не удалось поговорить. Мы поняли, что она не хочет встречаться с людьми, знавшими её в лучшие времена. Их бывший дом теперь занимает созданный Берндом музей, который мы хотели посетить, но, к сожалению, он был в тот день закрыт.

Два года подряд я ездила в Высшую техническую школу в Будапеште по делу издания совместного научного сборника. Тогда вузы социалистических стран были заинтересованы в сотрудничестве и принимали приезжающих с большим размахом. Во время этих командировок я довольно подробно познакомилась со страной, мне показали не только музеи, все известные достопримечательности столицы, но и свозили на озеро Балатон с дневным отдыхом, в наиболее интересные города: Секешфехервар, Печ, Эгер и другие. На Балатоне я блеснула своим крымским загаром, но класс по плаванию продемонстрировать не удалось — волна оказалась довольно большой и не регулярной, как на море, и я тут же захлебнулась.

В Будапеште я жила на частных виллах, где каждый раз со мной что-то приключалось. В свой первый раз я приехала поздно вечером, хозяйка меня встретила и удалилась в какую-то из многочисленных комнат. А я пошла принять ванну и случайно потушила газовый бойлер для нагрева воды. С бойлерами я никогда дела не имела и не знала, как его снова включить. К хозяевам я обратиться не могла, во-первых, потому, что не знала, где они располагаются, а во-вторых, время было ночное. До утра я не спала, боясь пожара или, того хуже, взрыва.

В следующий раз, на другой вилле я спокойно сидела в ванне, как вдруг распахнулась вторая дверь, которую я считала всегда закрытой, и появился мужчина. Он начал извиняться и совсем не спешил удалиться. Оказалось, это был жилец из другой комнаты, который тоже пользовался этой ванной. Потом он пригласил меня в ресторан, но я отказалась.

Как-то я была в Будапеште одновременно с активной партийной деятельницей нашего института. Общались мы мало, но договорились вместе сходить в бани, вырубленные в горе Геллерт, с естественными горячими источниками. Обслуживание включало и массаж, на который мы пришли с опозданием, поскольку не хотели вылазить из горячих бассейнов. Массаж нам всё-таки сделали, хотя и осуждающе качали головами.

Порядки в Будапештском и Веймарском университетах заметно различались, но я не вникала глубоко в учебный процесс, поскольку ездила туда с научными целями. Однажды меня пригласили в трёхдневную поездку со студентами для знакомства с памятниками архитектуры. Во время этой поездки я наблюдала отношения между студентами и преподавателями, и мне понравилась их демократичность. Моим научным соредактором венгерского сборника был проф. А. Диак, с которым я побывала во многих местах города и неоднократно в их замечательном доме. Его жена коллекционировала старинные ковры, которые своим блеклым великолепием украшали все комнаты, а пол гостиной отделялся стеклянной стеной от площадки сада, сразу за которой начинался склон горы. Они с женой тоже бывали в Москве и, несмотря на более скромные интерьеры нашей квартиры, были встречены нами не менее радушно, чем я ими.

Много ездила я и по своей стране и часто в этих поездках приобретала друзей-коллег, с которыми потом постоянно общалась. Иногда в такие поездки меня посылал проректор по научной работе вместо себя в порядке личной помощи. Как раз такая поездка была осенью 1975 года в Ленинград, где мне предстояло ознакомиться с работой одного научно-исследовательского института и установить с ними сотрудничество. Поскольку я замещала проректора, принимали меня с особым вниманием и возили по окрестным достопримечательностям. Сотрудничество было налажено, и впоследствии один из начальников

В Павловске с сопровождением. 1974 год

отдела стал моим аспирантом и успешно защитил диссертацию.

Весной 1975 года в Киеве в пору цветения каштанов была конференция по автоматизации проектирования. Надо сказать, подобные конференции всегда устраивались в интересных местах и в хорошее время года. Всегда были обширные познавательные и культурно-развлекательные программы, чтобы участники сохранили об организаторах самые приятные воспоминания.

Нашу делегацию составляли зав. кафедрой В.М. Предтеченский, проф. Татьяна Георгиевна Маклакова и я. Все мы делали доклады, посетили соответствующий отдел местного института, исследования в котором были более продвинуты, чем наши. Это объяснялось и наличием у них персональных компьютеров, которых у нас ещё не было, и талантом руководителя отдела Дмитрия Ниловича Яблонского. Я и раньше была с ним знакома, восхищалась оригинальностью его мышления и яркими выступлениями на конференциях. Его сестра была знаменитым художником, и Дмитрий Николаевич говорил, что ему всю

На совещании в Киеве. Я (третья слева) с заведующими кафедрами Коровым Ю.И., Кимом Н.Н., Семёновым Д.Н., спиной сидит Григорьев Э.П., с ним рядом Минаков И.П. — представители ГИПРОТИСа, и замыкают ряд представители от Киева. 1979 год

жизнь суждено быть «братом Яблонской», а после смерти эти слова будут высечены на его надгробье. На самом деле и он был известным человеком, доктором архитектуры и академиком УАН. В конце восьмидесятых он обратился к христианству и проектировал храмы. При взгляде на него казалось, что он постоянно находится где-то в высших сферах. Впоследствии он был первым оппонентом по моей докторской диссертации и мужественно, обстоятельно и красноречиво боролся за меня в нашем Совете.

Тогда же я познакомилась и с учеником Дмитрия Николаевича — Мироном Демкиевым, ещё не зная, что он человек совершенно неординарных способностей. Сейчас таких людей называют экстрасенсами, а тогда меня поразила его проницательность и доброжелательность ко всем людям. Выглядел он хрупким юношей с приятным почти девичьим лицом и высоким голосом. Но, по рассказам его коллег, обладал «железным» характером, выдержкой и находчивостью.

В следующий раз я ездила на совещание в Киев в составе экспертной группы по стратегии развития автоматизации проектирования.

Конференция в Тбилиси запомнилась шутивым блиц-опросом, устроенным организаторами на банкете.

На вопрос ко мне, как бы я поступила, если бы меня пригласили на нудистскую конференцию, я, обычно не-находчивая, на этот раз мгновенно сказала: «Послала бы тезисы». И заслужила приз за лучший ответ.

По Волге на моторной лодке

В конторе, где работал муж, был на Пироговском водохранилище яхт-клуб «Чайка», в котором мы хорошо обосновались. В полном распоряжении Виталия была моторная лодка «Москва» с причалом и личным понтоном с деревянным полом площадью не менее 10 м². На нём мы загорали, жарили шашлыки и сосиски, оладьи, варили кофе, распространяя вокруг вкусные запахи. Совершали походы по нашему и соседним водохранилищам, останавливаясь в живописных местах. Первое наше большое путешествие мы совершили по Волге в августе 1975 года. Из-за отсутствия опыта подготовились не очень хорошо, и весь поход превратился в сплошную проблему. К тому же жаркая погода, как только мы вышли из клуба, сменилась холодной с дождями и ветрами.

Путь до Волги был самостоятельным и нелёгким путешествием, надо было пройти четыре водохранилища: Пироговское, Учинское, Пестовское и Икшинское общей протяжённостью примерно 50 км, канал 120 км и 6 шлюзов. На Пестовском было сильное волнение, как на море, около 4 баллов, но мы его успешно преодолели. Неполадки начались перед первым шлюзом: оказалось, что мы не можем двигаться, у мотора срезана шпонка. К счастью, соседняя лодка взяла нас на буксир. Шлюз представлял собой впечатляющее зрелище: вода опустилась на 9 метров, обнажив мощные уходящие вверх бетонных стены. По-

Яхт-клуб на Пироговском водохранилище. 1983 год

верхность воды бурлит, как кипящая, раскачивает и ударяет лодки о стены. Страшно, что образуется пробоина в борту лодки или страховочные канаты не выдержат.

С помощью добрых людей прошли ещё один шлюз, пошли по каналу и при подходе к следующему шлюзу налетели на камни, и откололась часть лопасти. Остановились для ремонта неполадок. Кругом первозданная природа, вода спокойная, как зеркало, и отражает облака, заходит солнце, пахнет травами и дымком. Но подходящей стоянки для ночлега нет, до шлюза ещё 15 км, наступает темнота, приходится останавливаться в маленьком углублении канала. После каждого проходящего теплохода лодку бросает на камни, беспокойно и холодно.

Утром над водой туман, ветрено, но солнечно. Удачно прошли ещё один шлюз, вышли к Дубне и подошли к Волге. Надо было загрузить вручную 4 канистры бензина по 20 литров. Виталию от этой работы жарко, а мы с Мишей начинаем мёрзнуть в своих лёгких курточках на ветру, затянувшем небо хмурыми тучами. Прошли последний шлюз и вышли на Волгу. Шли без остановки часов

Поход на на моторной лодке на Волгу. 1975 год

пять и только в час дня остановились позавтракать. Погода неустойчивая, ветер, дождь, временами солнце. Я, стоя за рулём, посадила лодку на мель посреди Волги, едва выпутались из травы и направились к намеченной стоянке. Вошли в устье реки Медведицы, она при впадении такая же широкая, как и Волга, из неё вошли в затон реки Пудицы, где и остановились на небольшом пляже.

Место красивое, лес подходит почти к воде, но пасмурно и холодно. Миша пошёл сразу обследовать окрестности и надолго исчез. Мы кричали, искали его и нашли уже в темноте заблудившегося в камышах на берегу. Ночь была холодной, днём 13–15°. Позавтракали и пошли за грибами, нашли только сыроежки и разные ягоды: бруснику, чернику, голубику. Обнаружилось, что в лесу много «лосиных вшей» — противных летающих клещей. Они нас просто облепили, особенно Виталия, пришлось раздеться, осмотреться и выловить некоторых из волос. На обед приго-

товила картошку с грибами и большую миску с ягодами. Виталий с Мишей разобрали рыболовную снасть и проводили пробный лов — поймали трёх маленьких ершей, которых тут же и отпустили. Вечер был чудесный — молодой месяц над сиреновой рекой, мы сидели у костра с соседями, которые наутро отбывали домой, а мы пошли дальше на Калязин и Углич.

По дороге зашли в устье Нерли, а затем в речку Волнушку, где рыбаки как раз тянули ручную невод. Но пока начальство было рядом, купить рыбу мы не могли, пришлось подождать их ухода. Наконец они принесли ведро подлещиков, мы пошли дальше, я чистила и жарила рыбу прямо на ходу. Рыбу ели, сколько могли, вечером остановились в красивом месте с хорошим пляжем и лесом, жгли костёр. Но останавливаться не было смысла, купаться холодно, в лесу «лосиные вши», и мы пошли дальше.

Прошли знаменитую затопленную церковь около Калязина, вошли в устье реки Жабни. В поисках заправки подошли к берегу, застряли в траве и срезали шпонку. Дул резкий ветер, а Виталию пришлось раздеваться и лезть в воду. Однако главная опасность была не в холоде, а на дне, где в тине неизвестно что набросано. Стоя по колено в иле, наконец, подтолкнул лодку к берегу и залил 2 канистры бензина. В магазине купили пряники, сушки, джем, а на местном рынке яблок и семечек; кроме этого, покупать было нечего. С трудом выбрались с заправки и вышли в Углическое водохранилище. Оно встретило нас ветром и высокой волной. Началась сильная качка, и каюту заливало через уплотнения окон. На обед причалили к берегу, опять попали на мель и выбирались очень медленно, закидывая якорь и подтягиваясь.

На следующий день дошли до Углича, конечной цели путешествия, дальше плотина. Зашли в грузовой порт с риском наскочить на камни, сваи и прочее. Остановились у детской купальни, оставили Мишу на лодке и пошли в город. Большая, старая деревня. Встретили там мою коллегу по кафедре Г.А. Чеснокову, которая путешествовала со своим спутником по старым городам.

Осмотрели Кремль, княжеские палаты, несколько церквей. По возвращении оказалось, что опять нужно заменять злополучную шпонку. Мы и без того промёрзли под холодным ветром, а Виталий во время ремонта ещё упал в воду. Дальше уже работал, стоя по грудь в воде, да ещё уронил на дно гаечный ключ. Наконец исправил, переоделся в мой тренировочный костюм, вся его одежда была мокрой. Я вскипятила чай, налила туда алкоголя, что его немного согрело, и мы отправились в обратный путь с Мишей, завернутым в красное стёганное одеяло. Добрались до места ночёвки в Волжской бухте, живописном месте с крутыми берегами, изжарили и съели всю оставшуюся рыбу. Целый день с приключениями добирались до Калязина, там встретили старую компанию, помогавшую нам пройти шлюзы, остановились рядом ночевать. Сидели допоздна у костра, слушали разные истории. Они были опытными путешественниками, их катер хорошо оборудован, а сами они в тёплых куртках и лыжных шапочках. А мы в летних куртках и панамках.

От Калязина шли под дождём, Миша тоже нёс вахту и, стоя за рулём, декламировал из баллады о Робин Гуде:

— Волна мешает мне стрелять, судёнышко крена, скорее к мачте, капитан, привязывай меня!

Виталий всё-таки простудился и сильно заболел. С трудом прошли шлюзы, дальше при прохождении канала пришлось стоять за рулём мне. Было очень трудно, я боялась идти близко к стенке канала, была большая вероятность срезать шпонку, а ремонтировать некому. Такое вождение создавало трудности шедшим рядом судам, с них через мегафон кричали:

— Убери бабу с руля!

Но он ничего не слышал, лежал в каюте с высокой температурой почти без сознания. Наконец вышли уже в темноте на большую воду в водохранилище, и я с трудом ориентировалась по огням, куда идти. Всё-таки «с грехом пополам», как говорила мама, добрались до клуба, и там нам очень повезло с такси. На следующий день Миша писал в дневнике:

«Сегодня я встал рано по сравнению с родителями, они спали до 10 часов. Да они, конечно, как я думаю, и не могут встать раньше. И поэтому сразу видно, что они устали за отпуск. Это путешествие на лодке через шлюзы (6 шлюзов туда и 6 обратно), как я понимаю, было отпуском только для меня. Папа всё время менял шпонки и успел в проклятом Калязине простудиться. В последний день папа даже не мог стоять за рулём, и весь день стояла мама».

Друзья-приятели

Летом 1977 года мы отправились на Кавказ в компании с Русланом, его женой и сыном. Ехали мы быстро, весело, по дороге останавливались на пикники, наши водители соревновались, обе машины были новыми и на некоторых участках показывали скорость до 140 км/час. Но после того, как увидели крупную аварию, эти безумства прекратились.

Остановились в Ольгинке, поставили палатки, как всегда, на пляже. Место там очень удобное, с закрытой от ветров бухтой. Мальчики целыми днями играли друг с другом, наш Миша помогал старшему его на год другу решать задачи, которые тому были заданы на лето.

Но нас, родителей, совместное путешествие не сблизило, скорее, наоборот, хотя мы, конечно, не ссорились и держались дружелюбно. Однажды под вечер весь пляж наблюдал совершенно необъяснимое явление. Довольно

низко над горизонтом завис светящийся шар, который очень медленно двигался, а потом вдруг исчез. Газеты сообщали об НЛО, не знаю, так ли это, но ничего похожего в природе никто из присутствующих не видел.

Друзей у нас было немного, и мы оба не стремились расширять их круг. Среди них был упомянутый выше Руслан. Мы часто встречались с ним и его женой Татьяной в наших домах по разным поводам, иногда бывали на даче у родителей Татьяны в Загорянке. Её отец был ректором МВТУ, и помню, как он молча переносил наши шумные сборища с детьми. С Мишей на этой даче дважды случались неприятности. Один раз он наступил на стекло в воде и очень сильно порезал ногу. А второй раз нога попала в колесо велосипеда, когда его катал Руслан. Оба раза Миша мужественно перенёс боль, он с самого раннего детства отличался этим.

Основным другом был Виталий Цапко, журналист. Обоих Виталиев связывала общность взглядов на жизнь, интересы и дела с автомашинами. Мы с его женой тоже имели одинаковые имена, но были настолько разными, что я с трудом находила с ней темы для беседы. Она работала секретарём в торговом представительстве и была настоящей красавицей — блондинкой с роскошными волосами и прекрасной фигурой. Валя была из простой татарской семьи, её мать работала дворником, и сама она не имела никакого образования. Однако мы хорошо ладили, довольно часто встречались, вместе отмечали праздники, выезжали на природу.

Зимой 1976 года оба Виталия ездили вместе кататься на лыжах в Цахкадзор, катались мы с ним и на водных лыжах в Подмосковье, отмечали вместе праздники, чаще всего у них или у нас, а иногда в ресторане. Виталий был коренным москвичом, сыном директора крупного завода, и знал лично многих известных и нужных людей. Среди его близких знакомых была Тамара Гавриловна, начальник продуктового распределителя при ГУМе, обслужива-

ющего самых знаменитых и влиятельных людей города. Вскоре и мы стали иногда получать из этого источника дефицитные продукты и напитки: джин, кофе, колбасы, сыры, рыбу и прочее.

Как-то на ноябрьские праздники в небольшой компании с Виталием Цапко и его друзьями мы поехали в пансионат, где-то за Дмитровом. В утро нашего отъезда гололёд был ужасный, дорога сверкала, как зеркало. Виталий ехал осторожно, но всё-таки в одном месте на Ленинском проспекте пришлось притормозить, и машину развернуло, перебросило через разделительный газон на полосу встречного движения, к счастью, в тот момент пустую.

Отдохнув от этого стресса, мы всё-таки продолжили наш путь и благополучно добрались. Кроме нашей компании в пансионате никого не было, только повар, который приготовил нам судака под белым соусом.

Кстати, в той компании был очень известный не только в своём мире, но и в светских тусовках врач-гинеколог. Бывал он и несколько раз у нас, однажды вместе с актёром В. Шалевичем. Я испекла по этому поводу печенье, но оно не удалось — растеклось по листу. Бесформенные лепёшки я оставила на кухне, но гинеколог до них добрался, провозгласил о своей находке, попробовал и даже завопил от восторга, вынес к столу, и гости съели всё до последней крошки.

Ещё один приятель Лёня Черток был зубным врачом и отличным специалистом по зубным протезам, он обслуживал многих известных людей, в том числе и из артистической среды. Но мы в Лёниных услугах не нуждались, просто общались с ним время от времени. Одно время они тоже собирались репатриироваться в Израиль, но не решились оставить свою богатую квартиру.

По Волге на яхте

Несмотря на трудности первого водного похода, путешествия по воде мы продолжили. С моторной лодки «Москва» мы перешли на яхту «Ассоль», выпускаемую

заводами организации, где работал Виталий. Она была в полном распоряжении Виталия, а во время перестройки перешла в его собственность. Мы часто проводили на ней воскресные дни, ходили по Пироговскому водохранилищу, купались и загорали. Яхта была небольшая, с каютой на 4 человека и местом для кухни с газовой горелкой. Это было очень удобно, можно было готовить на ходу и при любой погоде, но однажды с газом у меня произошёл неприятный случай. Я спустилась в каюту, чтобы приготовить обед, а поскольку день был холодным, закрыла люк и зажгла газ. При солнечном свете пламени было не видно, я подумала, что газ не зажётся и снова чиркнула спичкой. Вспыхнуло всё внутреннее пространство яхты, обожгло мне лицо и кисти рук, остальное было прикрыто одеждой. Пришлось ехать в больницу, но всё обошлось благополучно, помогло облепиховое масло, которое дала мне приятельница Фрины Ю.

Два года подряд мы ходили на «Ассоли» на Волгу. Первый поход был в компании с яхтой сотрудников Виталия, а во второй раз мы были в одиночестве и ещё взяли на борт пассажиров — вышеупомянутых Лёню и Свету Черток. Пассажирами они оказались непростыми — загрузили слишком много багажа, в походе были совершенно беспомощны, а ночью оба храпели. Так что после доставки их на место мы рады были от них освободиться.

Яхта только со стороны кажется сплошным удовольствием, а в действительности это большая и постоянная работа. Для дальних походов требуется сильная и умелая команда, а в нашем случае все основные работы делал Виталий. Стоянка у нас была запланирована на реке Пудиге, там уже находился коллега Виталия по работе, и мы пришвартовались к его большому моторному катеру. Место совершенно дикое, сосновый лес покрыт сплошным ковром черники, которую поглощали в сыром виде в огромных количествах и ходили постоянно с чёрными губами и зубами. Набрали и много для варенья. Соседи

рыбачили на плоту посреди реки и однажды взяли с собой Мишу. Он легко оделся, а в августе уже было холодно, по утрам иней покрывал лодки, и на реке постоянно дул ветер. Миша сильно замёрз и заболел, поднялась высокая температура. Пришлось срочно возвращаться домой.

На обратном пути ему стало много лучше, и когда мы подошли к Угличу и он увидел речной трамвай, то захотел на нём прокатиться. Мало ему было всех приключений на воде.

Конечно, эти походы не обходились без происшествий. Дважды подводило рулевое управление. В первый раз нас несло прямо на прогулочный «Метеор» к ужасу всех пассажиров. С него нам кричали в рупор с требованием немедленно остановиться, но это было не в нашей власти. Тогда затормозили они, и мы отделались лёгким испугом — только стукнулись о борт.

Во втором случае ситуация была опаснее — нас понесло под баржу, которая уже не могла ни свернуть, ни остановиться. Но и здесь проскочили. Произошла и самая большая неприятность — сломалась мачта. Виталий с помощью парня с другой яхты временно её закрепил, и мы пошли дальше под мотором, благо это было на обратном пути.

Однажды на ночной стоянке так засосало якорь, что мы не могли с него сняться более суток, пока не переменился ветер. В обычных условиях никто из нас не страдает морской болезнью, но на этот раз нас с Мишей укачало до полного позеленения, и мы всё это время не могли есть и лежали пластом на палубе.

Поход на яхте на Волгу.

Поездки по стране

Начиная с 1977 года я ежегодно по рекомендации поликлиники для учёных, куда я была прикреплена после получения звания доцента, ездила на минеральные воды: в Железноводск, Ессентуки, Кисловодск. Кстати, поликлиника располагалась на Арбате, в Плотниковом переулке, и ею пользовались в своё время и родители Виталия, и он сам. Там мне посоветовали пить минеральную воду, которая, как известно, никому не вредит, к тому же я могла получать путёвки в санатории в институте.

Жизнь в санаториях была хотя и скучноватой, но приятной и беззаботной — хорошее питание, ванны, разные процедуры и прогулки при отличной погоде и по живописной местности. Оптимальные условия для проживания и лечения обеспечивались за счёт подарков, в моём случае это была французская косметика, тогда она не была такой дорогой, и я покупала её на депутатских сессиях.

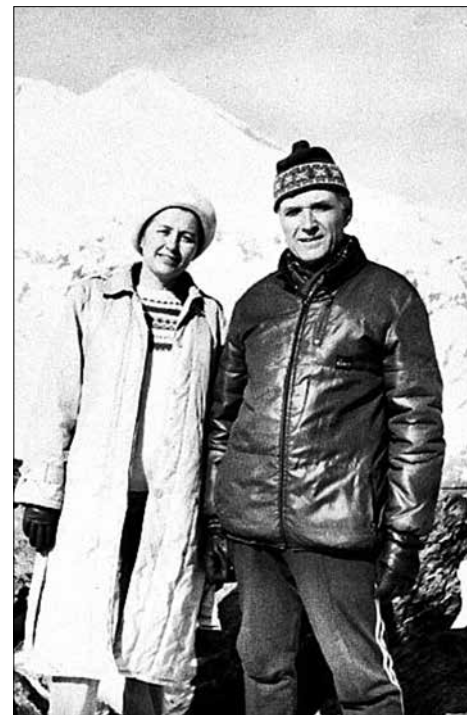
Жила я обычно в двухместных номерах и за эти годы познакомилась со многими женщинами разных сословий и из разных регионов страны. Они удивляли меня рассказами о своей жизни, а я их — отказом есть сосиски по утрам и равнодушием к знакомствам с мужчинами. Некоторые из них считали даже, что со мной в этом смысле не всё в порядке, потому что сами они в подавляющем большинстве считали это главной целью пребывания в санатории. Их поведение вполне понятно и вызывало сочувствие. Как правило, они были или одиноки, или несчастливы в браке, и в маленьких городках очень трудно было рассчитывать на изменение ситуации.

Одна молодая и симпатичная женщина рассказала мне свою необычную историю. Её изнасиловал незнакомый парень, предположительно работавший на том же заводе, что и она. После этого она постоянно пыталась его найти, много раз подолгу стояла у проходной, посещала все людные места их небольшого города, но найти не могла. Наверное, он, боясь наказания, скрывался, а она искала его,

потому что он ей понравился, она хотела продолжить знакомство.

Нас с Виталием тоже однажды принимали за «курортную» парочку, когда мы купили путёвки в Кисловодск почти на одно время, но в разные санатории. Было забавно, и, хотя я говорила, что он мой муж, никто не верил. Обстановка была романтической, соседка по комнате лукаво мне подмигивала, покидая комнату, когда Виталий приходил. И город в снегу был необычно красив, погода тёплая, солнечная. Мы совершали каждый день дальние прогулки в горы и ездили в Домбай и другие окрестности. Отпуск у меня был длинным, и, кроме санаториев, я ещё успевала ездить с семьёй на юг.

Весной 1978 года Виталий взял меня с собой в Лиепая, где проходила выставка и соревнование моделей лодок, изготавливаемых в стране. Это было довольно интересное мероприятие. Вдоль воды располагались команды со своими лодками. Их по порядку вызывали на старт, и они демонстрировали возможности своих изделий. Потом чемпион соревнований прокатил нас с Виталием на своей открытой лодке по заливу на большой скорости. Мы так подпрыгивали на волнах, что чуть было не вытрясли свои души. На банкете было много алкоголя, в том числе знаменитого ликёра «Вана Таллин». Народ после ветра, холода и воды с удовольствием ел, пил и веселился. Все очень

активно и много танцевали. Виталий и ещё несколько смельчаков пошли купаться. Ночью было ещё холоднее, вода ледяная, и, чтобы в неё окунуться, надо было долго идти по мели. Когда они скрылись в темноте, то казалось, что уже не возвратятся, но море их всё-таки отпустило дрожащими, синими и как бы уменьшившимися в размерах. Призом была новая бутылка «Вана Таллин», и никто не простудился и не заболел. На память об этом вечере у меня остались две связки бус из янтаря, которые мне подарил какой-то моряк, нанизывавший их собственноручно во время длительных плаваний.

Весной 1980 года состоялась международная конференция в Ереване, где я была среди докладчиков, а среди приглашённых от нашей кафедры — заведующий Н.Н. Ким с супругой и Лия П. Конференция была организована с восточным размахом: многочисленные банкеты, поездки по знаменитым памятникам архитектуры. Поскольку народа было довольно много, некоторые банкеты и частные приёмы были для более узкого круга. Мы с Лией были королевами конференции, и нас приглашали везде, иной раз нам приходилось переезжать в течение вечера с одного праздника на другой. Повышенное внимание нам оказывал и главный архитектор города, который повсюду нас возил в своей машине. По-кавказски красуясь, он ездил рискованно быстро, и я удивляюсь, как мы остались живы. В один из дней мы поехали за город на винзавод, где дегустировали вина, а потом в лучший ресторан Еревана. Весь ресторан в этот день был снят под банкет армянской диаспоры, но нашим сопровождающим не могли отказать и накрыли отдельный столик в стороне. Все на нас глазели, а потом передали с официантом вопрос: «С каких это пор армяне предпочитают русских женщин?», на что получили ответ типа: «Это не то, что вы подумали, это учёные дамы». Не знаю, поверили ли они такому ответу, — мы не очень походили на дам, тем более учёных. Главный архитектор города устраивал приём у себя дома, члены семьи отсутствовали,

что было немного странно, но обстановка была приятная, все радовались взаимному знакомству, ели, пили и веселились.

Среди приглашённых были и финские архитекторы М. Мяккинен и М. Аннила. С ними я познакомилась в первые же дни конференции, поскольку осенью мне предстояла стажировка в Финляндии и мне нужны были связи в этих кругах. Контакт получился очень удачным, оба они помогали в связях с другими архитекторами.

В июне 1980 года я была опять в Железноводске, а в августе мы поехали к морю. Подходила к концу Московская олимпиада, и мы загрузили машину хорошими продуктами, которые тогда продавались в магазинах, и направились в Крым на знакомое место в Чабан-Кале. Там было множество народа, что нам совсем не понравилось. Решили повернуть на Азовское море, в район Гениченска и поехали на косу Арабатская Стрелка. Там нам тоже не очень понравилось — море мелкое, надо долго идти, чтобы можно было плавать, стоянка скученная, но всё-таки остались, загорели и накупались.

В 1981 году мы провели наш отпуск в очередном походе на яхте по Волге и поездке на машине по Чехословакии. В море нам в этом году купаться не пришлось, но

С Лией П. у храма в Гарни. 1989 год

мне удалось восполнить это в октябре, когда я поехала на семинар в Гантиади близ Сухуми. В грузинских деловых мероприятиях всегда было больше отдыха и банкетов, чем работы. Так было и на этот раз. Погода была чудесная — мы были на пляже с утра до вечера и за 5 дней загорели так, что неприлично было возвращаться на кафедру к бледнолицым коллегам. От этой конференции сохранились в памяти два эпизода.

Участники конференции жили в пансионате на берегу моря. Моей соседкой по комнате была ст. преподаватель кафедры Алевтина Ф. Однажды мы пошли с ней купаться уже в полной темноте и, когда услышали, что кто-то за нами плывёт, повернули к берегу. Выскочили из воды и побежали через пляж к зданию пансионата, а за нами маячили две белые фигуры, которые в какой-то момент исчезли. Перед зданием встретили наших знакомых по пляжу трёх молодых грузинских врачей из Тбилиси, которые, услышав наш рассказ, побегали по пляжу в поисках «привидений», но никого не нашли. Потом они захватили из своей комнаты коньяк и арбуз, пришли к нам, и мы до утра хохотали до упаду над этим случаем и другими рассказанными ими историями. Они пригласили нас с Алевтиной съездить к их другу археологу на раскопки вглубь страны, но, хотя все они были очень интеллигентными и воспитанными, мы не решились.

После заключительного банкета начались танцы, и на середину зала буквально вылетел, как на крыльях, парень, который, как оказалось, танцевал в Государственном грузинском ансамбле. Он сделал круг в одиночестве, танцуя в национальном стиле, а потом, к моему ужасу, подлетел ко мне, приглашая на танец. Никогда, даже в балете, не видела такой лёгкости, а я и обычно-то танцевала неважно, а с таким партнёром выглядела бы, как корова на льду. Поэтому отказалась и, чтобы ситуация не повторилась, ушла с банкета. Парень выскочил следом и всю дорогу до корпуса танцевал передо мной и просил вернуться в зал. Одна-

ко моё нежелание позориться было твёрдым бастионом, и я не сдалась.

На машине по Чехословакии

Автомобильную поездку в Чехословакию мы совершили дважды — в 1978 и в 1981 годах. В первой поездке мы не делали записей, а только фотографировали, во второй — наоборот. Напишу о них вместе, и хотя маршруты были разными, по существу, они похожи — переезды от города к городу, осмотр достопримечательностей и магазинов, остановки в кемпингах. Опускаю наши впечатления от описания красот многочисленных городов, городков и замков, которые мы посетили, приведу из своих записей только некоторые эпизоды и приключения, случившиеся с нами в пути в обеих поездках.

Собирались мы в страшную жару, температура доходила до 35°, поэтому тёплых вещей много не взяли, и, как почти сразу же выяснилось, напрасно. Ночью было прохладно, шёл лёгкий дождь, а Миша спал на лежаке под тентом. Мы долго не могли уснуть, волновались, что он спит отдельно, и в дальнейшем спали чаще всего втроём в машине. Хотя в машине было неудобно, тесно, жёстко, но всё-таки теплее и, главное, спокойнее. Утром дождь продолжался, мы отправились без завтрака и с мокрым тентом, а Виталий и Миша ещё и с мокрыми ногами. К 11 часам проехали 460 км, дождь кончился и мы, наконец, позавтракали. Границу переехали в Ужгороде без всяких формальностей и досмотров.

Ночевали на стоянке, у источника минеральной воды, вместе со многими другими, в том числе и двумя московскими машинами. В Оломоуце, где стояли советские войска, мы заправились у доблестных воинов, залили 40 л. бензина и поехали в кемпинг в Мохельнице. Очень долго искали его в темноте, без указателей, просто замучились. Наконец к нам в машину сел чех и вместе мы туда добрались. Оттуда поехали в Градец-Кралове через Пардубице —

На машине по Чехословакии. 1980 год

очаровательный городок с ипподромом, известное место проведения соревнований по конному спорту. Здесь купили палас с красивым рисунком в виде звёздных галактик, который потом 15 лет до нашего отъезда в Израиль пролежал в кабинете. Ночевали в маленьком, но приличном кемпинге, помылись тёплой водой. Расслабились, потеряли бдительность и, уезжая, оставили колья для палатки. В этой поездке мелкие неудачи следовали одна за другой. Началось с забытого красного стёганого одеяла, сопровождающего нас во всех поездках, потом колья, потом вышел весь газ из баллона, и мы остались без горячей пищи, время от времени сбивались с дороги, и, наконец, Виталий с Мишей сильно отравились.

Но было много и приятных моментов. После потери кольев мы остановились в кемпинге в местечке Либехов близ города Мельник. Там мы были первыми русскими людьми, и, когда выяснилось отсутствие у нас кольев, начался настоящий ажиотаж. Все хотели помочь, образовалась толпа. Путешествующие немецкие пионеры прибежали с пилкой и привели лейтенанта. Тот подключил ещё лю-

дей, а в это время Миша принёс из леса палки, и всё уладилось, но никто не хотел уходить и искали, чем бы ещё нам помочь. Кемпинг нам очень понравился, место красивейшее, горячий душ, хорошая комната.

В первую поездку при посещении Праги мы жили в кемпинге на окраине города. Однажды Миша там остался один на целый день, устав от наших культурно-просветительных походов, и замечательно провёл время, развлекаясь на игровых площадках и питаясь мороженым.

Далее, плутая по дороге, мы направились в Карловы Вары и там основательно поехали, чтобы найти городской кемпинг. Виталий не поверил объяснениям полицейских и поехал наугад, но запрещающие знаки преграждали путь. В результате он выскочил навстречу идущему на большой скорости автомобилю. Слава Богу, оба вовремя среагировали. Кемпинг оказался переполненным, и мы остановились поблизости в хорошем и бесплатном месте и в очень приятной компании с чехами и поляками. Днём гуляли по городу, вечером сходили в открытый кинотеатр на фильм об Э. Пресли. Здесь у нас закончился газ, и поляки вскипятили нам чайник. В первую нашу поездку мы останавливались не в кемпинге, а просто на окраине города на небольшой площадке. Однако время провели хорошо, гуляли по городу, пили воду и даже купили для этой цели поильнички, ходили купаться в бассейн с минеральной водой.

После Карловых Вар поехали в Хеб, ходили немного по городу и повернули по направлению к дому. Поехали во Франтишкови-Лазне, опять сбились с основной трассы и буквально пробирались по живописным просёлочным дорогам с множеством грибников вдоль границы с Западной Германией. Во Франтишкови-Лазне Миша потерялся, мы его целый час ждали.

В кемпинге на берегу озера под Стрибловом Виталий занялся ремонтом колеса (которое пришлось выбросить), а мы с Мишей разожгли костёр, вскипятили чай, нажарили колбасы с яйцами. Колбасы было немного, я сама её

не ела, положила только Виталию и Мише, и оба отравились. Ночью у них поднялась температура, началась рвота, сильная слабость. Погода тоже испортилась — упорный дождь, небо серое, в тучах, без единого просвета, всё кругом раскисло и промокло. Наконец часов в 11 им стало лучше, дождь прекратился, и мы выбрались из этого несчастливого места. Виталий потом признался, что ему было так плохо, что он чуть не умер.

Приятными моментами были встречи с людьми на стоянках и в кемпингах. Вечером туристы разжигали костры и приглашали нас в компанию. Мы тоже разводили костёр для Миши, и около него собирались подростки. Иногда удавалось остановиться в диком месте, присоединившись к уже стоящим автомобилям, или, наоборот, к нам присоединялись. Как правило, это были поляки, с которыми мы устраивали вечера дружбы и сидели почти до утра в разговорах о жизни. Одним на стоянке ночевать тревожно, однажды мы попробовали остановиться в лесу, но больше этого не повторяли.

Самой запоминающейся была встреча с местными жителями в Словакии в нашу первую поездку. Мы остановились на обед и отдых на лесной опушке в отдалении от села. После того, как сварили гречневую кашу с тушенкой и поели, к нам подошёл человек с ружьём, в охотничьей одежде и шляпе с пером. Поговорили, и он пригласил нас в гости, к себе в дом. Там был приготовлен в нашу честь обильный ужин с гигантскими стейками, пивом и алкоголем. Есть мы не хотели, но и отказываться было неудобно, пришлось оказать должное уважение предложенному, а потом Мишу рвало, и нам было не по себе. Мы долго беседовали с гостеприимными хозяевами о жизни, и они настояли, чтобы мы остались у них ночевать. И тут случилось два казуса: во-первых, в их доме на втором этаже, где мы спали, испортилась канализация, а во-вторых, как раз в эту ночь был ограблен магазин, где работала наша хозяйка. Выходило, что мы принесли им неудачу.

После посещения центра производства обуви города Гутвальдова с полной машиной ботинок и кроссовок повернули на дорогу к дому.

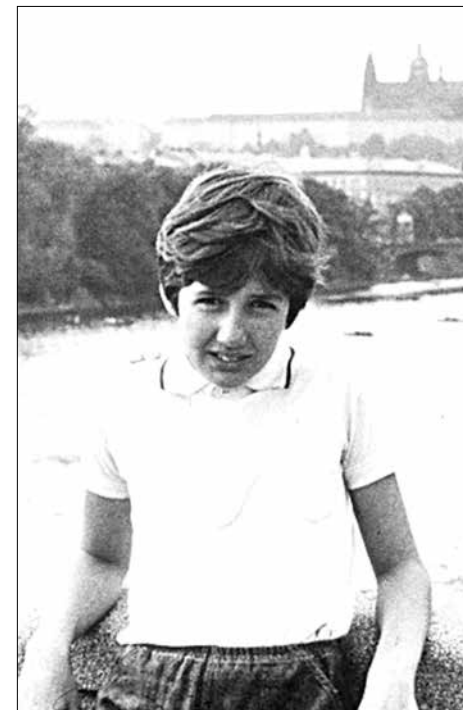
Мы планировали пересечь границу до полуночи, поэтому мчались на большой скорости.

Почему-то врезалась в память эта пустая дорога, освещаемая только яркими катафотами, знаками километража, указателями и полной луной. Но напрасно мы торопились — прибыли к закрытому шлагбауму. Начали искать, где бы переночевать. Увидели свет в недостроенном доме, люди там ужинали после долгого трудового дня, и хозяин разрешил нам переночевать у них во дворе.

Ехать обратно было тяжело, все устали, но благополучно прибыли домой, проехав в общей сложности 5200 км.

В Чехословакии. 1980 год

Вторая моя поездка в Финляндию в 1980 году имела статус индивидуальной стажировки. Я ехала одна с собственной программой работы, которую я сформулировала как анализ финского опыта архитектуры промышленных зданий. Командировка включала также посещение других городов и тех фирм и организаций, с которыми я сама об этом договарюсь. Последнее условие было весьма необычным, наши люди в то время привыкли к тому, что за рубежом их водят за руку.

Основной принимающей организацией была архитектурная фирма М. Аннила, с которым я познакомилась в Ереване. Сам Маркку Аннила был типичным финном неброской внешности, но с разносторонними талантами: прекрасно рисовал, увлекался философией, коллекционировал старое стекло и играл в самодеятельной музыкальной группе. При этом он любил выпить, и его симпатичная жена говорила мне, что жить с ним невозможно, к тому же он всегда имел «вторую». Со «второй» я тоже познакомилась, она терпела все его причуды, и в конце-концов они поженились и вырастили ещё двоих детей в дополнение к имеющемуся у него сыну от «первой».

М. Аннила собрал уникальную коллекцию стекла. Мы тоже внесли в неё свой вклад: Виталий где-то достал старинные русские бутылки. В соответствии со своим увлечением Маркку А. запроектировал завод по производству художественного стекла, куда меня возил для ознакомления. У нас до сих пор сохранились его подарки, изготовленные на этом заводе — большое роскошное блюдо и маленькая серая птичка. Он неоднократно бывал у нас в Москве, мы долго переписывались, даже уже находясь в Израиле.

Нагрузка в виде меня досталась ему ещё и потому, что он много проектировал для северных областей нашей страны. В Хельсинки он отвёл мне в своём офисе стол, поставил на него телефон, положил список архитектурных

бюро и предоставил свободу действий. Некоторое время я была в замешательстве: совсем не владела английским, на котором там все говорили, и неважно немецким. Но пути назад не было, пришлось звонить, объяснять, кто я такая и что хочу от них получить. В результате этих разговоров я познакомилась со многими ведущими архитекторами страны, бывала у них и на работе, и дома, участвовала во многочисленных вечеринках по поводу наступающего Рождества. Была в гостях даже в одном небольшом замке с картинами известных художников. Лес, в котором он был расположен, также принадлежал хозяину. Один архитектор, видя, как я записываю при знакомстве свои данные на бумажках, заказал для меня сотню прекрасных визитных карточек, что было тогда большой редкостью.

Второй финн, с которым я познакомилась в Ереване, М. Мяккинен был известным, успешным и модным архитектором. И внешне он выглядел, как из журнала «Плэйбой». Жена его была из богатой старинной венгерской семьи, и их роскошная и стильная вилла была обставлена тяжёлой тёмной старинной мебелью. М. Мяккинен организовал мне поездку в университет города Оулу, куда он еженедельно летал на лекции. Там меня ожидало, наряду с новыми впечатлениями, несколько неприятных приключений.

Ответственная за организацию моих поездок девушка забыла договориться с гостиницей и дать мне её адрес. А я, проявив беспечность, обнаружила это только в поездке. Он прибыл в Оулу около 3 часов ночи, никто меня не встречал. Народ быстро разошёлся, и я осталась одна на открытом перроне (здания вокзала не было) на холоде в довольно лёгком кожаном пальто. Сквозь морозный туман едва светились фонари. Мысль о гостинице почему-то не возникла, я даже не размышляла, хватит ли мне денег на номер, а сразу решила найти общежитие университета, о котором рассказывал один из наших русских стажёров.

На улицах не было ни души, адреса я не знала и могла только надеяться на отрывочные данные из рассказа, который я слушала невнимательно. Вывески мне тоже бы не помогли, во-первых, они на непонятном финском, а во-вторых, их там принято делать незаметными. Однако каким-то чудом общежитие я нашла, позвонила в дверь, и участливая дежурная в 4 часа ночи начала звонить в Хельсинки, а потом поселила меня в гостиницу.

В гостинице я упала на кровать и проснулась около 12 часов дня, чему никак не могла поверить, потому что за окном была ночь. Оулу находится примерно в 200 км от Северного полярного круга, и зимой там темно даже днём. Я чуть было не проспала встречу с местными архитекторами в ресторане, куда они меня пригласили и где планировали «есть маленьких рыбок».

Вечером М. Мяккинен пригласил меня в дорогой ресторан на ужин, и по дороге у меня наполовину оторвалась подошва на сапоге. Так я и пошла в ресторан, хлопая на каждом шагу, так потом ходила по городу и вызывала, вероятно, всеобщее недоумение. Конечно, надо бы немедленно купить сапоги, но новые лежали у меня в чемодане в Хельсинки, а времени на магазины не было, я переходила из фирмы в фирму, с которыми договаривалась заранее, а потом опять в ресторан и в гостиницу спать.

С сапогами в Финляндии у меня была целая история. Те, в которых я приехала, начали тут же протекать, а погода была холодная и на дорогах снеговая каша. Я попросила Виталия по телефону прислать мне другие с проводником. Им было запрещено что-либо передавать, но Виталию кое-как удалось уговорить одного, и они быстро ко мне прибыли, но и у этих-то привезённых сапог (тоже, кстати, финских) оторвалась подошва в самый неподходящий момент.

Впрочем, на новые сапоги денег я не потратила ни копейки. Один из архитекторов пригласил меня осмотреть запроектированную им фабрику эксклюзивной

обуви. Директор фабрики после экскурсии привёл меня и сопровождающую меня девушку-архитектора в выставочный зал выпускаемого ассортимента и предложил нам обоим выбрать то, что нам понравится. Девушка чуть не завизжала от счастья и взяла меховые сапоги, которые, как она потом призналась, никогда бы не смогла купить из-за их высокой стоимости. А мне показалось неудобным брать такие дорогие, и я выбрала демисезонные, по типу техасских сапожек, медового цвета. Позже увидела их в витрине с надписью «модель сезона» и такой ценой, что я ужаснулась. Вот так, хотела продемонстрировать свою скромность, а показала жадность.

Там же у меня произошёл ещё один запоминающийся эпизод. В гостях у вышеупомянутой девушки я зашла в туалет, но выйти из него мне так долго не удавалось, что я чуть не опоздала на поезд в Хельсинки. Замок туалета был старинный, и меня не предупредили, что им нельзя пользоваться. Я вообще плохо справляюсь с любой техникой, и советы по открытию, слабо доносившиеся из-за толстой двери (дом был старой постройки), тоже не помогали, потому что я не знала этих слов по-немецки.

Результатом поездки в Финляндию был большой материал, достаточный для написания книги. Я оформила заявку, получила хорошие отзывы, но на каком-то этапе дело всё-таки затормозилось. Вместо книги я напечатала большую статью со многими иллюстрациями работ моих знакомых в весьма престижном журнале «Архитектура СССР», который получали и все финские архитекторы.

Кафедральные интриги

Преподавание и все другие работы на кафедре шли у меня вполне успешно, но докторская диссертация до последнего времени не была ни в моих и ни в каких-нибудь других планах. Правда, В.М. Предтеченский говорил иногда, что к 50 годам я буду доктором и профессором, но я его слова всерьёз не принимала. Независимо от моих

намерений научные исследования в соответствии со статусом доцента я обязана была продолжать и продолжала в рамках так называемого хозяйственного договора с организацией, которая поручала мне выполнение определённых работ. Эти договора давали возможность приличной дополнительной оплаты и свободных поездок в любые города страны. Договора я получала настолько крупные, что платила зарплату по ним не только себе, но ещё и нескольким членам кафедры, хотя специалистами в этом вопросе они не были и их вклад был или очень малым, или вообще никаким. Мне всё приходилось делать самой, кроме математического обеспечения, которым занимался доцент В.Ф. Яковлев, приглашённый мной с кафедры теоретической механики, и наши секретари-машинистки, печатающие отчёты.

В 1978 году умер В.М. Предтеченский, и зав. кафедрой стал Николай Николаевич Ким, бывший директор института ЦНИИПромзданий. В начале я не почувствовала никаких изменений — всё шло, как обычно, Николай Николаевич прекрасно ко мне относился, продвигал мою научную работу, брал с собой на важные конференции и совещания, приглашал нас с Виталием к себе домой на праздники и дни рождения.

Но на кафедре он был чужаком, и постепенно сформировалась группа, желающая его смещения. Во главе её был доцент Аркадий В.З, который и претендовал на место заведующего. Во мне, как потенциальной кандидатуре на эту должность, он видел реальную угрозу. Я совсем не стремилась к должности, связанной с административной работой, и не раз об этом прямо говорила и ему, и его сторонникам, но мне не верили.

Тайная конфронтация против Н.Н. Кима перешла к явной — начались собрания, голосования «за» и «против», анонимные письма. Это было крайне неприятно, тем более, что касалось и меня. Наиболее ретивые пытались разыскать на меня компромат. Когда до меня дошли

эти слухи, я в разговоре с одним таким оппонентом как бы невзначай заметила, что мой хороший знакомый может любого убрать с кафедры. Конечно, это был блеф и глупость, но умерило их пыл.

Как раз в это смутное время Минвуз СССР потребовал план подготовки докторов, и у меня появилась возможность достойно уйти и, по словам классика, «не стоять во всём этом».

От кафедры было представлено несколько человек, но только я одна решила на докторантуру. Переход в неё был непростым делом. Требовалось получить заключение кафедры и учёного совета профилирующей организации о значимости темы диссертации и её реальной готовности, а также примириться на пару лет с меньшим окладом.

Появлению нового доктора наук по разным причинам, но всегда оказывается противодействие. Учитывая, что группа преподавателей кафедры не хотела пропускать в докторантуру именно меня, без мощной поддержки было не обойтись.

Благодаря содействию двух людей — Л.Ф. Шубина и директора института ЦНИИПромзданий Ю.Н. Хромца оба эти этапы я прошла успешно и с осеннего семестра 1981 года получила вместо должности доцента статус старшего научного сотрудника.

Официально я оставалась на кафедре, с меня снималась учебная нагрузка, но оставались аспиранты, зарубежное сотрудничество, немало общественных и депутатских дел.

Глава четвёртая

Докторантура

Работа над диссертацией

Объём работы, которую мне предстояло сделать в период докторантуры, был для меня совершенно ясным по содержанию, и я надеялась уложиться в заданные сроки. Мне предстояло решить две основных задачи: разработать общую методику автоматизированной компоновки промзданий, предложить систему объективизации качественной оценки объектов строительства и довести до рабочего состояния программное обеспечение автоматизированной компоновки промзданий. Задача была для меня интересной и даже увлекательной, написанием и тестированием программ занимались аспиранты под моим общим руководством.

Успешная защита любой докторской диссертации зависит не только от её объективной ценности, но также от поддержки ведущих специалистов в данной области и организации всего процесса её представления в учёный совет. Очень важно было согласование с исследованиями крупных научных организаций, и здесь мне сопутствовала двойная удача.

Первая из упомянутых задач основывалась на теории принятия решений, которая разрабатывалась в Институте системных исследований РАН. Я связалась с руководителем этого направления проф., д.т.н., а впоследствии и академиком РАН Олегом Ивановичем Ларичевым, который был настоящим классическим учёным западного типа с широким кругозором. Его заинтересовали мои работы как пример прикладного использования своей теории, и мы наладили взаимовыгодное сотрудничество. По его результатам мы опубликовали большую статью в очень солидном английском журнале. Я много почерпнула от общения не только с ним самим, но со всеми сотрудниками этого отдела, которые просто боготворили своего шефа, будучи и сами очень высокообразованными ребятами.

Второй серьёзной организацией, работы которой я использовала, была, как ни странно, та самая ленинградская контора, из которой Виталий уволился перед переездом в Москву. В ней была создана отличная и очень нужная для моих целей программа по обработке не формализуемых данных. Получить её официально представлялось почти невозможным. Но удалось и это.

Из поездок того времени самой запоминающейся, вернее, самой кошмарной, была поездка в Ташкент на конференцию. Я полетела с надеждой шире представить мою работу публике перед защитой. Неудачи начались с погодного катаклизма — в Узбекистане в ноябре стоял небывалый холод. В своём кожаном пальто я ужасно мёрзла, к тому же в руках был неудобный груз — планшеты размером 1×1 м, сверху падал снег с дождём, сбоку дул пронизывающий ветер, а на тротуарах лежала снежная каша по щиколотку.

В гостинице я взяла отдельный номер, чтобы никто мне не мешал, но только прилегла после трудной дороги, увидела громадного таракана на стене и потеряла покой на всё оставшееся время. Конференция была такая заурядная и не представительная, что я даже не стала выступать и развешивать так сложно доставленную экспозицию.

Кроме того, я там почти не ела, еда такая ужасная, что я предпочитала оставаться голодной. На следующий день работы объявили о смерти Л.И. Брежнева, и все ринулись домой. В аэропортах стояла невообразимая толчея и неразбериха, едва отправили наш самолёт, но посадили его в Кирове. Там в аэропорту в буфете я впервые после Москвы поела, вернее, выпила стакан кефира и попросила моего спутника проф. М. принести ещё один. Он принёс и сказал:

— Но учтите, что это сметана.

Не знаю, так ли я проголодалась, что не заметила разницы, или сметана была условная.

Много времени заняли разные организационные вопросы: оформление актов внедрения, экспозиции, реферата, отзывов лиц и организаций и т.п. Помня опыт защиты кандидатской, я прежде всего постаралась получить отзыв от моего бывшего института ГИПРОТИС, одной из ведущих организации по данной теме.

Начальник отдела В.И. Ретинский подписал без лишних слов, а на среднем уровне возникли проблемы: мои бывшие коллеги из других отделов не были в восторге от того, что я защищаюсь, и противодействовали подписанию отзыва от института. Однако к тому времени у меня уже были рычаги воздействия, и всё благополучно уладилось. К сроку вышло и второе издание моей книжки, которая тут же была размещена в вузах страны. Опубликованных учебных пособий такого плана тогда не было.

Семейные события

Летом 1982 года мы совершили две отпускных поездки. Первая была в Венгрию на машине. Туда мы съездили без особых происшествий, посетили ряд крупных и мелких городов. После Крыма, Кавказа и карельских озёр Балатон показался нам скучным, мы объехали его по периметру и не стали там останавливаться. В Будапеште задержались для осмотра достопримечательностей и для

покупок. Миша интересовался пластинками, купил АББА и Куинс и ходил, прижимая их к груди. Мы с Виталием купили себе недоступные тогда в Москве дублёнки. К сожалению, ни записей, ни фотографий не было сделано, хотя ярких впечатлений от этой поездки было немало.

Вторая поездка была на реку Десну близ города Остёр. Сейчас это Украина, а тогда входила в состав Российской Федерации. По дороге на Десну произошёл забавный случай. Я вышла из машины, чтобы зайти в магазин, на улице было грязно после дождя, и мои босоножки оказались испачканными. Я их сняла около машины и села в салон с намерением очистить, но отвлеклась, закрыла дверь, и мы поехали дальше. Вспомнила о них только на следующей остановке, очень далеко от предыдущей, так что возвращаться не было смысла. Босоножки были новые, красивые, белые с жёлтой лаковой вставкой, Виталий только что их купил мне по случаю. Но, как говорится, «пальта не надо». Были у меня в жизни ещё два подобных эпизода. Один раз я оставила куртку у дороги, где присела отдохнуть по пути на дачу. Во второй раз вывесила отличный бархатный пиджак горчичного цвета на балкон, чтобы он выветрился от табачного дыма после ресторана, и надолго забыла о нём. Потом искала, пока не поняла, что его, видимо, снесло ветром на землю кому-то в подарок.

Стоянка на Десне была пасторально-прекрасной — вековая чистая дубовая роща на ярких зелёных лугах. По утрам по росе в лёгком тумане мы делали пробежки босиком, потом купались в быстрой и глубокой Десне, готовили себе еду на газовой печке. Продукты и зелень в изобилии покупали в селе на другом берегу, куда добирались на лодке. Я под сенью дубов писала свою книгу, а Миша с Виталием общались с соседями. Мы ездили на это место два года подряд, компания у нас там была идеальная для общения: приятная пара из Украины с девочкой Мишиного возраста. Идиллия была разрушена Чернобыльской аварией, и это прекраснейшее место попало в зону отчуждения.

С Десны, как, впрочем, и из других южных мест, мы возвращались с машиной, загруженной до самого верха овощами и фруктами. Заезжали в город Нежин, знаменитый своими огурчиками, и закупали для засолки на всю зиму. Везли помидоры, фрукты, баклажаны и прочее, а дома солили, мариновали и закатывали в банки. Погреб в гараже был полон варенья, капусты, антоновских яблок, что хватало на зиму и даже оставалось для раздачи знакомым. Однажды, когда мы остановились на перекрёстке в каком-то месте с нагруженной машиной, к нам подошёл мужик и злобно крикнул в открытое окно:

— Хапуги московские!

Нам было и смешно, и неприятно, поскольку это было просто выражением национальной нетерпимости. Признаки её были всегда, что бы ни говорили сейчас о былом братстве славянских народов. Но в торговых отношениях как раз никакой неприязни не было.

С питанием у нас было всё неплохо организовано. У Виталия на производстве были частые «заказы» (наборы дефицитных продуктов и товары), и он постоянно возил полный портфель, набитый, как рюкзак. С одеждой и обувью тоже было неплохо. Много я покупала в своих загранпоездках, что-то удавалось по случаю купить дома, что-то шила сама.

Шить я любила, и это позволяло мне находиться на пике моды. Хорошие дорогие ткани можно было купить в наших магазинах, а модные, например, трикотаж или твид, я покупала в поездках. Я радовалась, что вещи не накапливались и не выбрасывались, мои сёстры и племянница с удовольствием носили мои поделки. Мода менялась, и шить приходилось много, собственно, это было моим основным хобби московского периода. Шила я по журналу «Премо» из ГДР, который Виталий «доставал» мне по большому благу. «Бурды» ещё в Москве не было, и я покупала его в зарубежных поездках.

Все годы моей жизни в Москве я была занята постоянно, расписывала дела на каждый день, но не чувствовала

себя, как загнанная лошадь, потому что мне нравилось многое из того, что я делала. Кроме того, в плане работы я никогда не испытывала давления извне. А после защиты докторской диссертации чувствовала себя ещё более свободно. На скуку, даже о родных, времени никогда не оставалось. С ними я регулярно и подробно переписывалась, часто бывала в Новосибирске, к нам приезжали Зоя, Галя, папа, а мама, как я уже писала, подолгу у нас жила. Единственным тяжёлым временем для меня было, когда маленький Миша находился в Новосибирске.

Осенью 1982 года поступили оттуда печальные известия: папе сделали неудачную операцию, и спустя небольшим более двух месяцев он умер. Это случилось 18 декабря, в Москве шёл дождь со снегом, погода была нелётная, и аэропорт был забит до отказа, негде присесть. Билет мне по телеграмме продали, но рейс постоянно откладывался, я под дождём ездила домой и обратно в аэропорт, пока, наконец, не улетела. Печальное событие собрало многих родственников: прибыл и брат Володя из Тынды, и сестра папы Полина из Киева. Мама очень горевала, всю ночь просидела около гроба, было что вспомнить за более чем полувековую жизнь вместе.

В 1983 году Миша закончил школу и поступил в МИСИ на факультет промышленного и гражданского строительства. После первого курса обучения он поехал в Темрюк, лагерь отдыха студентов на Азовском море, а осенью на картошку. Работали они примерно в 60 км от Москвы в том же районе Бронницы, где находился и пионерский лагерь. В одно из воскресений мы поехали его навестить, и именно в тот же день он отпросился на день домой. Таким образом мы разминулись и, сделав приличный крюк, так и не увидели сына. Хуже было ему, поскольку денег на обратную дорогу у него не было, а бабушки не оказалось дома. Хорошо ещё, что у него был ключ, а у меня в кошельке оказалась какая-то мелочь, которую он «к вечному позору своему выкрал», о чём оставил мне записку с извинениями.

Спустя 6 лет после смерти папы в июле 1988 года умерла мама после двух месяцев болезни. Она попросила мою сестру Галю пригласить священника для соборования. После принятия этого таинства мама была уверена, что немедленно умрёт, но продолжала жить и очень переживала по этому поводу. Тогда она попросила привезти священника ещё раз, но тот отказывался, ссылаясь на достаточность одного соборования. Галя просила и плакала, и когда он согласился поехать, выяснилось, что у Гали нет денег на такси. В волнении она оставила кошелек дома, и священнику пришлось оплатить проезд в троллейбусе не только за себя, но и за Галю.

Не помню, по какой причине я не прибыла в Новосибирск, пока мама ещё была жива, но не могу себе этого простить. Ведь какие бы важные дела у меня ни были, я всё равно полетела на похороны. Предполагаю, я, с одной стороны, боялась увидеть её смерть, а с другой, боялась своим приездом как бы подтвердить её скорую кончину. Тогда я не понимала, что это событие не было для неё ужасным, она была к нему уже готова.

Отпевали маму в её храме, очень торжественно, с хором послушников и зажжёнными свечами. Мы заранее это не предусматривали, так само получилось. Похоронили её рядом с могилой отца. Вечером после похорон и поминок Володя, я и Галя разговаривали, и на нас напал нервный смех. Успокоившись, мы легли спать, а Володя пошёл в комнату мамы. Среди ночи он вбежал к нам с испуганным криком:

— Валя, Валя!

Что ему приснилось или привиделось, он так нам и не сказал. Ему было предсказано, что после смерти матери он проживёт недолго. И действительно, он прожил только 7 лет.

Летом Володя приехал в Москву из Тынды с тяжёлым диагнозом рака желудка на последней стадии. Собственно, он приехал в больницу, у нас он уже не бывал. Врачи мне сказали что лечение бесполезно, и жить ему осталось

около четырёх месяцев, так оно и случилось. Народное средство, привезённое его женой Зоей из Таджикистана, естественно, не помогло.

Поскольку болезнь была скоротечной, он не успел похудеть и выглядел хорошо, но знал, что умирает. Его жена Зоя прямо ему об этом говорила и даже показывала купленный для захоронения костюм. В день смерти я была с ним до самого последнего вдоха, держала его за руку, он то её сжимал, то отпускал, но уже не говорил. Мы с Зоей переворачивали его на бок, стараясь облегчить положение. Наконец мать Зои сказала, чтобы мы оставили его в покое, и тогда он тихо отошёл. На похороны приехала моя сестра Зоя, пришло неожиданно много народа — и московские друзья, и друзья и коллеги из Тынды.

Защита и утверждение

В совете по присуждению учёных степеней у меня наряду со сторонниками было и немало противников. Они не знали содержания моей работы, но были настроены против меня лично — описанной выше группой преподавателей кафедры, препятствующей моей защите. Поэтому исход голосования мог быть не в мою пользу независимо от великолепных отзывов, полученных мною от уважаемых людей и организаций.

В день защиты самая большая аудитория здания в виде амфитеатра была заполнена до отказа. Защита докторской диссертации на тему автоматизации проектирования была едва ли не первой и вызвала большой интерес. Из Киева приехал Д.Н. Яблонский, который был моим официальным оппонентом, и Мирон Демкив для моральной помощи. Были люди и из других городов, на случай необходимости поддержки пришли О.И. Ларичев, директора институтов, с которыми я работала, и Виталий. Присутствовали и представители всех моих противников, народ красноречивый, умеющий говорить убедительно, и я ожидала их разгромных выступлений.

Но защита прошла внешне почти спокойно, словесных баталий не было, а я достойно отбивалась от немногочисленных нападков. Говорят, я выглядела спокойной, только побледнела. Одетая я была в чёрный бархатный пиджак, естественно, с белой блузкой и в парикмахерской причёске. Результат голосования был положительным, но «против» было четыре голоса, а это немало. Меня горячо поздравляли, но было ясно, что утверждение в ВАКе будет непростым. Так оно и случилось. Банкета после защиты не было, как раз действовали жёсткие андроповские меры против алкоголизма и, в частности, против организации банкетов после защит диссертаций.

С утверждениями докторских диссертаций в ВАКе обычно не спешат — может поступить информация о нарушении процедуры защиты, плагиате, несостоятельности работы и анонимные письма. В моём случае последние как раз были. С их содержанием меня не ознакомили, но официально вызвали на заседание экспертного совета для выяснения ситуации. Момент, конечно, очень волнующий, но добрейший профессор нашей кафедры Сергей Дмитриевич Ковригин вышел ко мне в холл из зала заседания и подбодрил тем, что совет на моей стороне. После этого я вошла и спокойно ответила на пару незначительных вопросов. Спустя полгода после защиты, 24 июля, я получила степень доктора технических наук.

Новые обязанности

Сразу после защиты меня назначили ответственной за проведение смотра дипломных проектов, благодаря которому руководство предполагало сделать хорошую рекламу своему институту. Работа была большая: создание комиссий по отбору по факультетам, просмотр, единое графическое представление и оформление выставки, аннотации, отчёт и подготовка его к изданию. Естественно, желающих тратить собственное время на это не было, а я, по мысли проректора по учебной части И.В. Прозоро-

На выставке дипломных проектов. 1984 год

ва, должна была «отработать» полученную степень. Он курировал все работы и настаивал, чтобы я сама представляла выставку при её открытии, видимо, желая подчеркнуть мою главенствующую роль в этом мероприятии. Но я уклонилась от этой чести, и без того я была на ней самая заметная не только из-за своих постоянных мельканий туда-сюда и распоряжений, но и из-за белого костюма на почти однородном тёмном фоне.

Весь коллектив, который я имела полномочия подбирать по своему усмотрению, поработал всерьёз, и выставка удалась на славу. Было много

заметных посетителей, даже из ЦК партии, о нас писала центральная пресса, показывали по местному ТВ, а общесоюзной программе «Время» я давала краткое интервью. Потом мне долго звонили знакомые из разных городов страны с поздравлениями. Отчёт был издан великолепно, и все мы получили хорошую премию, которую я распределяла сама.

После защиты докторской диссертации, когда я ещё работала на кафедре архитектуры, мне предложили быть председателем комиссии по образованию Минвуза СССР и сформировать её состав. Ещё одна нагрузка, но от такой высокой чести не отказываются. Как принято, в любую комиссию включаются симпатичные председателю люди, и я не была исключением. В данном случае все были специалистами высокого класса, и за короткое время комиссия проверила три строительных вуза: Новосибирский, Ленинградский, Самаркандский. Поездки в другие уже намеченные города были прерваны начавшейся перестройкой.

Работа была поставлена солидно. К нашему приезду институт готовил выставки учебных и научных материалов и работ, мы встречались с ведущими преподавателями, нам показывали институт и его службы и, конечно, возили по достопримечательностям городов и памятникам архитектуры. Наша работа состояла в составлении заключительного протокола о состоянии обучения в данном вузе с рекомендациями по его совершенствованию.

В родном новосибирском институте я застала ещё преподавателей, которые вели у меня занятия. Не знаю, помнил ли кто из них меня, но все знали, что руководитель делегации — выпускница этого вуза. Я вместе со своим коллективом ездила на экскурсии, и хотя я неплохо знала Новосибирск, узнала много интересного у лучшего знатока города С.Н. Баландина. Заключительный протокол мы составили достойный как по содержанию, так и по форме, он очень понравился в Минвузе СССР.

В Ленинграде тоже прошло всё удачно, компания была весёлая, но мы слишком много смеялись, а это всегда не к добру. На обратном пути в поезде мы проснулись от крика проводника. Оказалось, он забыл нас разбудить, поезд давно стоит в Москве, а вся наша компания спит.

В купе со мной была Татьяна Б., секретарь комиссии, а в соседнем — профессор МАРХИ С.В. Демидов и профессор нашей кафедры К.К. Шевцов. Последний, как бывший военный, собрался мгновенно и выскочил на перрон. Я из тамбура бросила ему свой саквояж, но поезд уже начал движение, я побоялась прыгнуть, и мы втроём поехали в далёкое депо. Проводник ругался, а когда поезд остановился на какой-то стрелке, предложил нам выметаться из вагона. Кое-как мы вылезли (С.В. Демидов с протезом ноги) и пошли по рельсам до ближайшей станции. Там удалось взять такси, и, когда мы приехали на вокзал, К.К. Шевцов стоял на краю платформы и смотрел вдаль из-под руки, видимо, ожидая нас увидеть на путях.

Поездка в Самарканд была проблематичной по своей содержательной стороне. Нужно было выработать предложение, оставлять ли архитектурную специальность в составе строительного факультета. Понятно, что узбеки очень хотели бы её оставить, и потому изо всех сил старались нас принимать как можно лучше. Но я, как руководитель, не хотела оказаться в неудобном положении и решительно отказывалась от всяких банкетов и приёмов, ссылаясь на проводимую в то время кампанию активной борьбы с алкоголизмом. Узбеки всё-таки нашли способ. После пары дней работы в стенах института они отправили нас на три дня для составления протокола в загородный дом отдыха. Там для начала мы отметили в своём коллективе недавно прошедшие дни рождения мой и К.К. Шевцова (у нас они совпадают). Он прихватил с собой из Москвы коньяк, я купила на рынке ведро клубники, и мы славно попиروвали среди зелёных деревьев, цветущих маков и журчащих ручейков.

Наша рекомендация оставить архитектурную специальность была в пользу узбеков, но на неё никак не повлиял их радушный приём и даже то, что домой мы везли в качестве подарков ящики с фруктами. Не знаю, повлияло бы или нет мнение комиссии на принятие решений Минвузом СССР, но наши чётко аргументированные рекомендации оказались бесполезными — грянули глобальные изменения, связанные с перестройкой и распадом страны.

С начала 1985 учебного года я была включена в качестве представителя нашего института в Высшую аттестационную комиссию (ВАК) СССР по присуждению учёных степеней и званий.

Это была высокая и, надо сказать, неожиданная честь, поскольку другие институты и организации представляло высшее руководство — директора, ректоры или проректоры. Проработала я в ВАКе семь лет, за это время состав комиссии менялся, и, таким образом, я имела возможность познакомиться со многими значительными людьми в нашей области не только из Москвы, но и из других городов.

В задачу эксперта входило ознакомление с протоколом защиты, отзывами, с самой работой и написание краткой резолюции, завизированной ещё двумя членами комиссии. Как правило, по кандидатским диссертациям они всегда были положительными, хотя мне пришлось однажды вызывать автора работы для разъяснений. По докторским разбирательства, как, например, и в моём личном случае, случались чаще. Мне однажды вручили на экспертизу очень слабую диссертацию. Потом я поняла, что её никто не хотел брать, чтобы не писать отрицательную рецензию, потому что автор был внуком знаменитого артиста. Мне тоже не хотелось затевать это обсуждение, но было обидно за тех, кто годами работает и не может пробиться к заветной степени. К тому же Н.Н. Ким, видимо, хорошо знавший соискателя, призывал меня к объективности, горячо говорил о падении уровня научных работ и нашей ответственности за это. История закончилась не-

большой суматохой в совете, утверждением претендента и появлением у меня потенциального врага.

На комиссиях мы приятно проводили время в беседах, в том числе и в хорошем буфете. Нам даже за это платили, кажется, по 3р. 50 коп. за час, примерно 10 руб. за посещение. Я была одной из двух женщин в комиссии, вторая бывала на заседаниях редко, так что я считалась безусловной королевой, и все за мной галантно ухаживали. Особенно увлекательными были наши философские беседы с директором Института градостроительства Владимиром В. В. Мы часто уходили с ним вместе с заседаний, нам было не только по пути к дому, но и по пути... к религии.

Мои аспиранты

Моей первой аспиранткой была Магда М. из Каира. Официально она числилась за В.М. Предтеченским, но фактически полностью была под моим руководством. Я начала с ней работать сразу после защиты своей кандидатской, хотя и не хотела её брать под предлогом того, что она не знает русский, а я — английский. Она пообещала русский выучить, и через 3–4 месяца явилась ко мне без переводчика. Я ушам своим не поверила — она говорила, причём почти без акцента! Очень была способная и практичная девушка, со стальным характером, но не очень привлекательной внешностью. В Москве она вышла замуж за своего богатого и красивого соотечественника, родила ребёнка, которого поместила в русские ясли, а перед отъездом на родину накупила в Доме моделей на Кузнецком мосту нарядов, говоря, что у нас они продаются просто даром. После защиты она, по слухам, работала вместе с мужем в Арабских Эмиратах. На память о ней у меня сохранился ажурный серебряный браслет с египетскими мотивами.

Следующей аспиранткой была Наталья Ч. из ЦНИИ Промзданий — добросовестная, скрупулёзная, усидчивая, идеально подходящая для секретаря Учёного совета, кем

она впоследствии и стала. С Наташей было много хлопот, она была выпускница МАРХИ, хорошо рисовала и упорно пыталась возместить недостаток научных идей графикой. Жаль, что я не сохранила созданный ею специально для меня рисунок «Древо жизни» по мотивам идей моей диссертации.

Два аспиранта из Молдавии — упомянутый выше Николай П. Чиобану и Нистор Грозаву были моими любимыми аспирантами — очень серьёзные, инициативные, умные ребята — всё делали самостоятельно, я только осуществляла общее руководство и направляла в рамки нужных мне задач. Николай П. многие годы руководил кафедрой в Кишинёве и параллельно занимается проектированием, Нистор Г. избрал политическую карьеру, но продолжает читать лекции. Из всех моих аспирантов они оказались самыми верными и благодарными. Отыскивали меня по Интернету, написали письма и теперь регулярно поздравляют с памяtnыми датами.

Гинтарис Цинялис из Вильнюса — человек практичного склада и западной ментальности, серьёзный, суровый, чёткий, отстаивающий собственное мнение, невзирая на лица. В этом он был сильно похож на свою мать, в то время как его отец Антониус был приятным и открытым для общения человеком. С его родителями мы познакомились на Куршской косе, где вместе отдыхали. Ещё раз мы были вместе с ними на озере, на базе отдыха проектного института, где работал Антониус. Гинтарис после защиты много работал в странах Запада, в частности, в Швейцарии.

Двух человек я вела по линии заочной аспирантуры — Вячеслава Т. из Питера и Дмитрия М. из Алма-Аты. Оба были немного старше меня и у себя в организациях руководили большими коллективами. С ними не было никаких проблем, оба успешно защитились. Вячеслав Т. подарил мне две небольшие акварели известного новгородского художника С. Пустовойтова, они постоянно передо мной.

А Дмитрий М. убедил меня в том, что я могу читать по-старославянски. Будучи в моём домашнем кабинете, он увидел старое Евангелие и спросил, читаю ли я его. Услышав, что я не знаю старославянского, он очень убеждённо сказал:

— Вы его знаете, попробуйте читать!

И правда, я сразу начала читать, и практически всё оказалось понятным, а непонятное можно было прояснить в параллельном русском тексте. Наверное, мамино чтение, которое было всегда на слуху, этому способствовало.

Был у меня аспирант из Узбекистана, Абилкосим Т. В отличие от других, которые поступали с намерением работать со мной, он достался мне по распределению между потенциальными научными руководителями кафедры.

Брать его ни у меня, ни у других особого желания не было, он и сам не знал, чего хотел, но оказалось, что у нас совпадают дни рождения, и это решило дело. Ему повезло ещё один раз, когда после развала СССР прошёл слух, что аспиранты из бывших союзных республик должны будут платить за обучение и за все процедуры, связанные с защитой. Я знала, что он из аула, из очень бедной многодетной семьи, и платить ему нечем, к тому же он уже был женат. Я была зам. председателя Совета по присуждению учёных степеней и потому имела дерзость выпустить его на защиту не только раньше окончания срока аспирантуры, но и с диссертацией сомнительной (на тот момент) ценности.

Он защитился, о его дальнейшей судьбе мне ничего не известно, но уверена, что он умело использует своё московское обучение. Надеюсь, что из него получился хороший учёный или преподаватель, но я так и не могла понять, есть ли у него для этого другие качества, кроме исполнительности. Он во всём со мной соглашался, и даже когда я его провоцировала, он, не смущаясь, тут же менял своё мнение. От него тоже у меня осталась память — он научил меня варить узбекский плов. Кстати, он недавно

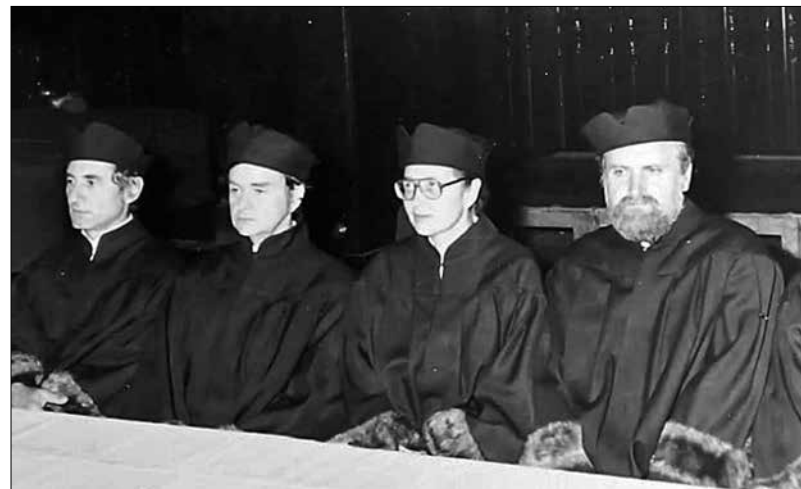
нашёл меня через Интернет на сайте иконописи и попросил с ним связаться, но, к сожалению, это не удалось сделать.

Ещё одна аспирантка до моего отъезда в Израиль не закончила свою работу, и я передала её своему коллеге Вячеславу Фёдоровичу Яковлеву, который довёл её до защиты. Светлая ему память.

Среди моих аспирантов не защитился только один Александр З. А. Он был безусловно талантлив и обладал самыми блестящими способностями, но в области его интересов значительное место занимали разные программы, связанные с ТВ. В наступившие времена перестройки у него появилась возможность заняться мультимедиа профессионально, и на пути к успеху он не мог терять время даже на защиту, хотя диссертация у него была уже полностью готова. Понимая ситуацию, я согласилась его отпустить, хотя он и без моего разрешения ушёл бы. Сейчас он теле- и кинопродюсер, телеведущий и президент крупного концерна.

Поездки за рубеж

В командировку в Чехословакию я ездила в разное время года и на длительное время — от трёх недель до месяца. Дел в этих поездках было немного, основное время я проводила в осмотрах достопримечательностей, посещениях музеев, в магазинах и на улицах. Я целыми днями ходила по разработанным мной маршрутам, подробно изучила Прагу и знала её, безусловно, лучше, чем Москву. Моим партнёром по научному сотрудничеству был Вацлав Гаек с внешностью чешского короля. Его многочисленные связи позволили мне побывать в местах, где туристы бывают редко. Вацлав всегда был готов что-нибудь поесть и выпить и знал, где это лучше всего сделать. В Пльзене по подвалам знаменитого пивного завода нас водил главный технолог. Там мы пробовали пиво из медных кружек прямо из-под кранов, а продолжили это занятие в его ка-

В Народном доме Праги на вручении дипломов. 1985 год

бинете. Естественно, это было лучшее пиво в моей жизни, хотя повлекло за собой тяжелейшую проблему из-за отсутствия туалетов на обратной дороге в Прагу.

С Вацлавом мы побывали и на не менее знаменитой фабрике чешской бижутерии, где я была одарена всякими украшениями, и во вновь отреставрированном театре оперы и балета, где осмотрели все помещения и сцену. Вацлав любил бывать в Москве, иногда вместе со своей женой Кветой, и мы тоже устраивали им разнообразные развлечения, ресторанные и домашние обеды. Я в каждый свой приезд в Прагу бывала в их прекрасном особняке, где однажды для собравшихся гостей делала пельмени, которые Вацлав очень любил у нас есть. Не раз бывала я и на их чудесной даче. Собственно, это была старая усадьба с просторным красивым домом с камином в необычайно живописной холмистой местности.

В 1984 году я поехала в Прагу уже со степенью доктора. Этот статус позволил одеть меня в мантию на церемонии выдачи дипломов выпускникам Высшего технического училища, но я ещё не получила звания профессора и не имела права на цепь, отмечающую профессоров среди остальных преподавателей. У нас такой формы ещё не

существовало, и для меня облачение казалось атрибутом средневековья.

В Веймаре я тоже бывала часто и жила подолгу. Благодаря моим коллегам, ознакомилась не только со всеми примечательными местами города, в том числе и ресторанами, но и со всеми окрестными замками и городками, летними и зимними базами отдыха Тюрингии.

Как-то в воскресенье я решила посетить расположенный вблизи Бухенвальд. Сопровождение немецких товарищей я посчитала некорректным и отправилась одна. Оказалось что автобусы в этот день не ходят, и я пошла пешком. Выйдя за город, я увидела совсем недалеко через поле строения лагеря. Поле показалось мне ровным, и я пошла прямо через него, хотя была в дорогих сапогах на высоких каблуках.

Вскоре я обнаружила, что поле всё изрыто и покрыто рвами; как я потом узнала, оно служило танковым полигоном советских войск, которые там дислоцировались.

Я попробовала выйти с поля кратчайшим путём, но ещё большее увязла. Тем временем пошёл дождь со снегом. Кое-как я добралась до остановки автобуса рядом с лагерем, села на скамейку, и идти в лагерь уже не было сил. Шёл дождь, до города было несколько километров, но автобусы не ходили, выбора у меня не было, и я пошла пешком по шоссе. Зонта у меня тоже не было, кожаное пальто намокало, тяжелело и теряло форму, и поэтому я сразу же согласилась сесть в машину человека, который предложил меня подвезти. Мы приятно с ним побеседовали, и он довёз меня до дома Б. Грюнвальда. Хозяева тут же затопили печь в маленькой комнате, уложили меня на диван, и я немедленно и надолго уснула.

Мой второй коллега профессор Герхард Баумгертель стал к тому времени мэром города Веймара и принимал и меня, и нас с Виталием вместе, на высшем уровне. Ужинали мы не иначе как в лучших ресторанах «Элефант» или «Русский двор». С ним мы совершили двухдневную поезд-

ку по осенней Тюрингии. Ночевали в городе Лейнефельде, где директор текстильной фабрики пригласил нас к себе домой на вечер. Меня удивило, что перед визитом мы зашли в ресторан и поужинали. К двери дома директора подошли за пару минут до назначенного срока, подождали эти минуты и только тогда позвонили.

Директор с женой оказались очень весёлыми и простыми людьми, у них был роскошный винный подвал, но еды действительно не было, только какие-то орешки и хрустелки. Потом, когда уже было много выпито, начали жарить сосиски, звонить Виталию в Москву и приглашать его приехать.

Памятная поездка с Герхардом у нас состоялась во Владимир и Суздаль. Институтские машины были в этот день все заняты, и мне дали для экскурсии большой автобус. Я приглашала всех желающих с кафедры, но набралось всего человек 5. Дело было поздней осенью, погода холодная, сырая, с гололёдом. Несмотря на это, ранним утром мы тронулись в путь в надежде, что днём ситуация улучшится.

Путь предстоял долгий, более 200 км, и, когда мы проехали половину пути, пошёл мокрый снег, и дорога превратилась уже в настоящий каток. Разумно было бы повернуть назад, но шофёр не настаивал, и мы продолжали движение.

Конечно, соборы Владимира никого не оставили равнодушными. А когда в свете угасающего дня возникли, как

С Герхардом Баумгертелем. 1985 год

мираж в белой пустыне, церкви Суздаля, все так и ахнули. Пока мы обедали в ресторане с шампанским по случаю дня рождения Герхарда, стало почти темно. Возвращались мы по всё ухудшающейся дороге, и я добралась до дома в третьем часу ночи. Виталий и родные моих спутников уже обзвонили все милиции и находились в страшной тревоге. Но более всего мне до сих пор жалко безропотного водителя, на которого пала вся тяжесть поездки.

В ГДР я совершенно неожиданно обнаружила, что моя кандидатская разработка успешно применяется в проектном институте города Росток. Я свою программу им не передавала, но не возражала против её использования. Наоборот, было приятно, что мой труд и труд моих аспирантов кому-то пригодился.

Поездки по стране

Летом мы отправились на машине в Литву, в Друскининкай, бальнеологический курорт на юге страны. Место чрезвычайно красивое и удобное для отдыха — сам городок чистый и красивый, кемпинг расположен на его окраине в прекрасном сосновом лесу на берегу реки Неман, рядом минеральная вода и предприятия питания, кругом леса, полные грибов.

По утрам мы совершали пробежку до минеральных источников, пили воду, возвращались, завтракали, купались, ходили за грибами. В первое время мы обедали в кафе, где нам нравилось местное блюдо «цеппелины» (картофельные котлеты, фаршированные мясом), а потом начали готовить сами, как правило, гигантский жульен — целую кастрюлю лисичек с сыром и сливками.

Собирать грибы там было одно удовольствие. В лесу на склонах ярко-зелёных полей светились многочисленные огоньки — жёлтые лисички. Можно было без труда набирать их в любом количестве, и мы мариновали на зиму по три-четыре трёхлитровых банки. Везли банки открытыми, чтобы грибы не испортились, поскольку их обработка

была предварительной и должна была завершиться дома. Однажды Виталий, переливая бензин из канистры, случайно плеснул немного в одну из банок. Выбрасывать все грибы было жалко, я сняла верхний слой, дома замариновали и съели без последствий.

Нам очень понравилась эта поездка, и мы повторили её и на следующий год. Было тоже очень хорошо, только, в отличие от первого раза, когда мы жили в палатке, мы сняли домик на территории этого же кемпинга. А потом совершили поездку по всем прибалтийским республикам.

Мои коллеги из Государственного инженерного университета Армении пригласили меня прочитать несколько лекций на архитектурно-строительном факультете.

Фактически состоялась только одна лекция для преподавателей кафедры, а всё остальное время я ездила по стране на машине в сопровождении двух молодых ассистентов. Поездки были радиальными, каждый вечер я возвращалась в гостиницу, а утром мы опять выезжали. Городские и близлежащие от него достопримечательности я осмотрела в свой прежний приезд, а на сей раз поездки были в более отдалённые места, редко посещаемые туристами.

К сожалению, я не только не вела записей, где побывала и что видела, но и поехала без фотоаппарата. Но в памяти остались чудесные комплексы монастырей, храмов и горных пейзажей. Сопровождающие меня ребята были хорошо осведомлены и в историческом, и в архитектурном плане, и они сделали эту поездку одной из самых запомнившихся в моей жизни.

Вдоль горных дорог, так же, как и в аулах, естественно, не было никаких туалетов, и мои спутники отыскивали какие-нибудь сарайчики и загородки и предупредительно предлагали мне их посетить. По ходу пути в местных ресторанчиках заказывались обеды с настоящими армянскими блюдами. А в заключительный вечер они привезли меня к родственникам в село, где был развёрнут целый

банкет. Стол ломился от разных яств, моё внимание привлекла вазочка с красиво оформленной кремовой массой. Оказалось, что это только что приготовленное вручную сливочное масло, искусно выложенное ради гостей в виде розочек. Мне даже сейчас стыдно, что простые рабочие люди так старались ради человека, который ничем такое не заслужил. Как говорится, приём «не по таланту».

К маминым заветам

В начале девяностых годов среди интеллигенции возник большой интерес к религии. Появилась в продаже Библия и другая православная литература, начал читать лекции о. Александр Мень. В 1988 году широко праздновалось тысячелетие крещения Руси, кстати, я была на торжественном заседании в зале гостиницы «Россия», которая потом сгорела.

Сотрудник Виталия В. Акиншевич, очень активный товарищ в делах предпринимательства, уже успел устроиться старостой в одном из храмов. Он попросил меня о консультации по архитектурным вопросам, поскольку храм был в процессе реконструкции. От оплаты я отказалась, зато получила в подарок прекрасное компактное издание Библии. При храме стараниями старосты был создан, наверное, первый православный хор из профессиональных певцов, которые потом выступали в разных местах Москвы.

Акиншевич хотел вовлечь меня в свои деловые проекты и предложил моделировать одежды из павлово-посадских платков для бутика и одеяния для хора. От первого предложения я отказалась, а для женщин хора, исходя из физических данных участниц, нарисовала фасон, они сшили платья, и получилось удачно. Я вместе с Кернхенами была на первом благотворительном концерте этого хора в их собственном храме. Там были и представители каких-то посольств, приглашённых Акиншевичем, и всем очень понравилось выступление.

Я потом даже писала статью на эту тему в какую-то газету по просьбе священника. Он был из числа творческой интеллигенции, и паства вокруг него собралась соответствующая. Я несколько раз ездила в этот храм, но постоянно там не закрепилась — очень далеко от моего дома.

В одну из своих поездок в Киев я общалась с упомянутым выше Мироном Демкивом, который организовывал для меня и культурную программу. Несколько дней мы ходили с ним от одного памятника архитектуры к другому, в основном, по церквям и монастырям. Были в музеях, в мастерской у его знакомого художника, и всё это время он очень деликатно и в то же время убедительно говорил мне о Боге. Я была захвачена его речью, но слегка его боялась, потому что было полное впечатление, что он читает мои мысли.

Мирон пообещал познакомить меня с женщиной-психологом из ГИПРОТИСа, а через неё представить священнику о. Николаю Ведерникову, вокруг которого собралась группа московской интеллигенции.

Психолог Татьяна А. оказалась очень приятной, мы подружились сначала с ней, а потом и с о. Николаем и его женой Ниной Аркадьевной.

Слово «подружились» по отношению к о. Николаю не совсем точное, он не был светским человеком. Композитор и пианист по образованию, ещё в консерватории, по рассказам Нины Аркадьевны, которая была его сокурсницей, он был погружён в свой мир, а духовный сан лишь усугубил эту отрешённость. Но, тем не менее, он был в курсе бытовых дел и событий культурной жизни. Они с Ниной Аркадьевной — изящной женщиной с тонким иконописным лицом — были очень красивой парой. Люди, приходившие в дом о. Николая, были, в основном, тоже творческих профессий. Вместе они собирались по поводу дней рождения хозяев, церковных праздников, для соборования приближённого круга людей. Застолью в этом доме особого значения не предавалось, главным были духовные

*Священник
о. Николай Ведерников.
1986 год*

беседы, диспуты, музицирование, пение. Диспуты велись порой на такие сложные религиозные темы, что я ничего в них не понимала.

Только потом я догадалась, что одним из гостей бывал С.С. Аверинцев, который являлся духовным сыном о. Николая. Позже я узнала, что среди его духовных детей был и очень уважаемый мною Г.А. Явлинский, но, к сожалению, его я там ни разу не встретила.

Вообще ни с кем из окружения о. Николая я не только не подружилась, но и даже не познакомилась. Народ вёл себя не так, как на обычных вечеринках, где все друг с другом разговаривают, здесь всё внимание было на о. Николае. Общалась я там, кроме хозяев и их дочерей, только с Татьяной и со знаменитым в то время оперным певцом, с которым у нас как-то сразу завязалась беседа. Иногда он пел, и звук его мощного голоса просто физически заполнял всё пространство. Садился за рояль и сам о. Николай, он исполнял свои собственные вещи, импровизировал и всегда производил большое впечатление своей игрой.

Отец Николай был дружен с митрополитом Антонием (Сурожским), который по мнению многих авторитетных людей, и моему в том числе, был лучшим проповедником нашего времени. Приезжая из Лондона (место его жительства и служения), он всегда останавливался у о. Николая. Мне удалось его увидеть только раз на службе в храме Иоанна Воина.

Множество народа подходило к нему на миропомазание с какими-то словами, а я не знала, что сказать, и про-

сто на него посмотрела, а он на мою растерянность ответил чуть заметной улыбкой.

Хорошо знал о. Николай и о. Александра Меня, с которыми они вместе рукополагались в священники.

Семья о. Николая жила очень скромно, жена Нина Аркадьевна работала, и они ещё помогали своим двум взрослым дочерям.

Иногда о. Николай приходил к нам домой за картошкой, кабачками и другими овощами с собственной дачи. Когда они с Ниной Аркадьевной были у нас в гостях, о. Николай очень хвалил мою еду. Он и сам как-то приготавливал замечательное соте по случаю моего прихода к ним. От него на память у меня осталось несколько писем и расписное деревянное яичко, подаренное мне на Пасху.

Глава пятая

Кафедра САПР

Положение и состав

С осеннего семестра 1984 года одновременно в нескольких головах, в том числе и в моей, возникла идея создания специализированной кафедры систем автоматизированного проектирования в строительстве. Не буду описывать всех перипетий и обсуждений по этому поводу, скажу только, что я способствовала, как могла, реализации этого плана, но предложение заведовать кафедрой не приняла. Работа по её организации заняла примерно полтора года. Всё это время я продолжала оставаться на кафедре архитектуры, хотя уже начала читать курс по профилю создаваемой кафедры. В весеннем семестре 1985 года я получила звание профессора, а к концу семестра была утверждена и кафедра САПР, куда я перешла с осеннего семестра 1986 года.

Вновь созданная кафедра вошла в состав экономического факультета, что диктовалось не её направленностью, а организационными соображениями. На должность заведующего пришёл директор ЦНИИПИАСа Александр Антонович Гусаков. Он привёл с собой несколько человек,

а из сотрудников МИСИ, кроме меня, было ещё два преподавателя. Я оговорила себе особый, довольно независимый статус и маленький кабинет, что в условиях тогдашней тесноты было большой привилегией. Договорённость по поводу кабинета нарушилась сразу же, Александр Антонович попросил меня разрешить поставить там стол для доцента А.И. Синенко, и мне неудобно было отказать ему.

Зато моя деловая независимость постоянно укреплялась. Я продолжала оставаться на должностях, не относящихся непосредственно к профилю кафедры: председателем комиссии по архитектуре, членом ВАКа, зам. председателя одного из советов МИСИ по присвоению учёных степеней по промышленному и гражданскому строительству, членом ещё двух советов, депутатом и прочее. Принимая во внимание всё перечисленное, я сама планировала себе учебную нагрузку и расписание занятий. Теперь я ездила на лекции не раньше, чем ко второй паре, т.е. к 10 часам, и не вела больше практических занятий. Моя независимость не очень нравилась Александру Антоновичу, он называл меня «пятой колонной», но был вынужден смириться.

Ассистентов у меня было три: Ирина Ц., Ирина Я. и Александр А. Всех их я сама пригласила на работу. Ирину Ц. я знала по институту ЦНИИ промзданий, Ирина Я. была дочерью сотрудника Виталия, а Александр А. был взят по просьбе и рекомендации уважаемого мной коллеги. Все они были отличными работниками и находились только в моём распоряжении. Отношения у нас были доверительными, я даже была инициатором крещения и крёстной матерью обеих Ирин.

Отец Ирины Я. просил меня её воспитывать, и я это делала в силу своих понятий. Когда она впоследствии вышла замуж за дипломата, все лавры были предписаны мне, и она, и её семья оставались мне благодарны даже, когда она уже не работала у меня. Студенты всех их любили, особенно Александра А., привнесившего во все дела блеск,

игру и изобретательность. Этим он привлёк внимание Александра А., предложившего ему своё покровительство взамен моего руководства, но Саша с честью выдержал испытание.

Ирина Ц. подобного испытания, к моему большому сожалению, не выдержала, хотя получала от меня всё, что только я могла ей дать: дополнительную зарплату по НИР, неоднократные поездки в Западный Берлин, длительные командировки по моей протекции в Америку. Там она помогала в качестве секретаря и переводчицы нашему декану Инессе Г. Л. и приняла её предложение в дальнейшем работать с ней. Они втайне от меня сделали перевод Ирины на другую кафедру, и я даже не сразу это поняла, т.к. вместе с ней передали и учебную нагрузку, которую она вела. Мало кто умеет достойно уходить, но уходить тайно, учитывая наши прошлые отношения и обстоятельства, по меньшей мере, было странно. Если бы она мне это сказала прямо, я бы не препятствовала её уходу. Каждый имеет право распоряжаться своей жизнью, хотя и жаль было бы терять подготовленного преподавателя. Но теперь я потеряла человека.

И она на новой кафедре проработала недолго и ушла из института. Не знаю причин её ухода, но предполагаю, что при её прямоте, честности и искренности стиль работы нового начальства, требующий безусловного повиновения и знаков особого почтения, показался ей неприемлемым.

Деятельность кафедры

На кафедре была очень благоприятная атмосфера для работы со студентами. Поток по нашей специальности составлял всего 50 человек, т.е. общее число студентов всех курсов было около 250, и преподаватели отлично знали каждого из них. Мы направляли небольшими группами студентов для практик и выполнения дипломов по реальным данным в научно-исследовательские и проект-

ные организации. Некоторых мне удавалось даже послать на включённое обучение в города других стран, в частности, в Веймар и Марсель. Один их таких студентов, Андрей Волков, после обучения в Веймаре сделал быструю и блестящую карьеру. Теперь он ректор МГСУ и обладатель всех возможных титулов и званий.

В рамках сотрудничества с Техническим университетом Берлина удалось организовывать совместные проекты и поездки больших групп студентов с нашей и немецкой стороны. Ребята знакомились с методами обучения и проектирования в наших странах, но, что ещё более важно, друг с другом, заводили друзей. Выпускники нашей кафедры очень ценились на рынке труда, работали в престижных отечественных и зарубежных фирмах.

В одну из поездок с группой студентов в Берлин к нам присоединился Виталий. До Белорусского вокзала нас на своём джипе подвозил Миша, который прибыл к нам домой в назначенное время.

Однако Виталий решил что-то ещё проверить в квартире, и выезд задержался. Компенсируя потерянное время, Миша ехал очень быстро, пока не оказался на ул. Горького (она ещё не называлась Тверской), где была колоссальная пробка.

Железнодорожные билеты на всю группу были у меня, и я очень нервничала, боясь опоздать на поезд. Хотела даже выскочить и бежать бегом, но Миша меня остановил и умело пробирался сквозь поток машин, сохраняя удивительное спокойствие, что и спасло положение. До вагона мы добежали буквально в момент отправления, но проводник держал на всякий случай дверь открытой, куда мы с Виталием и запрыгнули почти на ходу. Группу он в вагон пустил по согласованию с начальством, так что всё уладилось.

На кафедре я отмечала своё пятидесятилетие. Втайне была создана комиссия по организации празднования, но информация до меня дошла, и я категорически отвергла любые официальные мероприятия. Совсем не приходило

Пятидесятилетний юбилей. 1987 год

в институт в этот день было бы неправильно уже потому, что вся кафедра об этом знала. Виталий привёз на машине всё нужное для застолья: торты, фрукты, конфеты, кока-колу (вино строго запрещалось) и прочее, и мы славно и весело попировали всем колллективом. Потом стали подъезжать посланники из других институтов и организаций, я им не давала читать адреса, откладывала в сторону, а самих сажала за накрытый стол. Я, как примадонна, была вся в розах и других

цветах и, как и 25 лет назад, в красном платье. Это было второе платье такого цвета в моей жизни, а третье (не совсем красное, а вишнёвое) я сшила на своё 75-летие.

Автоматизация архитектурно-строительного проектирования к моменту защиты моей диссертации интересовала уже практически все вузы страны, и я получала многочисленные приглашения на чтение лекций в разные города. С этой целью я неоднократно ездила в Вильнюс, читала лекции в Новосибирске, Иркутске, Петрозаводске, Махачкале, Ереване.

Города я выбирала по своему усмотрению в зависимости от собственных интересов и предпочтений. Давно мне хотелось посмотреть на Байкал, и приглашение в Иркутск для чтения лекций позволило реализовать это желание. Поездка оставила неизгладимое впечатление и от знаменитого озера, и от мест пребывания декабри-

стов в Иркутске, и от самого города, особенно старой его части. Была зима, и Байкал покрыт многометровым слоем прозрачного голубоватого льда. Настолько прозрачного, что страшно было по нему ходить. Сопровождающая меня женщина зачерпнула в месте незамерзающего источника из озера реки Ангары целый стакан воды с температурой 4 градуса. Стакан был хрустальный, она специально привезла его для этого момента, и воду в нём было не видно, настолько она была чистой. Пить было страшно из-за моего чувствительного к холоду горла, но я не устояла и не раскаялась — вода была необычайно вкусной, и ангины не случилось.

Приглашение от института в Махачкале я приняла из-за экзотичности этого места. Там я тоже читала только одну лекцию для преподавателей. Практичные дагестанцы сразу спросили, какие бы места я хотела посетить. Я к их удивлению попросила отвезти меня в какой-нибудь далёкий аул, и как раз такой был у родственников принимающего меня коллеги. Проблема заключалась в том, что, по их понятиям, меня должна была сопровождать женщина, и её нужно было найти. Я без всяких сомнений пренебрегла этой условностью, и мы поехали в аул с моим коллегой и его братом на машине.

В горах с машиной что-то случилось, и пока мои спутники её ремонтировали, я прогуливалась по пустынной дороге. Первая же появившаяся машина остановилась, и вышедшие из неё люди, похожие на ваххабитов, долго о чём-то говорили с моими сопровождающими, поглядывая в мою сторону. Как оказалось, это и были ваххабиты, и, узнав, что я учёная дама, настойчиво предложили завезти меня к ним в селение на обратном пути. Мои спутники были явно напуганы и обсуждали, как можно проехать другими путями.

В ауле встретили меня очень радушно, вскоре всё население знало о моём приезде, и стали приходить люди с подношениями разных блюд. Спать меня уложили на

верхнем этаже дома, вход в который перекрывался люком. Туалет находился в огороде, и при походе туда меня снабжали кувшинчиком с тёплой водой. Утром я попросила моего коллегу сходить со мной в горы. Вместо моих туфель, которые, кстати, мой сопровождающий вымыл вечером, я получила кеды, и мы отправились.

Дорога проходила мимо чайханы, где сидели старейшины, все на нас смотрели, а я не знала, стоило ли мне с ними здороваться. Подумала, что не стоит, достаточно и приветствий моего сопровождающего, чем, наверное, произвела плохое впечатление, не говоря уже о том, что отправилась вдвоём с мужчиной в горы. Кстати, он тогда спросил меня, не боюсь ли я находиться одна в мужском обществе, на что я ответила, что нет, когда бываю в компании цивилизованных людей.

На ужин собралось половина аула, и то ли я чем-то я их очаровала, то ли это ничего не значащие слова, но получила приглашение от хозяев прибыть с семьёй на отдых, а от директора школы — на свадьбу сына. Сказал (с восточными преувеличениями), что прийдёт за мной самолёт. А хозяйка дома подарила мне старинный кувшинчик.

Обратная дорога была ужасной. Началась непогода, а гололёд на горных дорогах очень опасен. Машина наша не то сломалась, не то водитель боялся ехать сам, и пришлось её прицепить к большому грузовику. Нас водило из стороны в сторону — от поднимающихся стеной скал до края пропасти. К тому же я перед дорогой через меру напилась необыкновенно вкусного грушевого напитка, а выйти из машины даже на минутку было невозможно. В конце концов пришлось возвратиться в аул, конечно, не из-за моих проблем, а из-за машины, которую всё-таки пришлось отремонтировать. Я очень волновалась, потому что боялась опоздать на самолёт, но всё закончилось благополучно, мы возвратились как раз ко времени моего отлёта в Москву.

Летом мы поехали на машине сначала в Вильнюс, а потом на Курскую косу. Для въезда на неё требовалось

разрешение, но нам его достали. Жили мы в Доме отдыха организации, где работали родители моего аспиранта Гинтариса Антониус и Ирма. Мы с ними подружились и прекрасно провели время. Совершали далёкие прогулки вдоль косы, обедали в ресторане или жарили на кухне свежую рыбу, купленную у рыбаков, купались и загорали. На побережье были нудистские пляжи, раздельные, но не огороженные. Как-то мы с Ирмой

пошли на этот пляж и, прогуливаясь вдоль длинной печаной полосы увлеклись разговором и дошли до мужского пляжа, едва не столкнувшись с его обалдевшими посетителями. Мы резко развернулись и, не прибавляя шага, пошли обратно в ужасе, что последуют замечания. Но публика оказалась воспитанной. Зато по возвращении Виталий с Антониусом подшучивали над нами до конца отпуска. В это время мы каждый день ожидали появления внука и ходили звонить по телефону-автомату в Москву. Наконец, 12 июля мы стали бабушкой и дедушкой. По этому поводу была организована вечеринка с вином и тортом.

Атониус и Ирма уехали раньше, чтобы продолжить свой отпуск на озере Айсетас, и пригласили нас последовать за ними. Там была ещё одна база отдыха, застроенная маленькими домиками на одну семью. Нам был отведён лучший домик на самом берегу озера. Мы прожили там 10 прекрасных дней, купались, плавали на лодке каждый день в разные места. Озеро в длину 16 км с многочисленными ответвлениями, по берегам с сосновыми борами,

Раздача автографов. 1987 год

полными грибов и черники. Мы сделали большие запасы того и другого, благо условия позволяли. На обратном пути мы побывали в доме у наших хозяев в Каунасе. Дом, вернее, двухэтажная вилла на большом участке недалеко от центра города. Дед Гинтариса был ботаником, и участок заполнен разными диковинными растениями, крыжовником величиной со сливу и прочим.

Друзья из Германии

В 1988 году группа из трёх человек с разных кафедр института была направлена в Западный Берлин для определения возможности сотрудничества с Техническим университетом. В составе группы, кроме меня, были профессора Т.Г. Маклакова и Д.С. Самойлов. Этот город в силу его статуса считался тогда почти враждебным, и на наших совещаниях в Берлине частенько присутствовал очень вежливый и внимательный сотрудник посольства. Поездка для меня окончилась успешно, мне удалось установить контакты с зав. кафедрой проф. Эберхардом Кернхеном. В дальнейшем с ним и сотрудниками его кафедры мы весьма плодотворно работали многие годы вплоть до отъезда в Израиль.

Мои поездки в Западный Берлин и ответные Эберхарда в Москву стали ежегодными. Мы организовали также обмен студенческими группами, их совместные проекты, в частности, варианты реконструкции ул. Пречистенка и застройки Красной площади. Естественно, все проекты выполнялись с помощью компьютеров и соответствующей техники.

Обменявшись первыми визитами с Эберхардом, мы познакомились с семьями друг друга и подружились. Жена Эберхарда Вальтраут работала на кафедре своего мужа и тоже иногда приезжала с ним в Москву. В своих командировках в Берлин я стала жить у них в берлинской квартире и в их доме в Эрфурте. Они тоже жили у нас в квартире, и их коллеги, размещавшиеся в гостинице, расспрашивали в по-

дробностях, что они у нас ели на завтрак, обед и ужин. Как правило, им наша еда очень нравилась, и ели они с отменным аппетитом. Только однажды Вальтраут отказалась от сардельки, сказав, что такие они покупают только для собаки. Между тем, у нас это был весьма дефицитный продукт, и я радовалась, что могу накормить избалованных гостей совсем по-немецки: с пивом, горчицей и тушёной капустой.

С семьёй Кернхен мы с Виталием много ездили по Германии, обычно из их дома в Эрфурте. Отец Эберхарда К. был частным застройщиком, и дом построен на большую семью: 2 этажа с мансардой, на прекрасной территории, примыкающей непосредственно к реке и городскому парку. Внутри двора семье принадлежит ещё один, оставшийся от далёких времён дом в нарядном традиционном фахверковом стиле. До воссоединения Германии Эрфурт находился на территории ГДР, и их дом был отчуждён в пользу государства и передан другим владельцам. После падения Берлинской стены всё возвратили Эберхарду, а незаконные владельцы остались, превратившись в съёмщиков части дома. В старом домике никто не жил, и хозяева предлагали нам занимать его на лето, если мы того пожелаем.

В нашем сотрудничестве участвовал ещё один интересный человек — проф. Вагнер. Под его руководством была группа разработчиков всевозможных устройств архитектурного плана для людей с ограниченными возможностями. Позже я узнала, что его дочь страдает болезнью

С Вальтраут Кернхен. 1989 год

Виталий, проф. Вагнер, я. проф. Кернхен. 1991 год

Дауна, что, наверное, повлияло на характер его исследований. Он за долгие годы работы в университете никогда не приглашал к себе домой сотрудников. Моё появление изменило эту ситуацию, мы вместе с Эберхардом получили приглашение на ужин. Поскольку у меня была племянница с этой болезнью, умершая в двухлетнем возрасте, я с интересом наблюдала за взрослой дочерью хозяев дома. Она сидела за общим столом и вела себя почти нормально. Жена профессора Вагнера посвятила себя её воспитанию, обучала дома и в разных спецучреждениях, где для больных детей создавались все условия для развития, и их даже вывозили за границу.

Мы познакомились также с подругой Вальтраут К. Анной-Дорой. Она была одинока, богата и много лет болела раком. Однако держалась стойко, не бросала работу учительницы биологии, что совсем ей было не нужно с материальной точки зрения. С Анной-Дорой мы много ездили вместе, я не раз бывала в её квартирах в Берлине и на её чудесной даче. Она была приятной в общении, любила поехать и всегда приглашала в рестораны. На память от неё

осталась подаренная мне шёлковая блузка из дорогого магазина.

В Москве мы тоже старались показать гостям достояние нашей столицы и страны с выгодной стороны. Возили их по памятникам архитектуры, в Сергиев Посад, Новый Иерусалим, Архангельское и прочие исторические места. Как-то мы поехали в Новый Иерусалим глубокой осенью, было очень холодно и сыро. Воскресенский собор был закрыт для посещения, и мы, чтобы его осмотреть, присоединились к группе специалистов-реставраторов. Их беседа была для нас излишне подробной и затянулась на долгое время. Мало того, что мы промёрзли до костей и не могли выйти, ещё и проф. Вагнер остался на улице за закрытой дверью. Потом мы его нашли, в поисках нас мечущегося по территории. Но немцы, по крайней мере, те, с которыми я знакома, отличаются тем, что никогда не жалуются и все трудности переносят стойко.

С семьёй Кернхенов мы общаемся до сего времени, а в 2000 году они пригласила нас в большое путешествие по Европе с отдыхом в Швейцарии. Об этом в следующей части моего повествования.

А я устроила им путешествие в Самарканд, которое произвело на моих немецких друзей сильное впечатление. С гостиницей и прочими организационными делами нам помогла семья моего аспиранта Абилкаси́ма. Институт для ознакомления с городом и окрестностями предоставил нам знатока местной архитектуры и достопримечательностей города и микроавтобус.

Мы всё подробно осмотрели, побывали на рынке, вечером шоу на площади Регистан об истории страны, концерте музыкальной группы, исполняющей популярную национальную музыку. На нём в проход между рядами кресел выходили умелые танцоры из зрителей, вызывающие бурные аплодисменты.

С братом Абилкаси́ма мы ездили на машине в Бухару, осмотрели её крепость с медресе и минаретами. На ямы

В узбекском ауле. 1990 год

для пленников было жутко смотреть даже сейчас. Обедать нас завезли в глухой аул к родственникам наших сопровождающих. Дом за высоким и крепким глухим забором мы не осмотрели, нас прямо провели в комнату для гостей с низким столиком и вокруг него посадили на ковёр в окружении множества подушек. Подавались узбекские блюда, для гостей коньяк и вода для местных жителей.

Потом ходили к мулле, он произнёс для нас молитву, мы поклонились и поехали дальше. Самый незабываемый момент этого путешествия для меня — наша обратная дорога в полной темноте, какая бывает только на юге и звёзды необычайной крупности и яркости на чёрном небе. Таких громадных ярких звёзд я больше в своей жизни не видела.

Ещё одна совместная поездка с нашими друзьями Эберхардом и Вальтраут Кернхен была в Ленинград. Она состоялась через несколько дней после похорон матери Виталия. Отменить поездку было нельзя, всё заранее было подготовлено, заказана гостиница, назначены встречи. Поскольку я была не в форме, то слабо контролировала ситуацию, и мелкие неприятности сопровождали нас всю

дорогу. В первый же вечер Кернхены потерялись. После нашего приезда в Ленинград мы разместились в ведомственной гостинице ЛИСИ. Я валилась с ног от усталости, а они захотели погулять по ночному городу и заблудились. Гостиница располагалась в доме на канале Грибоедова, а застройка в этом районе весьма однообразная, и они никак не могли узнать нужный дом. Спросить было не у кого, потому что гостиница не имела названия и о ней мало кто знал, и они блуждали чуть ли не до утра.

Это были тяжёлые годы с продовольственным обеспечением, и я постоянно думала, где мне с ними поесть и что. Хорошо, что помогали друзья Виталия — Володя и Бэла Фромзели. Они организовали личного экскурсовода по Эрмитажу и устроили у себя шикарный приём. Мать Володи была преподавателем немецкого языка, и она с большим удовольствием общалась с гостями, разгрузив меня от постоянного перевода. В конце путешествия я едва не попала под туристический автобус, вызвав большой переполох на улице.

Между тем работа с бывшим Восточным сектором Германии тоже продолжалась, хотя и не так интенсивно, как раньше. В конце 1995 года я поехала туда вместе с А.А. Гусаковым. Его друг и мой давний знакомый Питер должен был нас встретить на вокзале, но его там не оказалось, и домашний телефон не отвечал. Стояла зима, вокзал в Веймаре не приспособлен для ожидания, там холодно, как на улице, и мы мгновенно замёрзли. Я оставила Александра А. на вокзале и пошла в институт, чтобы найти дежурного и как-то устроиться на ночлег. К моему счастью, в институте было какое-то ЧП, и я встретила у главного здания ректора, который меня знал. Нашли Питера, и он забрал нас на ночь к себе. Питера я хорошо знала, не раз принимала у нас дома и бывала у них в гостях. Их приёмы славилась однообразием и минимализмом ассортимента угощения — всегда и только горячие бутерброды с сыром. В тот вечер они достались и нам.

Утром нас поселили на частные квартиры, что очень обидело Александра А., поскольку Питер неоднократно жил у него дома, он ему устраивал великолепные приёмы, поездки в разные места, в том числе и в Узбекистан. С частной квартирой Александру А. тоже не повезло — завтраки там были чрезвычайно скудными, в то время как у моей хозяйки просто роскошными. Кроме неблагодарности, Питер ещё и позволял себе небрежное отношение к бывшему другу, обращался исключительно ко мне, а ему говорил:

— Пора бы тебе изучить хоть какой-нибудь язык.

После падения Берлинской стены малозаметные прежде Питер и его жена стали проявлять большую активность и стали членами какого-то элитного клуба. На клубную рождественскую вечеринку в ресторане «Русский двор» приглашены были и мы. Там была очень забавная игра с розыгрышем подарков. Александру А. досталась аляповатая перчатка в виде дамы с громадным бюстом, а мне удалось выиграть главный приз — хрустальный колокольчик, которым председатель клуба открывал заседания. Я оставила его нашим друзьям Кернхенам.

Семейные события

Миша учился в институте неровно, особенно, как и я в своё время, на начальных курсах: прогуливал лекции, не сдавал вовремя зачёты. Но всё-таки с курса на курс переходил без задолженностей, с вполне приличной успеваемостью. Однажды он с жалобой, что ему не дали повышенную стипендию, несмотря на отличные оценки по экзаменам, обратился к декану, и тот ему ответил:

— Скажи спасибо, что я тебя не отчислил, — не мог найти.

Обучению мешал, в частности, его большой успех у девочек, но не только у них — все обращали внимание на его внешность. Как-то Миша сидел у меня в кабинете, заглянул А.А. Гусаков, а потом спросил, кто этот блестящий красавец и, похоже, удивился моему ответу.

В ЦНИИ промзданий, где Миша после окончания института работал, высказывались определённое: «Как это может быть у Нагинской такой красивый сын?!»

Популярности ему ещё добавил показ по программе «Время» с международной выставки современных компьютерных технологий. Меня тогда поздравляли со всех концов страны. Успех у девочек не остался без последствий и привёл к ранней женитьбе. В марте 1987 года Миша женился на Оксане, а летом у них родился сын, тоже Миша.

На Первомайские праздники 1988 года мы поехали в в Феодосию, точнее, в пос. Приморский, где был расположен завод, с которым Виталий был связан по работе. В Симферополе нас встретил на машине Вадим, коллега и приятель Виталия, и провёз по длинному маршруту через Ай-Петри, Ялту, водопады и прочие красоты.

Заканчивалась Страстная неделя. Пятницу мы провели в поезде, и я целый день ничего не ела, как настоящая неофитка, строго соблюдающая все правила. С собой мы везли много вкусного столичного припаса, в том числе куличи и крашеные яйца. На пикнике в живописном месте Вадим с женой Расимой и Виталием всё это аппетитно уминали, а я мужественно обходилась одной печёной картошкой, дожидаясь завтрашнего разговления. Погода была прекрасная, и весенний цветущий Крым нас покорила, особенно сплошь покрытые розовыми цветами «иудины» деревья.

В Феодосии мы пошли в гости к знакомому Виталию на дачу, расположенную на горе примерно в 20 минутах пешком от центра, если идти через старое кладбище.

Мы обошли маленький дачный посёлок, и нам всё так понравилось, что возникла практически нереальная идея купить здесь участок. Самым чудесным местом был укромный закуток со старыми деревьями, колодцем и глухим забором. Я почему-то сразу не только захотела здесь жить, но и поняла, что это случится. Невероятно, но сбылось!

На даче в Феодосии. 1989 год

Не буду описывать все трудности, связанные с покупкой дачи, но в конце лета мы вместе с Вадимом стали её владельцами. Содружество с Вадимом было необходимо потому, что купить дачу можно было только жителю Феодосии, и потому, что она требовала постоянного присмотра и ухода.

Домик на участке был был маленький, почти с трансформаторную будку, но сад великолепный — около 40 фруктовых деревьев: миндаль, черешня, яблони, груши. Всё это надо было обрабатывать, снимать урожай,

куда-то их девать. Форма участка была неправильной, поэтому он казался очень большим, и ни одного соседа не было видно. Вечером мы любили подниматься на крышу и ощущать себя невесомыми в абсолютно чёрном южном небе, глядя вниз на огни города и чёрный массив моря с редкими огоньками кораблей. Дорога от московского дома до дачи в общей сложности занимала 8 часов при благоприятных условиях полёта, и мы планировали бывать там часто.

Жизнь на даче нам очень нравилась. Утром мы шли купаться с полными карманами свежего миндаля и, поедавая его в дороге, быстро «скатывались» с горы. На обратном пути с моря заходили в магазины и с покупками, уже без былой лёгкости, под жарким солнцем поднимались к себе. Виталий тащил сумки, а я плелась сзади. Вечером приходили Вадим с Расимой, жарили мясо, если его удавалось достать, пили пиво или вино производства Вадима,

ели овощи со своего участка. На участок заходили чьи-то кошки, гуляли по вечерам ёжики, и стояла почти абсолютная тишина.

Зимой я запроектировала на месте будки двухэтажный домик, и Вадим с Виталием приступили к строительству. Но побывать там нам удалось всего несколько раз в течение двух лет, и наши замечательные планы не осуществились — отстроить удалось только подвал и частично первый этаж, и началась перестройка. Ситуация стала нестабильной во всех отношениях, и дачу пришлось оставить (к тому времени частично разграбленную) не только нам, но и нашим совладельцам, которые переселись в Кременчуг. Последний раз мы там были в июле 1990 года.

Фрина Ю. до последнего времени жила в своей комнате на Профсоюзной. Соседом её теперь был душевнобольной молодой человек, который физически не был опасен, но некоторые его причуды утомляли. После женитьбы Миша перебрался к Оксане в её однокомнатную квартиру, а мы с Виталием остались вдвоём. Естественно, возникла идея взаимовыгодного варианта — соседу Фрины Ю. предложить квартиру Оксаны, семью Миши поселить в квартире на Профсоюзной, а мать Виталия переместить к нам под постоянный присмотр. Сосед долго сопротивлялся, но всё-таки обмен состоялся, однако Фрина Ю. никак не могла расстаться с привычной обстановкой и некоторое время жила вместе с молодой парой. Несмотря на то, что здоровье её ухудшалось, она медлила с переездом, потому что боялась потерять свободу и независимость, хотя расположение изолированной комнаты в нашей квартире позволяло ей при желании вообще с нами не встречаться. Наконец она решилась, и жили мы спокойно, без всяких неприятностей.

Довольно тяжёлыми были только последние месяцы перед её смертью. Хотя она и не чувствовала болей, обычных при раке, но других неприятных последствий избежать не удалось. Фрина Ю. была неверующей, в последнее время

хотела поверить и не могла. Спрашивала у меня, как это сделать, но я была бессильна ей помочь. Истории из Библии она помнила ещё с гимназии; помню, я ей читала стихи Патернака и других авторов, я тогда много помнила наизусть. Последние полтора месяца нам помогала сестра Фрины Ю. Женя, приехавшая из Днепропетровска и проводившая её в последний путь. Перед смертью Фрина Ю. видела пришедшую к ней женщину в белом, а в день похорон с нами случилось необъяснимое происшествие. У всех четырёх сопровождающих нашей семьи сломалось по одной пуговице: на пальто у женщин и на костюмах у мужчин.

В конце восьмидесятых началась так называемая перестройка, вызвавшая энтузиазм у передовой части населения и дававшая надежды на создание более свободного общества. Мы тоже восприняли её с радостью — ходили на митинги, слушали радио и ТВ. Я вела разъяснительную работу со студентами и даже хотела вступить в ряды активных борцов в какую-нибудь организацию. У нас на кафедре работала доцентом Ольга Сергеевна, которая была знакома с Б.Н. Ельциным, жила с ним в одном доме. Она была прекрасным и интересным человеком, несмотря на то, что такое соседство означало принадлежность к высшему правящему тогда классу. Ольга Сергеевна обещала меня с Борисом Николаевичем познакомить, если я захочу, но сама его не любила и мне не советовала входить в его компанию. Не советовал и Виталий, и о. Николай, и я приняла решение не ввязываться ещё и в политику, хотя соблазн был велик.

В то же время жизнь становилась труднее, магазины пустели, и сбережения населения стремительно обесценивались, в том числе и наши. Поездки на дачу в Феодосии становились проблематичными из-за того, что там резко снизился уровень комфорта — ухудшилось продуктивное обеспечение, кто-то срезал электрические провода на нашей даче. Чтобы как-то использовать свои деньги

и заодно приобрести свой кусочек земли на природе, мы решили обзавестись дачным участком вблизи Москвы.

Это была нелёгкая задача, но в конце концов, Виталий получил участок по Калужскому направлению в 60 км от нашего дома. Он был вдалеке от дачных поселений, т.к. вблизи не было железной дороги, и от шоссе надо было ехать не менее 4 км на машине по очень плохой грунтовой дороге. Начинать стройку на участке было сложно из-за дефицита всех строительных материалов, и мы решили попробовать купить сборный финский домик, которые изготавливали тогда в Петрозаводске. Очень кстати я получила предложение от университета этого города прочитать курс лекций. Попала я там в страшный гололёд, что при слегка холмистом рельефе города и моих высоких каблуках было катастрофой. Помню, как передвигалась от гостиницы до университета по главной седловидной улице, периодически падая.

Но до строительного комбината всё-таки добралась и договорилась с добродушным директором о покупке домика, причём без всякой протекции и мзды. Потом Виталию пришлось ещё туда поехать, чтобы оформить поставку в Москву двух домиков (ещё и для сослуживца Виталия). Тогда он захватил с собой большую коробку с коньяками и разными дефицитными деликатесами, чему директор был очень рад.

Строил Виталий дом в одиночку от фундамента до кровли и в неблагоприятных погодных условиях. Летом этого года не было ни одного дня без дождя, он непрерывно сеял днём и ночью. Попытка привлечь местных мужиков в помощь не имела успеха, после одного дня работы они больше не появлялись. Помогать в строительстве мне Виталий не разрешал, работы были тяжёлые, и я отсиживалась в машине, выходя только под тент приготовить еду на газовой горелке. Никаких строений, кроме туалета, у нас на участке ещё не было. Но к октябрю перед нашей общей поездкой в Западный Берлин он установил стены

дома, перекрытие, стропила и покрыл кровлю профилированным алюминиевым листом. После бесконечных дождей всё вокруг размокло, и при завершении сезона выехать на машине с нашего участка было невозможно без помощи могучего грузовика. Он тащил нас на прицепе по морю грязи, как щенка на привязи, который не достаёт землю лапами.

В следующем году Виталий настелил полы, а к моему дню рождения установил лестницу с террасы на мансарду. Там, на втором этаже, мы отметили праздник вдвоём с онемевшими от холода руками. В последующие годы, вплоть до продажи дачи, Виталий вложил в неё много труда. Обработал участок, завёз туда чернозём и удобрения, посадил деревья и кустарники, выложил тропинки. Виталий всегда покупал лучшие сорта саженцев, и в результате у нас была смородина величиной с вишню, заросли крупнейшей малины. Для огурцов и помидоров он построил теплицу, и специалисты по сельскому хозяйству не могли поверить, что мы можем выращивать такие крупные и красивые плоды. Чеснок был величиной с мой кулак, а целое поле клубники давало много ягод. Но всё это требовало, кроме труда, ещё и воды, которой на участке не было. Частично потребность в ней восполнялась двумя большими вкопанными в землю ёмкостями под водостоками, которые Виталий установил для сбора воды и купания. Но их не хватало, и приходилось носить вёдрами воду из ручья. За питьевой водой мы ездили с канистрами в деревню и приносили из родника около пруда, где купались.

Картошка была нашей особой гордостью. Приятель по гаражу подарил Виталию немного голландских клубней, и мы засадили ими небольшой участок. Виталий за ними ухаживал — несколько раз он их окучивал, уничтожал колорадских жуков. Урожай был просто фантастическим. При копке мы, к изумлению соседей, засыпали картошкой весь наш двор и не знали, куда её девать, — раздавали и даже часть продали. То же было и с другими овощами — наш мо-

сковский погреб в гараже был заставлен и завален ими, а помидоры осенью занимали всю свободную площадь в квартире.

Ездили мы на дачу с большим удовольствием. Я любила ухаживать за растениями, удобрять, поливать, пропалывать. Особенно любила запах в теплице, когда подрезаешь помидоры и огурцы. Почти все овощи у нас были самыми лучшими на участке, кроме перцев. Они почему-то были хилыми, как я ни старалась. В доме мы тоже славно обустроились с занавесочками на окнах и ковриками у кроватей. На террасе всегда стоял сезонный букет цветов, пахло деревом и свежевывытым полом. Хорошо было спать в просторной избе, по утрам топить печь, жарить блины и пить кофе. Молоко мы покупали в деревне у Никанорыча, умного и обеспеченного мужика. Но даже и у него во дворе, как и во всей деревне, был полный беспорядок и постоянная грязь.

Отдалённость участка от мест цивилизации способствовала сохранению окрестных лесов, которые были полны грибами и лесными орехами. Осенью опять покрывали всю землю в лесу, и мы их срезали в большие мешки из-под картошки. Однажды полный мешок оставили на поляне и, не в силах остановиться, бродили вокруг, подрезая ещё в пакеты. В результате закружились, мешок потеряли и долго искали его в быстро сгущающихся сумерках. Чуть было не сбылась для кого-то моя детская мечта — найти в лесу полную корзину грибов или ягод, в зависимости от сезона. За орехами мы ходили только однажды, но сплошь обсыпанные ими кусты — незабываемое зрелище. Виталий притащил на плечах целый мешок из-под картошки, и мы щёлкали их всю зиму.

Дача в Подмосковье. 1993 год

В год нашего отъезда в Израиль цены на дачи резко упали, но нашу купили быстро, не торгуясь и особенно не рассматривая, такой она выглядела нарядной и ухоженной. Купила её очень приличная на вид пара высоких начальников из МВД, я как-то, уже в Израиле, видела её по ТВ. Из всего оставленного в Москве дачу с деревьями, кустами и растениями мне было жалко больше всего.

Заведование кафедрой

По ряду причин А.А. Гусаков оставил заведование кафедрой и передал её управление своему заместителю В.О. Чулкову, который был оформлен временно исполняющим обязанности. В качестве постоянного заведующего его кандидатура не рассматривалась, и ректор института снова предложил эту должность мне, и после очередного моего отказа около года шёл поиск нового руководителя. Поскольку все кандидаты на эту должность не устраивали руководство института, предложение занять её мне возобновилось. На этот раз я согласилась, считая, что так будет лучше и для меня, и для кафедры.

Первое время приходилось очень многое приводить в порядок. А.А. Гусаков отлично осуществлял общее руководство, но в подробности особенно не вникал, а его заместитель не имел опыта работы в вузах, контактов со всеми необходимыми людьми и службами института. На налаживание чёткой и слаженной работы потребовался примерно год.

Состав кафедры был частично изменён, привлечены сильные специалисты из других организаций, которых я знала по предыдущей с ними работе: В.П. Игнатов, Б.С. Истомин, В.Ф. Яковлев — будущие ведущие профессора кафедры. Кардинально переделан учебный план подготовки специалистов, изменён набор преподаваемых дисциплин, их содержание и т.п.

Лаборатория кафедры быстро оснащалась компьютерами и другим оборудованием, не в последнюю очередь бла-

годаря моим хорошим отношениям с руководством института. На кафедре впервые в институте большая часть документации (учебные планы, распределение нагрузки и др.) была введена в компьютер, что очень облегчало контроль и составление расписаний занятий и отчётов.

Отношения со всеми сотрудниками у меня были нормальными, а с большинством даже очень хорошими, не считая упомянутой выше историей с Ириной Ц. Между тем, коллектив был немаленький, вместе со штатными сотрудниками, совместителями, инженерами лаборатории и аспирантами не менее 40–45 человек. В дальнейшем он пополнялся нашими выпускниками.

*Подпись дипломных проектов.
1996 год*

Американский грант

В первые годы перестройки было множество международных проектов и грантов из-за рубежа. Наш институт получил грант Всемирного валютного банка, который спонсировал семинар по повышению уровня руководства различными структурами. Отобранная для семинара группа состояла из 42 человек из самых разных организаций и городов.

Первая часть работы проходила в Москве. Приглашались лекторы по теме, и я в том числе, проводились дискуссии и тестирование. К этому семинару я раздобыла тесты у одного автора книги по психологии, дающие множество характеристик личности, как в плане пригодности к руководству коллективами, так и по уровню интеллекта. Кроме

того, вся группа проходила большой американский тест на время. Результаты тестирования по нему не обнародовали, но я была в хороших отношениях с зав. кафедрой психологии и узнала всё, что хотела. Что касается меня, я прошла тест хорошо, оказавшись в высшей из трёх групп, правда, не в первых её рядах, заполненных молодыми амбициозными руководителями из провинции. А некоторые наши профессора, не привыкшие к экзаменам и временным ограничениям, оказавшись в хвосте последней группы. Собственно, мы все, в отличие от западных коллег, к тестам не привыкли.

В Америке мы жили в Вашингтоне и занимались в здании Всемирного банка, располагаясь по четыре человека за столиками в большой аудитории. Все материалы для нас распечатывались индивидуально, в перерывах можно было пить кофе или чай. Лекции читали известные специалисты из Гарварда и других организаций с переводом на русский язык. Один сравнительно молодой профессор из Гарварда поразил нас тем, что на первом же занятии называл всех нас по именам. Он признался, что всегда перед лекциями выучивает имена студентов по фото в личных делах, но на этот раз ему было сложнее из-за незнакомого звучания речи и изменения причёсок у женщин.

Размещались мы в прекрасной гостинице квартирного типа. Я жила с соседкой в номере на две спальни с большой гостиной, прекрасно оборудованной кухней, ванной, душем, туалетом и даже комнатой для одежды. Продовольственный супермаркет был поблизости, и нам всем доставляло истинное удовольствие закупать там продукты, которых в Москве тогда и в помине не было, и готовить в микроволновке. В обеденный перерыв мы ходили в так называемые салатные буфеты, где можно было накладывать в коробочки из многочисленных рядов любые продукты по одной цене. Некоторые из наших клали себе исключительно что-нибудь наиболее ценное, например, крабов.

Во время пребывания в Америке нас возили на автобусах в Нью-Йорк и Балтимор, а я ещё самостоятельно летала в Питсбург к Виталиной родственнице Марии Розановой.

В Нью-Йорке я покинула группу и провела время со своей знакомой Мариной. Мы поехали и походили по центральным местам города, а затем отправились на квартиру её бабушки, у которой она тогда жила. После обеда отец Марины ещё покатал нас по городу, мы прошлись по вечернему Бродвею, и я воссоединилась со своими коллегами. Город мне не понравился, я чувствовала себя затерянной песчинкой среди продуваемых ветром «каменных джунглей». Несоответствие застройки с человеческими масштабами действовало на меня угнетающе. Другое дело Балтимор с широкими и просторными улицами и отсутствием толп людей.

Его основная достопримечательность — гигантский аквариум, в котором акулы плавают просто рядом, за стеклом, а великое разнообразие подводного мира не поддаётся описанию. Интересно было посетить и супер-завод по сжиганию мусора, обеспечивающий электроэнергией весь город.

Поездка в Питтсбург была с приключениями. Билет вызвалась купить Муся, поскольку она была уверена, что ей удастся сделать это дешевле. Действительно, мест дешевле не бывает — по дороге туда я сидела около двери без окна на невероятно малом пространстве. Думала, что меньше невозможно, но на обратном пути убедилась, что

США, перед Белым домом. 1994 год

минимализму нет предела. С трудом втиснулась в сиденье, но шевелиться уже не могла. Деньги мои были сохранены (наверное, не так много), помню, что билет стоил 120 долларов, но я, кроме неудобств в полёте, лишена была удовольствия смотреть сверху на страну.

А в том, что зрелище это грандиозное, я убедилась, когда мы летали из Москвы. Перед нашим прилётом выпал снег, и местность выглядела, как хорошо выполненная графическая картина. Не меньшее впечатление произвели и громадные, даже с высоты полёта, океанские валы с белыми гребнями, которые казалось перемещаются в бесконечном пространстве.

Но вернёмся к авиабилету. Я так его и не видела, он должен был прибыть авиапочтой и наверняка прибыл, но мне надо было спросить об этом в информации гостиницы. Между тем они наверняка извещали меня о письме — в телефоне моей квартиры время от времени зажигалась лампочка, но я не сообразила, к чему бы это. Вот она, неопытность! Муся по телефону сказала мне ехать прямо в аэропорт, но там было всё непросто. Аэропорт величиной с город, по которому ходит автобус и метро, я не знаю, куда обратиться, у меня в руках никакой бумажки не было, а по-английски я говорила почти как Герасим из «Муму». Прохожие посылали меня в противоположные стороны, однако всё-таки нашлось нужное место и билет в компе (сейчас-то это неудивительно, но ведь это было четверть века назад!), и я прибыла на место.

Муся устроила мне целый праздник — поездку по городу с её ученицей, которую она обучала игре на фортепьяно (Муся держит небольшую студию), поход в ресторан, в театр, большую вечеринку со всеми её знакомыми (русскими и американскими), прогулки, визиты и прочее. Муся живёт в небольшой квартире из двух комнат в самом центре города в высотном здании. Это социальное жильё, но, не зная этого, я бы определила его как жильё для зажиточных: цветы в вестибюле, ковры в коридорах, чисто-

та. Однако, сидя вечером у громадного окна на большой высоте от земли и наблюдая, как снежинки кружатся над пустым в это время городом среди таких же стеклянных «карандашей», устремлённых в небо, я представила, как одиноко здесь чужому человеку, и испытала небывалый приступ тоски.

Но утро принесло замечательное настроение. Пока Муся готовилась к вечеринке, я прогулялась по магазинам, сделала покупки, в том числе купила классический американский плащ, приведя Мусю в ужас от его цены. Как ни странно, я на своём безобразном английском общалась с американцами, и они меня понимали. Произвела на них впечатление тем, что знала их земляка — известного архитектора Л. Райта. Меня предложили подвезти на его знаменитую виллу, но времени было мало, да и Муся не хотела меня отпускать и действовала в соответствии со своей программой. В Вашингтон я возвращалась, нагруженная подарками. Бархатный жакет от костюма «Диор», который мне подарила Муся, ещё и сейчас хорош.

Надо сказать, что мы многому научились на этом семинаре и, несомненно, расширили свой кругозор. Но и поняли, что наш профессиональный уровень во многом не уступает американскому, чего не скажешь об отношении к работе, её организации и техническом оснащении. Кстати, американские профессора в целом тоже высоко оценивали наши знания, которые проявлялись в выполнении мини-проектов и заданий. Публично они никого не хвалили, но один раз я получила очень лестный отзыв от уважаемого профессора из Гарварда. Не могу не похвастаться, как это было.

Для принятия индивидуальных решений нам обычно предлагали реальную жизненную ситуацию и предоставляли весьма подробный материал по ней. Мы должны были её изучить, проанализировать и принять решение в соответствии с поставленной целью. В одном из таких заданий моё мнение не совпало с мнением всей группы,

и я выступала с обоснованием собственного решения. Оно оказалось именно тем, которое было принято в реальности, и профессор лично высказал своё восхищение моим анализом.

Отъезд из страны

В 1995 году у нас появились основания подумать об эмиграции. Рассмотрев возможные варианты и поняв, что реально мы можем рассчитывать только на Израиль, мы отправились туда на разведку. Тогда ещё для посещения требовалось приглашение от родственников, и нам прислала его дочь подруги Фрины Ю. Фаина. У неё же мы и остановились как почти незваные гости. Стояла июльская жара, в небольшой квартире Фани и её мужа Иосифа не было кондиционера, но мы от этого не очень страдали. Правда, в первую же ночь мы буквально прилипли к раздвижному дивану. Он был новым, и хозяева не сняли целлофан с покрытия выдвигного матраса — забыли, а мы подумали, что в целях сохранности. Над этим потом много смеялись, вообще жили мы весело, ходили вместе на море, Фаня организовывала в нашу честь вечеринки, созывала гостей, чтобы мы получили от них как можно больше информации.

В течение двух недель мы почти каждый день ездили по Израилю с экскурсиями по многим местам севера, центра и юга страны. Очень нам тогда здесь понравилось — солнце, море, цветы, дивные виды, красивые посёлки, изобилие фруктов, овощей и всего остального. После этой поездки было принято окончательное решение покинуть свою страну.

И мы постепенно стали готовиться к отъезду — продавать движимое и недвижимое имущество, наиболее ценные вещи, мои украшения, везти их с собой было запрещено, оформлять документы на провоз картин т.д. Старых картин у нас не было, все — современных художников и друзей-архитекторов, но хотелось сохранить их

как память, хотя морока с этим была большая. Из старых книг у меня было только мамино Евангелие 1904 года, его разрешили вывезти.

Без проблем продали всё, буквально хватали из-под рук в день объявления, а мне ничего не было жаль. По мере опустошения дома укреплялось чувство свободы, освобождения от всего материального. Я любила свою работу и свою кафедру, но в тот момент желала освободиться от всякой ответственности и обязательств. Когда возникало чувство утраты, вспоминала, как ходила по горячему песку пляжа и кромке тёплого моря в Нетании. Машинами отвозил Олег (отец бывшей Мишиной жены) наши вещи и книги к себе домой и на дачу, раздавали кое-что знакомым, что-то оставлялось для родных в Новосибирске. Весной я ещё слетала в Западный Берлин, попрощалась с зарубежными коллегами и попробовала передать сотрудничество другим людям. Восемь лет оно держалось на моих личных связях с Э. Кернхеном, а с другими московскими коллегами работа у него не сложилась.

Практически никто, кроме ректора и нескольких близких мне людей, не знал о моём отъезде в Израиль. Объявление об этом я сделала на прощальном заседании кафедры, и оно прозвучало, как гром среди ясного неба. Заседание состоялось в день моего рождения, стол был празднично накрыт, и меня проводили очень сердечно, высказали много хороших слов и сожалений. Удивил меня А.А. Гусаков, который, как оказалось, раньше меня планировал уехать. Однако это ему не удалось и позже — он рано ушёл из жизни. Одна ассистентка, бывшая моя студентка, девушка строгая и сдержанная, даже заплакала. На этом трогательном моменте моя профессиональная карьера завершилась.

С продажей квартиры получилось не так быстро — рынок жилья был перенасыщен, и цены постоянно снижались. И всё же за несколько недель до отъезда продана была и наша квартира. Какое-то время мы ещё продолжали

в ней оставаться, а потом перешли доживать последние дни в Москве к нашей знакомой Алле Степановне.

Багаж был отправлен заранее, причём в контейнере служащие перебрали каждую вещь и украли при досмотре ценные детали для яхтенного спорта.

Улетали мы вдвоём, Миша уже был в Израиле. В аэропорт нас отвёз отец бывшей Мишиной жены Олег, у которого мы провели последний день, и весь этот день наш внук Миша просил подарить ему немедленно нож Виталия, который был ему обещан только к 12 годам. Наконец, пришлось это сделать, чтобы не расстраивать внука.

Когда самолёт взлетал над Москвой, я услышала, как сидевший сзади меня умный мальчик, глядя на город, сказал:

— Как микросхема.

А я подумала:

«Вот и состоялся переход в другой мир».

Часть третья

У самого синего моря

Глава первая

На пороге тысячелетий

Временные пристанища

Третьего июня 1996 года мы приземлились в аэропорту Тель-Авива.

Вновь прибывших приветствовали представители власти Израиля, вручили все необходимые бумаги и деньги на обустройство. По нашему желанию нас доставили до Эйзора вблизи Нетании. Там жили знакомые — Фаина и Иосиф, у которых мы остановились на первое время. Хозяева предоставили нам отдельную комнату, и мы начали входить в новую жизнь. Она поначалу была беззаботной: каждый день ходили на море, готовили вместе вкусную еду, отмечали семейные события. Через две недели после приезда отпраздновали сначала день рождения хозяина квартиры Иосифа, а потом тридцатилетие нашего сына Миши, который прибыл раньше и поселился в Тель-Авиве.

Жили мы дружно, однако наше пребывание у гостеприимных хозяев затянулось больше, чем всем хотелось бы. Причина в том, что мы решили сразу купить собственную квартиру, и это оказалось непросто. В Нетании нам не очень нравилось, да и квартиры здесь были дороже,

Юбилей в Нетании. 1997 год

чем в других местах. Почти целый месяц Виталий был в поисках, ездил и ходил по жаре с утра до вечера. Чуть было не купили квартиру в Нагарии, но хозяйка агентства по съёму и продаже жилья посоветовала нам не спешить и пожить хотя бы год в городе, где мы собираемся обосноваться. Это был чуть ли не единственный дельный и бескорыстный совет, полученный нами в Израиле от заинтересованного лица, и мы вспоминаем её с благодарностью.

Где мы будем жить, ещё не было решено, и Виталий переключился на поиски съёмной квартиры в Нетании. Найти подходящую квартиру тоже было сложно: город популярный, небольших квартир немного, требовались гаранты. С трудом нашлась двухкомнатная квартира на первом этаже — грязная и с тараканами. Отмывали её целый день, травили насекомых, и от химических средств я сильно отравилась. Мне было очень плохо, и той ночью я впервые подумала: зачем я здесь и почему занимаюсь уборкой чужих квартир? Утром взошло солнце, мне стало легче, ушли ночные сомнения, мы почистили садик под окнами и стали обживать. Устроились по-спартански, но довольно уютно. Купили ткань и закрыли старую мебель,

потом получили из Москвы контейнер с нашими вещами, и жильё приобрело более или менее приемлемый вид.

Дом, в который мы попали, был социальным жильём для выходцев из Марокко. Они считают себя истинными евреями и традиционно плохо относятся к выходцам из России. Одной из причин этого — несравненно более высокий уровень образования наших людей, вызывающий зависть и недоверие. Если человек из Марокко оканчивает какие-нибудь трёхмесячные курсы, он уже считает себя специалистом и ни на какие грязные работы не согласится. Они предпочитают сидеть целыми днями в лавочках и всякими путями обеспечивать свою жизнь. Народ из России торговать не привык и брался за любую работу, особенно в первые годы приезда. Нередко бывшие доценты мели улицы, а бывшие врачи работали сиделками.

В доме нас встретили неприветливо. Хозяйка квартиры воспользовалась нашей неопытностью и незнанием языка и вписала в договор о съёме неблагоприятные для нас пункты. Но это был не худший вариант, так или иначе обманывают почти всех вновь прибывших. Соседка сверху немедленно пришла требовать полотенце, которое якобы упало на наш балкон, и мы его присвоили. Никакие полотенца на нас не падали, но я для погашения конфликта предлагала ей свои на выбор. Их она не брала и ещё долго к нам приставала, звонила в дверь, что-то кричала из окна, как только мы появлялись на улице. Хорошо, что мы тогда её не понимали, но было ясно, что это отнюдь не приветствия.

Сосед из смежной квартиры был, напротив, очень дружелюбен и даже заинтересован в знакомстве с нами. Он был инвалидом, не выходил из дома и, вероятно, страдал от одиночества. Но, несмотря на заманчивое для нас обещание помогать с изучением иврита, мы не пошли на сближение, зная, что наше пребывание здесь не затянется надолго. Да и времени на общение практически не было. До обеда мы занимались ивритом в ульпане, а после

обеда к нам каждый день приходили новые знакомые Люба с Романом, чтобы вместе делать домашние задания, потом шли на море, а вечером гуляли по набережной.

После окончания ульпана мне предстояло принять решение: стоит ли мне устраиваться на работу. По возрасту я была свободна от этой обязанности и могла рассчитывать на пособие. Но для лиц, имеющих учёные степени, была возможность получать в течение 3–5 лет так называемую стипендию Шапиро. Имеющих такую стипендию брали на любую подходящую по профилю работу, поскольку содержание сотрудника полностью или частично оплачивалось государством. Я оформила все документы, получила подтверждение степени и разрешение на получение стипендии.

Естественно, я и близко не могла рассчитывать на получение работы, сравнимой с моим прежним статусом. Не было и экономических причин: разница в деньгах между стипендией и пособием никаким образом не могла восполнить предстоящую занятость и большую психологическую нагрузку. Но всё-таки поехала в архитектурную фирму, от которой получила приглашение на собеседование. Поговорила с владельцем, кстати, моего иврита на это хватило, посмотрела чертежи, поняла, что легко бы справилась, но это была постоянная рутинная работа за компьютером, что меня совсем не привлекало. Обсудили на семейном совете все позитивные и негативные стороны трудовой деятельности в местных условиях и решили, что начинать мне её не стоит.

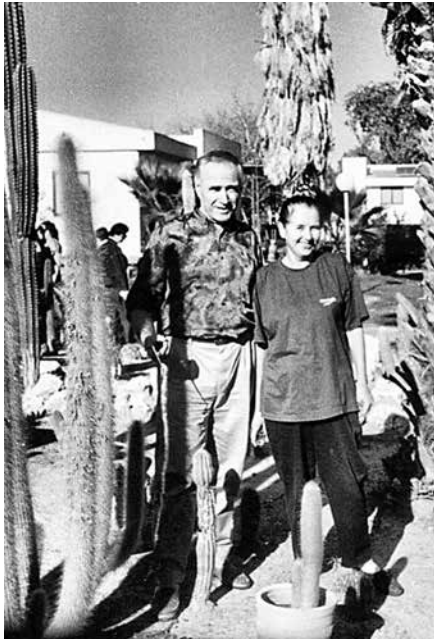
В Нетании отметили моё 60-летие, и город преподнёс мне к юбилею роскошный подарок. Однажды по дороге к морю Виталий нашёл старинный серебряный браслет грубой работы с восемью голубыми камешками. Выглядел он совершенно заурядно, но подходил к моим джинсовым одеждам, и я его себе оставила. Однажды обратила внимание, что камешки при солнце испускают лучи, как бриллианты. Проверили, поцарапав ими стекло, на нём

остались борозды, что подтвердило наши предположения об их благородном происхождении. Вес каждого камешка составлял примерно по 0,2 карата и в общей сумме был даже немного больше, чем вес бриллиантов в моём кольце и серьгах. Их вывоз был запрещён, и мне было жалко с ними расставаться. Через несколько лет в Помпее Виталий нашёл ещё одну драгоценность — золотую серьгу с крупной жемчужиной — и решил из всего этого сделать мне подвеску «Находка». Он вынул бриллианты из браслета, и я их куда-то спрятала. Много раз потом я начинала искать, но так и не нашла, наверное, выбросила с какой-нибудь сумочкой. Но на этот раз мне их совсем не было жалко, прошло их время.

Ульпан

Сразу после переезда на съёмную квартиру мы пошли на пятимесячные курсы по изучению иврита (ульпан). Нашей замечательной учительнице Малке, говорившей только на иврите, удавалось объяснять материал предельно понятно, и воспринимался язык легко. Иногда возникал школьный синдром: не хотелось ходить на занятия и делать уроки, но в общем учёба у нас шла успешно, мы оба были в числе лучших. Но стимула хорошо овладеть языком не было — работать мы не собирались, а необходимый уровень для общения, как нам тогда казалось, ульпан давал.

Другие лекторы, уже на русском языке, знакомили нас на уроках со страной, её обычаями, религиозными основами иудаизма. Нас водили в синагогу на праздники, возили на экскурсии, на встречи с израильтянами. По этой программе мы посетили Иерусалим и Тель-Авив и познакомились со многими знаковыми местами еврейской истории. Побывали и в двух кибуцах: Негба на юге страны и Эйон на севере. Там на рассказывали об истории создания поселений, об их борьбе за территории во время войн с арабами, о судьбах отдельных людей. В кибуце Негба налюбовались на коров, дающих больше всех в мире

В кибуце Эйон. 1997 год

молока благодаря технологии кормления и содержания.

Там нам устроили концерт русскоязычного барда и встречу с репатриантами, давно живущими в Израиле.

В кибуце Эйон мы катались на осликах. Меня мой ослик не слушался и постоянно останавливался, чтобы поесть колючек, а Виталий ездил без проблем. Зато в керамической мастерской кибуца я сделала мозаичный барельеф с рыбкой. Ночевали мы в домиках для гостей, за-

втракали и ужинали в общей столовой вместе с кибуцниками и немного прониклись общинной атмосферой.

Квартира в Хайфе

Между тем Виталий упорно продолжал поиски квартиры. Предложений тогда было очень мало, и мы опасались, что нам не удастся найти что-то подходящее за целый год. В начале в круг наших поисков была включена Нагария и крайоты, а потом искали только в Хайфе, где решили поселиться. И случай, удовлетворяющий почти всем нашим пожеланиям, всё-таки подвернулся, причём у моря в самом желательном районе Бат Галим, что в переводе означает «Дочь волн».

Дом входит в комплекс, называемый «Бригада», и построен после Второй мировой войны правительством Англии для евреев, воевавших в их легионе. Он состоит из 7 рядов трёхэтажных домов по 2 дома в каждом ряду.

Квартира наша располагается на последнем этаже, и нам сначала это не понравилось. Но когда мы в неё зашли, то этот недостаток показался преимуществом: во всех окнах много неба, а с балкона открывается обширный вид на гору Кармель. Квартира всегда принадлежала одному хозяину и поэтому была в относительно хорошем состоянии. Серьёзного ремонта не требовалось, побелили и заселились.

Миша переехал из Тель-Авива в Раанану, где начал работать. Работу ему даже не пришлось искать, она сама его нашла. В то время был большой спрос на программистов, и как только Миша появился в сети, его заметили и пригласили в стартап, занимающийся разработкой компьютерных игр для детей.

А мы начали устраиваться на новом месте. Миша отдал нам свой компьютер, начав череду передачи в наши руки мобильных телефонов, дисплеев и смартфонов, которые он постоянно заменял на самые современные.

В доме засветился голубой экран, вскоре появился второй компьютер, и я почувствовала себя почти как в Москве.

Виталий целыми днями пилил, строгал и сверлил, создавая много шума. Все соседи относились к этому с пониманием, кроме живущей на первом этаже Ханы. Она обратилась в полицию с жалобой на то, что у нас в квартире устроена мастерская, и мы продаём мебель. Отчасти по поводу мастерской она была права. Виталий один за другим купил два подержанных, но добротных мебельных гарнитура, реставрировал их и один передал Мише.

Пришёл симпатичный, вежливый участковый, попросил разрешения войти и остался у нас надолго. Виталий показал ему свои поделки, тот восхитился, они разговорились, и дело кончилось тем, что полицейский стал советовать, где можно брать хороший материал бесплатно. Потом побеседовал с соседкой, но ему не удалось её убедить, что мы вправе заниматься ремонтом.

Хана всех выходцев из России воспринимала как «по-наехавших» и, сидя у входа в дом, в разговорах с соседками громко их ругала, и нас в том числе. Мы, понимали её речи, но, желая сохранить нормальные отношения, как ни в чём не бывало продолжали с ней здороваться. Я при встречах ещё и разговаривала, а Виталий однажды даже хотел её наградить за такой «доброжелательный» соседский приём. Во время праздника Пурим он получил в подарок в больнице Рамбам довольно объёмистую коробку со сладостями и сожалел, что не догадался отдать её Хане, сидящей на улице, как всегда, с совершенно несчастным видом. Я была возмущена его намерением, но в душе понимала, что это было бы великодушно.

Под покровом Ильи Пророка

Ещё в Нетании я искала возможность присоединиться к христианской общине. Меня тоже искали — посетили какие-то миссионеры, я так и не разобралась, к какой конфессии они относятся. Подарили мне Библию, от неё я не отказалась, поскольку моя ещё была в багаже по пути в Израиль. Узнала об общине «Евреи за Христа» и посетила её. Местом их служения была вила на окраине Нетании, а паства состояли из двух групп: англоговорящих и русскоговорящих. На службе псалмы высвечивались на экране, проповедник пел под гитару, а чаша с причастием передавалась по рядам из рук в руки. Обстановка вполне приятная, но, по моему восприятию, не духовная.

Вскоре после переезда в Хайфу я узнала, что здесь есть церковь Ильи Пророка. Он, как известно из Ветхого Завета, жил на горе Кармель, которая ближе всего подходит к морю одним из своих отрогов как раз вблизи нашего дома. Здесь же находится и его пещера; может быть, поэтому зимой грозы здесь такой небывалой силы, что от их раскатов трясутся стёкла в окнах.

Мне сказали, что церковь находится в районе проспекта Наси, точного адреса я не знала, но была уверена, что

найду её легко — обычно купола и кресты видны издали. Однако с улицы ничего похожего не просматривалось, и я прошла несколько раз мимо, прежде чем нашла незаметную калитку на территорию храма.

За забором неожиданно открылся вид, сразу восхитивший меня своим обширным свободным пространством со старыми красивыми деревьями, окружающими маленький белый храм со стройной колокольней. Дверь храма была открытой, я вошла в главный придел, оказавшийся довольно просторным, несмотря на небольшие размеры и отсутствие подкупольного пространства. Пришла я рано, народ ещё не собрался. В ожидании службы присела на скамью и поднялась при появлении священника, он мягко сказал:

— Сидите, сидите, — и опустился рядом.

Мы поговорили. Я узнала, что храм принадлежит Московской Патриархии, и обрадовалась, что нашла островок российского мира в новой для меня стране.

Познакомилась с женщинами, не очень слаженно, но старательно певшими в хоре. Они же, за неимением опытных чтецов, читали часы. Я тоже стала их читать, поскольку с детства знала нужные ударения, слушая, как мама, стоя в своем уголке, вполголоса говорила:

— Иже на всякое время и на всякий час....

После службы хор и другие прихожане часто пили в саду кофе, варить который матушка Ирина, будучи по происхождению арабкой, большая мастерица. Говорили на разные темы, а о. Мирослав с присущим ему остроумием всегда шутил. Мы ездили с ним в поездки на Иордан, в Хеврон и в другие святые места.

Многие годы я ходила в церковь пешком зимой и летом, поднимаясь от самого моря на высоту примерно 400 м. по лестницам через район, заселённый арабами. Местные жители уже привыкли к моему регулярному мельканию, и некоторые приветливо здоровались. Подъём занимал примерно час с четвертью, в продолжение его все

житейские дела оставались позади, и я всегда приходила в храм в отличном настроении. Обратный путь под гору много легче, особенно я любила возвращаться домой после ночных рождественских и пасхальных служб в полном одиночестве по совершенно пустому городу.

Иконописание

В Великий пост 1998 года, на первой неделе Торжества православия и иконопочитания я узнала, что среди наших прихожанок есть женщина из Москвы, пишущая иконы. В то же мгновение я решила, что стоит попроситься к ней в ученицы. Но моя землячка Шеля к тому времени уже перестала этим заниматься и отказалась взять меня в свои ученицы по причине своего малого умения. Однако пообещала поговорить с монахиней Параскевой из Назарета, у которой училась сама. Не ожидая результатов её переговоров, я начала подготовку. Собирала образцы, покупала книги, Миша по моей просьбе распечатал целую гору литературы по этой теме.

Монахиня Параскева живёт в Благовещенском монастыре местной епархии Антиохийской Патриархии. Монастырь расположен в южной стороне Назарета на большом живописном гористом участке, где имеется храм, дом для насельниц, гостиница для паломников и хозяйственные постройки. Монахинь в то время было восемь, теперь осталось только четверо, и все преклонного возраста. Две из них занимались иконописанием, остальные шили одежды для священников.

Родные сестры Параскевы оказались после революции в Финляндии, но сохраняли язык и русскую культуру в надежде возвратиться. Она получила хорошее образование, знает несколько языков и многие десятки лет пишет иконы, которые ей заказывают и местные храмы, и монастыри, и люди со всего света. Пишет она в стиле традиционной русской иконописи с соблюдением древних технологий.

Сестра Параскева разрешила мне приехать со своими рисунками, чтобы понять, можно ли меня брать в ученицы. Посмотрев мои смелые эскизы икон, она сказала, что это неиконописная техника, но взять меня согласилась. Собственно, я не была у неё настоящей ученицей, поскольку не начинала с азов и упраж-

Монахиня Параскева. 2010 год

нений (хотя стоило бы!), а сразу начала писать иконы. Приезжала я к сестре Параскеве довольно часто, получала наставления и продолжала усердно рисовать дома.

Мне нравилось туда ездить по дороге с красивыми видами, нравилась атмосфера монастыря и просторная, прохладная иконописная студия. По её стенам развешивались готовые иконы, ждущие, когда их заберут заказчики или купят посетители монастыря. В студии был идеальный порядок: все необходимые материалы для иконописи хранились в закрытых шкафах, на полках размещалась большая библиотека книг на разных языках и иллюстративные материалы. Я тоже немного принимала участие в их упорядочении.

Кроме сестры Параскевы, в студии работала ещё одна монахиня, симпатичная и приветливая сестра Теодора. Писала она в другом стиле, но тоже очень профессионально. У каждой из них были свои заказчики и ученики, но, несмотря на то, что места было достаточно, они почти никогда не пересекались во времени. Оценивать работы

было не принято, но добрая сестра Теодора говорила мне иногда на английском (она из Америки): «Очень хорошо».

Сестра Параскева не только не брала с меня денег за обучение, но и снабжала необходимыми материалами, которых в Израиле нет или их трудно достать. Доски красного дерева поставлялись из Африки, лаки — из Франции, пигменты и золото из Германии.

Обычно я приезжала в монастырь утром и оставалась там почти на весь день. Сестра Параскева покидала меня на обед и отдых, я в это время тоже пила чай и гуляла по саду. Для освоения техники наложения листового золота на левкас (клееево-меловая основа иконы) я оставалась ночевать в гостинице монастыря. Ночью, чтобы не пропустить время наклейки золота, часто вставала и пробовала лак «на отлип». Утром ходила в храм на службу, поливала цветы и помогала в садовых работах.

С сестрой Параскевой мы быстро подружились, рассказывали друг другу о своей жизни, она бывала у нас в гостях. Я делала первичную редакцию её романа «Потомки странников», который был основан на биографических данных автора и вышел в свет в Москве, в издательстве «Русский путь», в 2021 году. Мне также довелось быть одной из её учителей, когда у неё появился компьютер. Виталий тоже учил её и русскоговорящую монахиню Ирину работать на компьютере, и они с большим старанием осваивали новую для них область. Он купил для монастыря всё нужное оборудование, установил и загрузил необходимые программы.

Однажды мы с Виталием поучаствовали и в другой работе: собирали урожай маслин в монастырском саду. С целью сохранения деревьев здесь их не трясли, как это принято, а собирали маслины руками. Дело оказалось не таким лёгким, приходилось стоять высоко на лестнице, руки постоянно подняты вверх и царапаются окружающими ветками, а в глаза сыпется какая-то труха. Но всё равно мы поработали с удовольствием. Потом сестра Па-

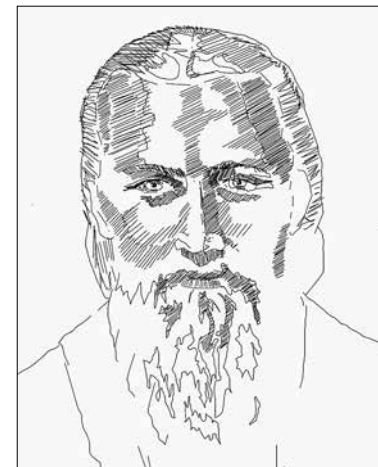
раскева вручила нам в подарок оливковое масло, конечно, не из собранных нами маслин, но от здешних производителей.

А Виталий взамен часто передавал монахиням солёную лососину.

Однажды мы ездили туда с Мишей, ему было интересно посмотреть на монастырь и иконописную студию. Мише понравилась написанная сестрой Параскевой икона «Вседержитель» ещё и тем, что доска была с закруглёнными углами. Он очень внимателен к таким мелким деталям. Как-то я делала эскизы лика для иконы св. Иоанна Кронштадтского и никак не могла добиться сходства с оригиналом, что было пожеланием заказчика. Миша мгновенно сделал карандашный набросок, который и лёг в основу иконы.

Моему увлечению иконописанием способствовал и Виталий. Он выполнял предшествующие рисованию трудоёмкие работы: нанесение шилом сетки на доски, шлифовка левкаса и доводка его до зеркального блеска на местах, где накладывается золото. Для икон, которые я передала в наш храм Ильи Пророка, Виталий сделал несколько неплохих окладов.

Первое время я работала с необычайным рвением часов по пять ежедневно. Ночью просыпалась и не могла дожидаться утра, чтобы продолжать. После приобретения некоторых навыков немного успокоилась, но продолжала работать в большом темпе. Я писала иконы не только для нашего храма, но и для других церквей и монастырей в Израиле и за рубежом, для родных и знакомых, по заказам частных лиц из разных стран. Большинство заказов

Эскиз к иконе св. Иоанна Кронштадтского. 2014 год

я получала через сестру Параскеву, она же их и продавала. Иконы я писала активно, в общей сложности, примерно 17 лет. К 2015 году мной написано около 140 икон, которые находятся в нескольких десятках городов, в 14-ти странах мира, том числе во многих странах Европы, Америки, Австралии. Большой честью для меня является то, что мои иконы есть у главы греческого епископата в Назарете и у патриарха маронитов в Ливане.

Семейные события

Первой гостьей в нашем доме была моя старшая сестра Зоя. Она не хотела, чтобы её опекали, и почти всюду ездила и ходила одна. На автобусной экскурсии в Иерусалим она попала в сильную бурю и дождь. Улицы Старого города заполнились водой, и это, по словам Зои, было страшно. Но она была выносливой и терпеливой, и была даже довольна, что попала в такую экстремальную ситуацию. В Хайфе она целыми дни проводила на пляже, загорала, вязала нам шерстяные носки, чем привлекала всеобщее внимание, здесь на пляже никто этим не занимается. Дома пекла вкусные пироги и плюшки, до которых мы с Виталием большие охотники. Зоя пробыла у нас два месяца, почти до Нового года. Виза у неё была только на месяц, и нам потребовалось немало усилий, времени и денег, чтобы её продлить.

Провожала я Зою с приключением. Мы выехали последним автобусом в аэропорт Бен Гурион, чтобы дожидаться там раннего утреннего рейса в Новосибирск. Было темно, народу мало, и водитель не объявлял остановки. Я не беспокоилась, думала, что увижу освещённый огнями аэропорт, но как-то пропустила. И не только я, но и ещё двое пассажиров оказались в таком же положении. Когда я сообразила, что мы едем слишком долго, оказалось, что мы уже близко к Иерусалиму. Водитель не мог возвратиться, но пообещал нас отвезти обратно на своей машине за 100 долларов. Девушка-солдат, находящаяся в автобусе,

услышала мой иврит и робкую речь, подошла к водителю, доказала, что он виноват, и потребовала доставить нас в аэропорт бесплатно. Она также предупредила, что завтра позвонит в компанию и проверит, как всё закончилось. Это испугало водителя, и он пристроил нас на автобус, следующий в аэропорт. Девушка контролировала все его действия и сама таскала Зоины тяжёлые вещи. Жалко, что я в волнении не спросила, как её зовут, но вспоминая с благодарностью.

Хорошо, что запас времени у нас был, мы благополучно пересидели в аэропорту остаток ночи, а когда Зоя зарегистрировалась на рейс, я уехала домой. Возвратилась без сил и, потеряв бдительность, оставила ключ в дверях снаружи. Узнали мы это только через два дня, т.к. всё это время не выходили из дома.

А Зоины злоключения на этом не закончились. Отлёт отложили на целый день, который она должна была провести в кресле после тревожной бессонной ночи и без еды, — денег у неё не было, а компания расщедрилась только на стаканчик кофе с булочкой.

Гостья улетела, и мы возвратились к нашему обычному ритму жизни. В тот период мы увлекались разными спортивными занятиями. Расположение нашего дома этому очень способствует. В относительно прохладное время года мы с Виталием почти ежедневно ходили по туристической тропе, проложенной вдоль моря. Её протяжённость составляет 25 км, но мы по всему маршруту не проходили, осиливали только 10 км.

Многие годы регулярно поднимались по тропе мимо пещеры Ильи Пророка на гору Кармель, на высоту около 400 м. Были у нас и более дальние походы по 28–30 км. Один из них через гору Кармель по лесу до города Тират Кармель и обратно по берегу моря мимо водоёмов для разведения рыбы и далее по пляжу.

Второй маршрут — до северной границы Израиля Рош ха-Никра. До города Нагарии доехали на поезде, а дальше

шли пешком примерно 14 км в одну сторону. При возвращении случился опасный эпизод. Дорога пустынная, по ней редко кто ходит и ездит, вблизи арабские поселения. Мы шли по обочине, а навстречу нёсся мотоциклист, похоже, что у него было первоначальное намерение наехать на нас, но передумал и пролетел мимо.

Виталий был постоянным членом теннисного клуба, пытался приобщить и меня, но не получилось. В клуб он ездил на велосипеде, совершал на нём и дальние поездки по окрестностям Хайфы.

Море у нас рядом, и ежедневные купания сразу вошли в наш распорядок дня. Первое время проживания в Израиле мы купались круглый год, потом стали пропускать зимние месяцы. Часто ходили купаться в неположенные места, где не было людей, но не было и спасателей. Это казалось нам безопасным, но во время сильного волнения я очень тревожилась за Виталия, заплывающего очень далеко.

Однажды, когда он был в море, на берег пришёл человек с большой собакой. Она начала на меня прыгать и до крови исцарапала мне руки. Хозяин даже не извинился, спокойно сказал, что ничего страшного, у собаки есть прививки.

Мы много ездили по стране: побывали в Хамат-Гадере, Акко, Эй-н-Ходе, Кейсарии, Реховоте, Тверии, на Голанах, на озере Кинерет и, конечно, неоднократно на Мёртвом море, заезжали и к друзьям в Нетанию.

В Хамат-Гадере на границе с Иорданией хорошо сохранился комплекс римского периода с купальнями с минеральной водой разной температуры. Мы посетили его зимой и так долго наслаждались горячей водой, что все почувствовали сильную усталость. В развлекательной зоне там устраиваются сеансы с красивыми тренированными попугаями, имеется питомник со множеством крокодилов. Но если бы мне и заплатили, и тогда не пошла бы смотреть на эти чудовища.

Со своим церковным коллективом я побывала в Хевроне и ряде монастырей. В Хеврон ездила с о. Мирославом и его семьёй в микроавтобусе. Город находится на арабских территориях, но нас не остановил ни один патруль. Монастырь Святой Троицы в Хевроне (подворье в честь святых праотцев) построен на месте встречи Авраама с Господом, явившимся ему в виде трёх ангелов. Там находится Мамврийский дуб, под которым Авраам с Сарой принимали гостей. Этому событию посвящена знаменитая икона А. Рублёва «Троица», с которой я неоднократно делала списки в своём иконописном прошлом. В год моего посещения от древнего могучего дуба оставался ещё сухой ствол и пробивались зелёные побеги.

Миша тоже постоянно куда-то выезжал: в деловые командировки в Швейцарию, на прогулки с друзьями в Голландию, на машине по Германии и Чехии, на лыжный сезон во Францию. Часто посещал Синай, летал туда самолётом на конец недели или автобусом на более длительный срок. Ему нравилось жить в хижине на берегу Красного моря, кататься на водных лыжах или на кайте, которым он одно время увлекался.

Как-то Миша пригласил нас съездить с ним и его подругой в Акко, и там случилось небольшое приключение. Мы до вечера задержались в старой части города и оказались единственными туристами на почти тёмных узких улицах, которые неизвестно где начинаются, как называются, куда идут и чем заканчиваются. Ориентироваться в переулках, дворах и тупиках старого города совершенно невозможно, и мы окончательно заблудились. На улицах сидели одни мужчины, покуривающие кальяны и поглядывающие на нас со скрытым интересом. Самое смешное, что мы не знали, что спрашивать, так как не знали, как называется место, где Миша оставил машину. Я, наслушавшись страстей про арабов, была немного напугана, но в конце концов всё закончилось хорошо, какой-то старик указал нужное направление.

Друзья-приятели

Первыми нашими друзьями в Израиле были Фаина и её муж Иосиф. Фаину Виталий знал в детстве, их матери дружили, но в последующие годы они встречались редко. Фаина самая остроумная и артистичная женщина, каких я встречала в жизни. Над её рассказами на любую тему я постоянно хохотала до слёз, когда мы жили у них в первый месяц по приезде в Израиль. Иосиф, спокойный и сдержанный, тоже иногда самым обычным голосом между делом выдавал фразы, которые помнятся и сегодня. Он, далёкий от христианства, удивлял меня пристальным вниманием к моему иконописному творчеству.

С четой Фрейдлиных — Сашей и Дилей мы тоже подружились в Израиле, хотя были давними знакомыми ещё в России. Они жили в Феодосии, Саша был коллегой Виталия по работе, и в своих поездках в Крым мы иногда заезжали к ним в гости. О том, что они репатриировались в Израиль, мы узнали случайно, нашли адрес по специальной службе поиска и, к обоюдной радости, встретились. В Хайфе мы были близкими соседями и постоянно бывали друг у друга в гостях, вместе ездили на экскурсии, играли в теннис, плавали. После моря иногда заходили к нам на завтрак, съесть на балконе горячую пиццу моего производства, которую Саша очень любил.

Сейчас их уже нет с нами, оба ушли из жизни, причём Саша внезапно — остановилось сердце, когда он гулял по набережной. Саша был человеком спортивным, тренировал теннисистов, мы вместе совершали далёкие прогулки, он много ходил, плавал, даже после того, как перенёс открытую операцию на сердце. Диля пережила мужа, но все эти годы с ней происходили сплошные несчастья. Она перенесла инсульт, восстановилась после него, затем и у неё была операция на сердце. После неё она тоже возвратилась к приемлемому физическому состоянию, но утратила интерес к жизни. Дважды совершала попытки самоубий-

ства, и дважды медицина возвращала её из небытия, но её здоровье было окончательно подорвано.

Роман и Люба стали нашими друзьями в ульпане в первые месяцы нахождения в Израиле, и с тех пор наша дружба не прерывается, несмотря на то, что они живут в Реховоте. Роман успешно работает по специальности, Люба — художница, рисует для собственного удовольствия.

В отличие от нас, либералов и демократов, Роман позиционирует себя как еврейский националист. Из-за разности политических убеждений у них с Виталием часто возникали споры, переходящие на личный уровень. Я предложила пресечь эту практику, и теперь оба при разговоре обходят острые углы.

Люба, русская и христианка, перешла в иудаизм. Она как истинная неопитка трепетно соблюдала правила и в нашем доме, читая вслух молитвы перед едой. Протеста это не вызывало, но для равновесия я предложила читать ещё и «Отче наш». Такой вариант молчаливо не был принят, и мы возвратились к исходному состоянию.

В израильском обществе такое смешение религий в компаниях происходит часто, но в среде образованных людей помехой не является. Так, вся компания друзей Ирины Абелевой, нашей подруги, состояла исключительно из врачей-евреев, не получивших религиозного воспитания. Только один из них стал в Израиле сугубо ортодоксальным, ел за столом принесённую с собой кошерную пищу, и это никому не мешало. Познакомилась я с Ириной, когда впервые пришла к ней на приём как к семейному врачу. Спросила, не родственница ли она моему бывшему коллеге по институту Марку, оказалось, что родная сестра. Она была в ту пору одинокой, мы пригласили её на встречу Нового года и с тех пор подружились.

У неё мы встречались с теми из российских успешных врачей, кто добился здесь подтверждения бывшего статуса. Это очень непростая процедура, и не всем это не удаётся: кто-то и раньше не был в своём деле силен, кто-то не

мог в нужной степени освоить иврит и английский. Ирина легко получила разрешение на работу врача и открытие собственной клиники благодаря своему диагностическому таланту.

Будучи стажёркой в больнице Рамбам, она имела смелость спорить с профессорами и оказывалась права, что было замечено и оценено. Ирина признавалась, что ставит диагноз в тот момент, когда видит больного, а потом только находит подтверждение и тянет время, чтобы это нормально выглядело. Кстати, Виталию она поставила диагноз почти за десятилетие до того, как болезнь обнаружилась. Сказала мне об этом, но я не захотела верить. Пациенты её, мягко говоря, не очень любили. Она была немногословна и неласкова, но коллеги ценили её профессиональный уровень, и она была семейным врачом у многих из них.

Мне Ирина нравилась своей прямоотой и искренностью. Потом она встретила Ефима, тоже врача и тоже москвича, и вышла за него замуж. Он нам понравился, мы часто встречались, помогали им обустроить новую квартиру, вместе ездили в лес на шашлыки, вместе ели конфеты, приносимые пациентами.

Наша дружба с Ириной оказалась непрочной и распалась по причине, о которой здесь долго рассказывать и трудно объяснить. Так сложилось, что не мы должны были делать первый шаг к примирению, но были к нему готовы и ждали целый год. Не дождались, сменили семейного врача, а вскоре Ирина уехала в Америку. Виталий иногда встречается Ефима в больнице Рамбам, где тот работает, и они вполне доброжелательно беседуют.

С нашей подругой Марикой мы познакомились на курсах иврита в Хайфе. Она была единственной в группе не русскоговорящей и самой симпатичной. Нам она понравилась, мы пригласили её домой и подружились. Дружить с ней легко, она общительная, позитивно настроенная, правдивая и без комплексов. Говорим мы с ней, в основ-

ном, на иврите, и поскольку он у нас примерно одинакового уровня, мы прекрасно понимаем друг друга. Правда, в сложных случаях прибегаем к английскому или немецкому языкам. Она родом из Голландии, окончила французскую Академию художеств в Париже. Её муж Эд тоже был художником и до пенсии преподавал в WIZO (Хайфская академия дизайна и образования). У них собственное поместье с большим домом и отдельно стоящей мастерской на обширном участке в престижной деревне художников Эйн-Ход, расположенной вблизи города. Вокруг естественный лес, что большая редкость для Израиля. Несколько лет назад он пострадал от крупного пожара, но сейчас уже почти восстановился. Пожар подошёл непосредственно к дому Марики и был остановлен, иначе бы сгорели все их картины. Другие художники этой участи не избежали.

С Марикой мы дружим уже четверть века, часто встречаемся, вместе ездили на Голаны, на Кармель за грибами и спаржей, на Кинерет. Правда, купание мне там не понравилось. Берега так замусорены, что я зашла только потому, что невозможно было не погрузиться в библейское Геннисаретское озеро, с детства бывшее на слуху.

Жак

В Хайфе мы искали возможность продолжить изучение иврита. Присоединились к группе, спонсируемой Сохнотом, но её вскоре закрыли из-за недостатка финансирования. Случайно узнали, что в соседнем клубе ведутся занятия по языку под руководством энтузиаста-волонтёра Жака Куно — историка, писателя, общественного деятеля. В 90-е годы он учил ивриту евреев Украины и по возвращении продолжил преподавание репатриантам в клубе района Бат Галим в Хайфе. Каждый вторник в течение 20 лет он приходил на урок почти до самого ухода из жизни в 2022 году. Группу составляли в основном выходцы из Украины, но принимались все желающие. Своих учеников Жак старался не только научить говорить на иврите,

но и приобщить их к истории и культуре страны, объяснить политическое устройство и состояние общества. Он был прирождённым учителем: артистичный, прекрасный и остроумный рассказчик. Когда я впервые пришла на урок, он серьёзно, без улыбки сказал мне:

— Обучение стоит 5 шекелей в месяц, но можно разбить на платежи.

Иногда уроки проводились на улицах нашего района, имеющего богатую историю. Он приглашал всю группу к себе домой для встреч с интересными людьми: политиками, писателями, дипломатами, единомышленниками по партии «Мерец» — единственной либеральной левой партии в Израиле, за которую мы с Виталием всегда голосуем.

На занятия постоянно приходило человек 15–20, их состав с годами менялся. В дни моего обучения в группе царила радикальная националистическая настроенность, свойственная большинству бывших «совков». Хорошо, что Жак не понимал крайне агрессивных высказываний своих учеников. Виталий первый не вынес такой атмосферы и покинул группу. Я держалась дольше, но и моего терпения не хвалило, к тому же и ко мне стали относиться враждебно, когда узнали, что я не поддерживаю их политических взглядов, да ещё и из нелюбимой ими Москвы. Маловероятно, что Жаку, несмотря на все его таланты, удалось за все годы работы на этом поприще переубедить хотя бы одного нашего человека с советской закалкой. Жалко было покидать невосполнимые уроки Жака, но с ним самим я почти ежедневно встречалась на набережной. Он всегда гулял один, заложив руки за спину, подбирал по пути мусор и относил в урны. Мы приветствовали друг друга, но говорили мало, перекидывались лишь парой фраз. Я с ним стеснялась говорить на иврите.

Жизнь Жака была полна драматическими событиями. Он родился в Бельгии, и там во время Второй мировой войны, как и в других оккупированных Германией странах, евреи оказалась в смертельной опасности. Некото-

рые отдавали своих детей в христианские семьи, чтобы сохранить им жизнь. По своей инициативе священник Ян Брюйландтс и его жена взяли двухлетнего Жака, горячо его полюбили и привязались. Воспитывали его в католической вере, водили в храм, и это ему нравилось. Жак вспоминал, что день Победы был для них праздником, омрачённым печалью будущего расставания. В 1947 году настоящие родители забрали уже девятилетнего мальчика, который их не помнил. Это было трагедией для обеих семей и, конечно, для Жака. Он до последней минуты надеялся остаться, плакал и тянул руки из окна вагона к провожающим в надежде на чудо. Приёмные родители всю жизнь считали его своим сыном, а в Израиле они были признаны Яд Вашем праведниками народов мира.

Родители увезли Жака в Бразилию и приобщили к традициям ортодоксального иудаизма: он накладывал тфилин, носил пейсы и кисти. В 1961 году он приехал на родину предков. Работа в кибуце и погружение в израильские реалии жизни привели его к либеральным идеям и светскому образу мысли. Этот трагический и волнующий сюжет стал темой написанной Жаком книги «Путешествие на крест», адаптированной им затем в спектакль.

Жак читал лекции по проблемам арабо-еврейского конфликта в колледже.

Снова в Москве

После трёх лет проживания в Израиле мы получили загранпаспорта (тогда было такое правило) и возможность выезжать без визы во многие страны. Начали мы с Москвы, куда нас усиленно приглашали родители бывшей жены нашего сына — Олег со Светланой. Хотелось провести жаркий летний месяц у них на даче и посмотреть снова на Москву. Первое впечатление после трёхлетнего отсутствия был загазованный воздух в городе, которым, казалось, невозможно дышать после свежего морского бриза в нашей израильской «деревне».

На подмосковной даче. 1999 год

Мы сразу же отправились на дачу, где воздух был совершенно упоительным благодаря окружающим её лесам. Дача располагается на большом участке, где кроме основного двухэтажного дома есть ещё баня, бильярдная, открытый бассейн и маленький домик с крошечной спальней и гостиной, отапливаемой камином. В нём мы и расположились.

Рядом поспевали целые поля клубники, на которых мы паслись с самого утра. Погода была отличная, мы постоянно купались в бассейне и ходили на близлежащее озеро поплавать. Приятно было бродить по лесу, полному грибов и малины. Но были там и клещи, и один их них всё-таки впился мне в бок в последний день перед отъездом. Пришлось обращаться в больницу, там без проблем его вытащили и не спросили медицинскую страховку, которой не было.

На даче дела всегда находятся. Виталий занялся строительными работами, а я шила платья Свете и Оксане, поливала огород, готовила обеды, пекла пироги и пиццы.

За весь период нашего там пребывания мы только однажды выезжали в расположенную неподалёку Троицко-Сер-

гиеву лавру. Эта поездка очень меня разочаровала. Со времени моего последнего посещения Лавра стала производить впечатление чисто туристского объекта с толпами людей и бойкой торговлей церковными предметами и книгами. Я тоже купила несколько и для себя и по заказам наших прихожан.

В Москве у нас были некоторые запланированные дела, и мы на неделю поселились в пустующей тогда квартире бывшей жены сына Оксаны. Виталий посетил общество «Мемориал» и узнал о месте погребения своего отца. Им оказался так называемый спецобъект «Коммунарка», где массово хоронили жертв сталинских репрессий. Нас пустили на охраняемую территорию кладбища, мы походили там, поклонились общему для всех кресту, побеседовали со священником строящегося храма св. новомучеников и исповедников Российских.

Живя в Москве, мы постоянно ездили по этой дороге, не подозревая, что проезжаем мимо могилы отца Виталия. Посетили и Донской монастырь с расположенным там крематорием и прилегающим к нему кладбищем, где захоронен прах матери Виталия Фрины Юльевны.

На могилу моего брата Володи я поехала вместе с его первой женой Ниной. Помянули его коньяком, пропололи траву в оградке, подрезали розы и пионы. Нина жаловалась на бедность, несмотря на то, что её квартира была прекрасно обставлена, а сама она хорошо одевалась. Но пенсии не хватало для оплаты коммунальных услуг и питания.

Пенсионерам, особенно одиночкам, в ту пору действительно трудно жилось. Нина говорила, что так иногда мечтает съесть конфетку, что даже во сне видит. Я пошла в торговый центр, чтобы купить ей конфет, и пока в одиночестве стояла перед прилавком с громадным ассортиментом в раздумье, что выбрать, ко мне подошёл пожилой мужчина и сочувственно сказал:

— Мы с вами теперь на это только смотреть можем...

Я быстро купила кулёк конфет и бросилась ему вслед, чтобы отдать, но он уже скрылся. До слёз жалко было видеть интеллигентных, проработавших всю жизнь, а теперь бедствующих людей.

Посетили и наш бывший район и дом, но всё уже показалось чужим, и в следующий свой приезд я туда не пошла. С удовольствием накупила хлопка и льна в любимых мной магазинах тканей, запаслась также пигментами и кисточками для иконописания.

Глава вторая

Галопом по Европам

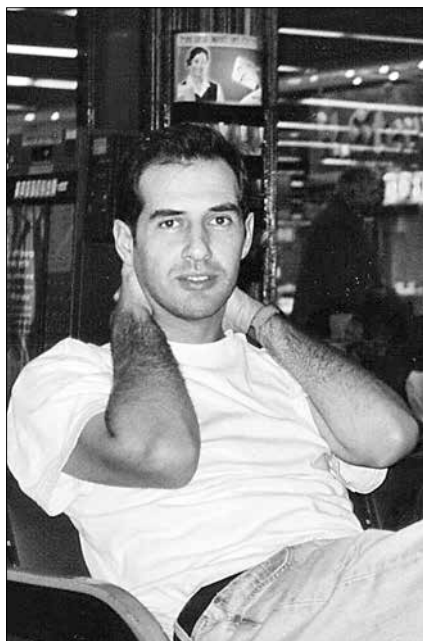
Семейные события

Новое тысячелетие мы встречали в большой компании врачей в Нагарии на вилле у зав. хирургическим отделением местной больницы, бывшего москвича. Попали мы в это общество с нашей подругой Ириной. Стол был роскошный, созданный общими усилиями, в том числе и моими, но особого веселья не получилось, несмотря на старания остроумного хозяина.

Накануне нового тысячелетия в Хайфу приехала московская бригада иконописцев и начала работы по росписи всей внутренней поверхности храма Ильи Пророка. Я напросилась в помощницы, и руководитель охотно согласился, поскольку сроки были сжатыми и лишние руки были к стати.

Для меня это было честью и удовольствием, и я очень старалась. А дома пекла для бригады печенье, варила плов. Моим наставником был изограф Вася, он доверял мне расписывать нижнюю часть стен, так называемые «полотенца», точнее, раскрашивать размеченные им рисунки. Я показывала Васе свои иконы, он давал мне дельные советы и горячо рекомендовал продолжать это занятие.

На Рождество приезжал патриарх Алексий II с будущим патриархом Кириллом. Росписи торжественно освятили, повесили подаренную люстру, но, несмотря на ударный труд, работа полностью не была закончена. Мне оставили оформить два окна, орнаменты под ними и завершить раскраску «полотенец». В апреле, когда стало тепло, я закончила работу, хотя не без трудностей. Я не имела опыта работать кистью в вытянутой руке, да ещё стоя на верхней ступени стремянки. К тому же надо было провести две тонкие полоски вокруг окон, на что у меня ушло не менее двух часов. Но, так или иначе, преодолела дрожание рук и ног, и эти обрамления и орнаменты под окнами сохраняются как память о моих трудах. А нижние росписи теперь закрыты мраморными плитами.

Миша. 1999 год

Миша жил уже в Тель-Авиве, работал в другой компании и встречал Миллениум с подругой в Лондоне. Перед отлётом они заехали к нам, чтобы одеться потеплее с расчётом, что будут проводить много времени на улицах города. Миша надел зимнюю куртку Виталия, а подруге я предложила своё длинное пальто. Эпикировка была кстати, там они вспомнили, что такое холодная погода.

Первое десятилетие Миллениума было временем сплошных поездок за рубеж и по стране.

Мы ездили и в составе экскурсий, и с друзьями на машинах, и самостоятельно. В одной из местных экскурсий я получила подарок от

бриллиантовой фирмы — браслет из гематита, чёрно-серебристого камня, по преданию, регулирующего давление. И хотя приз достался мне по жребию, это было несправедливо. Перед отъездом 50 человек ждали нас полчаса из-за того, что я перепутала время отправления. Надо было, конечно, угостить ожидающих хотя бы кофе, а браслет отдать Диле, уговаривавшей публику нас подождать. Но я не догадалась, обрадовавшись, что браслет подходит к ожерелью из этого же камня, полученному тоже в подарок.

Как только мы узнали, что на Кармеле можно собирать грибы, стали регулярно за ними ездить. Добираться до грибов было просто и удобно. Прямым автобусом доезжали до университета и, пройдя через пустые поляны с редкими раскопками, сразу входили в лес. Потом эта ситуация изменилась, и доступ к лесу перекрыли. Но в первые годы мы с удовольствием ходили там практически в одиночестве и набирали по полному рюкзаку маслят, заполняя ими почти весь объём нашего морозильника.

Однажды поехали за грибами с Марикой и Эдом на машине, забрались подальше в лес в надежде, что там соберём ещё более обильный урожай, но нашли совсем немного. Зато отлично походили по лесу, попили кофе на природе в красивейшем месте, откуда открываются чудесные виды на Галилею и Тират Кармель.

Кроме грибов, на Кармеле можно собирать спаржу, которая растёт здесь в диком виде и высоко ценится. Этому научил нас Эд, великий мастер этого дела: он набирал больше, чем мы вместе взятые.

Пару раз устраивали «реховотские каникулы», приезжая в гости на пару дней к Любе и Роману. От них совершали поездки на пляж и посещали разные окрестные места. Были в музее танков, в монастыре молчальников, который находится в долине, где Иисус Навин вёл битву за землю и останавливал солнце. Побывали также в Эммаусе, в котором Иисус явился двум своим ученикам после Воскресения, и они впервые поверили, что он действительно воскрес.

*С Виталием в Эммаусе.
2001 год*

Однажды мы случайно заехали на арабские территории и, сообразив, что ошиблись, поспешно повернули.

В этот момент нас обогнала машина, полная арабов, которые нам что-то кричали и настойчиво предлагали остановиться.

Роман не реагировал, тогда они нас прижали к обочине с криками: «Камера, камера!». Когда арабы увидели, что мы не собираемся выходить, один из них выскочил из машины и снял с багажника нашего автомобиля фотоаппарат, который мы там оставили, и передал нам. Вот так иногда лучшие побуждения принимаются за

агрессию.

Словом, мы чудесно проводили там время, но со мной всегда что-нибудь случалось. В первый раз я упала и сломала кость в кисти руки.

В следующий раз на меня совершил нападение их своенравный кот. Гости ему не понравились, и он для начала в знак своего отношения к нам наделал кучу на ковёр у дивана, где мы сидели, а потом спрятался.

Оказалось, кот затаился наверху шкафа в комнате, где мы спали и, когда выключили свет, он прыгнул мне прямо на лицо. Весил он 7 кг и имел когти, какие полагаются древнему животному, но, к счастью, он их не выпустил, приземлился мягко, и я отделалась лёгким испугом.

Но с тех пор в Реховот мы не ездим, они приезжают к нам, кота с собой не берут.

Большое путешествие

В 2000 году мы получили два приглашения от наших друзей: Марика пригласила нас на дачу во Франции, а немецкие друзья Эберхард и Вальтраут — в совместное путешествие по Швейцарии. Нам удалось объединить оба приглашения и посетить Францию, Германию, Швейцарию и проездом Чехию. Наши друзья организовали нам волшебное путешествие, достойное смены тысячелетий. В каждом из пунктов, где мы останавливались, было подготовлено множество интересных мероприятий. В Берлине мы жили в доме наших друзей в одном из лучших районов города, на озере Шлахтензее. В этом и прилегающих районах в довоенные времена селилась высшая знать, в том числе и семья Вальтраут. Мы купались по утрам, выходя на озеро прямо в халатах, совершали поездки по городу и окрестностям, были в замке Капут в Потсдаме. С большим теплом я встретила на кафедре Эберхарда с моими бывшими коллегами по сотрудничеству. Один из них, проф. Вагнер, пригласил нас на ужин в плавающий ресторан, стоящий на пристани на озёрах, после него посетили Павлиний остров.

Некоторое время провели во втором доме наших друзей в Эрфурте. Из него мы выезжали в длительные экскурсии по Тюрингии. Заезжали в монастырь Паулинецелле, ели форель в соседнем селе. Пили пиво, изготовленное по старинным рецептам в семейной пивоварне. Посетили замок возлюбленной Гёте баронессы фон Штайн. Он находится в 30 км от Веймара, где жил Гёте и, говорят, ходил сюда пешком. В замке сохраняют средневековую атмосферу, служащие и девушки, подающие кофе, одеты в национальные наряды. Об этой поездке напоминает мне ажурное сувенирное блюдечко, подаренное там Вальтраут.

Побывали и в г. Виттенберге, месте провозглашения Лютером своих 95 тезисов. В его время они были написанными на бумажке от руки, и теперь в таком же виде висят на стене храма, что очень впечатляет.

На даче в Ла Ферре. 2000 год

После насыщенной программы в Германии мы вместе с немецкими друзьями отправились во Францию, в деревню Ла Ферре в гости к Марики и её мужу Эду. Он приготовил к нашему приезду роскошный ужин с громадным куском мяса, жаренным на вертеле, большим количеством вина и семью сортами прекрасного французского сыра. Наша компания из шести человек состояла из выходцев из пяти стран и общалась на четырёх языках: английском, немецком, французском и иврите. Дом Марики на окраине села со многими комнатами и кроватями может принять большое число гостей, кроме того, на собственном лужке стоит ещё караван, полностью оборудованный для жилья. Его и выбрали на время проживания там Вальтраут и Эберхард.

Несмотря на деревенскую глушь, есть телефон, интернет, горячая вода, душ. Здесь мы славно прожили около недели. Купались в озере, гуляли по лугам, собирали грибы, растущие в изобилии в окружающих лесах. Ходили в гости к соседке, даме в возрасте 80+, энергичной, с озорным блеском в глазах и платьем выше колен. Эд постоянно готовил изысканные блюда, и мы с Виталием тоже внесли свою лепту в виде супа из собранных нами боровичков и большой сковороды жареных грибов. К ним сначала отнеслись с подозрением, а потом с большим удовольствием всё съели.

Покинув гостеприимный дом Марики и Эда, направились в Швейцарию через Реймс с осмотром собора и его витражей, выполненных М. Шагалом, а также знаменитого улыбающегося ангела. На границе никто нами не заинтересовался, а дорога была такая интересная, что глаз не оторвать: сплошь красивые баварские деревни, а на каждой горе возвышаются сказочные замки. В Базеле встретили группу мужчин в чёрных бархатных одеждах и больших чёрных шляпах. Предположили, что это парадная одежда трубочистов, но оказалось, что традиционная старинная форма плотников.

Проехали множество туннелей и прибыли к цели нашего путешествия — живописнейшей деревне Изельтвальд на берегу озера Бриенц. У дверей шале нас приветливо встретили хозяева — оба известные швейцарские художники. И здесь я поняла, почему на последнем отрезке пути Эберхард так спешил. Оказалось, время встречи было назначено чуть ли не полгода назад, и он боялся опоздать. Всё-таки опоздал на 20 минут и очень извинялся. На такое способны только немцы. Но, может быть, и швейцарцы тоже, не случайно у них такие точные часы.

Наши друзья часто проводили здесь отпуск, хорошо знали окрестности и по-немецки досконально и обстоятельно разработали прекрасную программу нашего там пребывания. Ежедневно мы совершали походы по многочисленным прогулочным тропам в горах или вдоль озера. Тропы проходили мимо частных владений старинных семей посёлка с патриархальной, как на открытках, обстановкой: шале, украшенными цветами, основательными сараями, мастерскими. Всё чисто, ухоженно, кругом зелёная трава и лёгкие изгороди для ограничения передвижения скота с калитками на тропках.

Горные тропы проложены высоко, к ним нужно подниматься по серпантинам на машине на разную высоту в зависимости от выбора маршрута. На одном из них в районе горы Юнгфрау поднялись на высоту 1200 м до местечка

Гриндельвальд, а оттуда ещё на 1000 м по канатной дорожке. Далее спускались по тропе до высокогорной станции железной дороги Шайдегг и ехали вниз на поезде с зубчатой передачей.

Другой маршрут лежал на кажущийся совершенно недоступным хребет, который возвышался над озером и был виден из окна нашей столовой. Предложение подняться на него я приняла за шутку, и тем не менее мы это сделали!

Доехали на машине до отметки 1623 м и пошли. Сначала было очень приятно: альпийские луга, чудесные коровы с колокольчиками. Как говорится, «если вы заметили, что коровы красивее женщин, значит, вы в Швейцарии».

Виталий с горными козлами. 2000 год

По мере подъёма стало страшно смотреть вниз, и я, по возможности, прижималась к скалам, хватаясь за них одной рукой, во второй был штوك. Начали попадаться горные козлы, с которыми Виталию удалось сфотографироваться в непосредственной близости. На самую вершину вела не опасная, но довольно узкая тропа, которую я не сразу решилась преодолеть. С высоты наше большое озеро Бриенц смотрелось, как яркая бирюза в оправе старого серебра. Но одну вершину нам с Вальтраут, как и многим другим, не удалось покорить. К ней вела каменистая тропа с обрывами с обеих сторон, но Эберхард и Виталия, у которого не было даже штюка, это не остановило.

На глетчер к знаменитому Голубому гроту поднимались по почти вертикальной узенькой деревянной лестнице,

прикреплённой к скалам с текущей по ним водой. На лестнице нельзя было находиться двоим, и приходилось под взглядами терпеливо ожидающих на промежуточных площадках людей карабкаться вверх, намертво хватаясь за верёвочные поручни.

Когда, наконец, вошли в грот, образовавшийся в леднике, я поняла, что мои страхи того стоили. В нём лежал сверкающий на солнце громадный вырубленный из льда ярко-голубой шар, а рядом ещё несколько залов. Внутри ледника имеется гигантский водопад, по высоте почти равный Ниагарскому, но с меньшим объёмом воды. К нему поднимались в лифте метров на 150, а затем прошли выше почти к его истокам. Спускались по мрачному тоннелю, выбитому водой за тысячелетия, под оглушительный рёв низвергающейся воды, в тумане брызг. На выходе издали наблюдали сход лавин, шедших одна за другой со страшным шумом.

На одном из маршрутов на конечной станции зашли в ресторан, и нам подали крестьянский обед на круглой доске: грудинка, колбаски, сыр, овощи, картошка. Пока мы там сидели, над тропой, по которой мы только что поднялись, возник водопад, и мы прошли под ним, как под душем. Благо день был жаркий и всё быстро высохло. Да, «здесь вам не равнина, здесь климат иной...»

Как раз во время нашего пребывания буквально рядом с домом проходил день «деления сыров». Пастухи этой местности живут целое лето со стадами на высоких альпийских лугах, делают там сыры, а потом их делят и празднуют окончание сезона. Играют на длинных громадных трубах, продают пиво, очень вкусные горячие бутерброды и сыр, он в этот день стоит дешевле. Мы тоже там потусовались, послушали музыку и поели бутербродов.

Наши друзья прекрасно организовали быт: у местных рыбаков покупали форель, за продуктами ездили в близлежащий город Интерлакен и сами готовили. В основном готовкой занималась Вальтраут, но я тоже принимала участие — варила борщ, плов, пекла один за другим яблочные

торты. Мы с удовольствием их ели и ходили с ними в гости. Яблоки росли в окружающем наше шале саду, и ими была усыпана вся земля.

Мы совершили пароходную прогулку по трём озёрам, а на прощание объехали их вокруг. Посетили окрестные, сказочной красоты старинные городки Бриенц и Тун с замками, крытыми соломой мостами, лебедями и прочими красотами. Послушали орган в одном из соборов, и я даже прослезилась под его звучание от избытка чувств.

На обратной дороге заехали в Берн к знакомой нашей друзей Ирме Штуки. Она вдова архитектора и живёт в скромном на первый взгляд особняке на тихой зелёной, почти парковой аллее. С обратной стороны дом оказался солидным, двухэтажным, с выходом в собственный сад, а интерьеры наполненными изысканными и редкими вещами. Эберхард обратил наше внимание на старый клавиесин и, откинув крышку, нечаянно разбил какое-то необыкновенное блюдо. Я испугалась, что он умрёт от инфаркта, а хозяйка на блюдо даже не взглянула и спокойно сказала, что знает мастера, который всё восстановит, чем совершенно нас восхитила. И мы пошли в сад пить кофе с моим яблочным тортом.

В 5 утра, в праздник еврейского Нового 5760 года мы приземлились в аэропорту Бен Гурион, и наше путешествие, которое иначе, как сказочным, и не назовёшь, закончилось.

Семейные события

Еврейский Новый год (Рош-а-Шана) официально отмечается в Израиле в жарком сентябре. Мы всегда его праздновали с нашими друзьями, с ними же потом встречали и календарный Новый год. Почувствовать его непередаваемую атмосферу из-за тёплой погоды почти никогда не удавалось, но 2001 год был исключением. Мы встречали его в Нетании вместе с Фаиной, Иосифом, Романом и Любой. Поехали мы в Нетанию уже в темноте, из окна

автобуса было видно море, которое выглядело под луной, как настоящее снежное поле, вызывая в памяти строки: «В лунном сиянии степь серебрится...».

Нас накрыло настоящее предновогоднее настроение, и праздник по-настоящему удался. А когда возвращались домой ранним ярким солнечным утром, дул сильнейший ветер, почти сносящий автобус с дороги, и море бушевало. Громадные волны с белыми гребнями накатывали на берег, а ветер откидывал их назад по дуге в виде сверкающих прозрачных плоскостей. Такого блестящего зрелища мы не видели за все годы, и даже местный водитель автобуса ахал и восхищался.

Пятилетие со дня нашего приезда Виталий отметил трудовым подвигом. Работу предложил ему Миша, приятели которого покидали снимаемую ими виллу, и требовалось её срочно побелить. Вилла в три этажа, стены, естественно, грязные, и Виталий в течение 4 дней часов по 10 работал не покладая рук. Заработал 750 \$ и ещё принёс множество полезных вещей, например, новый металлический термос, музыкальный центр, магнитофон, тренажёр, две хорошие теннисные ракетки. Много из этого нам было не нужно, и мы их отдали Диле, она всему находила применение.

На моё 65-летие приехал Миша, что стоило ему немало трудов, т.к. в этот день был еврейский праздник и никакой транспорт не работал, кроме арабского такси. Устроили просмотр наших домашних фильмов, начиная с 1965 года. На младенца Мишу смотреть было умилительно, да и мы тогда неплохо выглядели.

Франция и Англия

В 2001 году мы посетили четыре страны Европы: Францию, Англию, Испанию и Португалию. В Париже на бульваре Маджента вдвоём в номере гостиницы мы отмечали мой 64-й день рождения. Купили вкусные французские продукты: багет, сыр, сладости, вино — и славно попиروвали.

Париж обошли пешком, что называется, вдоль и поперёк. В Лувре провели целый день: перед открытием в 9 утра мы уже стояли в небольшой очереди у известной стеклянной пирамиды и начали планомерно с путеводителем в руках обходить бесчисленные залы и осматривать шедевры, которые видели только в иллюстрациях и копиях. Так пробродили целый день, присаживаясь только для того, чтобы выпить глоток кока-колы для восполнения энергии и определить путь дальнейшего движения. Вечером ходили пешком мимо Восточного и Северного вокзалов на Монмартр. Народ, утомившись, садился за крошечные столики, стоящие тут же на тротуаре, и прохожие чуть ли не смахивали одеждой их микроскопические закуски, но это никого не смущало.

Домой возвращались часов в 11, очень уставшие, а с утра опять в поход. Посетили Музей Орсе и Латинский квартал. Там забавлялись какие-то парни, переодетые в невест. Они останавливали метёлкой все проходящие автомашины, вступали в шутивную беседу с водителями и требовали пошлину. Никто не обижался, многие включались в игру.

Вечером у моста на площади перед скульптурой Архангела Михаила попали на большое гуляние. Афроамериканцы, окружённые толпой, танцевали под ритмичную музыку. Ни у каких других народов это не получается так органично, как у них. Рядом играл оркестр, выступали акробаты, вся площадь была забита народом и освещена, как днём.

После Парижа осматривали замки в долине реки Луары. Посещение замков всегда возвращает меня в далёкие детские годы, когда я смотрела на них в старом журнале «Нива». Реальные замки я впервые посетила в Германии, а потом и в других странах. Теперь предстояло осмотреть некоторые замки Франции. Первым на нашем пути был замок города Амбуаз, история которого начинается с XII века. Грозный и неприступный, он окружён рвами, запол-

ненными некогда водой, а сейчас их дно покрыто зелёной травкой. Там некоторое время жил Леонардо да Винчи и находится его захоронение.

Следующий замок Шенонсо, светлый и стройный, напротив, производит праздничное впечатление. Он не строился как оборонительное сооружение и стоит прямо в русле реки на основаниях старой мельницы в окружении прекрасного регулярного парка, переходящего в естественный лес.

Наш дальнейший путь лежал в город Тур. Там, пока группа обедала в ресторане, мы побежали в старую часть города к знаменитому готическому собору с громадным ливанским кедром во дворе. Успели осмотреть ещё и хорошо сохранившийся комплекс аббатства с высокими башнями.

Далее по зелёной равнинной Франции приехали в большой красивый город Анжер с одноимённым замком, затем в старинный хорошо сохранившийся город Динон с нарядными кварталами фахверковой застройки XV века и собором XI века.

И, наконец, последний на этот день город Сен Мало — старинный морской форпост, центр пиратства, торговли товарами из колоний, работоторговли. Он выдвинут в океан и окружён могучими стенами, по которым мы прошли почти полный круг.

На ночь остановились в гостинице аббатства Абби дю Транше в бывшем монастырском здании. Окна нашей комнаты выходили во двор для отдыха с бассейном и озером. До завтрака мы с Виталием обошли это местечко с внушительным суровым собором, окружённым ухоженным парком, несколькими домами и полями. Посетили и небольшое кладбище со старинными памятниками. На одном из них с фотографией девочки висели золотая и серебряная цепочки с медальонами, их сохранность нас умилила.

Следующий по пути монастырь Мон-Сен-Мишель возникает вдали, как мираж в тумане. Он и действительно выглядит, как отгороженный от суши зыбучими песками

сказочный скалистый остров в океане, с высокими стенами замков и домов, шпилями церквей и могучими укреплениями. Прошли к нему по узкой дамбе, а дальше по серпантинным улочкам и лестницам среди бесчисленных сувенирных лавок и магазинов поднялись наверх. Оттуда видны далёкие окрестности и окружающие зыбучие пески, покрытые мелким слоем воды. Наблюдали, как собака гоняла там тюленя. Он ловко от неё уходил, нырял и через некоторое время оказывался от неё метров за 150, на недостижимом расстоянии.

В столице Нормандии Руане наша комната в гостинице смотрела прямо на порт. Напротив стоял большой океанский лайнер, и верхний край его борта уходил за пределы видимости окна. Разделяющего нас узкого шоссе не было видно, и возникало странное ощущение, что кровать стоит прямо под бортом. Решётчатый шпиль Руанского собора — безошибочный ориентир, указывающий на центр старого города. У собора на месте казни Жанны д'Арк построена в её честь церковь довольно странной архитектуры, что-то вроде неоготики.

Отсюда утром выехали в Кале прямо к парому — большому многоэтажному судну с ресторанами, салонами, дьюти фри. Поднялись на верхнюю палубу и при хорошей погоде, заметном ветерке и лёгкой качке любовались Ла Маншем. Вскоре показались белые скалы Дувра, указывающие, что мы в Англии. Здесь всё зелёное, вокруг сплошная идиллия: на лугах пасутся овцы, участки разделяют изгороди из кустарников, перед домами ухоженные газончики.

Каждого их нас поприветствовала на земле Великобритании молодая симпатичная водитель автобуса. Первым на пути было Кентерберийское аббатство. Мы быстро пробежали по богатейшему собору и успели осмотреть до закрытия прелестный, сравнительно небольшой, но очень древний замок Лидс.

Затем направились в Лондон, в самый его центр, на площадь Пикадилли, где разместились в гостинице, из

окон которой можно наблюдать бурную жизнь Сохо.

Увидели все знаменитые места и здания, потом посетили Национальную галерею, Тауэр. Там Виталий зафиксировал мой разговор с вороном (символом этой крепости). Не пропустили мы и Британский музей, пробыли там с полудня до закрытия, и в конце я уже

едва переставляла ноги и боялась упасть на экспонаты.

Большое впечатление произвёл на нас Сити — деловой центр Лондона. Его массивные здания, казалось, воплощают в себе стабильность английского общества и уклада жизни. Мы проходили через этот район в обеденное время, и было такое впечатление, что все служащие, а их там работает почти полмиллиона, вышли на набережную, вынули свои бутербродики из тончайших ломтиков хлеба с огурцом и листьями салата. Наверное, в них и скрывается секрет их худощавости.

Решили осмотреть знаменитый богатый район Белгрейвия, упоминаемый во многих романах. На обратном пути заблудились и обратились к двум мужчинам, что-то ремонтирующим в машине. Они пытались нам объяснить дорогу по бумажной карте, долго сами в ней разбирались, пока мы не поняли, что это русские. Попросили их на родном языке просто указать направление, а дальше мы разберёмся. Потом мы ещё не раз видели таких людей охранного типа, сопровождающих маленькие группы учащихся из привилегированных семей России.

Лондон, Тауэр. 2001 год

Испания и Португалия

Наши путешествия обычно начинались с ночи, проведённой в аэропорту Бен Гурион. Чартерные рейсы вылетают в такое неудобное время, что так или иначе приходится или ждать дома вызванное такси, или проводить ночь в кресле зала ожидания, но в любом случае поспать не удаётся. Мы выбирали почти всегда второй вариант, причём часть ночи проводили на скамейках перед аэропортом, где теплее, чем в здании.

В помещениях аэропорта почему-то всегда очень холодно, и на этот раз я особенно сильно замёрзла. К утру мечтала о том, чтобы рейс отложили и можно было бы съездить домой за тёплыми вещами. Мечта частично сбылась: рейс отложили, но не на столь длительное время, чтобы съездить домой, а только чтобы дополнительно промёрзнуть.

В Испании я ещё раз пожалела о том, что, не послушав совета бывалых, не взяла тёплых вещей.

Город Витория на севере страны встретил нас прохладной погодой, над горами висели тучи и вот-вот грозил пойти дождь. Предусмотрительные люди надели куртки и свитера, а мы с Виталием старались держаться бодро в своих лёгких летних одеждах.

По дороге в Сарагосу местность очень живописная: сплошь обработанная земля, маленькие городки с крепостями, плантации виноградника, а на горизонте горы в серо-жемчужной дымке. Часто попадаются щиты в виде чёрных быков, специально выращиваемых для корриды.

Кафедральный собор Сарагосы Эль Пилар с тринадцатью шпилями и куполами считается старейшим в христианском мире и посвящён Деве Марии Пиларской, явившейся в этом месте в 40-м году нашей эры. Застройка вокруг площади и соборов сохраняет древний колорит, есть и своя «Пизанская башня», поменьше оригинальной, но с ещё большим уклоном.

Далее направились в монастырь бенедиктинцев Монсеррат, расположенный на высоте 720 м. Окружающие его скалы похожи на лес, состоящий из гигантских баобабов. Главная достопримечательность монастыря Чёрная Мадонна — объект поклонения всего католического мира. Также славится ликёр, изготавливаемый монахами, но нам он не показался чем-то особенным.

Следующим пунктом был один из прекраснейших городов мира Барселона, столица Каталонии. Жили в гостинице в пешеходной доступности от центра, недалеко от площади Испании. Подробно рассмотрели самую известную достопримечательность города — улицу, почти полностью застроенную творениями архитектора Антонио Гауди, и его знаменитый храм, посвящённый Святому Семейству. Им же запроектирован и причудливый парк Гуэля вблизи города.

Вечером мы наблюдали грандиозный молодёжный карнавал. Под оглушительную музыку профессиональные и самодеятельные танцевальные группы демонстрировали своё искусство на затейливо украшенных платформах громадных трейлеров. Была платформа с «голубыми», с женщиной с невообразимо большим обнажённым бюстом, с парами, имитирующими половой акт, и многое другое, из ряда вон выходящее. Тысячи молодых людей, собравшихся там, вели себя вполне пристойно, танцевали, пили пиво и колу.

По пути к Мадриду проезжали по центральной Испании на запад, и виды из окна разворачивались, как в кино: невысокие горы, покрытые хвойным лесом, садами, небольшими плантациями кукурузы, деревни с простыми каменными домами и однотипными скромными колокольнями, равнины с виноградниками. Глаз радовало необычайно сочное сочетание цветов: шоколадные оттенки земли, жёлтые квадраты пашен, густая зелень деревьев.

Отклонившись в Иберийские горы, заехали в Пиетру — Каменный монастырь. Он основан цистерцианцами,

практикующими аскетизм и созерцательность в монашеской жизни. Около монастыря природный парк с водопадами и туристскими тропами, по которым мы бродили, пока большая часть группы сидела в столовой в ожидании странного блюда, придуманного явно не монахами, — форе́ли с ветчиной.

Город-музей Толедо, как в сказке, возвышается на горе, окружённой рекой Тахо. Осмотрев его, побродив по городу и повосхищавшись видами, отправляемся в Мадрид.

Кафедральный собор Мадрида посвящён Богородице Альмуденской, в одном из его залов размещены громадные картины Эль Греко. Королевский дворец используется только для приёмов, а король живёт в скромной вилле. Тронный зал дворца считается лучшим в мире, он устлан невероятной величины коврами, освещается люстрами из платины и серебра, стены украшены золотыми рельефами — и прочая роскошь. Музей Прадо, естественно, плотно набит испанцами: Эль Греко, Гойя, Веласкес, Мурильо. Полно Рафаэля, Рубенса, Тициана. Вместо осмотра интерьеров Эскориала — странное сочетание дворца и места захоронения испанских королей — побродили по округе и обнаружили много очаровательных уголков.

По пути в Сеговию проехали Авила, родной город св. Терезы, принадлежащей к ордену нищенствующих кармелиток и очень почитаемой в католическом мире. Сеговию люди творческих профессий, а с ними и многие испанцы не зря выбрали для отдыха и развлечений. Здесь множество прекрасно сохранившихся старинных зданий, узких улочек с уютными квадратными арочными двориками, с фонтанчиками, скульптурами, цветами. Символом Сеговии является римский акведук, самый хорошо сохранившийся в мире и воздвигнутый около 2000 лет назад. По легенде его соорудил дьявол за одну ночь, и, когда на него смотришь вблизи, это кажется правдой.

Замок Алькасар называют мечтой о замках. С внешней стороны он напоминает летящий на волнах корабль,

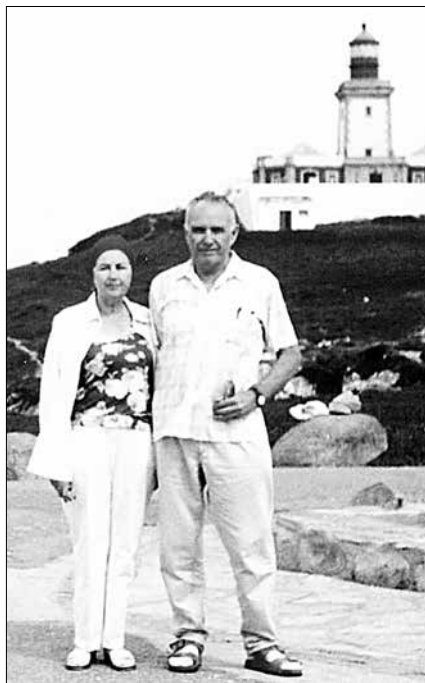
а с внутренней — волшебную картинку из сказки. В золотой Саламанке, называемой так из-за преобладающего светлого-медового цвета её зданий, окна нашего номера гостиницы выходили прямо на церковь св. Хуана XII–XIII вв.

По дороге в Португалию видели пастбища чёрных быков, они сравнительно небольшие, но сильные и ладненькие. Для них создаются прекрасные условия содержания, и в течение 4–5 лет до выхода на арену они ведут вольготную жизнь. Корриду мы не посещали, в дни нашего там пребывания представлений не было, народ сожалел об упущенной возможности, а я на такое жестокое зрелище идти и не собиралась.

По дороге в Лиссабон миновали университет Коимбры (вспомнилось: «Коимбра, мой город чудесный...») и знаменитый городок Фатиму, место явления Девы Марии детям 13 мая 1917 года. Говорят, она являлась массе собравшихся людей каждое 13 число в течение 5 месяцев. Теперь это место паломничества христиан.

Лиссабон раскинулся по необъятным берегам реки Тахо и океана. Берега реки соединяют два великолепных моста. Один из них — Васко да Гама длиной 18 км, в конце его стоит фигура Христа высотой 110 м, как в Рио-де-Жанейро. Лучший музей Лиссабона основан армянином Гюльбенкяном. В его собрание вошло множество полотен из Эрмитажа, проданных Сталиным в 30-е годы.

Широкие улицы, пышные дворцы, множество монументов, сады, просторная набережная и знаменитые нарядные рисунчатые португальские тротуары придают Лиссабону вид величественной столицы. Многие фасады украшены цветной узорчатой керамической плиткой, что делает их очень нарядными. Но шаг в сторону от парадных улиц — и взору предстают обшарпанные дома, в трещинах и плесени, тоже когда-то бывшие очень представительными. Крепость, возвышающаяся над городом, посвящена св. Георгию. Видовая площадка крепости почти круговая и идёт вдоль её стен, что позволяет прекрасно рассмотреть весь город.

В Кабу де Рока. 2001 год

Совершили мы поездку и на самую западную точку европейского континента — мыс Кабу де Рока — место, где, как написано на памятной доске: «Земля заканчивается и начинается море, где дух свободы и веры помогал португальцам открывать новые земли».

Дальнейший наш путь лежал по южной равнинной Португалии со сплошными пашнями и с непременным замком на каждой горе, чаще всего заброшенным и частично разрушенным. В этой местности выращивают пробковые дубы, с которых каждые

9 лет сдирают кору, и тогда они становятся чёрными.

Из Португалии мы снова возвратились в Испанию, точнее, в Андалусию. В отличие от тёмных, терракотовых домов севера и центра Испании, дома здесь белые, нарядные, часто украшенные полосками и обрамлениями жёлтого цвета. Пересекли хребет Сьерра-Морена и прибыли в Севилью — столицу Андалусии и родину Веласкеса, первой экспедиции Колумба, Кармен и Дон Жуана. «Шумит, гремит Гвадалквивир...» — это здесь, только он уже не шумит, а едва течёт и основательно зарос камышами. Колумб похоронен в местном кафедральном соборе, памятник Дон Жуану стоит на маленькой уютной площади, а в табачной фабрике, где работала Кармен, теперь университет.

Символ Севильи — двенадцатитажная сторожевая башня на берегу Гвадалквивира — первоначально была облицована позолоченными плитками, что и дало ей на-

звание Золотая. Недалеко отсюда расположена Серебряная башня, покрытая оловянными плитками. Есть здесь и свой дворец Алькасар с множеством чудных внутренних двориков и неизменными решётками и фонтанчиками.

Дорога к городам Гранада и Кордова идёт через бесконечные оливковые сады, на сотни километров покрывающие все холмы до самого горизонта. Кажется, что весь мир не в состоянии съесть столько маслин и оливкового масла.

Город Гранада знаменит своим, расположенным невдалеке на горе, дворцовым комплексом Альгамбра. Это памятник мусульманской культуры с богато декорированными стенами, сталактитовыми куполами, деревянными резными потолками, внутренними дворами с фонтанами и цветами и, конечно, гаремом. В его помещения ведёт дверь для отбраковки кандидаток. Шансов у тех, кто проходит сквозь неё прямо или боком, к примеру, у меня, не говоря уже о современных моделях, нет никаких. Вот как изменились с тех пор стандарты красоты.

Старая часть Кордовы с её узкими улочками и крошечными площадями, почти полным отсутствием деревьев, но богато украшенная цветами, довольна велика и хорошо сохранилась. Главная её достопримечательность — самая большая в мире мечеть Мескита, с XIII века — христианская церковь. Громадная, почти квадратная в плане мечеть (179×129м) имеет 19 нефов, и там можно найти всё: колонны со всего света, арабские своды, резные, из тёмного африканского дерева, хоры и стулья, картины, восьмигранные купола, великолепные витражи и даже старинную фреску «Крещение Иисуса Христа в Иордане».

Рядом расположена знаменитая резиденция христианских королей — Кордовский Алькасар. Подойдя к комплексу с тыльного фасада, мы попали в прекрасные сады с искусно подобранными гаммами цветов, скульптурами королей, бассейнами, заполненными то лилиями, то бьющими фонтанчиками, то крупной форелью. Из них вошли

во внутренние дворы и долго бродили в поисках выхода пока служительница замка не вывела нас наружу через лабиринт его помещений.

Далее путь лежал на Коста-дель-Соль, в город Торремолинос, известный нам как первоначальное место тусовки «новых» русских. Его длинная и широкая набережная состоит из последовательно расположенных гостиниц, ресторанов и магазинов. Оттуда направились в Гибралтар через прелестные курортные городки, среди них Марбелья, место обитания особо богатых, в том числе шейхов.

Территория Гибралтара включает скалу, которая считается первым Геркулесовым столбом и поднимается на 425 м над равниной. Напротив неё — второй столб, уже в Африке, через 13 км водного пространства. В скале 55 километров туннелей, относящихся к военной базе Великобритании, и множество пещер. Мы посетили одну из них, названную в честь св. Михаила, со многими залами, в том числе концертным, который использовался во время Второй мировой войны как госпиталь. На скале уже несколько столетий живут обезьяны, совершенно привыкшие к общению с людьми, охотно с ними фотографируются и просят сладости.

Удалось посетить также очаровательный город Ронду, который основан в IV веке до н.э. Он находится в горах, в 100 км от моря, и считается одним из старейших городов Испании. Город окружён могучими крепостными стенами, вдоль которых идёт обходная дорога, служащая прекрасными обзорными площадками. Она называется «проход Хемингуэя», он жил здесь какое-то время и воспел город в своих романах. Внутри стен большой кафедральный собор, много церквей, монастырь, 70-метровый мост, соединяющий две части города, разделённые ущельем глубиной 150 м. Из расположенного ниже города Михаса открывается изумительный вид на непрерывную, раскинувшуюся на десятки километров белоснежную застройку южного региона Испании Коста-дель-Соль.

Наше путешествие закончилось в аэропорту города Малаги, где мы закупили одноимённое вино и через 5 часов полёта были дома.

Юбилей в Эйлате

Сразу после Рождества мы поехали в Эйлат, чтобы отметить там семидесятилетие Виталия. В Хайфе была пасмурная, дождливая погода, а там светило солнце, вода в Красном море была тёплая, тихая и прозрачная. От центра, где мы жили, 7–8 км до египетской границы и 2–3 км до иорданской границы.

Мы прошли эти дороги пешком, обошли весь город и ближние окрестности. Забрели на съёмочную площадку с установленными декорациями для съёмки ковбойских фильмов, ландшафт там для этого очень подходящий. Случайно обнаружили вблизи города в конце уходящей в море эстакады плавучее сооружение с прозрачным полом, позволяющим наблюдать богатый подводный мир моря.

В день рождения Виталия мы решили нарушить нашу традицию домашних праздников вдвоём и пойти в ресторан. Приоделись, пошли, но как только заглянули в совершенно пустой громадный зал с многочисленными рядами столиков, тут же дружно повернули обратно. Перспектива провести в такой сюрреалистической обстановке целый вечер нас абсолютно не привлекла, и мы по своему обыкновению накупили разных вкусностей, а бутылка отличного коньяка лежала в сумке. Как говорится, «у нас было».

Все дороги ведут в Рим

Италия для нас началась с тосканского города Сиены, где мы разместились в гостинице вблизи городской стены, и системы эскалаторов, поднимающих людей на уровень старого города. Центральная его площадь дель-Кампо безусловно заслужила свою славу. Её мощение сохранилось с XI века, а основание выгнуто в виде раковины, что

совершенно необычно. На площади раз в году, начиная с XIV века, устраиваются скачки лошадей из 17 округов города. Домский собор Сиены, посвящённый Деве Марии, сооружён из камня в чёрно-белую полосу. Этот же мотив повторяется в других соборах и церквах и самом символе города. Он представляет собой чёрно-белый щит со скульптурой волчицы и её близнецов, якобы бежавших от преследования на чёрном и белом конях.

Город Сан-Джиминьяно входит в список всемирного наследия ЮНЕСКО и известен 14-ю оставшимися от бывших 72 башен, а также и сохранившейся в совершенной нетронутости средневековой застройкой. На площади Цистерн показывают здание с балконом, с которого выступал Данте.

Знаменитая Пизанская башня почему-то мне представлялась в виде одинокого сооружения. Оказалось, что она является частью ансамбля городского собора Санта Мариа Ассунта.

Во Флоренции мы пробыли несколько дней и жили в гостинице на берегу реки Арно вблизи центра. Это позволяло после запланированных экскурсий самостоятельно ходить столько, сколько хватало сил. Посетили галерею Уффици, Домский и другие соборы, все знаковые места центра, а также районы, редко посещаемые туристами.

В Вероне осмотрели остатки римских сооружений первого века, среди них замечательный амфитеатр. Естественно, не обошлось без фото со скульптурой Джульетты и двора её дома со знаменитым балконом. Непонятно, как в это закрытое со всех сторон пространство с единственным узким проходом проникал Ромео.

После отдыха на озере у замка Сермионе с прекрасно сохранившимся и утопающим в цветах старым городом направились в Венецию. Как раз перед нашим приездом ночью шёл дождь и до полудня некоторые улицы и площади города были залиты водой. Поскольку здесь наводнения — обычное явление, всё предусмотрено для того, чтобы

жизнь продолжалась в нормальном ритме. Немедленно устанавливаются разборные тротуары, которые так же быстро убираются, когда вода спадает.

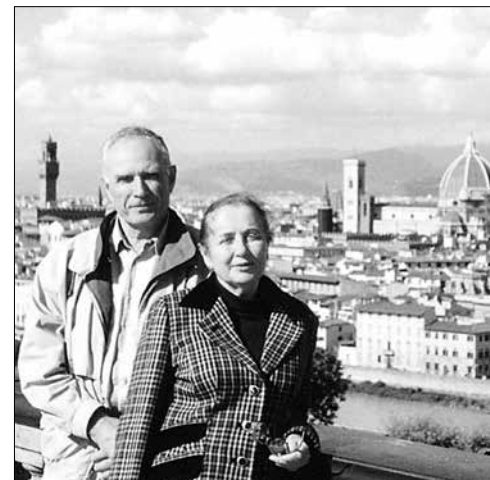
Мы ходили по этим тротуарам над залитой водой площадью Сан-Марко, а предусмотрительные немцы шагали прямо по воде в прозрачных высоких сапогах. В Венеции

Виталий потерял нашу группу и ходил целый день один, только вечером мы воссоединились.

Следующей на нашем пути была республика Сан-Марино, по которой мы достаточно побродили, купили мне сумку (место славится кожаными изделиями), а потом обедали со всей группой в ресторане с неограниченным количеством вина, что заметно сблизило народ.

Отсюда наш путь лежал в Неаполь с заездом в Помпеи. Мы с Виталием откололись от официальной экскурсии и подробно осмотрели его самостоятельно. Мгновенно погребённый под пеплом город сохранил сиюминутность жизни, и это производит жуткое впечатление. Из Неаполя поехали на пароходике на Капри, надивились на его необыкновенные красоты, проехали по подвесной обзорной дороге, на которой все очень замёрзли.

И заключительным мощным аккордом был Рим. Мы с Виталием ходили сами, используя время по максимуму, и, как обычно, не тратили его на обеды. Благодаря нашей выносливости, удалось многое увидеть, а в Ватикане даже попали на службу с участием Папы Павла II. Нас предупредили, что на улицах и особенно в метро много карманных

Во Флоренции. 2002 год

воров. Однажды в заполненном людьми вагоне метро мне показалось, что один парень лезет в карман к Виталию. Я схватила его за руку и отвела. Парень с удивлением на меня посмотрел, потом понял, в чём дело, и засмеялся. Хорошо, что так закончилось, могла бы получить и бритвой по глазам, если бы нарвалась на настоящего вора. Пишут, что так случается.

Пять столиц

В 2003 году мы прилетели в Москву, а оттуда на фирменном поезде «Невский экспресс» прибыли в Петербург, где у нас начиналась автобусная поездка по Финляндии, Швеции и Норвегии. Финляндию я знаю довольно хорошо, в своё время прожила там в общей сложности более 4 месяцев и объездила многие её города. В других скандинавских странах была впервые.

Самое большое впечатление оставили норвежские фьорды с неподвижной глубокой водой, обрамлённой скалами и многочисленными водопадами, низвергающимися с большой высоты. Внизу на маленьких кусочках земли у воды ютятся аккуратные домики, их жители занимаются разведением рыбы на огороженных водных участках. Из этих мест вся Европа, и Израиль тоже, получает норвежского лосося. В гостиницах всех сортов селёдки невозможно перепробовать, так же, как и натуральных ягодных соков.

В Стокгольме осмотрели зал, где происходят церемонии вручения Нобелевских премий и проводятся банкеты. Нам даже зачитали меню таких банкетов, но подробности я не запомнила. Из необычных зрелищ — парк Вигеланда в Осло, наполненный множеством скульптур в натуралистичном стиле, изображающих различные состояния человека, как возрастные, так и во время занятий работой, спортом, любовью.

На обратном пути мы провели несколько дней в Петербурге у друзей Виталия. Он там учился, несколько лет

работал, и мы прошлись по всем памятным для него местам и посетили Эрмитаж.

В Москве отлично провели время на даче, отметили шестнадцатилетие внука, но оба заразились гриппом. Болели довольно тяжело, дня три лежали и ничего не ели, только пили морс из чёрной смородины, которой был забит морозильник наших бывших сватов.

Чехия- Хорватия

В конце августа 2004 года мы снова поехали в Марианске-Лазне (Марианские Лазни), а оттуда с чешской группой совершили автобусную поездку в Хорватию. Публика в группе, в отличие от израильских туристов, была спокойная и тихая. Из чешской речи гида я понимала примерно половину, поскольку в своё время много общалась с чехами в рамках международного сотрудничества. Подробности уточняли на английском или немецком и никаких языковых затруднений не испытывали. Для меня экскурсия началась ночью, когда мы проезжали Словению и Австрию. Я не спала, смотрела в окно автобуса, и передо мной, как на экране, мелькали ночные пустые поселения с красивыми домами и многокрасочной рекламой.

Рано утром приехали на первый объект нашего посещения — Плитвицкие озёра, входящие в систему озёр, рек и водопадов этой чрезвычайно живописной гористой местности с невероятно чистой водой. В некоторых озёрах она настолько прозрачна, что, кажется, её нет; в других — необычно яркого бирюзового или зелёного цвета. Говорят, есть озёра глубиной до 53 м, и при этом просматривается дно. На осмотр этого чудесного места ушёл целый день.

Около 9 км мы шли пешком по тропе, останавливались для купания. Потом продолжали путь на пароходике и на местных автобусах, называемых здесь поездами. Группу встретила и сопровождала в пути собачка, она забежала за нами на пароход и ловко пряталась от капитана, когда тот

появлялся, и тут же выскакивала, как только он исчезал, и ждала угощения.

Городок Биоград-на-Мору, где нас поселили, расположен между двумя заливами и выглядит весьма нарядно благодаря белым домам и красным черепичным крышам. Отель показался нам превосходным, несмотря на статус 2 звезды: хороший ресторан, собственный оборудованный пляж, бесплатный интернет, цветы и благоухание. Когда вошли в просторный номер, просто обомлели: сразу за окном роскошное Адриатическое море, прекрасный вид на острова, листья пальм лезут на балкон, а яхты ходят прямо под окнами. Ресторан радовал такими обильными завтраками и изысканными ужинами, что никто не ходил обедать.

Мы понять не могли, чем объясняется низкая звёздность отеля. Потом заметили отсутствие кондиционера, что было существенным недостатком. К счастью, в это время года он был не нужен. Но это было не всё. В первый же вечер, как только мы открыли дверь номера, на нас обрушился оглушительный шум — прямо под нашим балконом гремел оркестр, пели голосистые солисты, гадали посетители. Мне удавалось под этот аккомпанемент заснуть, а Виталий ждал, пока этот праздник жизни закончится. Так продолжалось и в последующие вечера, но, правда, значительно тише. Часто пели народные хорватские песни, можно было и смотреть на представление с балкона.

Программа в Хорватии была очень насыщенной: посетили водопад на реке Крке, побывали в старинном городе Шибенике с тесной средневековой застройкой, собором св. Якова и узенькими улочками с отполированными до блеска каменными мостовыми, по которым страшно ходить.

«Рыбный пикник» на одном из островов Корнатского архипелага — главное развлечение этого тура — занял целый день. До места назначения мы шли около 2 часов на парходике «Звёздочка» и не успели на него взойти, как

нас начали угощать сливовицей. Потом выставили два бочонка вина — белого и красного, корзину с печеньем, и народ, не переставая, пил всю дорогу туда и обратно. Все развеселились и начали активно общаться. К нам подседала самая симпатичная пара Итка и Мирослав из Праги, бывшие учителя. Она была директором школы, преподавала русский и чешский, так что мы могли почти свободно общаться. Они приглашали нас к себе в Прагу, но заехать к ним не получилось.

На стоянке началось массовое купание, а мы сначала поднялись на гору, чтобы осмотреть окрестности, сходили на внутреннее солёное озеро, там искупались, а потом смывали с себя соль в Адриатическом море. Из его прохладной прозрачной воды не хотелось выходить. Виталий сплавал до соседнего острова со стоянками яхт. Обед накрыли под навесом за длинными столами. Подали в неограниченном количестве жареную рыбу, постную свинину, вино и свежие булочки. Кстати, хлеб в Хорватии очень хороший, из твёрдых сортов пшеницы, также, как и в соседней Италии. На обратной дороге была остановка для купания с парохода, и народ после обильных возлияний смело прыгал в воду.

В свободное время много ходили по окрестностям. Обследовали большой кемпинг, соседний посёлок, яхт-клуб, побродили по старой части города. Вся атмосфера была пронизана изумительным запахом лаванды, ею засажены все скверы и садики, и даже гостиница носила её название. Я набрала целый веник из кучи срезанных на выброс стеблей и по приезде домой разложила по всем шкафам и полкам, а на рынке купила бутылочки с лавандовым маслом и одарила всех знакомых.

Ещё одна, самая трудная экскурсия была в горы, в район национального парка Пакленица. Мы были предупреждены, что людям в возрасте туда ходить не стоит, что требуется горная обувь, но посчитали, что с нами всё будет в порядке. Не без трудностей, но конце концов так

*В горах парка Пакленица.
2004 год*

и получилось. После подъёма на высоту 535 м предстояло ещё восхождение к пещере, на которое решились немногие, мы были среди них. Здесь идти оказалось значительно сложнее, а после того, как и это преодолели, предстоял спуск в пещеры. Нас снабдили лампочками вроде шахтёрских, и мы вступили в 10-градусный холод и почти полную темноту. Дополнительный свет давали наши с Виталием кроссовки, которые, как оказалось, ярко светятся в темноте. Опустились на значительную глубину, полюбовались на причудливые

сталактиты и сталагмиты, и снова предстоял подъём.

Но самое сложное было впереди: обратный спуск. Сначала шли по краю обрыва без ограждения, хотя тропа достаточно широка, я была из-за боязни высоты в постоянном напряжении и прижималась к скале. Дальше было ещё хуже: на бесконечно длинный, сверкающий на солнце своими отполированными камнями крутой склон было страшно смотреть. Правду нам говорили, что «старикам здесь не место». Я цеплялась за Виталия, ноги едва выдерживали, но как-то добрались до горизонтальной дороги. Без происшествий спустилась и вся группа, кроме одного мужчины, который упал и ободрал себе руки, пришлось завозить его в госпиталь.

В последний день поехали в старинный окружённый стеной город Задар, расположенный на полуострове, после чего возвратились в Прагу. Там ходили по знакомым местам, хотя ноги едва передвигались после горного туризма и бессонной ночи.

В аэропорту Бен Гуриона нас ждал сюрприз: угощение медовым тортом и яблоками по случаю еврейского Нового года, что было превосходным завершением нашего путешествия.

Чехия -Голландия

В 2005 году я плотно засела за создание электронного семейного фотоальбома. Сортировала и сканировала все имеющиеся фотографии и параллельно начала делать некоторые записи, собирать сведения из жизни моих предков, строить генеалогические деревья родов.

В конце августа мы снова отправились в ставший уже знакомым Марианске-Лазне (Марианские Лазни). Планировали остановиться в кемпинге «Луксор», который своей живописностью и дешевизной проживания понравился нам в прошлом году. Однако при ближайшем рассмотрении многое нас там не устроило, и мы пошли искать квартиру. У прежних хозяев всё было занято, и мы набрали в конце концов на небольшую, но полностью автономную квартирку у Иосифа с Мартой, где и обосновались не только на этот раз, но и на все последующие годы.

Пили минеральную воду, совершали многочасовые прогулки по дивным чешским лесам, о которых я мечтала в израильскую жару. На этот раз в лесу было полно грибов: поляны покрыты крепкими свинушками, пни — свеженькими, замечательно пахнущими опятами. Попадались и белые, красивые, как на картинке. К сожалению, собирать нам их не было смысла. Бродя по лесам, иногда находили то новый для нас источник, то красивый старый хутор, то бывшую усадьбу с озёрами и парком.

Ходили мы и в дальние походы. Первым был Кинджварт, тоже водный курорт на расстоянии 15 км от нашего дома. Оттуда прошли ещё несколько километров до замка, принадлежавшего в своё время Меттерниху. Возвращались по другой, старой, исключительной красоты дороге. Она идёт по склону крутой лесистой горы от замка до

Марианские Лазни. В парке. 2005 год

Марианске-Лазне и обсажена старыми дубами. Легко представлялось, как по ней катили экипажи с нарядными дамами и кавалерами.

Следующий продолжительный поход был в местечко Кладска — маленький курорт с живописной застройкой баварского типа и множеством красивых озёр. Нашли мы его не сразу, заблудились в лесных тропах, проходили часов 5 и вернулись. На другой день достигли цели, но с большим крюком километров в 6, так что опять получилось не

менее 30 км.

Неоднократно ездили на поезде во Франтишкови-Лазне и в город Теплу, рядом с которым находится монастырский комплекс XII века. Там в прекрасном парке с озёрами установлены 14 керамических досок с изображением Христовых страстей. Во Франтишкови-Лазне мы заезжали на машине четверть века назад, но не узнали места, где тогда останавливались.

По вечерам ходили на центральные источники, где гулял народ, играл оркестр и в определённые часы работал светомузыкальный фонтан. Отдыхая от прогулок, читали оставленные прежними жильцами книги: Виталий детективы на английском, я — дамские романы на немецком. На русском языке я их никогда не читаю, а здесь поглощала один за другим с большим интересом. Часто готовили

дома в микроволновке сосиски с чипсами и запивали замечательным тёмным пивом с местного заводика в пластиковые бутылках. Завершали крепким молотым кофе со сливками и разными сладостями. Получалось дёшево и вкусно.

В первые же дни пребывания в Чехии, как и в прошлом году, заказали путёвки на автобусный тур, на этот раз в Голландию. В таких турах переезд до места назначения совершается ночью. На этот раз мне удалось даже поспать. Была только проблема с туалетами, на которые у нас не было мелких денег в евро. Чехи же, в отличие от нас, были об этом предупреждены.

В Голландию прибыли рано утром и сразу попали на аукцион цветов в городок Алсмер. Это великолепное зрелище мы наблюдали со специальных туристических галерей, проложенных над гигантским, в 180 га, пространством, заполненным тележками с букетами цветов.

Всё с большой скоростью двигалось: работали автоматические транспортёры, мельтешили автокары, точно передвигаясь по известному им пути и никогда не сталкиваясь. По рельсовым дорогам через аукционные залы двигались вереницы тележек с цветами. В залах, построенных в виде амфитеатров, сидели брокеры из различных стран с компьютерами в руках.

В торгах участвовало около тысячи покупателей, в том числе из зарубежных стран. Перед ними на экране изображение тех цветов, которые в данный момент проезжают на тележке, со всеми данными о них. Происходит мгновенный торг, и не проходит и минуты, как на мониторе высвечивается, кто и сколько купил.

Проданные цветы немедленно везут в отсеки, отведённые разным фирмам, формируют общий заказ и грузят на трейлеры, которые доставляют их к месту назначения или к самолётам на расположенный рядом аэродром. Технология и организация дела просто потрясающая, но ещё больше поражает необычайное разнообразие цветов:

более 13 тысяч различных видов! Тюльпанов там, кстати, не было, возможно, не их сезон. Но остальные цветы — это что-то невообразимое, нам показали единственные в мире ярко-голубые розы, есть и зелёные, и прочие редкости.

Известно, что в Голландии большое число велосипедов, но мы не представляли, что их может быть так много.

Утром кажется, что одновременно все жители сели на велосипеды и едут по своим делам: группы учеников, студенты, служащие, домохозяйки, — словом, все возрасты и все группы населения. У вокзала сверкает на солнце многоэтажная и многотысячная стоянка велосипедов, управляемая, без сомнения, компьютерной программой. На мелкий дождь голландцы не обращают никакого внимания, ходят без зонтов и с открытыми головами, нимало не заботясь, что промокнут.

Страна утопает в цветах, всё добротное и основательное, не видно никаких признаков бедности и беспорядка. И начинаешь верить нашей голландской подруге Марике, говорящей, что «в Голландии нет проблем». У неё, кстати, на одном из центральных каналов есть собственная квартира, в которую она постоянно приглашает нас приехать, но как-то не пришлось.

Амстердам впечатляет не отдельными зданиями и площадями, а всем комплексом старого города с каналами, застройкой своеобразной архитектуры, обилием цветов. На знакомство с городом был только один день, но мы успели осмотреть довольно много. Прошлись по центральной улице, соборной площади, набережным главных каналов, улице красных фонарей с девушками за стеклом, зазывающими посетителей. Успели заглянуть и на знаменитый блошинный рынок, покупать что-либо не было планов, но посетить было интересно.

Расселили нас недалеко от Гааги в небольшом городке Нордвике в частных домах. В нашем доме на первом этаже была немного сумрачная гостиная с камином и роялем,

обставленная старинной, украшенной резьбой мебелью: дубовыми шкафами и сундуками, стульями и тумбочками. Стены увешаны картинами и старыми фотографиями тоже в резных деревянных рамах. Наша комната была на втором этаже, куда вела очень крутая лестница без перил.

В Гааге осмотрели Дворец правосудия (Гаагский трибунал), проехали по городу и побродили по посольскому кварталу. В Роттердаме мы прошли по соединяющему берега реки Маас великолепному вантовому мосту, осмотрели университетский комплекс. Город, почти полностью разрушенный во время Второй мировой войны, застроен, в основном, зданиями современной авангардной архитектуры, хотя есть и кварталы в старом голландском стиле, реставрированные или вновь отстроенные.

В Зеландии воды почти столько же, сколько земли; сплошные каналы и отвоёванные у моря территории, ограждённые дамбами. Есть места, где вода выше уровня дороги. Посетили три прекрасных городка: Цирик, Вере и Мидделбург. Но сначала заехали посмотреть на ветряные мельницы и ферму, производящую сыры и изготавливающую клумпы (деревянные башмаки). Владельцы фермы — очаровательная молодая пара — показали процесс изготовления клумпов и сыров, дали их попробовать и предоставили возможность купить всё из имеющегося ассортимента. Сыр мы купили, а от клумпов воздержались.

Ехали по голландской глубинке — везде хорошие дома, выходящие на каналы, частные причалы с лодками или катерами. Поражает открытость жилищ. Занавески, если они и есть, то чисто декоративные, и через большие и чистые окна видны гостиные комнаты с хорошей, но строгой обстановкой, телевизорами, каминами и картинами. Удивительно при этом, что нигде не видно людей. Никого нет в комнатах, никто не торчит в окнах, подложив подушки под локти, как это принято в других странах.

Проехали по большой дамбе, которая используется для получения электроэнергии, и здесь нас настигла новость,

что наш чартерный рейс в Израиль улетает через несколько часов. Неожиданный и неприятный сюрприз, но делать что-то было уже поздно, оставалось сесть в автобус и отправиться в Прагу.

В Праге поехали сразу в аэропорт в надежде, что нас посадят на какой-нибудь рейс в Тель-Авив. Оказалось, что рейсы заполнены чуть ли не на месяц вперёд. Агент в Праге, виноватый в том, что не предупредил нас, как положено, за два дня, заявил, что мы были оповещены, но опоздали, и теперь это наша проблема.

Доказать, что он неправ, было легко по телефонным звонкам, но это ничего не меняло. Надо было где-то остановиться на неопределённое время до отлёта домой. Хорошо, что были резервные деньги, но не так много, чтобы жить в столичных гостиницах. Недорогие студенческие hostels закрылись как раз в день нашего приезда в Прагу.

Виталий побегал по окрестностям, ничего не нашёл и поехал на вокзал в службу размещения. Там встретил Ярослава — владельца квартиры близко к центру города и по приемлемой цене — 35 евро в день. Квартира была отличная, погода тоже. Мы четыре дня с удовольствием гуляли с утра до вечера по знакомым местам Праги. При этом постоянно вели переговоры с израильской фирмой, у которой покупали билет-тур. В конце-концов мы улетели, но возмещения затрат даже на билеты не получили.

Глава третья

Время тревоги нашей

Семейные события

В начале февраля 2007 года Миша отправился в Индию и в предгорьях Гималаев попал в настоящую снежную лавину. К такой погоде он был не готов: ни соответствующей одежды, ни снаряжения у него не было. Спасла его и других немногочисленных в этом районе туристов индийская армия, которая вызволила их из снега и разместила на время на своей базе.

Во всех своих путешествиях Миша избегал проторённых маршрутов и постоянно ездил по глухим местам, где зачастую не было интернета. В Индии это случалось особенно часто, и даже его наличие не обеспечивало постоянную связь, поскольку везде были проблемы с электричеством. Тем не менее, короткие сообщения он, по возможности, присылал и с днём рождения меня поздравил, хотя ради этого ему пришлось совершить длинный и небезопасный поход через горы до ближайшего места с интернетом. Приключений и сложных ситуаций у него было немало. Собственно, вся поездка из них и состояла, но, к счастью, всё закончилось благополучно, и в начале июня он возвратился домой очень худой, но здоровый.

Виталий и Миша. 2007 год

Некоторое время Миша пожил у нас, занимался музыкой и рисованием. Ранее он купил электронное пианино и обучался самостоятельно игре на нём. Я предложила ему попробовать заниматься с учительницей музыки, бывшей у нас в храме регентом хора. Но её метод, рассчитанный на обучение маленьких детей, его не устроил, и после двух занятий он от этой затеи отказался.

Каких успехов он добился, я судить не могу, дома он упражнялся в наушниках. Только однажды слышала его игру. Мы с ним проходили через железнодорожный вокзал, где для пассажиров установлено пианино, он сел и уверенно сыграл какую-то совсем не простую вещь. Мне понравилось, но в музыке я далеко не знаток.

Рисование я могу оценить немного более профессионально и полагаю, что у него, несомненно, есть к нему способности. Рисует на удивление быстро, у него верный глаз и твёрдая рука. Легко добивается не только портретного сходства, но и характерного выражения лиц позирующих. Набросал наши с Виталием моментальные портреты, но сохранился только мой. В настоящее время Миша, к сожалению, рисованием не занимается.

Недавно мне попала в книгу его визитная карточка, на которой он значится как главный эксперт американско-советской фирмы, которую он впоследствии покинул.

И так всегда, как только достигает в чём-то успехов, бросает и начинает заниматься другими делами.

Празднование нового 2006 года запомнилось тем, что меня отпустили из больницы буквально за несколько часов до его наступления. 27 декабря мне сделали операцию на раздробленном локтевом суставе. Двумя днями раньше я отправилась в церковь. При выходе из подъезда сделала только один шаг и в следующее мгновение поняла, что лежу в луже (шёл сильный дождь) и не могу подняться. Немного придя в себя, я встала, поняла, что ударились очень сильно, но всё-таки пошла дальше. Но почувствовала головокружение и возвратилась. Правая рука на глазах достигла двойного объёма. Однако острой боли не было, пальцы двигались, и мы решили ждать улучшения. После двух суток оно не наступило, и пришлось поехать на рентген, который выявил сложный перелом.

Дальше всё закрутилось с необычайной скоростью. Получила направление на операцию, поехали в больницу. Была только небольшая заминка с обручальным кольцом. Пальцы затекли, и снять его оказалось проблемой, но всё-таки удалось, хотя и ободрала сустав до крови. Иначе надо было искать ювелира, который бы согласился распилить его на мне.

В больнице «Рамбам» скорость продвижения к операции не снизилась. Врач, сокрушенно кивая головой, просмотрел снимки, тут же уложили меня на каталку, оперативно проделали все анализы. В операционную, в центральную часть комплекса, меня повезли по бесконечно длинным холодным коридорам, над головой моталась капельница, временами кровать со мной завозили в блестящие

Быстрый эскиз. 2007 год

титаном лифты, и казалось, что ввезли по ошибке и выкачали в том же месте, потому что интерьеры всех этажей одинаковы, как в каком-нибудь фантастическом фильме. Я совсем замёрзла, но мой проводник сказал:

— Ничего, сибирякам не страшен здешний холод, сам я три года служил в Заполярье.

Непонятно, почему он это сказал, про моё сибирское происхождение он не знал, мы с ним вообще не разговаривали.

Наконец я оказалась в ослепительно яркой предоперационной. Надо мной склонилось приветливое лицо медсестры, она справилась, как я себя чувствую, и хорошо ли я понимаю её иврит. Обложила меня горячими простынями, и мне сразу стало хорошо. Сестру сменил красавец мушкетёрского типа, я предположила, что он хирург, оказалось, что анестезиолог, но моя ошибка ему определённо польстила, и мы поговорили на тему разного статуса врачей. На больших часах время было 7:15 вечера.

Операционнаядохнула на меня холодом и кажущейся сумрачностью из-за яркого света софитов, направленных на оперируемого. Вокруг что-то молча делали человек 5 мужчин, а около изголовья возникло доброе лицо молодого человека, одетого в светло-зелёный халат и похожего на Карлсона. Он ласково говорил:

— Вот сейчас мы вас немного разденем, но в данном случае это ничем вам не грозит, прикрепим датчики, а вы пока подышите кислородом.

Я спросила, он ли будет делать операцию, и как его зовут. Утвердительно кивнув, он не ответил на мой второй вопрос, только сказал:

— Продолжайте дышать.

Тут я заметила, что маска неплотно прилегает, и с трудом открыла глаза. Первое, что я увидела, были знакомые часы в предоперационной, но они показывали уже 9 часов. Операция позади, через правую руку волнами поступает тепло, я опять отключилась и пришла в себя, когда

надо мной склонилось бледное и озабоченное лицо Виталия. Это было уже в палате ортопедического отделения в 12 часов ночи.

Через день после операции мне уже предложили активно разрабатывать руку и принимать душ. Болеутоляющее давали по первому требованию, так что не было никаких страданий, и мужества не нужно было проявлять. Главврач назначил дату выписки на 1 января, я даже немного повозмущалась по этому поводу. Но Виталий успокоил меня, сказал, что подойдёт к 12 ночи, и вместе встретим Новый год. Но вечером предновогоднего дня лечащий хирург отпустил меня праздновать дома. А дома меня ждала идеально убранная квартира, праздничный обед и сверкающая огоньками ёлочка.

Виталий в эти годы, как всегда, занимался домашними работами, совмещая в одном лице столяра, сантехника, электрика и системного администратора. Активно играл в теннис, катался на велосипеде, совершал регулярные подъёмы по тропе на гору Кармель. В очередной раз попробовал научить меня играть в теннис. Первая попытка была сделана ещё в Хосте сорок лет назад, потом повторилась в Москве без особого успеха. Тренер корта, он же наш друг Саша, меня очень хвалил, но пришлось и на этот раз прекратить, поскольку после операции я стала опасаться падений.

В марте 2006 года мне сделали ещё одну операцию — удалили катаракту на правом глазу. Где-то я прочитала или услышала фразу: «Операция катаракты очень страшна потому, что видишь иглу, входящую в глаз». Ничего подобного я не видела, а только три ярких, как свет от электро-сварки, плавающих пятнышка, и, казалось, врач пытается их поймать. Когда ей это удалось, осталось равномерное световое поле, и я поняла что хрусталик вынут. Потом яркие пятнышки снова появились, значит, искусственный хрусталик вставлен. Минут через 30 я услышала: «всё идеально», а спустя час после операции сестра сказала, что

нечего лежать, пора идти на обед. За столами сидели одноклазные пациенты с наполовину замороженными головами (анестезия ещё не отошла) и усердно поглощали обед, который заказывали по своему желанию, как в ресторане.

На следующий день после снятия повязки я сделала открытие, о котором мне раньше никто не говорил. Цветовосприятие у оперированного глаза изменилось: необычайно яркими и насыщенными стали синие, голубые и фиолетовые тона. Предполагаю, что таким ярким видят мир дети с незамутнёнными хрусталиками. Через второй глаз всё казалось теперь серовато-жёлтым. Яркость цветов постепенно и незаметно снижалась, и через неделю всё пришло в прежнее состояние.

Поездки по стране

В 2006 году в Иерусалиме я побывала трижды. В первый раз на Крещение. Накануне, в Крещенский сочельник, наш священник предложил поехать с ним на машине на Иордан, на место крещения Иисуса Христа. Оно находится при впадении реки в Мёртвое море, на палестинских территориях, и проезд открывается только один раз в году. Ночью был сильнейший дождь, и утром я пробиравась до машины буквально через озёра, а в одном месте даже лежали пласты града. В дороге нас ещё настигло несколько зарядов ливня. Но, несмотря на дождь, мы всё-таки сходили в храм Гроба Господня. Шли быстро по скользким камням узких улочек, рука моя после операции была подвешена на повязке, и я очень боялась упасть.

Иордан встретил нас солнечной, почти весенней погодой. За 4 км до реки стояло множество автобусов, подождавших народ, который шёл дальше пешком по бетонной дороге, покрытой жидким слоем грязи, что для ходьбы небезопасно, но добрались благополучно. У реки собралось множество людей, среди которых были и паломники из России. Большинство из них входило в воду в белых длинных рубахах, как при крещении. Тогда это место ещё

не было оборудовано, как это сделано сейчас. Берег в этом месте крутой и скользкий, и выход возможен только с помощью окружающих. После таких спасательных операций все белые одежды были в грязи, а их обладатели светились счастьем. С благоговением наши люди пили и мутную, жёлтого цвета, набранную здесь же речную воду.

В начале марта я ещё раз была в Иерусалиме с группой христиан из Хайфы и окрестностей. После службы в храме Николая Чудотворца мы поехали в совершенно необычный, вырубленный высоко в скалах монастырь святых Георгия и Иоанна Хозевитов. Монастырь был основан в IV веке н.э., и его постройки с древними храмами, часовнями и садами VI в. висят, как ласточкины гнёзда, на почти отвесных скалах. Он находится на арабских территориях в Иудейской пустыне, вблизи города Иерихона.

От дороги его отделяет тропа среди скал длиной примерно в два километра. У начала тропы слабосильных паломников поджидают ослики с проводниками. В старые времена монастырь был почти недоступен, и подняться в него можно было только в корзине, спускаемой из самого здания. Во время нашего посещения в монастыре жил один монах и несколько помощников-арабов.

Монах встретил нас очень приветливо и вынес для угощения закопчённый чайник с кофе и маленькие стаканчики. Кофе был просто бесподобен на вкус и самый крепкий, который я пила в жизни. Охотников до него было немного, и я выпила второй стаканчик. После этого моё сердце забилося так, что чуть из груди не выскочило, никогда не испытывала такого ощущения.

В эту же поездку мы посетили ещё несколько мест, упомянутых в Евангелии: монастырь св. Онуфрия, построенный на месте земли Горшечника или земли Крови; долина Гийом, Силоамский бассейн.

Очередное «малое паломничество» в Иерусалим совпало с Троицкой родительской субботой. На большом туристическом автобусе я вместе с прихожанами нашего

храма поехала сначала на службу в храм Николая Чудотворца в старом Иерусалиме недалеко от Новых ворот.

Отец Александр, еврей, бывший ортодоксальный раввин, а ныне греческий священник, несмотря на то, что неплохо знает русский язык, ведёт службу на иврите, изредка переводя некоторые слова и выражения. Вместе с ним служил гость — священник из Америки, внук известного религиозного философа Н.О. Лосского. По завершении панихиды отправились пешком по маршруту: Греческая Патриархия, Храм Успения Богородицы, Сионская Горница, Храм Петра, дом Симеона Богоприимца, место Вознесения Христа, могила пророка Самуила.

Со священником мы смогли зайти в храм Греческой Патриархии, богато украшенный росписями и имеющей свою историю. Храм Успения Богородицы по одной из версий построен на месте дома, где закончилась земная жизнь Божией Матери. Предполагают, что здесь постоянно собирались апостолы и была церковь Иакова, сводного брата Христа. Храм построен, в основном, на деньги немцев, но по периметру на двух уровнях располагается множество часовен, принадлежавших другим западным странам. Все иконы в часовнях мозаичные, есть, как и в большинстве немецких храмов, большой орган. В крипте размещена чудотворная икона Черниговской Божьей Матери и скульптурное изображение усопшей Богородицы. Склеп с её захоронением находится в Гефсимании.

В Сионской горнице было три упомянутых в Евангелии события: Тайная Вечеря, предшествующее ей Омовение ног и Сошествие Святого Духа. Сейчас это пустое сводчатое помещение с оставшимися от расположенной здесь когда-то мечети углублениями в стене (михрабами). Принадлежит горница евреям ортодоксам, но посещения туристами разрешены. В день Святой Троицы проводится служба высшими иерархами христианских церквей.

Храм Петра построен на фундаментах бывшего дома Каиафы. Здесь, во дворе, Пётр трижды отрёкся от Христа до

того, как запел петух, что отражено и в названии церкви — Галликанту, что на греческом языке означает «пение петуха». Сохранились помещения тюрьмы, где содержались узники и куда был помещён Христос: мрачные катакомбы из громадных камней, некоторые из которых с красными вкраплениями цвета крови. В нижней камере лежит книга с 88 псалмами на многих языках, и группы по очереди читают их и поют. Мне довелось прочесть псалом от имени нашей группы. Вверху новый храм XIX века, известный тем, что на его мраморном мозаичном полу выложены кругом знаки Зодиака, символизирующие месяцы года.

В доме Симеона Богоприимца живёт монах, который радушно принимает паломников и дарит всем, подходящим к нему на благословение, маленькие иконки с изображением святого. Такую иконку получила и я.

Место Вознесения Господня расположено в восточной, арабской части Иерусалима. Оно представляет собой простую часовню, не очень ухоженную, для арабов-мусульман это просто место сбора денег. Во время нашего посещения при входе в часовню крутились парни, продавали календари и какую-то мелочь. Здесь одна наша прихожанка обнаружила, что у неё пропал кошелёк со всеми документами, деньгами и кредитными картами. Гид пригрозила парням, что позвонит в полицию, если через 5 минут кошелёк не возвратят. Вернули в полной сохранности.

В завершение путешествия посмотрели на Иерусалим и его окрестные районы с самой высокой точки Иудейских гор, с места гробницы пророка Самуила.

Позже с группой местных паломников я была в Яффо в храме архангела Михаила, стоящем на самом берегу и продуваемом насквозь морским ветром. Увидеть его можно только с набережной, со стороны города он закрыт застройкой. В храме пел великолепный греческий хор с сольными певцами на уровне оперных. Часть нашей группы составляли арабы, прихожане о. Романа. Он, будучи

арабом по происхождению, получил образование в Америке и дополнительно в русской духовной академии. Некоторые наши прихожане ездили постоянно на его службы, а впоследствии присоединились к его пастве. Говорят, он душевно относится к каждому человеку, по-настоящему помогает духовно и житейски. Об этом упоминает Л. Улицкая в своей книге «Даниил Штайн, переводчик».

Побывала я и в палестинском городе Лидде с гробницей св. Георгия Победоносца в крипте посвящённой ему церкви. На стенах храма висят кандалы и цепи, в которые, по преданию, заковывали святого. У входа в церковь по праздникам, как и в древности, арабы режут баранов на предусмотренном для этого ритуала месте.

На праздник Преображения Господня прихожане нашего храма Ильи Пророка часто заказывали автобус и сразу после вечерни ехали на ночную службу на гору Фавор.

Однажды к ним присоединилась и я. Народу на горе оказалось неисчислимое множество. В основном это были арабы, но довольно много и русскоговорящих израильтян и паломников. В нескольких местах стояли длинные очереди на исповедь. Ночью на гору, как и две тысячи лет назад, опустился густой туман. Резко похолодало, всё приобрело неясные очертания, казалось, находишься в глубокой древности и вот-вот произойдёт чудо. Но перед причастием пришлось возвратиться из этого благостного состояния на грешную землю. Народ перед чашей сбился в такую плотную массу, что невозможно было не только выбраться из неё, но и руку поднять. Явной агрессии не было, но люди молча, оттесняя соседей, яростно рвались вперёд. В этом чувствовалось что-то восточное, первобытное.

Вторая Ливанская война

Война для нас началась 13 июля 2006 года, хотя инцидент с захватом солдат, послуживший её поводом, произошёл на день раньше. Мы с Виталием как раз посмеивались над угрозой Насраллы обстрелять Хайфу, когда что-то

вдруг бабахнуло с такой силой, что, казалось, обрушился соседний дом. Некоторое время стояла мёртвая тишина, потом внизу загалдели и куда-то побежали соседки. Мы так и не узнали, что это было, пока по ТВ не передали, что ракета попала на склон горы неподалёку от нас. Пострадавших не было и совсем не было страшно. Никто не сомневался, что на этом всё закончилось. В предыдущую Ливанскую войну 1987 года всё было в точности так же — одна ракета упала в Хайфе, не причинив никому вреда, не считая сердечного приступа у одной женщины.

Однако спустя день обстрелы стали частыми и регулярными. Они начинались, как правило, между 10 и 11 утра и заканчивались около 7 вечера.

Были и отступления — с началом атак в 5 утра и их концом в 9 вечера. Ночью было тихо, по вспышкам можно обнаружить места запуска ракет и уничтожить пусковые установки, что в планы Хизбаллы не входило. К нашему несчастью, стрельба велась прицельно по району, где мы живём. Во-первых, он хорошо виден благодаря выступающему в море и развёрнутому в сторону Ливана отрогу горы Кармель. А во-вторых, здесь находятся две военно-морские базы, локаторы и крупнейшая на севере страны больница.

Сирены обычно включались за минуту до падения ракет, но бывали падения и без предупреждения. Так был разрушен дом недалеко от близлежащей почты. По счастливой случайности наша знакомая землячка, которая оставались одна с сыном в этом доме, не пострадала, если не считать психологического срыва. До этого случая мы совсем не боялись и не только не ходили в бомбоубежище, но и не выходили на лестницу, как это рекомендовалось. Я просто садилась в кресло и закрывала голову подушкой или залезала под кровать, над чем Виталий постоянно смеялся.

Теперь же стало ясно, что ни подушка, ни кровать не спасут, и я с большим трудом уговорила Виталия поехать к друзьям в Нетанию. После двух проведённых там ночей, Виталий возвратился в Хайфу под предлогом взять

лекарства и другие нужные вещи. День был относительно спокойным, и вслед за ним последовала и я. Автобус, в котором я возвращалась, был полон солдат, молчаливо ехавших на фронт. Гражданских лиц, кроме меня, не было, и это выглядело грозно.

Затишье оказалось недолгим. Уже на следующее утро сирена выла каждый час, а вслед за ней слышались глухие или громкие взрывы ракет, в зависимости от того, как далеко от нашего дома они падали. Несколько ракет упало в море, будка спасателей и сейчас вся в дырках от стальных шариков, которыми начинают ракеты для большего поражения населения.

Некоторые смельчаки продолжали купаться в море, говорили, что троих ранило. Вслед за взрывами начиналось завывание скорых и пожарных машин, и мы по этому вою догадывались, куда нанесён удар. По ТВ непрерывно передавали информацию в прямом эфире, но места падения не оглашались, чтобы не давать врагам наводки. Ракеты стали попадать и в другие районы, одна упала прямо на центральную почту, которую только что закрыли на обед. Это спасло много людей, но всё-таки убило одного прохожущего и тяжело ранило женщину.

В общей сложности мы прожили под обстрелом около двух недель. Многие покинули город в первые же дни войны. По ТВ показывали абсолютно пустые улицы с редкими машинами, в точности, как в городах-призраках. Некоторые люди не выходили из бомбоубежищ, а легкомысленная часть населения, вроде нас, сидела по домам.

Потом мы узнали, что бомбоубежище в нашем дворе было образцово-показательным, туда возили всех журналистов для съёмок, а мы не заглянули ни разу. Большая часть людей уезжала к родным, знакомым и незнакомым. Люди из разных городов давали объявления с приглашением приехать на время войны в их дома и квартиры. Создавались различные лагеря и палаточные городки на пляжах. Везде бесплатно кормили и развлекали. Отдель-

ные граждане и в такой ситуации выбирали семьи побогаче и места получше.

Нас тоже приглашали все, кто нас знал, даже бывшая Мишина подружка звала нас к себе в Тель-Авив. Марика была в то время во Франции и договорилась о том, чтобы нам передали ключи от её дома в Эйн-Ходе, который не обстреливался. Роман, несмотря на опасность, предлагал приехать за нами на машине и забрать в Реховот. Мы были благодарны всем этим людям, но держались и последними покинули свою квартиры в нашем подъезде и, наверное, в целом доме.

Виталий по утрам ездил на рынок и в магазин, а в промежутках между сиренами мы делали всё остальное. Приходилось, конечно, часто прерываться. Я сразу выключала газ, выходила на лестницу или садилась в угол спальни, который по нашим расчётам был наиболее безопасным местом. Виталий продолжал заниматься своими делами. Самым беспокойным мероприятием было принятие душа. Находясь там, я постоянно боялась, что в случае пожара или попадания ракеты придётся выскакивать из дома раздетой. По ТВ рассказывали о подобных ситуациях, но обошлось.

Поначалу я была относительно спокойна и писала икону Благовещения (сейчас она в храме Ильи Пророка в Хайфе), но потом это занятие пришлось оставить. Для отвлечения начала шить юбку из лоскутов под названием «Вторая Ливанская», но закончить не успела, события стали быстро развиваться в худшую сторону.

Икона «Благовещение».
2006 год

По нашему району всё палили и, наконец, однажды вокруг дома упали сразу четыре ракеты — две в конце набережной у ресторана, одна в море, а ближайшая ракета — менее чем за 100 метров от нашего дома. Он содрогнулся, что-то посыпалось с крыши, зазвенели стёкла. Загорелось несколько машин на улице, и, как потом оказалось, забор и остановка были прошиты стальными шариками, а весь наш двор засыпан осколками. Это было уже слишком.

Виталий тут же по интернету заказал билеты в Прагу, поехал в турагенство, но их уже продали, осталось только два на другой рейс, но дорогие. Он было начал сомневаться, но звук падения очередной ракеты решил дело, и мы отправились в Чехию.

Чехия, Бельгия и Люксембург

Виталий постоянно сочиняет шуточные стихи на текущие события нашей жизни и очень смешит меня ими. К сожалению, они забываются, но эти я записала:

Два путника усталых, гонимых Хизбаллой,
Удравши от бомбёжек, в горах нашли покой.
Им снятся мин разрывы, сирены близкой вой.
Они снимают стрессы минеральной водой.

По прибытии в Чехию мы действительно ощутили усталость от постоянного физического и психологического напряжения и радовались, что нет воя сирен и ракетных взрывов. Поселились у своих старых хозяев Иосифа и Марты. К счастью, у них была свободная комната, а через 5 дней освободились и наши постоянные скромные апартаменты с отдельным входом.

Собирались мы в спешке, забыли некоторые нужные вещи, на месте всё купили и никаких неудобств не испытывали. Но оба почти сразу заболели чем-то вроде гриппа и приходили в себя целую неделю. Как и в похожем случае

в Москве, мы лечились смородиновым отваром. Ягоду, необыкновенно крупную, величиною с крыжовник, набрали на опушке какой-то деревни. Мы думали, что она никому не принадлежит, а потом поняли, что кусты относятся к личному, но не огороженному саду. Более того, похоже, что человек, обрабатывающий невдалеке землю на маленьком тракторе, был хозяином, посматривал на нас, но ничего не сказал. Виталий на эту тему написал стих в подражание Горацию:

С посохом дама в платке,
Плавню вращая кормою, мимо проплыла.
Много в её рюкзаке было ягоды спелой.
Будет усердный садовник зимой без варенья.

Писал он и на другие темы, например, связанные с воздействием минеральной воды на организм.

Дама с посохом лёгкой походкой прошла,
Видимо, где-то пописать сумела.

Или:

Вскачь пронеслась по тропинке лесной
Быстроногая дама, бюстом тряся, —
Много ещё у неё впереди километров.
Наша задача скромнее — пописать в сторонке.

После ракетных обстрелов в Чехии нам всё казалось замечательным. Три недели в Маринске-Лазне, несмотря на довольно однообразную жизнь, пролетели быстро. Одну неделю провели в поездке, а после возвращения ещё две отдохнули на зелёных газонах парка и в свежей сосновой атмосфере лесов.

Несмотря на то, что в Голландии мы были в прошлом году, решили поехать снова, потому что на этот раз было

В Голландии. 2006 год

предусмотрено посещение Люксембурга и другой, северо-западной части страны — Фрисландии. Оказалось, что она даже более интересна, чем Зеландия.

Как и в предыдущих чешских группах люди были спокойными, дисциплинированными, никого не приходилось ждать, выезжали со стоянок минута в минуту. В отличие от израильских русскоязычных групп, никто не навязывал дополнительных экскурсий, не собирал деньги гиду, не тащил продукты из ресторана.

В первый день мы побывали в четырех местах: Гитхорне,

Орвелте, Бауртанге и Гронингене.

Гитхорн — маленький старинный городок, практически деревня на берегу большого озера. Вся она изрезана каналами, по берегам которой утопают в зелени и сказочных цветах дома из мелкого кирпичика, уложенного сложным узором. Очень красивы крыши из камыша — местный строительный материал, в изобилии растущий у озера. Почти у каждого дома индивидуальный причал и лодка. Окна сверкают чистотой, а на подоконники принято ставить два одинаковых предмета: горшочки с цветами, свечи в красивых подсвечниках, вазы или какие-нибудь фигурки. Мы катались здесь на лодке по каналам и озеру и не могли налюбоваться.

В Орвелте старая часть поселения превращена в музей под открытым небом. Там поддерживаются в порядке капитальные дома с сохранившейся старой утварью, громадные сараи, в которых делают керамику по старой технологии, мельница, мастерские.

Бауртанге — оборонительное сооружение с крепостью, земляными валами, окружёнными каналами, мостами и воротами. Гронинген — главный город Фрисландии с хорошо сохранившейся центральной площадью, соборами, прелестными улочками. Там в хорошей гостинице «Меркурий» за завтраком меня привлёк необычайно многообразный ассортимент натуральных соков. Из-за непонятных названий пришлось выбирать по цвету. Мне достался дивного вкуса клюквенный, а Виталию, кажется, малиновый..

Посетили несколько маленьких городков Фрисландии: Соеверейн, в гавани которого стоят старые традиционные корабли, а на побережье современные дома; Хинделопен с его узкими старинными улочками и древним музеем; Варкум — бывшее пристанище пиратов; Маккум — с 1660 года славившийся производством сукна.

Далее были уже знакомые города: Амстердам, Гаага, Роттердам. Однако наши маршруты были другими, и мы расширили о них своё представление.

Затем следовала Бельгия и Антверпен, с его известным собором, а также другими, тоже великолепными, хотя и менее знаменитыми сооружениями. Здесь мы остановились недалеко от центра города в еврейском квартале, где не одно столетие занимаются обработкой и продажей бриллиантов. Естественно, наш отель назывался «Диамант», а по улицам расхаживали важные ортодоксальные евреи с пейсами в традиционных сюртуках и шляпах, в том числе меховых. Для нас это была привычная картина, а попутчики смотрели на них с изумлением.

Города бельгийской Фландрии: Антверпен, Брюгге, Гент, Мехелен и особенно Брюссель, — совершенно великолепны, с прекрасными старыми площадями, многочисленными каналами, множеством замечательных соборов и монастырей. Брюгге славится средневековым комплексом зданий, покрытыми брусчаткой улицами, множеством каналов из-за чего его называют «Северной Венецией».

Мехелен знаменит своими колокольными звонами, дивный их перезвон постоянно звучит с колокольни кафедрального собора. Надо признать, что он мелодичнее и нежнее наших российских звонов. Считается, что отсюда произошло выражение «малиновый звон» (искажённое «мехеленовый»).

В Брюсселе мы побывали на одной из самых прекрасных старых рыночных площадей мира. И хотя она была нам знакома по иллюстрациям и телевидению, в натуре производит значительно большее впечатление. Окружающие её улицы наполнены активно покупающими всё подряд туристами. На изумительные брюссельские кружева и художественную керамику мы только смотрели, а покупали, конечно, шоколад и необыкновенно вкусные хлебобулочные изделия. Во множестве ресторанов, подают устриц в горшках с чёрными ракушками. Вот уж чего мне никогда не хотелось попробовать! Толпа народа постоянно стоит вокруг «Писающего мальчика», известного символа города. Во время нашего посещения он был по какому-то случаю одет в костюмчик. Станный обычай одевать скульптуры, в том числе и святых. Впечатляюще выглядят кварталы Европейского парламента и расположенный на окраине Брюсселя комплекс «Атомиум», бывший символом Всемирной выставки 1957 года. Рядом в прекрасном парке воспроизведены в миниатюре знаменитые архитектурные памятники мира.

Последним пунктом нашего путешествия был Люксембург. Он находится в предгорьях Арденн, на холмистом рельефе, что делает его весьма живописным. Старый город стоит на отвесной скале и благодаря этому в своё время был совершенно неприступен. Застройка капитальная, без вычурности, в серо-белых тонах. В город мы прибыли в субботу и по совершенно пустым улицам ходили осматривать замок правителя, мост головокругительной высоты, собор, дома на разных уровнях, памятник всем погибшим поимённо в войнах, начиная с Первой мировой.

Местных жителей почти не видели, кроме одиноких посетителей в ярко освещённых барах. Опять, как и в Голландии, возникал вопрос: «Где в этих странах люди, которые так замечательно сумели устроить свою жизнь?»

Анталия

На моё семидесятилетие мы направились в Анталию, о которой много были наслышаны в связи с её популярностью как у русских, так и у израильтян. Настроены по отношению к ней мы были скептически, но неожиданно нам всё там понравилось. Сам полёт был лёгким и быстрым. В аэропорту нас встретили, доставили в гостиницу, покормили завтраком. Гостиница отличная, номер с прекрасным видом на море и горы, двухразовое отличное питание без ограничений, обильный и разнообразный шведский стол. Особенно хороши супы со специями разных сортов, пловы, изумительные торты. Персонал предупредителен, каждый день при приборке номера на покрывале выкладываются фигурки лебедей из белых полотенец, сердечки и прочие произведения гостиничного искусства. Открытый бассейн тоже хорош, мы там каждый день плавали до ужина после похода по городу.

Город Анталия, согласно легенде, был не то местом жительства богов, не то раем, так что о его красоте излишне даже и говорить. Роскошный залив, горы, долины с полноводными реками — все условия для людей, вот они и живут здесь всегда. Вокруг множество памятников древних цивилизаций, а музей полон предметами, насчитывающими тысячи лет. По числу греческих и римских скульптур местный музей считается одним из главных музеев мира. А в земле их, вероятно, ещё больше, на раскопках постоянно находят всё новые и новые артефакты.

Мы провели в музее много времени, в основном в разделе скульптуры, с интересом посмотрели и раздел традиционной турецкой жизни.

В Анталии. 2007 год

Турция удивила нас чистотой улиц, набережных и пляжей. Они тянутся на многие километры вдоль залива и прекрасно обустроены. В первый же день прошли по набережной от конца и до конца, не менее 10 км, немного обгорели на солнце и перегрелись.

Крутые склоны залива разделены террасами, которые хорошо обустроены для отдыха: много скамеек, фонтанов, источников с питьевой водой и, конечно же, бесчислен-

ные кафе и рестораны.

Отдыхающие на скамейках турки в полном молчании сидят в тенёчке с таким видом, как будто они всегда на этом месте были и будут.

В старом городе от римской эпохи неплохо сохранились стены замка, арка Адриана и мавзолеев. Очень живописны узкие улочки, превращённые в импровизированные галереи турецкого народного творчества вперемежку с пунктами питания. Всё завешено коврами, вышивками, одеждой, кожаными изделиями, утварью. Продавцы попивают чай из своих стеклянных с узкими серединками стаканчиков, но, завидев туриста, бросаются наперерез с вежливыми приглашениями посетить. Один из таких зазывал сказал Виталию, что он немедленно должен подкрепиться, потому что выглядит голодным. Это нас очень рассмешило, мы только что встали из-за стола после сытного завтрака.

Современная архитектура города разнообразна и красочна. Особенно ярко раскрашена небогатая малоэтажная застройка, что не стоит больших вложений, а выглядит нарядно. Множество мечетей и минаретов. Местный народ одет опрятно, мужчины поголовно в начищенной обуви из мягкой кожи, женщины в затейливо сшитых нарядах. Город показался нам интересным, и мы целыми днями бродили, постоянно попадая во всё новые чудные уголки. Погода была жаркая и сухая, и мы выпили, наверное, центнер воды, очень, надо сказать, вкусной.

Мой семидесятый день рождения совпал с праздником Вознесения. Восходящим потоком с самого утра была подхвачена и я. Погода, вопреки метеорологическим прогнозам, выдалась чудесная. Жар предыдущих дней погасился лёгкой дымкой, море вместо бледно-голубого стало тёмно-лазоревым, а горы синими. В роскошном парке, через который мы шли к набережной, пахло хвоей, на широких аллеях ещё лежали утренние тени, в водоёмах плавали громадные форели. Было пустынно, и только на площадке с гимнастическими снарядами турецкие женщины, некоторые в хиджабах, яростно и безуспешно сражались со своими фигурами.

Пляж тоже был пуст, насколько хватало глаз, только изредка кто-нибудь проходил, шурша мелкой галькой. Вода прозрачная, тихая, как в озере, и неповторимый морской запах, который в Израиле почти не чувствуется. И всё это великолепие было мне подарено на юбилей.

Прощание с родиной

К своему юбилею я приурочила и поездку в родной город, где была в последний раз четверть века назад. В Новосибирск прилетела рано утром, встречающих не оказалось, потому что я сообщила им по ошибке другое время прилёта. К счастью, у меня было 100 рублей, которые Виталий где-то у нас нашёл, и они мне как разгодились для билета на маршрутку. По дороге казалось,

что я попала в другой, незнакомый город: ехала из нового аэропорта, по новой скоростной трассе, мимо новых жилых районов. Наконец начали попадаться старые и милые знакомые дома, казавшиеся теперь маленькими и серыми на фоне стекла и рекламы. На месте оврагов, по которым протекали грязные речки Каменка и Ельцовка и селился самый бедный народ, теперь элитное жильё, а сами они спрятаны под землю. Мост через Обь, на строительстве которого я работала, будучи студенткой, тоже стал как-то меньше и незаметнее. И даже гордость города — Оперный театр со своим знаменитым куполом утратил былое величие из-за установленных перед ним на площади нелепо больших безвкусных скульптур. На центральной улице города — Красном проспекте застройка существенно обновилась, реконструирована и её историческая часть.

Погода была жаркая, но я, глядя на знакомые здания, вспоминала, как бежала по проспекту в морозные дни с онемевшими от холода коленками и говорила себе: «Ещё немного, и я уже около Генштаба, вот я уже около гастронома, а теперь осталось пробежать только две трамвайных остановки, и я дома».

Теперь на его месте какое-то производственное здание и проложена широкая транспортная магистраль. Несколько частных домов на соседней улице сохранились, но осели, из-за заборов видны только их крыши, деревья разрослись. Улицу захватили гаражи, и среди многоэтажных жилых домов этот кусочек старого города совершенно затерялся. А между тем за глухими заборами люди продолжают здесь жить с печками, скрипучими полами и уборными во дворе. Эта исчезающая натура, как символ ушедшей эпохи, а также кладбище с могилами родителей более всего тронули моё сердце. Кладбище я посетила в первый же день приезда, это был день памяти мамы. С сёстрами Зоей и Галей мы обошли могилы всех захороненных родственников, и у каждой из них зажигали свечи из храма Господня в Иерусалиме и читали молитвы.

Зоя разработала для меня обширную программу, которую я выполнила только частично, но и этого хватило на все две недели. Посетила Троицкий собор, где мама была прихожанкой и я в детстве иногда ходила. Зашла и в собор Александра Невского, заброшенный в моё время и восстановленный в последние годы. Там мне очень понравились прекрасные новые росписи в сдержанных элегантных голубых тонах.

Практически ежедневно были встречи, застолья, разговоры и воспоминания. Мы с Зоей приготовили праздничный стол и пригласили родственников. Все пришли оживлённые, нарядные, с цветами, шампанским и овощами со своих дач. Казалось, я и не уезжала из города почти полвека назад. Отметим в семейном кругу и день рождения моего племянника Степана, который совпадает с датой утверждения моей докторской диссертации в ВАКе. Глядя на него, понимаешь, как невероятно много времени прошло с тех пор.

Сын племянницы Татьяна Аркадий возил показать свою ультрасовременную дачу на берегу Бердского залива. Кофе с мороженым пили на другой стороне залива на даче у Аркашиной тётки. Дома у Аркаши нас встретила его жена Соня с дочкой Маргариткой, одетые в длинные платья, обе только что из салона со свежими причёсками. На столе новая скатерть, праздничная посуда, закуски и два роскошных торта — бисквитный и мороженный. Словом, сплошное великолепие.

За время поездки мне удалось встретиться со всеми тремя основными подругами моей жизни: Ниной, Галей и Гелей. Нина, с которой мы дружили начиная с четырёхлетнего возраста, специально приехала из Томска для встречи со мной. Галя и Геля были подругами институтских лет. Со всеми вспоминали юность, институтские годы, житейские события. Нина и Галя похудели, а Геля, наоборот, располнела. Она перенесла два инсульта, но разум и память не потеряла. В эту последнюю встречу она потрясла меня историей своей первой и взаимной любви.

Начало её я знала, знала и все несчастные обстоятельства, помешавшие им быть вместе. Но не знала, что их любовь продолжалась всю жизнь, несмотря на то, что оба имели семьи, детей и жили в разных городах. Провожая меня, Геля вышла на лестницу и сказала:

— Прощай, Валя.

Это было так печально, трогательно и окончательно, что каждый раз при воспоминании об этом у меня сжимается сердце.

В молодости я часто ходила в городскую художественную галерею и на этот раз поспешила её посетить. Она переместилась в другое здание, но коллекции, как мне сказали, в основном, те же. Я мало что вспомнила из бывлой экспозиции, только Рериха и ещё несколько характерных картин. Интересен для меня был прежде отсутствовавший раздел икон, где представлены разные сибирские школы иконописи.

Зашла и в Музей архитектуры им. С.Н. Баландина. Вот уже и музеи называют именем моих хорошо знакомых людей. Расположен музей в здании бывшей партшколы, где теперь Академия архитектуры. Она выделилась из Инженерно-строительного института НИСИ, который я окончила. Музей создан на основе материалов об институте и о Новосибирске, которые собирал всю свою жизнь профессор Сергей Николаевич. Им изданы две солидные монографии о городе, и я имею честь хранить их с дарственной надписью. В мою бытность незаметной студенткой он был уже на невообразимой для нас высоте аспирантуры, вёл занятия, и мы его называли «Баландой». Спустя десятилетия я пригласила его в Комиссию по архитектуре Минвуза СССР, которой руководила, и мы несколько лет работали в ней вместе.

Посетив все памятные места и дорогих мне людей, туманным августовским утром под накрапывающим лёгким дождичком я навсегда простилась с родным городом.

Глава четвёртая

Снова в пути

Семейные события

В апреле 2008 году у Виталия обнаружили болезнь крови. Чувствовал он себя нормально, вёл обычный образ жизни, и лечение не было назначено. Мы спокойно поехали в Чехию, но в сентябре, в конце нашего пребывания там, у него начались недомогания. Мы не связывали их с поставленным диагнозом даже после того, как повышенная температура стала постоянной и появились другие неприятные симптомы. Виталий не хотел обращаться к врачу, несмотря на мои настойчивые просьбы, но всё-таки пришлось это сделать. Его положили в больницу и поставили диагноз лейкоз. Провели необходимое лечение, выписали и назначили химиотерапию.

Она началась только через два месяца беспокойного ожидания. Такая недопустимая затяжка была связана с тем, что наш семейная врач была в декретном отпуске, а её неопытная заместительница не знала, как оформить разрешение на дорогостоящие лекарства и анализы. Конечно, надо было идти к начальству и требовать немедленного решения вопроса, но мы доверяли врачу, обещавшему, что это произойдёт со дня на день.

Курс лечения Виталий проходил в соседней с нами больнице Рамбам в течение пяти месяцев. Переносил он процедуры сравнительно легко, если можно такое слово употреблять для тяжёлых процедур с ещё худшими последствиями. Во всяком случае, от больничного лечения отказывался, хотя бывали очень опасные периоды и неприятные ситуации. Однажды в больнице пришлось очень долго ждать лекарства, а потом сестра, чтобы ускорить процесс, влила его в вену за полтора часа вместо трёх. Только сильный организм Виталия спас его от гибели, т.к. сердце с трудом справилось. В следующий раз, когда брали на анализ костный мозг, попали в нерв, и рука у Виталия стала плохо подниматься, а лопатка неестественно выпирать. Мы боялись, что это уже останется навсегда, но постепенно всё возвратилось на свои места.

Последний курс химиотерапии должен был оплачиваться нами самостоятельно, но врач сумела включить Виталия в число пациентов, проходящих экспериментальное, а следовательно, бесплатное лечение. Впрочем, предыдущий курс тоже был экспериментальным, но более обширным по числу участников. В последнем было только пять человек на всю страну. Для Виталия он закончился с хорошим результатом, и теперь это лекарство применяется в Израиле.

Однажды мы заболели вместе, простудились в жару из-за собственной оплошности: спали под включённым кондиционером. Температура поднялась у обоих выше 40°, пришлось обратиться в больницу, поскольку была суббота и врачи не работали. У Виталия обнаружили воспаление лёгких и госпитализировали, а мне сбили температуру и отправили домой. Дома температура немедленно возвратилась в исходное состояние, но второй раз не пойдёшь, и так мне этот визит в больницу обошёлся почти в 300 долларов.

В промежутках между медицинскими событиями мы вели обычный образ жизни и даже совершали зарубеж-

ные поездки: побывали в Закарпатье, на Мальте, в Италии, в Москве. Были у нас и гости — в апреле 2010 года моя сестра Галя из Новосибирска, а в январе 2012 года — внук Миша из Москвы.

Все эти годы я много писала икон. Кроме Параскевы, появилась ещё одна московская заказчица Елена, которая вскоре переехала в Швейцарию. Ей я написала шесть икон, причём почти в каждом случае при всём моём старании возникали при письме какие-то сложности и оставались какие-то огрехи: то левкас начинал «кипеть», то забуду подписать икону. Но они к этому относились по-христиански терпимо, и один раз муж заказчицы даже оставил себе неудавшуюся икону, которую я хотела переписать. С Еленой я встречалась и в Израиле, она привозила сюда за свой счёт русского священника с семьёй. Мне она подарила роскошный павлово-посадский платок, из которого я сшила жакет. В перерывах между иконописанием увлеклась росписью по стеклу и заполнила весь дом своими изделиями.

Миша совершил в эти годы два экзотических путешествия: в Гонконг и на Гаити, где он прожил более года. После возвращения 21 ноября 2013 года (как раз в день Михаила Архангела) он некоторое время жил у нас, а работал в Тель-Авиве. Видели мы его редко, утром рано он уезжал и приезжал поздно вечером. Дорога занимала слишком много времени, он попробовал найти работу в Хайфе, и когда это ему не удалось, уехал в Тель-Авив.

Много его вещей оставалось у нас, и однажды я, собирая накопившиеся пакеты для выброса, случайно заглянула в один из них и обнаружила там красивый конверт с 500 шекелями новыми купюрами. Я подумала, что деньги Миша приготовил кому-то для подарка, но он такого случая не помнил и отказывался их взять. Я опросила всех посещающих наш дом, никто из них денег не терял, просто свалились на голову.

Вторая находка была интереснее. В гости приехала наша подруга Фаина и привезла показать постер, который

собиралась выбросить. Она его три десятилетия назад получила в подарок, и всё это время он пролежал в шкафу. Изображённый на нём купол православной церкви не мог быть на виду у друзей и родных, соблюдающих еврейские традиции. Выбрасывать подарок было неудобно, и Фаина предположила, что рисунок может пригодиться мне в работе над иконами. Меня удивила яркость красок так давно изготовленной типографской продукции и необычный стиль письма, но на стену я его не повесила, а тоже положила в шкаф. Потом мне понадобилась рамка со стеклом, и я решила взять её с этого постера. После вскрытия обнаружилось, что это не постер и даже не копия, а подлинник, подписанный известным художником-авангардистом Михаилом Плаксыным. На обороте были указаны все реквизиты этой небольшой картины. Как я узнала из интернета, сохранилось немного его работ и несколько из них хранятся в Третьяковской галерее.

Закарпатье

В 2010 году нам попала на глаза реклама санатория вблизи Ужгорода, построенного американским миллионером украинского происхождения по последнему слову бальнеологического дела. Приятные воспоминания о давнем посещении Карпат, а также относительно низкая стоимость путёвок подвигли нас на их покупку. Однако перед самым отъездом выяснилось, что Виталию необходимо пройти очередной курс химиотерапии. Чувствовал он себя хорошо, и мы решили поехать, несмотря на возражения врача.

Реклама нас не обманула, условия проживания были отличными — номер просторный, с большим балконом, оборудованный всем необходимым для отдыха, с халатами и тапками, посудой и чайником. Территория санатория прекрасно обустроена: небольшой крытый бассейн, теннисный корт, мини-гольф, снаряды для тренинга, дорожки, беседки и даже естественное озеро, где мы плава-

ли. Из развлечений — концерты и танцы по вечерам, на которые мы не ходили, и торговля в беседках местными поделками. Это мы регулярно посещали, я люблю смотреть на предметы ручного творчества. Там я купила себе украинскую вышиванку и сарафанчик. Можно было ещё ездить на базар в Ужгород, но мы как-то не собрались. В санаториях еда тоже относится к развлечениям. Там это было поставлено неплохо — не люкс, как в некоторых наших зарубежных поездках, но добротно и разнообразно. Была возможность выбора и заказа блюд, а по субботам — национальная кухня.

Процедуры самые разнообразные: бассейн, сауна, ванны, грязи, массажи в объёме, ограниченном только медицинскими показаниями. Я принимала всё по полной программе, а Виталию из-за болезни нельзя было ничего.

Во время нашего пребывания был праздник Успения Богородицы, и я пошла в церковь, в расположенную поблизости деревню. Старая белая церковь с голубыми куполами возвышалась на холме, и к ней нужно подниматься по лестнице, что создаёт соответствующее настроение.

Церковь оказалась почти пустой, все прихожане уехали на престольный праздник в Ужгород. Остались две пожилые женщины, которые вели службу, тихо и слаженно пели в полной тишине храма, а три человека, включая меня, сидели на скамейках и слушали.

Внутреннее убранство церкви выглядело по-домашнему уютно, с вышитыми покрывалами, полотенцами и ковриками, лежащими на скамьях. В такой благолепной атмосфере я бывала только, когда в одиночестве расписывала храм Ильи Пророка.

Женщины пригласили меня прийти на следующий день, когда здесь будут праздновать яблочный Спас. И на этот раз мне там понравилось. Храм был полон, казалось, пришла вся деревня — старые и молодые, дети всех возрастов. Были и сотрудники нашего санатория. Все нарядные, с цветами и яблоками.

Нашим основным занятием в санатории было хождение по покрытым лесом холмам и сбор опят. Сушили мы их на балконе, и весь номер пропитался замечательным запахом. Лес вокруг санатория не такой освоенный, как в Чехии, проложенных троп немного, и мы бродили по естественной почве, покрытой ковром травы. Смотреть на него было приятно, но ходить опасно, поскольку неизвестно, что под ним кроется. Как раз это и привело к неприятному случаю: Виталий наступил на острый сучок и сильно пропорол икру. Кровь удалось остановить, а в санатории рану обработали. Однако, вероятно, сделали что-то не так, и нога стала распухать, краснеть и нагнаиваться. Врач не увидела опасности, сестра была молодая и неумелая, в результате стала подниматься температура и ухудшилось общее состояние. Мы думали возвратиться домой, но билетов на прямые рейсы не было, а дорога с пересадкой и многочасовым ожиданием в украинском аэропорту при Виталином состоянии здоровья обещала быть трудной. Решили ожидать конца смены, свозили его в больницу, там назначили лечение, и мы до самого отъезда были в постоянном напряжении. К счастью, всё обошлось благополучно, дома всё залечили, осталось на память только пятно на ноге.

Гости

В начале апреля 2010 года приезжала моя сестра Галя. Она была в Израиле впервые, и всё ей здесь нравилось, особенно буйство красок цветущих бугенвиллий. Погода стояла жаркая, она постоянно купалась и загорала, а также знакомилась со страной. Самостоятельно ездила на экскурсии и вместе со мной в Назарет, Акко и Яффо. В Назарете мы сначала зашли в монастырь к Параскеве, а потом пешком прошли через город до центра. У источника Девы Марии послушали замечательное пение греческого мужского хора. По Яффо и Тель-Авиву мы гуляли целый день с Мишей.

В начале 2012 года посетить нас изъявил желание внук. Мы усиленно советовали ему отложить поездку до весны из-за дождливой погоды и холодного моря, но он был непреклонен и прилетел. Гостем Мишук (так мы называли его в отличие от сына) был лёгким, сразу подчинился расписанию нашей жизни: рано вставал, в определённые часы вместе с нами завтракал, обедал и ужинал. Еда ему всегда нравилась, ел, что давала, без капризов и даже поправился за эти две недели. На экскурсии ездил самостоятельно, при поездке в Акко познакомился там с русской туристкой, и они вместе съездили на следующую экскурсию. Обследовал весь наш район, забрался на полуразрушенное и огороженное здание казино, долго плавал в беспокойном море под наблюдением Виталия. Выйдя из воды, он в плавках пошёл домой и предстал передо мной в виде мокрой и посиневшей статуи Аполлона. Виталий дал ему выпить немного виски для предотвращения простуды, и он даже не схватил насморк.

Я только однажды прогулялась с ним по Хайфе, сходили в Бахайские сады и на верхний променад с парком. Туда мы подъехали на автобусе, а обратно спускались пешком. Мишук не очень хотел идти, но я настояла, хотела, чтобы он почувствовал специфику восточного города, но особого интереса он по пути не проявил.

А от встречавшихся солдат («...а на груди автомат перевес...») не отводил глаз, очень они ему нравились, и очень ему хотелось бы послужить в израильской армии.

В Яффо с Галей. 2010 год

Внук Мишук. 2012 год

Мишук закончил колледж и работал в юридической конторе, но эта область его мало интересовала. Он постоянно хотел что-то изменить в своей жизни и работе, но конкретных целей у него не было. Его дед Олег делал для него всё возможное для нормального развития. Мишук учился в музыкальной школе по классу аккордеона, играл и на гитаре.

У него с раннего детства

был компьютер, велосипед, мопед. Вместе со сводной сестрой, бывшей членом конного клуба, учился ездить на лошади. Какое-то время увлёкся парашютным спортом. Говорят, когда прыгал в первый раз, кричал так, что заглушал звук мотора. Потом делал это неоднократно и с самолёта, и с вертолёта, участвовал в лётных сборах.

В политике он не разбирался. Когда мы узнали, что он голосовал за Жириновского, поверить не могли, что наш умный внук сделал такой выбор. По его словам, он вообще не делал выбора, просто было всё равно, за кого голосовать, поскольку результат предreshён. Виталий начал проводить с ним беседы и наставил на путь истинный.

Мы всегда голосовали за «Яблоко» и в Израиле тоже не поленились поехать в консульство России во время президентских выборов 2000 года. Народу было много, мы порадовались активности сограждан и оптимистично предположили, что большинство из них пришло поддержать «Яблоко». Однако мы ошиблись: оказалось, что Израиль — единственная из зарубежных стран, где выходцы из России не проголосовали за Явлинского.

Ещё были гости из Новосибирска — племянница Таня с мужем Яшей. Жили они в маленьком отеле через дорогу от нашего дома. Мы много времени проводили вместе у нас дома или на пляже. Для Тани поездка сложилась не очень удачно, она простудилась под кондиционером в гостинице и несколько дней плохо себя чувствовала. Но всё равно осталась довольна.

В 2017 году нас посетил мой бывший аспирант Николай Павлович Чиобану с женой. Он заведует кафедрой в Кишинёве, а его жена — владелица успешной архитектурной фирмы. Навезли нам, как в прежние времена, молдавских вин и коньяков. Их родственник — эксперт по винам Молдавии, поэтому всё отменного качества. Эта пара всегда нам с Виталием нравилась. И хотя они люди не особенно религиозные, я подарила им икону. В их доме она будет уместна: традиции они соблюдают, внуков крестили и сами недавно венчались.

Жена Николая Павловича в разговоре с болью в голосе сказала:

— Мне так вас жалко.

И на вопрос:

— Почему?

Ответила:

— Вы же на чужбине.

Я поняла, что речь не только об этом, но и о скромности нашей жизни по сравнению с тем уровнем, который достигли они. Я заверила её, что наша жизнь здесь вполне комфортна, мы довольны и ностальгией не страдаем.

Мальта

Девятого января, в день восьмидесятилетнего юбилея Виталия, мы приземлились на Мальте. Погода была отличная, солнечная, небо голубое, море ярко-синее. Наша гостиница расположена прямо на набережной бухты, вокруг которой и образовался городок Слима. Напротив через бухту видна Валетта — столица острова.

В Слиме находится самая большая стоянка яхт и лодок, кроме того, он является основным шоп-центром острова. Город строился в XVI–XVII веках целыми комплексами и почти без зелени, так же была застроена и Валетта. Поскольку мальтийцы ревностные католики, повсюду множество церквей. Появление христианства на Мальте связывают с крушением здесь корабля, на котором доставляли в Рим на суд св. апостола Павла.

Отдых организован на Мальте прекрасно. С транспортом всё устроено рациональным и удобным для людей способом. Можно купить туристический билет, ездить с ним на всех автобусах вокруг острова и останавливаться в выбранных местах на любое время. Мы предпочитали автобусы с открытым верхом. Там сильно продувает при быстрой езде, но зато открываются великолепные виды на окружающее. Ездили с утра до вечера, пытались планомерно объехать весь остров, но иногда спонтанно выбирали понравившиеся места или попадали в другие, нами не предусмотренные.

Мдина, бывшая столица Мальты, считается самым красивым местом острова с прекрасно сохранившимся комплексом застройки. С её крепостных стен открывается вид на большую часть острова. Город славится также необыкновенно вкусными пирожными. Но нам не захотелось их пробовать после бесподобных круассанов в нашей гостинице. Там, кстати, и остальное было на высшем уровне.

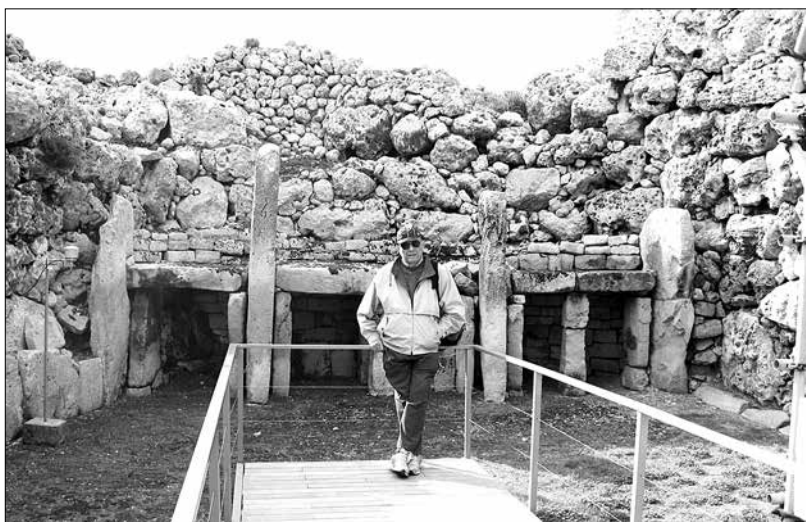
Бастионы столицы государства Валетты кажутся абсолютно неприступными, хотя история доказала обратное. Через весь город проходит центральная улица, которая делит его на правую и левую часть. От неё, перпендикулярно к ней, с обеих сторон круто спускаются улицы. Идя по ним, я держалась за Виталия, боясь поскользнуться на отполированных от времени до блеска каменных ступенях. В столице мы посетили нижние и верхние сады Баракка, храм кармелитов с удивительным яйцевидным куполом, кафедральный собор св. Иоанна — место захоронения

великих магистров и рыцарей Мальтийского ордена. Он необычен своим цилиндрическим перекрытием вместо купола и роскошным убранством множества приделов, представляющих отдельные национальные ложи. В одном из приделов представлена богатая коллекция гобеленов, в другом — необычная копия иконы Богородицы X века. Её оригинал, недавно подаренный русской православной церковью Черногории, находится в столице Монтенегро. Пол собора сплошь вымощен искусно инкрустированными плитами, довольно красочными и яркими, которые одновременно являются погребальными досками с надписями типа: «Лежал бы ты — читал бы я».

Продолжая путешествовать на автобусе с остановками, по ошибке заехали в город Санта Лючия. Пошли посмотреть раскопки древнего храма, но неожиданно попали в настоящий китайский сад — подарок городу от страны Восходящего солнца. Тихое уединённое местечко с изумительной красоты галечными рисунчатыми покрытиями, прудами, двориками, пагодами, водопадами. Мы не встретили там ни одного человека и, насладившись этим чудом, возвратились в Слиму. При ночном освещении резко меняется дневная картина городского пейзажа, и мы долго не могли найти свою гостиницу.

Однажды заехали на самую южную точку Мальты в рыбацкий посёлок Марсашлокк. Он славится красивой бухтой с маяком на берегу, церковью Помпейской Богородицы и рыбными ресторанами. Семейный ресторан «Три сестры» приглянулся нам своей простотой. Нам выбрали из лотка рыбу, пожарили на гриле, добавили картофель-фри, салат, приправы из маринованных ягод и подали с местным хорошим вином. Это было бесподобно.

Возвратились в свой городок уже в темноте. Набережная была полна света, и цветные огни реклам, ресторанов, магазинов отражались в чёрной воде с множеством яхт и лодок. Было так красиво, что мы решили не идти в ресторан, как раньше планировали, а устроить торжественный

Виталий у развалин храма Джгантия. 2012 год

юбилейный ужин прямо на набережной. Купили вино и разных деликатесов, уселись прямо у кромки воды на нагретых днём тёплых каменных выступах. Я накрыла импровизированный стол, и мы отметили юбилей Виталия в сказочно роскошных естественных декорациях.

В последний день отправились на остров Гоцо (Гозо). Про-ехали до крайней восточной части Мальты, а оттуда паром через 20 минут доставил нас на место. Там нас ждал экскурсионный автобус, который объезжает весь остров и заходит во все интересные туристам места. Так же, как и на основном острове страны, можно останавливаться в любом пункте и продолжать путь на следующих рейсах. Самым впечатляющим здесь был храм Джгантия — один из древнейших из открытых на сегодня храмов нашей планеты. Он находится на окраине городка Шары и относится к ранним культовым сооружениям (3600 год до н.э.) Их возводили из громадных необработанных глыб, заполняя промежутки более мелким камнем.

Посмотрели на арку Лазурное око, вымытую водой в скале, и на пещеру Калипсо, где богиня держала в любовном плену Одиссея. В столице Гоцо Виктории поднялись

на холм с внушительной цитаделью, с её высоких массивных стен увидели чуть ли не половину острова.

Израиль встретил нас хмурой погодой, холодом и лужами после сильных дождей. Так и должно возвращаться из сказки, чтобы почувствовать контраст.

В Москву по делу

В течение почти двух лет я откладывала эту поездку, пока не возникла необходимость уладить дела до конца года. Рейс был ночной, мы заказали такси, но в назначенное время оно не прибыло и звонка от водителя тоже не было. Сначала мы не беспокоились, зная израильскую необязательность, но по прошествии часа стало понятно, что на самолёт я опоздала. Как позже выяснилось, шофёр звонил, но наш телефон не отвечал, как раз были перебои со связью. Пришлось покупать новый билет, на этот раз вылет получился удачным, чего не скажешь о прилёте.

В этот день над Москвой разразилась снежная буря исключительной силы, какой не было 60 лет. Самолёт не смог приземлиться в Домодедове, и его с трудом посадили в Шереметьеве. Аэроэкспресс всё-таки действовал, и около 6 утра я была уже в городе. И сразу попала в настоящий ад: пронизывающий ветер, всё облепляющий мокрый снег, под ногами снежная каша чуть не по колено, под ней лёд, и на улицах темно. С трудом добралась до дома бывшей жены брата Нины, где я предполагала остановиться, и оказалась перед закрытым подъездом. Переданный мне код не сработал, из дома никто в такую погоду и такую рань не выходил, и я долго ждала, пока дверь открыла хмурая тётка с собакой. Она неохотно дала мне войти, но в квартире меня не ждали, на мой звонок никто не отвечал. Встретить меня должна была дочь Нины, сама она была в больнице после инсульта, который случился с ней, пока я собиралась вылетать.

Неудачи преследовали меня и дальше, я не могла попасть в квартиру и к бывшим сватам. Не буду описывать

мои блуждания по снежным заносам с сумкой, которую нельзя было катить, а только тащить; метание по городу в поисках гостиницы и прочие трудности. Их можно было бы частично избежать, будь у меня с собой телефон, который я оставила дома. Подумала, что не стоит заниматься покупкой симки, обойдусь жетонами на общественный телефон. Но в киосках метро их нигде не было, наверное, жетонами уже мало кто пользовался, и я осталась в громадной заснеженной Москве без связи и без квартиры.

Благообразные москвичи, к которым я осевшим от обезвоживания голосом обращалась с просьбой позвонить, смотрели на меня, как на пустое место. И я поняла, как быть просящей и бездомной, хотя моё положение было несравнимо лучше. У меня были деньги, звонок я обещала оплатить, не выглядела, как нищенка, и всё равно никакого участия никто ко мне не проявлял. В конце концов мне помогли таджики, расчищавшие снег у подъездов. Они звонили с единственного телефона, который у них был на всю бригаду, таскали мою сумку и делали это с искренней готовностью. В следующий раз, когда мне было необходимо позвонить, я сразу обратилась к парню «кавказской национальности», и он охотно занялся моими переговорами, принимая ответные звонки на свой телефон. В обоих случаях деньги у меня не взяли. Помню их, благодарна и желаю удачи в их нелёгкой жизни.

Только в четыре часа дня я попала в квартиру Нины. Мне, после многочасовых скитаний в снежной пурге, она показалась необыкновенно уютной. На подоконниках горшки с цветами, а из окна восьмого этажа прекрасный вид на Москву, сплошь покрытую белым снегом. Издали на это смотреть было очень приятно. Постояла под горячим душем, нашла на кухне остатки мёда и напилась горячего кофе.

А через некоторое время привезли из больницы и саму хозяйку. Она не вставала, непонятно говорила, правая рука и нога были совершенно неподвижны. Дочь её уло-

жила и, оставив с ней меня одну, уехала домой. Увидела я её снова только через четыре дня. Опыта ухаживания за больными я не имела, но в первые три дня нормально справлялась с обязанностями сиделки. Характер у Нины всегда был сложным, не изменился он и в болезни: она не хотела принимать лекарства, сердилась, что я её не понимаю, спрашивала, где вещи, которые были в комнате до моего приезда, а сейчас их нет. Ясно было, что и с мозгами тоже что-то произошло. Она была довольно грузная, поднимать её было тяжело. Я предложила более лёгкий для меня способ, она не соглашалась, словом, начались трудности.

В Москве у меня были пенсионные и некоторые другие дела, и я после туалета и кормления Нины уезжала утром, возвращалась к обеду, делала всё необходимое и снова уезжала до вечера. Нина хотела, чтобы я постоянно была с ней, а я старалась уйти из этой тягостной обстановки. Сходила в монастырскую церковь XVII века, где Нина была прихожанкой. Плутая в её поисках, набрела на место взорванных Путиным домов, где стоит сейчас памятник погибшим, как символ этого неслыханного преступления.

Когда дочь Нины, наконец, пришла, я спросила, не нужна ли моя помощь на оставшиеся два дня до отлёта. Ответ получила уклончивый и поняла, что надо менять квартиру. Собралась, попросила у Нины прощения, понимая, что никогда больше её не увижу. Она тоже это понимала, заплакала, и уходить было очень тяжело. Не знаю, у кого после её ухода из жизни находится моя икона «Деисус», которую я тогда ей привезла.

Перебралась от Нины к бывшим сватам Олегу и Светлане, они тоже были оба больны, но не в такой степени. Мы отметили нашу встречу: Олег приготовил отличный обед, я купила торт и всего другого, приехал мой внук Мишук с матерью Оксаной, и мы посидели, как в былые времена. Из-за жуткой погоды по знакомым местам пройтись не удалось, а о том, чтобы поехать на кладбище, не могло

быть и речи. В Москву я не хотела больше возвращаться, но пришлось побывать ещё.

Вторая поездка, в конце мая 2014 года, была в целом приемлемой. Конечно, не обошлось без шероховатостей. Из-за забастовки в аэропорту Бен Гурион задержали рейс, и я прибыла в Москву ночью, в полной темноте. На пути к дому Олега, где я договорилась остановиться на пару ночей, заблудилась и никак не могла выйти на переход железнодорожных путей. Бродила между гаражами, встречая только восточных людей, которые не знали названия улиц. Наконец попался русский парень, который с помощью GPS вывел меня на верную дорогу.

В Москве на этот раз было слишком жарко, слишком многолюдно, а расстояния показались слишком длинными. Москвичи, как и я в прошлом, приспособляются к такой жизни, и она кажется им нормальной. Но приезжим там трудно, кроме кафе и скверов, нигде присесть и отдохнуть, метро битком набито людьми. Чтобы попасть в туалет, тоже «места надо знать».

Получила какие-то жалкие проценты со своих сберкнижек, а деньги по Виталиным книжкам получить не удалось, поскольку проверка доверенности занимает до 3 недель. Понятно, что всё делается для проволочек в надежде на недостаточную настойчивость владельцев счетов. И этот расчёт, как показал наш случай, себя оправдывает. Я оставаться на такое длительное время не могла и не хотела, несмотря на то, что денег на книжках было довольно много. В Израиле мы не пожалели времени на оформление доверенности на Мишука по всей требуемой форме, но, несмотря на это, ему не удалось вырвать наши законные сбережения из цепких рук Сбербанка.

Сходили с Мишуком в Третьяковку, он там не был с раннего детства и с большим интересом разглядывал картины, особенно военные баталии. Потом мы зашли в кофейню с несуразно высокими ценами. Он проводил меня до аэроэкспресса, и это было моё последнее прощание с внуком.

По Умбрии

Во время нашей первой поездки в Италию мы узнали, что существуют турпоездки по малым городам Тосканы и Умбрии, позволяющие по-настоящему почувствовать средневековую атмосферу страны. В Израиле таких поездок не оказалось, и только через 11 лет появился тур по Умбрии. Мы немедленно к нему присоединились, тем более, что он начинался в день моего рождения. Как потом оказалось, он был экспериментальным и больше не повторялся.

Поездка была довольно напряжённой и включала посещение 14 городов. Группа состояла из работающих, хорошо устроенных в Израиле россиян. Все немало поездили по миру и тоже, как оказалось, ждали этот тур. Люди, так же как и мы, были полны энтузиазма и, хотя сильно уставали к концу каждого дня, следующий были готовы провести в ходьбе с утра до вечера. Интересно, что ещё три женщины из группы в эти дни были именинницами. Сначала мы хотели организовать общую вечеринку, но ни сил, ни времени на неё не оставалось. Жили мы в гостинице на окраине города Терни и ежедневно совершали из неё радиальные поездки, осматривая город за городом. Время на обеды в ресторане, как правило, не тратили, вся группа перехватывала что-нибудь на ходу или прямо в автобусе, а вечером все ужинали дома закупленными в близлежащем супермаркете продуктами.

На этот раз мы хорошо подготовились информационно: закачали в читалку всё интересное о городах, которые предстоит посетить, и практически могли бы обходиться без гида. Но и гид подготовился: у всех были индивидуальные наушники, и мы не должны были жаться к нему поближе, чтобы что-то услышать, а свободно разгуливали, слушая его пояснения. Но в личном плане наша подготовка могла бы быть поосновательнее — на дождливую погоду мы не рассчитывали, а она случалась. Виталий оказался

без сменной обуви, ходил по лужам в сандалиях, но не обращал на это внимания.

В городе Терни мы осмотрели развалины римского амфитеатра и посетили базилику св. Валентина, похороненного здесь и давшего имя празднику любви. Недалеко от города находится очень живописный искусственно регулируемый водопад Каската делле Марморе, один из самых высоких в мире (165 м). Он работает в определённые часы, и вся территория является известным туристическим объектом. Но его мы посетили позднее, а своё путешествие начали с города Равенны.

Пока мы шли за гидом от автобуса к первому объекту осмотра по обычным и даже скучным улочкам, я успела подумать, что слава Равенны, пожалуй, чрезмерно преувеличена. Но, выйдя на площадь перед базиликой Сант-Апполинаре, я остановилась в восхищении перед её красотой и гармоничностью. Но настоящее потрясение ждало меня внутри, где я буквально остоленела от фресок изумительной красоты: ряды фигур в белых одеяниях располагались над колоннадой на всём протяжении главного нефа по обеим его сторонам.

Великолепные мозаики ждали нас и в базилике Сан-Витале и в мавзолее Галлы Плацидии. Последний относится к V веку и украшен тончайшими по рисунку и цвету, самыми ранними из сохранившихся мозаик города. Над его входом находится большая икона «Пастырь добрый», которую я как раз в то время писала. Побродив по историческому центру и осмотрев основные базилики и памятники, мы совершенно без сил упали на стулья ресторана, куда нас привёл гид. После бессонной ночи и многочасового хождения есть не хотелось, но местное вино, которое заказал Виталий, и вкуснейшие стейки и равиоли возвратили нам энергию, и мы до вечера не уходили с улиц.

Город Урбино начиная с XIII века был культурным центром Умбрии, любимым во все времена местом для людей творческих профессий. Город является родиной многих

известных людей Италии, в том числе Рафаэля. Главная улица поднимается круто в гору, а в конце её среди цветущих каштанов стоят памятник ему и другим жившим здесь великим людям.

Губбио славится особой атмосферой средневекового города, который сохранился как цельный комплекс с центральной на удивление пропорциональной площадью, базиликой, ратушей с высокой колокольной и узкими улочками с каменными ступенчатыми покрытиями, круто поднимавшимися в гору или спускавшимися с неё.

Город Тоди возвышается, как сказочный замок, окружённый тремя рядами стен: внешняя относится к средним векам, средняя датируется эпохой Древнего Рима, а внутренняя частично считается этрусской. Весь его старый архитектурный комплекс с главной площадью, кафедральным собором и средневековыми палаццо стоит над огромной римской цистерной с почти 500 колодцами, которые использовались вплоть до 1925 года. Здесь мы попали на местный праздник. По улицам к месту представления шли разного возраста женщины, мужчины и дети в чудесных, тщательно выполненных средневековых костюмах.

Дерута — город художественной керамики — весь сверкает многокрасочными изделиями. Ими заполнены витрины, они заделаны в стены домов, на улицах сплошь выставлены-продажи, глаза разбегаются от расписанных блюд, панно, посуды, картин. Хорошие вещи стоят довольно дорого, но есть и попроще на любой вкус. Поговорили с одним художником, и выяснилось, что блюдо, которое он расписывал в тот момент, стоит 1,5 тыс. евро. Этот художник и другие работают в своих мастерских-лавочках прямо на глазах у туристов, которые, не стесняясь, их фотографируют.

Мне была очень интересна технология росписи, и мастер, узнав, что я пишу иконы, радушно нас принял, подробно рассказал этапы изготовления своих изделий, показал краски, кисти, обжиговую печь.

Каждый из городов, которые мы посетили, был изумителен и неповторим в своём роде. И даже на таком фоне Сполето занимает особое место. Один из самых древних в Умбрии, он расположен на склонах холма, на вершине которого возвышается массивная крепость Россо, относящаяся к XIV веку. Подход к ней совершается постепенно. От стоянки автобусов вступаешь на бегущие подземные дорожки, приводящие в исторический центр города. Проходишь мимо развалин доримских и римских укреплений, античного театра, арки Друза (23 г. до н.э.) и самого древнего жилого дома, который до сих пор используется по назначению. Неподалёку неожиданно открывается вид на площадь с красивейшим Сполетским собором, увенчанным величественной фреской «Венчание Девы Марии». Поднявшись ещё выше по живописным лестницам, оказываешься перед входом на эскалаторы, которые поднимают туристов на территорию крепости. Обходная дорожка вокруг неё позволяет осмотреть все живописные окрестности. А ниже, между двумя горами, сохранился проложенный по средневековому мосту через реку акведук длиной 206 м и высотой 81 м. По нему можно пройти, но было очень жарко, и мы предпочли прогулку по парку.

Ассизи, родину и место религиозной деятельности святого Франциска Ассизского, мы посещали во второй раз. И хотя с той поры ничего не изменилось, мы осмотрели всё с не меньшим интересом, узнавая запомнившиеся детали и замечая новые.

В Перудже мы оказались в первый день католической Пасхи. При хорошей погоде успели осмотреть главную площадь с ратушей и собором св. Лаврентия, где, по преданию, хранится доступное для обозрения обручальное кольцо Девы Марии. В центре площади находится Большой фонтан XIII в., украшенный рельефами на мифологические темы. Их туристы рассматривают, ходя по кругу. Посетили древние катакомбы, поднялись в верхнюю часть города, откуда он прекрасно просматривается.

После полудня начался дождь, и мы скрылись от него сначала в пиццерии, затем перешли в кафе, поесть мороженого, а потом зашли в небольшую лавочку. Виталий разговорился с красивой хозяйкой. Она похвасталась, что её друг богатый русский, а предок был крупным чином в церкви. От него сохранилась драгоценная старинная семейная реликвия в виде подвески, которую она надела по случаю праздника. Пробыли там много времени, и уйти без покупки было неудобно. Я выбрала для себя соломенную шляпу и назвала её «Пасхальная». Позже оказалось, что она сделана из бумаги, носить можно, но под дождь, наверное, попадать не стоит.

В городке на берегу одного из крупнейших в Италии озёр Тразимено нам была предоставлена полная свобода, и все разбрелись кто куда. Мы с Виталием прежде всего совершили восхождение на древнюю крепость, а спустившись, посмотрели яхты в местной марине. На центральной площади наше внимание привлекла большая группа людей, стоявших полукругом, в центре которого выступления певцов и музыкантов перемежались краткими речами солидных людей. На плакатах и проспектах было прекрасное изображение лика Иисуса Христа, выполненное в современном графическом стиле. Виталий пошёл к организаторам, чтобы попросить проспект. Они объяснили ему, что это акция помощи наркозависимой молодёжи, и проспекты получают жертвователи, но всё-таки дали. Впоследствии по этому образцу я написала икону «Спас».

В Ассизи. 2013 год

Дорога в два других городка — Нарни и Норча, расположенных в районе заповедника у подножья гор, навела на мысль, что приблизительно так выглядит рай. Она идёт по узкой равнине вдоль быстрой и прозрачной речки Наре между высокими зелёными холмами. Средневековый вид Нарни подвиг писателя Клайва С. Льюиса взять его немного изменённое название для своей сказочной страны в «Хрониках Нарнии». Норчу, родину св. Бенедетто, мы считаем почти знакомым городом, потому что много лет пьём воду «Сан Бенедетто» из находившегося здесь одноименного источника. Но главной его достопримечательностью являются трюфели, добываемые в местных горах, а также козы сыры, колбасы и хамон. Все витрины ломятся от этих аппетитных продуктов, и мало кто уезжает без покупок. Виталий хотел бы купить хамон, но поскольку его размеры и вес для нас чрезмерно избыточны, ограничились козьим сыром и колбасой. Всё это потом с удовольствием дома поедали и жалели, что не купили больше.

В Модене, родине Лучиано Паваротти, пробежали по историческому центру города, заблудились среди схожих колоннад, но колокольня, слегка отклоняющаяся от вертикальной оси наподобие Пизанской башни, послужила нам ориентиром и вывела к нужным воротам, где стоял автобус.

Мантуя после очарования всех предыдущих городков не показалась такой интересной, хотя в её историческом центре воплощены идеалы итальянского Ренессанса.

Глава пятая

Жизнь продолжается

Миша

В последнее десятилетие Миша много времени жил за рубежом: на Кипре, на Гаити, в Испании, в Мексике, в Перу, в Ирландии. Это были не обычные туристические, а длительные частные поездки. Жил он обычно в отдалённых деревнях, на фермах или в небольших городках, где чужестранцы, если и бывали, то не часто. Иногда заранее снимал номер в гостинице или договаривался с хозяевами и, проживая у них, помогал в строительных или садовых работах. Жил и в одиночестве в домике в горах, и в индийских, ирландских, мексиканских семьях.

В Испании он бывал неоднократно в разных местах. В самом центре Барселоны, в доме, из окна которого был виден знаменитый собор, посвящённый Святому Семейству, сторожил квартиру и, к восторгу хозяев, отреставрировал им деревянные жалюзи; помогал выращивать на ферме экологически чистые лечебные травы; оставался хранителем поместья с двумя собаками и ухаживал за садом, пока владельцы путешествовали. С местным населением общался в основном на английском, но освоил на необходимом

Миша. 2022 год

разговорном уровне и испанский.

Для него это было интересное время, а мы волновались, когда он надолго по разным причинам пропадал. В таких непредсказуемых условиях, которые он выбирал, могли случиться и случались всякие неожиданности, порой весьма неприятные.

Главное, возвратился домой целым и здоровым, как раз к началу эпидемии ковида, и долго не мог к нам приехать из-за жёсткого карантина.

Мои акриловые опыты

В продолжение почти двадцати лет, пока я писала иконы, ничего другого не рисовала, не считая росписей по стеклу. Моя наставница монахиня Параскева говорила, что иконописец не должен заниматься другими изобразительными жанрами, да я и сама не стремилась это делать. Но после того, как прекратила иконописание, решила попробовать что-нибудь порисовать. Сын оставил у нас дома акриловые краски, и это определило мой выбор. Технику работы с акрилом я не знала и решила поучиться по интернету в рамках мастер-класса. Написала таким образом пару картин у разных художников, а дальше начала рисовала самостоятельно. Очень увлеклась этим процессом, все стены квартиры завесила своими картинами. Часть работ дарила по принципу: «Если попросят, отдам». Мои подруги-художницы одобряли моё творчество и настой-

чиво советовали продолжать это занятие, но мой энтузиазм к настоящему времени иссяк.

Эпидемия ковида

В конце 2019 года мы впервые слышали об эпидемии ковида в Китае и уже тогда были уверены, что она охватит весь мир. В феврале 2020 года в Израиле был обнаружен первый больной, и их число стало стремительно увеличиваться. Мы каждый день слушали новости на лёгком иврите и следили за числом госпитализированных и умерших. Для нас обоих, входивших в группу риска, болезнь была опасна, а для Виталия с его хроническим заболеванием крови опасна вдвойне. Пришлось строго соблюдать режим изоляции, а когда в начале 2021 года стали делать прививки, мы были в числе первых.

В больнице Рамбам, где Виталий постоянно наблюдается, его включили в контрольную группу и отслеживают результаты. Оказалось, что на Виталия прививки не оказывали нужного воздействия, иммунитет у него не вырабатывается. Позже ему стали вводить другое лекарство, которое срочно разработала для таких случаев фармацевтическая компания «Пфайзер».

Населению рекомендовалось постоянно мыть руки и ежедневно прибирать квартиру, а при выходе из дома была обязательна маска. Но в продажу они поступили не сразу. Одна маска для работающих с вредными веществами у нас была, другую Виталий сшил себе сам по инструкции. Потом они появились в аптеках, как и дезинфицирующие средства.

Карантин вначале был очень жёстким, мы вообще не выходили из дома, и даже лекарства нам однажды принесли волонтеры. Несколько месяцев нам бесплатно доставляли готовую еду, и не было необходимости ходить в магазины. К счастью, в этот период мы не болели, и не нужно было обращаться к врачам. Потом разрешили выходить не далее, чем на 100 метров от дома.

Я стала ходить на набережную, по ней можно было только пройти и запрещалось сидеть на скамейках. пляж тоже был закрыт, и на его территорию нельзя было даже войти. Люди при встрече, несмотря на маски, старались держаться как можно дальше друг от друга.

Однажды я вышла на прогулку и услышала дивную мелодию флейты, далеко разносившуюся по пустой набережной. Играла немолодая женщина, внешне похожая на бывшую соотечественницу. Я сделала фото, довольно близко подойдя к ней, но она так поглощена была игрой, что меня даже не заметила. После снятия карантина я увидела её на пляже, подошла, познакомились, я извинилась за фото без разрешения, которое понравилось очень многим людям на Фейсбуке. Она, будучи профессиональным музыкантом, к вниманию привыкла и не усмотрела в этом ничего предосудительного.

Среда обитания

Район Бат Галим благодаря близости моря, равнинному рельефу, малоэтажной застройке, отсутствию всякой промышленности и тишине нам понравился с первого взгляда, и уже четверть века мы наслаждаемся его «деревенской» атмосферой. Много зелени, в пять утра начинают петь птицы, они любят посещать наш балкон и постоянно пытаются устроить там свои гнёзда. В густые кроны окружающих деревьев залетают попугайчики, а утром можно увидеть ёжиков, торопливо бегущих по своим делам. Дворовые кошки, закормленные и обласканные жильцами, возлежат по самому центру дорожек и не сдвигаются с места, заставляя прохожих их обходить.

Район издавна привлекает людей творческих профессий. Здесь живёт много художников, проводятся ежегодные фестивали искусств, выставки-продажи картин и других изделий. Мастерские художников открыты в эти дни для свободного посещения.

На наших глазах старая невзрачная застройка активно обновляется, реставрируются дома, имеющие историческую ценность, строится новое современное жильё и другие объекты инфраструктуры. Приятно, что до сих пор соблюдается принцип малой этажности зданий, что сохраняет первоначальный облик района. Существенным его недостатком, о котором мало кто догадывается, является уязвимость в случае большого землетрясения. Предсказывают, что он будет затоплен мгновенно и полностью. Небольшие землетрясения случаются здесь часто, и несколько раз мы их реально ощущали, даже немного сдвигалась мебель. Знакомый специалист-сейсмолог напугал нас имеющимися прогнозами, но мы стараемся об этом не думать.

Море и набережная — главные достояния района. Красоту и бескрайность моря описывать не берусь, это мне «не по таланту». Почти каждый день его вижу, и каждый раз передо мной новая картина. Море то спокойное, как озеро, то бурлит, покрывается белыми «барашками», создавая кипящий пеной прибой. Во время штормов громадные волны перехлёстывают всю ширину набережной, нанося на неё толстый слой песка. Иногда бури ломают деревья, валят столбы, заносят всё мусором, но такое случается не часто, даже не каждый год.

В нескольких минутах от нашего дома очень удобный и хорошо оборудованный песчаный пляж «Бат Галим». Искусственные насыпи по бокам образуют лагуну, отгораживая её от больших волн, и создают относительно безопасную зону даже при большом волнении на море. Тем не менее несчастные случаи случаются ежегодно, в основном, из-за плохого физического состояния купальщиков, значительная часть которых люди преклонного возраста. Для пенсионеров это место ежедневных встреч в воде, где они часами висят, обмениваясь новостями.

Я членом этого клуба не являюсь, но невольно получаю информацию, пока переодеваюсь или проплываю

мимо. Плаваю я брассом, при котором голова почти постоянно опущена, а когда её поднимаю, слышу только отрывки фраз. Доносятся фрагменты рецептов блюд, описаний болезней, жалоб на детей, ужасных и романтических историй и даже признаний в любви. Слышу однажды:

— Сара, я человек немолодой, но так тебя люблю.

Вынырнула, хотела посмотреть на столь любимую Сару, но она отвернулась и от меня, и от него.

В ветреные дни море заполнено любителями водного спорта: на досках с парусом и без него, на кайтах, байдарках и реже на яхтах. На пляже тренируются команды пловцов и солдаты расположенной вблизи военно-морской базы.

Море у берегов Хайфы не отличается большим разнообразием жизни. Можно наблюдать через очки громадные стаи мелких рыб. В лучах солнца, пробивающегося сквозь толщу воды, их скопление блестит и переливается, постоянно и резко, как по команде, меняет направление движения, но никогда не касается тел пловцов. Купальщиков же, неподвижно стоящих в воде, они кусают, и довольно ощутимо, оставляя кровавые следы.

Более опасны медузы, когда они подходят в определённое время года близко к берегу. Мелкие ожоги от их укусов проходят быстро, а сильные похожи на химические и остаются надолго. Запасливые купальщики смазывают ожоги уксусом, а в тяжёлых случаях приходится обращаться даже за медицинской помощью. Чаще всего страдают пловцы на дальние расстояния, такие, как Виталий. Он не раз попадал в скопление медуз и получал многочисленные ожоги. Кожа на их месте сжимается, краснеет и долго остаётся в таком состоянии, поднимается температура, чувствуется общее недомогание. Бывали ожоги и у меня, к счастью, в меньшей степени.

В воде можно увидеть небольших скатов и черепах. Но безобидная черепаха может сильно испугать, когда она плывёт близко к поверхности воды, вытягивает вверх го-

лову и становится похожей на громадного водяного змея. Это явление не частое, я видела такое только раз, и было очень неприятно.

Крайне редко, но бывают и встречи с акулами. Такая встреча состоялась у Виталия далеко в море. Как-то в августе, когда жара особенно тяжёлая, он начал свой ежедневный утренний заплыв раньше обычного и был около шести часов утра далеко за поплавами. Вдруг под ним мелькнула громадная тень, а когда он поднял голову, то вокруг из воды торчали острые плавники. В первое же мгновение Виталий понял, что это акулы, но потом пришла успокоительная мысль, что скорее всего дельфины. Насколько он мог понять, их было пять, и все плавали вокруг него и под ним на близком расстоянии. Виталий не испугался, но почувствовал себя неуютно в гостях у хозяев моря и повернул к берегу. Они метров сто его сопровождали, потом отстали.

Дома мы сравнили фото плавников акул и дельфинов и убедились, что это были акулы. Кроме того, было сообщение, что как раз в это время акулы подходили к берегам Хайфы. Акулы, заплывающие в прибрежный район Израиля, как правило, не нападают на людей, но несчастные случаи бывают, особенно с рыбаками.

Жизнь набережной разнообразна. Утром она немногочисленна, принадлежит бегунам, ходокам, людям, гуляющим с детьми или с собаками. По праздникам и субботам здесь настоящее народное гуляние. Представлены все возрастные слои населения от детских садов до школьников, молодёжи и пенсионеров.

Очень пёстрый национальный состав и религиозная принадлежность. Здесь любит гулять и светское население, и евреи-ортодоксы, и арабы. Множество групп занимается различными гимнастическими и йогой.

По всему побережью стоят рыбаки с удочками, но, по нашим наблюдениям, улов у них не очень богатый. Настоящие уловы только у арабских рыбаков, выходящих

в море на лодках. Раньше они подходили к пляжу и продавали рыбу, но сейчас, наверное, это им запретили. Часто можно видеть, как один из находящихся в лодке рыбаков стоит у неё на носу, как мачта, не подверженная колебаниям волн.

Случаются на набережной и разные истории. Однажды летом мы с сыном разговаривали дома, а потом уже ночью, в надежде, что на улице стало прохладнее, вышли на набережную. Предположение наше не оправдалось, но мы всё-таки сели на скамейку и продолжали беседу. Через некоторое время к нам подошёл полицейский и потребовал предъявить документы. Документов у нас, конечно, не было, и только наша схожесть помогла убедить его в смешной ошибке. Дело в том, что набережная славится как место встречи с женщинами «низкого социального статуса», и он принял нас за парочку.

А это история другого рода. Как-то утром по дороге на пляж я увидела одиноко лежащий у передней дверцы машины большой, туго набитый кошелёк. Постояла, подумала, брать ли, понимая, что будет целая история с поиском владельца, но всё-таки решила взять. Представила, сколько хлопот будет у потерявшего, если кто-то другой возьмёт деньги, а всё остальное выбросит. Тем более, что мне в похожем случае подобную потерю возвратили, правда, без денег.

Кошелёк оказался полон разных карт — удостоверение личности, водительские права, золотая кредитная карта, проездной. По ним было ясно, что владелец — студент-медик, но адресов и телефонов я не нашла. Денег было немногим больше 400 шекелей. Я позвонила в ближайшую квартиру и спросила, не живёт ли здесь поблизости студент такой-то, и получила отрицательный ответ. Сходила домой, написала записку о находке, возвратилась и положила под дворник ветрового стекла машины, около которой нашла кошелёк. До вечера никаких звонков не поступило, и я уже волновалась, представляла, что надо будет

ехать в полицию, объясняться, составлять какие-то акты. Виталий предложил сходить на место находки ещё раз и оставить записку покрупнее на заборе.

При подходе мы увидели рядом с машинами трёх печальных парней. Сразу поняли, что один из них — владелец кошелька. Эти молодые олухи даже не увидели мою записку на машине, которая там лежала с утра! Кошелёк мы оставили дома, и парень дошёл с нами до самой нашей квартиры. Я думала, не пришлёт ли он нам цветы на следующий день, а он едва спасибо сказал, только спросил, сколько там денег.

Хорошо ещё так закончилось, и парень не потребовал от меня деньги, якобы находящиеся в кошельке. Но я сама виновата — действовала не по правилам. Обычно кошельки возвращают не только после изъятия оттуда денег, но и за определённое вознаграждение. Поэтому моё

поведение вызвало подозрение. После этого случая остался неприятный осадок, но и урок я получила.

Зато порадовал совсем крошечный эпизод. Я обгоняла женщину с маленьким мальчиком и услышала его звонкий голосок:

— А что это за тётя такая хорошая?

Я помахала ему рукой, он смутился и спрятался за маму. Его внимание привлекла, конечно, не я, а моё яркое платье, но всё равно приятно.

С появлением смартфона я стала делать снимки из жизни набережной. Фотографий накопилось уже много, я систематизирую их по рубрикам: «Море», «Берег», «Люди», «Кошки». Кошки или «морские котики», как я их называю, составляют постоянное и многочисленное население набережной. Их ежедневно кормят добровольцы и часто перепадает мелкая рыбка от рыбаков, вокруг которых они крутятся. Охотиться на мышей и крыс у них нет никакой необходимости, и, видимо, они прекрасно сосуществуют.

Пару лет назад появились в нашем районе и кабаны, находящие себе пищу около мусорных ящиков.

Как-то вечером недалеко от дома я видела громадного кабана, вальяжно идущего по улице с видом хозяина. Обошла его на всякий случай за квартал, потому что прочитала ранее, что бывают случаи нападения.

Люди на набережной и на прогулочной тропе меняются, одни исчезают, другие появляются. Постоянным, но незнакомым спутникам я мысленно даю имена: «Философы» — двое пенсионеров, громко обсуждающие современные и прошедшие мировые события. Они всегда выступают с противоположных позиций и в обоснование своих мнений приводят цитаты из философов и известных деятелей; «Рок-няня» — парень с собакой и косой почти до пола, выглядевший, как солист рок группы, а на самом деле — воспитатель детского сада; «Барби» — самая красивая женщина на тропе, блондинка с отличной фигу-

рой и длинными волосами; «Кошатник» — человек, сидящий всегда на одной и той же скамейке в окружении десятков кошек; «Бегунья» — дама почтенного возраста, с явно спортивным прошлым, в ярких, постоянно меняющихся нарядах. Она очень быстро ходит и обгоняет меня на тропе, как стоячую. Не успеваю я вынуть телефон, чтобы её сфотографировать, она уже далеко. Пару раз мне всё-таки удалось поймать мгновение и включить её изображение в свою серию «Люди набережной»

В конце набережной находится институт Океанографии, а за ним начинается парк Шикмона, получивший своё название от расположенного здесь в древности города. Собственно парк с пальмами и деревьями расположен по другую сторону железной дороги, а вдоль моря идёт тропа по плоской равнине, покрытой травой и редким низким кустарником. Летом трава совершенно высыхает, а с осени до конца весны всё зеленеет, покрывается цветами.

На этой территории археологи раскопали несколько домов и большой храм римского периода, от которого сохранился только дивной красоты мозаичный пол и несколько обломков могучих колонн. Сейчас раскопки заброшены и законсервированы. Но территория древнего города, несмотря на её выгодное положение и удобный рельеф, не застраивается. Вероятно, раскопки когда-нибудь возобновятся.

Люблю выходить из дома ранним утром, когда ещё темно, на набережной никого нет, горят фонари, отражаясь в воде, и на небе светит луна. Люблю наблюдать восход солнца, увидеть тот миг, когда из воды появляется огненный его край и, постепенно увеличиваясь, превращается в шар, сначала огненно-оранжевого, потом жёлтого и, наконец, почти белого цвета. На моём прогулочном пути я прохожу мимо арабской церкви. Однажды, уже после Ливанской войны, когда я была с ней рядом, включилась сирена тревоги, как при обстреле ракетами. Я присела на цоколь церкви

и подумала, что здесь неплохо и умереть. Однако взрывов слышно не было, вой сирены прекратился, и я пошла дальше, поняв, что время ещё не наступило.

Заключение

Более четверти века мы в Израиле, громадный срок в жизни человека. В мой сибирский период я за это время закончила школу, институт и начала самостоятельную жизнь; в московский период прошла путь от архитектора-проектировщика до заведования кафедрой. В Израиле никаких равноценных официально признанных достижений назвать не могу. Иконописание, которому я посвятила здесь почти два десятка лет, было серьёзным и в определённом смысле ответственным занятием, но не обязанностью. Я писала иконы с радостью и удовольствием и благодарна Богу за то, что мне это было дано. Сейчас смотрю на них и думаю :

«Господи, как я это сделала?!»

Три земли моего обитания настолько разные, настолько несхожие, насколько и я сама была разной, находясь на каждой из них. Как три разных жизни, включающих так много всего, что адекватно описать их — непосильная для меня задача, которую я перед собой и не ставила. Писала только о событиях и фактах без особых раздумий и обобщений.

В результате о чём-то очень для меня важном сказано немного или совсем ничего, а о чём-то совсем незначительном слишком много.

Оглавление

Часть первая Я нарисую старый дом

Глава первая
Семьи и люди
7

Глава вторая
Мир детства
48

Глава третья
Школьные годы
79

Глава четвёртая
Студенческие годы
93

Глава четвёртая
Студенческие годы
110

Часть вторая Наш блочный замок

Глава первая
На пути к науке
123

Глава вторая
Аспирантура
150

Глава третья
Кафедра архитектуры
157

Глава четвёртая
Докторантура
214

Глава пятая
Кафедра САПР
240

Часть третья
У самого синего моря

Глава первая
На пороге тысячелетий
273

Глава вторая
Галопом по Европам
299

Глава третья
Время тревоги нашей
335

Глава четвёртая
Снова в пути
359

Глава пятая
Жизнь продолжается
381

Дизайнер Раиса Гершзон
Редактор Владимир Ерохин

УДК 82-94
ББК 84
Н16

Валентина Нагинская. Пути моей судьбы. —
Иерусалим: Волшебный фонарь, 2023. 396 с., ил.

ISBN 978-5-903505-72-2

© В.С. Нагинская, текст, фото, 2023
© «Волшебный фонарь», макет, 2023